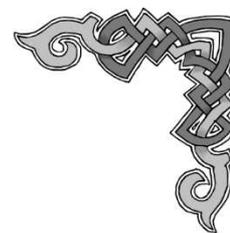

ООО «Наука и образование»

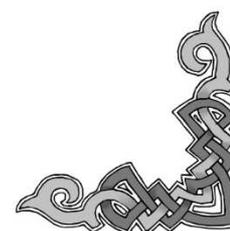
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

**№ 11
2020**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2020, № 11

Часть 2

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 28

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Заместитель председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Гугуева Дарья Александровна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

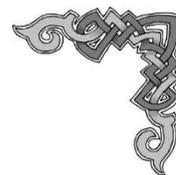
Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of Adygea State University;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Gugueva Daria Alexandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Industry and Applied Sociology, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Chief of Department of Criminal Law and Criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., Professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

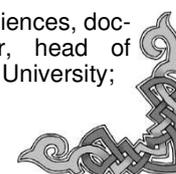
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Когербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, doctor of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kogerbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovlov, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Соколова Галина Николаевна, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии ГНУ «Институт социологии» НАН;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MG TU of N.E. Bauman;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Sokolova Galina Nikolaevna, Honoured worker of formation of Republic of Belarus, professor, the doctor of sociological sciences, the manager of department economic sociology of the GNU «Institute of sociology» of NAN;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

*Коллектив редакции журнала поздравляет
членов редакционной коллегии
с Днем Рождения!!!*

Зеленский Владимир Дмитриевич,

Карпова Светлана Геннадьевна.

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ:

Поздравления	6
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Авилова О.Е., Авилов С.А. Регулятивное своеобразие религиозных норм как элемента системы социального нормативного регулирования (в аспекте обеспечения их действия)	15
Антипов Е.Г. Понятие и содержание административного контроля в области пожарной безопасности в современных условиях	18
Асланян Р.Г. Особенная часть уголовного права как предмет исторического анализа: источники и границы анализа	21
Батютина Т.Ю., Пченушай К.А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: законодательный и правоприменительный аспекты	28
Безбогин А.К. Выявление признаков хищения в строительстве	35
Белоногов А.В., Стаценко Д.А. Особенности конституционно-правового статуса депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации	38
Бешкок А.А. Современное состояние и пути развития института участия переводчика в уголовном процессе Российской Федерации	41
Бровко Н.В., Караваев А.А., Бунова О.В. О некоторых вопросах распространения проявлений экстремизма в молодежной среде посредством сети интернет	44
Варданян А.А., Зацепин А.М. Организованная преступность в сфере бизнеса в РФ и ее криминологические признаки	48
Васильева Е.И., Зерчанинова Т.Е. Зарубежный опыт правового регулирования отношений с соотечественниками	52
Величко А.М., Китова Л.Ю. Канон и органы церковной власти: к вопросу о канонической рецепции	55
Головачева Е.А. Особенности привлечения к гражданской ответственности лиц и предприятий, оказывающих медицинские услуги в РФ	60
Горшкова Н.А., Зыков Д.А. Проблемы объективного и субъективного характера, влияющие на эффективность наказания в виде лишения свободы	63
Груздев В.С. К вопросу об истоках правового реализма и некоторых направлениях его последующего развития	66
Дутова А.А., Шульга А.К. Анализ правоприменительной практики по признанию сделки недействительной	70
Елец С.А. Преступления, предусмотренные ст. 298.1 УК РФ, как особая разновидность клеветы	74
Жиленкова Т.В. Исключительное право на товарный знак в системе интеллектуальных прав	79
Игнатов А.Н. Информационно-когнитивные технологии в арсенале способов совершения преступлений	82

Изосимов В.С. К вопросу разграничения мелкой взятки и обычного подарка	90
Литвяк Л.Г., Пирогова Е.Н. К вопросу о понятии электронных или информационно-телекоммуникационных сетей для целей уголовного закона	93
Лозовский Д.Н., Ульянова И.Р. Отдельные аспекты назначения и производства экспертиз по делам о незаконном обороте наркотиков	97
Михайлов А.Е., Семенов С.А., Тараканов И.А. Неосторожная преступность: состояние и тенденции	100
Никифорова Е.Н., Отто И.П., Бубнова Я.В. Экологическая безопасность государства: правовые аспекты	103
Нимировский В.В. Правовой механизм сотрудничества государств-участников Союза Независимых Государств как цель в борьбе с торговлей людьми	107
Пинчук А.П., Стародубцева М.А., Решетников Г.Е. Проблема определения склонности молодежи к националистическим идеям и установкам как детерминантам преступлений экстремистской направленности	112
Плахтий Н.А. Философские детерминанты интерпретации категории «случай» в праве	118
Попова И.Ю. Выплата действительной стоимости доли при банкротстве	122
Савин А.А., Сизова А.С. Перспективы совершенствования процессуального и нормативно-правового обеспечения института освобождения от уголовной ответственности	125
Смирнова К.С., Леонов А.В., Симонов И.С. Соотношение понятий «применение» и «использование» специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел	128
Стародубцева М.А., Рохманов А.С. О некоторых аспектах правового регулирования экстремистской деятельности и экспертизы экстремистских материалов	132
Усманова Е.Ф., Логанова Е.В. Коммуникативно-речевые стратегии и тактики в процедуре медиации	136
Ходжалиев С.А. Предпосылки развития наказания в виде ограничения свободы в России	139
Шамне А.Н. Политико-правовые аспекты осмысления феномена миграции в европейской научной традиции	142
Шаназарова Е.В., Савельева О.Е. Сравнительно-правовое исследование принципов уголовного права и их конституционные основы	145
Швец А.А. Историко-культурные особенности систематизации древнеяпонского права	148
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Барашева Е.В., Гаглоева М.Г., Карапетян С.А., Степаненко А.С. Пробелы в компенсации за эксплуатацию оборудования, коммунальных услуг и инвентаря при дистанционной работе	155
Барашева Е.В., Степаненко А.С. Программно-экономическая оценка охраны окружающей среды на примере Иркутской области	160
Гончаров А.И. Особенности развития корпоративной социальной ответственности в России	166
Коток Н.Ю. Методические основы выравнивания субъектов РФ по уровню продовольственной безопасности	170

Ксенофонтова Е.А., Крикун В.П. Анализ как первый этап совершенствования бизнес-процессов в предпринимательской структуре	176
Нагорный Д.А. Влияние коронавируса на процесс цифровой трансформации мировой экономики	181
Ноева Е.Е. Территориальная организация и анализ эффективности аграрного производства РФ	184
Орлов Ф.П. Регламентация режима использования и выпуска криптовалют в странах Южной Америки (часть 2)	190
Скитёва Е.И. Влияние рынка труда на кадровый потенциал организации	193
Соловьева В.И. Институциональное воздействие собственности на социально-экономическую деятельность образовательного рынка	197
Черкасская Г.В. Цифровизация экономического послевысшего образования: возможности образовательного стандарта и технологий	202
Чикин Я.М., Суркова Е.В. Метод оценки объектов жилой недвижимости как инструмент управления в сфере жилищного строительства	207

CONTENTS:

Congratulations	6
JURISPRUDENCE	
Oksana E. Avilova, Sergey A. Avilov Regulatory identity of religious norms as an element of the social regulatory system (in terms of ensuring their operation)	15
Evgeny G. Antipov Concept and content of administrative control in the field of fire safety in modern conditions	18
Ruslan G. Aslanyan A special part of criminal law as a subject of historical analysis: sources and boundaries of analysis	21
Tatyana Yu. Batyutina, Kazbek A. Pchenushai Exemption from criminal liability with the imposition of a court fine: legislative and law enforcement aspects	28
Aleksander K. Bezbogin Identifying signs of theft in construction	35
Andrey V. Belonogov, Daria A. Statsenko Features of the legal status of a deputy of a legislative (representative) body of federal subjects of the Russian Federation	38
Alena A. Beshkok The current state and ways of development of the institution of participation of an interpreter in the criminal process of the Russian Federation	41
Nikolay V. Brovko, Alexander A. Karavaev, Oksana V. Bunova On some issues of the distribution of extremism in the youth environment through the internet	44
Artem A. Vardanyan, Alexander M. Zatsepin Organized crime in the business sphere of the Russian Federation and its criminological signs	48
Elena I. Vasileva, Tatiana E. Zerchaninova Foreign experience of legal regulation of relations with compatriots	52
Alexey M. Velichko, Lyudmila Yu. Kitova Canon and Church Authorities: on the Question of Canonical Reception	55
Ekaterina A. Golovacheva Features of bringing to civil liability of persons and enterprises, providing medical services in the Russian Federation	60
Natalya A. Gorshkova, Daniil A. Zykov Problems of objective and subjective characters affecting the effectiveness of punishment in the form of deprivation of freedom	63
Vladimir S. Gruzdev To the question of the origins of legal realism and some directions of its subsequent development	66
Alexandra A. Dutova, Antonina K. Shulga Analysis of law enforcement practice on invalidation of a transaction	70
Sergei A. Yelets Offences under art. 298.1 of the criminal code as a special form of libel	74
Tatyana V. Zhilenkova Exclusive right to a trademark in the system of intellectual rights	79
Aleksandr N. Ignatov Information and cognitive technologies in the arsenal of method of committing a crime	82

Vadim S. Izosimov	
On the issue of distinguishing between a small bribe and an ordinary gift	90
Larisa G. Litvyak, Elena N. Pirogova	
On the concept of electronic or information and telecommunication networks for the purposes of criminal law	93
Denis N. Lozovsky, Irina R. Ulyanova	
Certain aspects of the appointment and production of expert examinations in cases of drug trafficking	97
Alexey E. Mikhailov, Sergey A. Semenov, Ilya A. Tarakanov	
Reckless crime: state and trends	100
Elena N. Nikiforova, Irina P. Otto, Yana V. Bubnova	
Environmental safety of the state: legal aspects	103
Vitaly V. Nimirovsky	
Legal mechanism for cooperation between States parties to the Union of Independent States as a goal in combating trafficking in persons	107
Anton P. Pinchuk, Maria A. Starodubtseva, Gleb E. Reshetnikov	
The problem of determining the propensity of young people to nationalist ideas and attitudes as determinants of extremist crimes	112
Nikolay A. Plakhtiy	
Philosophical determinants of interpretation of the «case» category in law	118
Irina Yu. Popova	
Payment of the actual value of the share in bankruptcy	122
Andrei A. Savin, Alla S. Sizova	
Prospects for improving the procedural and regulatory support of the institution of exemption from criminal liability	125
Karina S. Smirnova, Alexander V. Leonov, Ilya S. Simonov	
Correlation of the concepts of «use» and «use» of special means and firearms by employees of internal affairs bodies	128
Maria A. Starodubtseva, Anton S. Rokhmanov	
On some aspects of legal regulation of extremist activities and expertise of extremist materials	132
Elena F. Usmanova, Elena V. Loganova	
Communicative speech strategies and tactics in the mediation procedure	136
Saleh A. Khojaliyev	
Preconditions for the development of punishment in the form of restriction of freedom in Russia	139
Anton N. Shamne	
Political and legal aspects of understanding the migration phenomenon in the European scientific tradition	142
Elena V. Shanazarova, Olga E. Savelyeva	
Comparative legal study of the principles of criminal law and their constitutional foundations	145
Anna A. Shvets	
Historical and cultural features of systematization Japanese law	148
ECONOMIC SCIENCES	
Elena V. Barasheva, Milena G. Gagloeva, Sofia A. Karapetyan, Alexey S. Stepanenko	
Gaps in compensation for equipment operation, utilities and equipment for remote operation	155
Eleva V. Barasheva, Alexey S. Stepanenko	
Programme and economic assessment of environmental protection on the example of the Irkutsk region	160
Aleksandr I. Goncharov	
Features of corporate social responsibility development in Russia	166
Nikita Y. Kotok	
Methodological basis for the equalization of the constituent entities of the Russian Federation by the level of food security	170

Ekaterina A. Ksenofontova, Vasily P. Krikun Analysis as the first stage of improvement of business processes in the entrepreneurial structure	176
Dmitry A. Nagorny Impact of the coronavirus on the digital transformation of the global economy	181
Elena E. Noeva Territorial organization and analysis of the efficiency of agrarian production of the Russian Federation	184
Philipp P. Orlov Regulation of the regime of cryptocurrencies' use and issue in the countries of south America (part 2)	190
Elena I. Skiteva Impact of the labor market on the organization's human resources potential	193
Vladislava I. Solovyeva Institutional influence of ownership on social and economic activity of educational service market	197
Galina V. Cherkasskaya Digitalization of economic post-graduate education: opportunities for educational standards and technologies	202
Yan M. Chikin, Ekaterina V. Surkova The method of residential real estate assessment as a management tool in the residential construction sphere	207

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Авилова Оксана Евгеньевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Алтайский государственный университет
avilova-oksana@rambler.ru

Авилов Сергей Александрович
магистрант,
Алтайский государственный
педагогический университет
avilov-1975@mail.ru

РЕГУЛЯТИВНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ НОРМ КАК ЭЛЕМЕНТА СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ (В АСПЕКТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИХ ДЕЙСТВИЯ)

Аннотация. Статья посвящена описанию регулятивного своеобразия религиозных норм по такому параметру, как способ их обеспечения. Указывается на колоссальный регулятивный потенциал религиозных норм, проистекающий из идеи сверхъестественного авторитета (абсолютного закона бытия), стоящего за ними. Устанавливаются отличительные особенности санкций, применяемых религиозными организациями к своим последователям за нарушение религиозных предписаний.

Ключевые слова: социальное регулирование, религия, религиозные нормы, религиозная организация, санкция, наказание, каноническое право.

Религия представляет собой сложное социальное явление, которое предлагает своим последователям не только определенное мировоззрение, но и набор правил поведения, вытекающих из этого мировоззрения. Представления о богоугодном и греховном, добре и зле, истине и заблуждении в рамках той или иной религии наличествуют не сами по себе, а в контексте определенных правил (образцов, моделей, стандартов) поведения, способствующих достижению религиозно значимых целей (рай, нирвана, обеспечение лучшего перерождения и т.п.). Эти правила поведения именуется в науке религиозные нормы.

Религиозные нормы входят в систему социального нормативного регулирования и, будучи элементом этой системы (наряду с правовыми, моральными и иными нормами), отличаются известным регулятивным своеобразием. Для регулятивного своеобразия религиозных норм определяющей является идея их божественного (или точнее

Oksana E. Avilova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theory and the History
of the State and Law,
Altai State University
avilova-oksana@rambler.ru

Sergey A. Avilov
Undergraduate,
Altai State Pedagogical University
avilov-1975@mail.ru

REGULATORY IDENTITY OF RELIGIOUS NORMS AS AN ELEMENT OF THE SOCIAL REGULATORY SYSTEM (IN TERMS OF ENSURING THEIR OPERATION)

Annotation. The article is devoted to the description of the regulatory uniqueness of religious norms in such a parameter as a way to ensure them. The author points out the colossal regulatory potential of religious norms, which stems from the idea of supernatural authority (the absolute law of being) behind them. The author establishes the distinctive features of the sanctions applied by religious organizations to their followers for violation of religious precepts.

Keywords: social regulation, religion, religious norms, religious organization, sanction, punishment, canon law.

сверхъестественного) авторитета. С этим авторитетом связывается в религиозном сознании не только происхождение религиозных норм, но и наказание за их нарушение. В религиях, в которых присутствует идея личного Бога, изначальный свод религиозных норм воспринимается как корпус норм, во-первых, исходящих от Бога, а во-вторых, Им же защищаемым от нарушений. В религиях, в которых отсутствует идея личного Бога, религиозные предписания мыслятся как проявления некоего абсолютного закона (дхармы, дао), нарушение которого автоматически скажется на человеке в этой или последующей жизни. Не входя в описание особенностей разных религий и их сотериологических взглядов, можно утверждать, что для последователей большинства религий характерно восприятие религиозных норм как правил, нарушение которых даст о себе знать не только в этой жизни, но и определит посмертную участь лица – ухудшит её (ад, испорченная карма и т.п.) или улучшит её.

Вместе с тем, угроза кары или обещание награды со стороны сверхъестественных сил (или абсолютного закона мироздания) не исчерпывают все способы обеспечения религиозных норм. За развитой системой религиозных норм стоит религиозная организация. Как отмечает М. Вебер, «лица, связанные с отправлением культа, стремятся повсюду, где возможно, создать постоянную религиозную общину, то есть объединить своих сторонников в организацию с твердыми правилами и обязанностями» [1, с. 135]. Как и любая другая организация, религиозная организация вправе наказывать своих членов за нарушение правил поведения. И, в отличие от посмертных мук, санкции, которые она вправе применять, вполне осязаемы. При рассмотрении наказаний, существующих в разных конфессиях, обращает на себя внимание ряд моментов.

Первый. Любая религиозная организация обладает специфическим набором наказаний, которые применяет самостоятельно. Своеобразие этого набора наказаний определяется двумя обстоятельствами. Прежде всего, любая религиозная организация есть объединение людей, и самая строгая мера, которая может быть ею применена самостоятельно, – это исключение из членов организации (например, отлучение от церковного общения в христианских конфессиях, или изгнание из сангхи в буддийских школах). Помимо этого, религиозная организация выступает как податель специфических благ, что рождает феномен религиозных наказаний, состоящий в лишении этих специфических благ (например, отлучение от причастия). Эта особенность религиозных санкций хорошо осознается конфессиональным богословием. Так, выдающийся отечественный канонист А.С. Павлов отмечал: «Сущность церковных наказаний состоит в том, что преступник церковных канонов лишается всех или только некоторых прав и благ, находящихся в исключительном распоряжении Церкви» [3, с. 419].

Второй. Наказания, исходящие от религиозной организации, коррелируют с фактом наличия или отсутствия в адрес этой организации поддержки со стороны государства. Это зависимость проявляется, прежде всего, в том, что религиозная организация с разрешения государства начинает применять к нарушителям религиозных установлений меры, не входящие в «стандартный» набор наказаний. Это справедливо, в первую очередь, для мусульманского мира. Но и средневековое христианство демонстрирует описанную закономерность. Так, в практике христианских церквей в Средние века появляются такие меры наказаний, как смертная казнь (сожжение еретиков), телесные наказания, членовредительство, денежные штрафы и т.п. Усиление влияния религиозной организации в политической системе, чаще всего, сопровождается упрощением наказаний, состоящих в лишении специфических религиозных благ (так, например, переход христианской церкви под государственное покровительство привел к тому, что, существовавшие до того и исчисляемые десятилетиями сроки отлучения от причастия, были существенно сокращены). Это связывается с тем, что огосударствление религии неизбежно приводит к своеобразному снижению «качества» её

последователей: исповедование той или иной веры становится не актом личного произволения человека, а обуславливается иными обстоятельствами.

Третий. Наказания, исходящие от религиозной организации, обусловлены типом общества, в котором она существует как один из общественных институтов. И здесь, следует вести речь, в первую очередь, о религиозном и секулярном типах общества. В этом отношении весьма показательна эволюция дисциплинарной практики в религиозных организациях, существующих столетия. В секулярном обществе религиозные организации вынуждены снижать свои «аппетиты» и более вдумчиво и аккуратно подходить к вопросу об использовании санкций религиозных норм. Из мировых религий в наибольшей степени это ощутило на себе христианство. Из практики католической и православной церкви исчезла такая епитимья, как отлучение от причастия. Его стало попросту невозможно использовать в условиях, когда религиозное чувство в людях еле теплится.

Четвертый. Наказания, исходящие от религиозной организации, представляют собой систему, в которой наказания ранжируются по степени возлагаемых на лицо лишений. Суровость наказания определяется двумя главными обстоятельствами:

- 1) тяжестью проступка;
- 2) субъектом проступка (мирянин, монах, священнослужитель, представитель священноначалия (при наличии последних) и т.д.).

Так, в православных церквях самое суровое наказание – полное отлучение (анафема) – применяется за самые тяжкие преступления (ересь, веротступничество, святотатство). В отношении духовных лиц в православии самыми суровыми наказаниями считаются извержение из сана и запрещение священнослужения, менее суровое наказание – увольнение за штат. Помимо названных двух главных обстоятельств, значение могут иметь и другие обстоятельства (например, пол и возраст лица). В частности, согласно Виная-питаке, которая представляет собой собрание правил монашеского общежития в буддизме, более строго должны наказываться нарушения правил, регламентирующих сексуальное поведение, совершенные женщинами. Например, прикосновение к лицу другого пола монахом квалифицировалось как тяжелое нарушение, которое может быть исправлено; если же аналогичный проступок совершала монахиня, то её действия требовали безоговорочного исключения из сангхи [2, с. 69].

Пятый. Наказания, исходящие от религиозной организации, налагаются от её имени специально уполномоченными субъектами. В православии и католицизме это – церковный суд или тайный суд духовника. Например, наложение анафемы в Русской православной церкви возможно только по решению Патриарха Московского и всея Руси или епархиального архиерея с последующим утверждением Патриархом (п. 5 гл. IX Устава Русской православной церкви) [4].

Шестой. Наказания, применяемые религиозной организацией, составляют отдельный предмет внимания её богословской мысли. Особенно развернутые концепции наказания имеются в христианской и исламской теологии. В рамках любой религии нарушение предписаний религиозной нормы есть падение на пути религиозного делания, но содержание этого утверждения станет понятно только после анализа того, что есть это «религиозное делание» в рамках конкретной религии. Более того, только после этого можно оценить глубину падения. Отсюда и проистекает то внимание, которое проявляет конфессиональная теология к вопросу о понятии и видах греха (грехи телесные и грехи духовные, большие и малые грехи, намеренные и ненамеренные, вольные и невольные, простительные и непростительные грехи), а также, к вопросу о возможности наказания за те или иные проступки со стороны религиозной организации.

Итак, идея сверхъестественного авторитета (абсолютного закона бытия), стоящего за религиозными нормами, является ключевой для объяснения регулятивных характеристик норм в религии. Эта идея проявляет себя в религиозном сознании в двух главных аспектах:

Литература:

1. Вебер М. Избранное. Образ общества. М. : Юрист, 1994. 704 с.
2. Гунский А.Ю. Женщины в раннем буддизме (по материалам палийского канона) // Путь Востока: традиции освобождения. Вып. 4: Материалы III Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 69–75.
3. Павлов А.С. Курс церковного права. Сергиев Посад : Тип. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1902. 539 с.
4. Устав Русской православной церкви: принят на Архиерейском соборе 2000 г. (с послед. изм. и доп.) // Русская православная церковь: официальный сайт Московского патриархата. URL : <http://www.patriarchia.ru/db/text/133130.html> (дата обращения 20.10.2020).

1) восприятия религиозных норм как правил поведения, исходящих от сверхъестественных сил или служащих манифестацией, разворачиванием абсолютного закона бытия;

2) восприятия их как правил, нарушение которых даст о себе знать не только в этой жизни, но и определит посмертную участь лица.

Религиозные нормы предъявляют к человеку особые требования – с религиозной точки зрения, человек есть не просто участник общественных отношений, он есть существо, включенное в макрокосм. В этой части религиозное воздействие выходит за пределы связей, находящихся в сфере социального регулирования права или морали. Вместе с тем, угроза кары или обещание награды со стороны сверхъестественных сил (или абсолютного закона мироздания) не исчерпывают все способы обеспечения религиозных норм. За развитой системой религиозных норм стоит религиозная организация, которая вправе наказывать своих членов за нарушение религиозных правил поведения.

Literature:

1. Weber M. Favorites. The image of society. M. : Jurist, 1994. 704 p.
2. Gunsky A. Yu. Women in Early Buddhism (Based on the Pali Canon) // Way of the East: Traditions of Liberation. Issue. 4: Materials of the III Youth Scientific Conference on Philosophy, Religion and Culture of the East. SPb. : St. Petersburg Philosophical Society, 2000. P. 69–75.
3. Pavlov A.S. Church Law Course. Sergiev Posad : Printing house Holy Trinity Sergius Lavra, 1902. 539 p.
4. Charter of the Russian Orthodox Church: adopted at the Council of Bishops in 2000 (with subsequent amendments and additions) // Russian Orthodox Church: the official website of the Moscow Patriarchate. URL : <http://www.patriarchia.ru/db/text/133130.html> (date of application 20.10.2020).

Антипов Евгений Геннадьевич
доцент кафедры кадрового, правового
и психологического обеспечения,
подполковник внутренней службы,
Академия Государственной
противопожарной службы МЧС России
antippoff@mail.ru

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ В ОБЛАСТИ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В работе проводится анализ различных научно-доктринальных источников по определению сущности контрольной деятельности государства, раскрывающих позитивное содержание понятия «контроль и надзор» как сложного правового явления. Проведенный анализ позволил автору статьи рассматривать контроль как функцию государственного управления императивного характера, на основании чего выработать и предложить для введения в научный оборот авторский вариант содержательного наполнения дефиниции «административный контроль в области пожарной безопасности» как составного элемента системы обеспечения пожарной безопасности.

Ключевые слова: МЧС России, пожарная безопасность, государственный пожарный надзор, административный контроль, надзор, функция государственного управления, форма управленческой деятельности, метод государственного управления, способ обеспечения законности.

Анализ норм российского законодательства дает основания в зависимости от органов, наделенных правом осуществлять государственный контроль, выделить:

- президентский контроль;
- парламентский контроль;
- контроль органов исполнительной власти;
- судебный контроль;
- контроль иных государственных органов (контроль Уполномоченного по правам человека, Счетной палаты, прокурорский надзор) [1, с.125].

Из перечисленных видов государственного контроля наиболее массовым является государственный контроль, осуществляемый органами исполнительной власти, к числу которых, несомненно, относится и государственный пожарный

Evgeny G. Antipov
Associate Professor of Personnel, Law
and Psychological Support,
lieutenant Colonel of Internal Service,
Academy of State Fire Service
EMERCOM of Russia
antippoff@mail.ru

CONCEPT AND CONTENT OF ADMINISTRATIVE CONTROL IN THE FIELD OF FIRE SAFETY IN MODERN CONDITIONS

Annotation. In the work, an analysis of various scientific and doctrinal sources is carried out to determine the essence of the control activity of the state, revealing the positive content of the concept of control and supervision as a complex legal phenomenon. The analysis made it possible for the author of the article to consider control as a function of state administration of an imperative nature, on the basis of which to develop and propose for introduction into scientific circulation an author's version of the substantive content of the definition of «administrative control in the field of fire safety» as an integral element of the fire safety system.

Keywords: Emercom of Russia, fire safety, state fire supervision, administrative control, supervision, function of state administration, form of administrative activity, method of state administration, method of ensuring the rule of law.

надзор МЧС России, как составной элемент системы обеспечения пожарной безопасности, должностные лица которого наделены полномочиями властно-принудительного характера в сферах контроля и надзора [2].

Общеизвестно, что сущность любого явления отражается в его понятии. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», выступающий базовым и системным нормативно-правовым источником в сфере реализации контрольно-надзорных функций государственного управления федерального и регионального уровня определил, что: государственный контроль (надзор) – деятельность уполномоченных органов государственной власти (федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации), направленная

на предупреждение, выявление и пресечение нарушений юридическими лицами, их руководителями и иными должностными лицами, индивидуальными предпринимателями, их уполномоченными представителями требований, установленных настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами ...» [3].

Следует обратить внимание на то, что названный источник права, как, впрочем, и новый Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [4], не дают четких отличий между понятиями «контроль» и «надзор», а употребляют их, скорее всего, как идентичные по своему смысловому значению, рассматривая надзор как составную часть контроля или отождествляя их как взаимосвязанные понятия.

В этой связи, необходимо напомнить, что в настоящее время и среди представителей юридической науки, преимущественно специализирующихся в области публично-правовых отраслей права и представителей контрольных (надзорных) органов, существуют совершенно разные подходы к определению самой сути контрольной деятельности государства.

Так, к примеру, в «Лимской декларации руководящих принципов контроля» (Международная организация контрольных органов) отмечается, что контроль – не самоцель, а неотъемлемая часть системы регулирования, целью которой является вскрытие отклонений от принятых стандартов и нарушений принципов, законности, эффективности и экономии расходования материальных ресурсов на возможно более ранней стадии с тем, чтобы иметь возможность принять корректирующие меры, в отдельных случаях, привлечь виновных к ответственности, получить компенсацию за причиненный ущерб или осуществить мероприятия по предотвращению или сокращению таких нарушений в будущем [5]. М.С. Студеникина полагает, что контроль осуществляется только ради наблюдения и подчинен лишь цели сбора данных, поскольку в процессе такого наблюдения анализируется фактическое положение дел, сопоставляется истинное положение с намеченными целями, оценивается контролируемая деятельность, и определяются пути устранения вскрытых недостатков [6, с. 6–7]. Схожее, но несколько расширенное определение представлено К.В. Марковым, охарактеризовавшим государственный контроль как форму государственной власти, обеспечивающую проверку органами государства законов и иных нормативных актов с целью недопущения отклонений от установленных законодательством норм и обеспечения соблюдения на основе государственных интересов наиболее целесообразной деятельности подконтрольных объектов [7, с. 23]. В тоже время, Ю.А. Тихомиров называет контроль в качестве одной из традиционных функций управления, акцентируя внимание на возрастании тенденций расширения трактовки контроля, осуществляемого не только государственными органами, но и иными звеньями социального управления [8, с. 409].

Нам представляется наиболее выверенной и аргументированной позиция Н.И. Побежимовой, отметившей, что наряду с определением контроля как функции государственного управления, в юридической литературе он воспринимается также и как форма управленческой деятельности, и как метод государственного управления, и как разновидность государственной деятельности, и как способ обеспечения законности. Все вышеперечисленные его определения, отмечает профессор, имеют право на существование применительно к контролю, выделяя лишь разные его стороны, которые являются в совокупности элементами системы государственного контроля [9, с.139]. В этой связи, хотелось бы дополнить, что контроль также является и средством обеспечения эффективности правоприменения.

Отсюда следует, что ряд известных ученых-административистов раскрывают сущность понятия «контроль» в российской науке административного права через реализацию субъектом управления властных полномочий в целях проверки и оценки соответствия результатов поставленным целям, таким как: законность, целесообразность, эффективность (качество исполнения поручений), выявление отклонений от заданных параметров, защита интересов государства и прав, свобод граждан и хозяйствующих субъектов, а «надзор» рассматривается как постоянное (или непрерывное) наблюдение в рамках контроля за кем-либо или за чем-либо с целью обеспечения соблюдения законности, правопорядка и общественной безопасности.

Таким образом, проведенный анализ научно-доктринальных и нормативных правовых источников, раскрывающих позитивное содержание понятия «контроль» как сложного правового явления в повседневной управленческой сфере деятельности органов исполнительной власти, позволяет нам говорить о нем как о функции государственного управления императивного характера и предложить свое авторское определение:

Административный контроль в области пожарной безопасности – осуществляемые с различной периодичностью и в строго определенной процессуальной форме уполномоченным органом и его должностными лицами постоянные, профессиональные наблюдения, проверки (самопроверки), инспектирования, осмотры и рейды на подведомственных (подконтрольных) объектах защиты с целью контроля за соблюдением обязательных требований локальных нормативных актов организационно-распорядительного характера самого специализированного органа, законов и подзаконных нормативных правовых актов Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, актов органов местного самоуправления и нормативных документов в области пожарной безопасности с применением в необходимых случаях собственных методов правового воздействия (принуждение, запрет, обязывание, санкции) в отношении правонарушителей, с целью повышения эффективности предупреждения и профилактики противоправных деяний, обеспечения законности и государственной дисциплины, правопорядка и защиты конституционно значимых ценностей.

Литература:

1. *Ноздрачев А.Ф.* Правовое регулирование государственного контроля : монография / А.Ф. Ноздрачев; Отв. ред. д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Анкил, 2012. 408 с.
2. Постановление Правительства РФ от 12.04.2012 № 290 (ред. от 09.10.2019) «О федеральном государственном пожарном надзоре» (вместе с «Положением о федеральном государственном пожарном надзоре») // СЗ РФ. 2012. № 1. Ст. 1964.
3. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.
4. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007
5. Лимская декларация руководящих принципов контроля, принятая X Конгрессом Международной организации высших контрольных органов (ИНТОСАИ). URL : <https://www.nalog.ru/> (дата обращения 23.08.2020).
6. *Студеникина М.С.* Государственный контроль в сфере управления. М., 1974. 159 с.
7. *Марков К.В.* Государственный контроль. М. : Известия, 2004. 402 с.
8. *Тихомиров Ю.А.* Административное право и процесс: полный курс. М. : Юринформцентр, 2001. 652 с.
9. *Побежимова Н.И.* Основные тенденции развития контроля и надзора в сфере государственного управления / Н.И. Побежимова; Отв. ред. А.В. Мартынов // Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства: материалы IV Всероссийс.науч.-практ.конф. Н. Новгород : Изд-во НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2018. 404 с.

Literature:

1. *Nozdrachev A.F.* Legal regulation of state control : monograph / A.F. Nozdrachev; Executive Editor Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation /. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Ankil, 2012. 408 p.
2. Decree of the Government of the Russian Federation of 12.04.2012 № 290 (as amended on 09.10.2019) «On Federal State Fire Supervision» (together with «Regulations on Federal State Fire Supervision») // SZ RF. 2012. № 1. Art. 1964.
3. Federal Law of December 26, 2008 № 294-FZ (as amended on July 13, 2020) «On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control» (as amended and supplemented, entered. in force from 01.01.2020) // SZ RF. 2008. № 52 (part 1). Art. 6249.
4. Federal Law of July 31, 2020 № 248-FZ «On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation» // SZ RF. 2020. № 31 (part I). Art. 5007
5. The Lima Declaration of Control Guidelines, adopted by the X Congress of the International Organization of Supreme Audit Institutions (INTOSAI) // URL : <https://www.nalog.ru/>. (date of application 23.08.2020).
6. *Studenikina M.S.* State control in the field of management. M., 1974. 159 p.
7. *Markov K.V.* State control. M. : Izvestia, 2004. 402 p.
8. *Tikhomirov Yu.A.* Administrative Law and Process: Complete Course. M. : Yurinformtsentr, 2001. 652 p.
9. *Pobezhimova N.I.* The main trends in the development of control and supervision in the field of public administration / N.I. Pobezhimova; Resp. ed. A.V. Martynov // Topical issues of control and supervision in socially significant spheres of society and the state: materials of the IV All-Russian scientific and practical conference. N. Novgorod : Publishing house of the Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky, 2018. 404 p.

Асланян Руслан Георгиевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
aslanyanruslan@mail.ru

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ УГОЛОВНОГО ПРАВА КАК ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: ИСТОЧНИКИ И ГРАНИЦЫ АНАЛИЗА

Аннотация. Вопросы истории особенной части уголовного права как целостного предмета анализа не принадлежат к тому кругу проблем, которые составляют традиционный компонент изложения в отечественных учебниках по уголовному праву. В статье анализируется состояние научных исследований в области истории особенной части уголовного права, констатируется наличие существенного пробела и множественных расхождений в определении предмета исторического анализа особенной части уголовного права; формулируются теоретические предложения по организации исторических исследований особенной части уголовного права.

Ключевые слова: наука уголовного права; исторический метод в уголовном праве; особенная часть уголовного права; история уголовного права.

Современные специалисты не без основания признают, что «исследование структурного и системного построения Особенной части российского уголовного законодательства в историческом контексте имеет важное теоретическое и практическое значение для определения перспективных направлений совершенствования действующего Уголовного кодекса Российской Федерации, наполнение его содержания внутренней согласованностью и эффективностью правоприменения» [21, с. 98]. Между тем, анализ показывает, что общее состояние научных исследований в области истории особенной части является не вполне удовлетворительным.

Вопросы истории особенной части уголовного права как целостного предмета анализа не принадлежат к тому кругу проблем, которые составляют традиционный компонент изложения в отечественных учебниках по уголовному праву. В некоторых учебных изданиях соответствующий материал не рассматривается вообще [23; 24]. В иных, более объемных курсах уголовного права, исторический аспект предпосылается изложению материала о содержании глав современного уголовного закона как история уголовного права об ответственности за те или иные виды

Ruslan G. Aslanyan
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
aslanyanruslan@mail.ru

A SPECIAL PART OF CRIMINAL LAW AS A SUBJECT OF HISTORICAL ANALYSIS: SOURCES AND BOUNDARIES OF ANALYSIS

Annotation. The issues of the history of the special part of criminal law as a holistic subject of analysis do not belong to the range of problems that constitute the traditional component of the presentation in domestic textbooks on criminal law. The article analyzes the state of scientific research in the field of the history of a special part of criminal law, states the presence of a significant gap and multiple discrepancies in the definition of the subject of historical analysis of a special part of criminal law; theoretical proposals for the organization of historical research of a special part of criminal law are formulated.

Keywords: science of criminal law; historical method in criminal law; a special part of criminal law; history of criminal law.

преступлений [12; 15; 17]. Это, безусловно, значимый момент, но очевидно, что такой подход не позволяет создать целостного представления о зарождении и развитии особенной части уголовного права как системного элемента отрасли. На этом фоне едва ли не единственным исключением является учебник, подготовленный кафедрой уголовного права Кубанского государственного университета [20], в котором возникновение и основные этапы развития особенной части российского уголовного законодательства рассмотрены на уровне самостоятельной, отдельной главы учебного курса (автор главы – В.П. Коняхин). Такой общий настрой специалистов в подготовке учебных курсов по особенной части уголовного права свидетельствует, как нам представляется, о существенной недооценке значимости проблем истории особенной части и не способствует правильному уяснению ее роли и значения в системе уголовного права.

Было бы разумным ожидать, что этот пробел будет компенсирован в специальных монографических исследованиях по проблемам особенной части. Однако обращение к современной bibliографии показывает, что в качестве цельного, самостоятельного предмета анализа, особенная

часть не вызывает повышенного интереса специалистов, и это на фоне того, что едва ли не все пишущие о современном состоянии отрасли, отмечают ее асистемность и несбалансированность. На текущий момент нам известно лишь три собственно научных исследования по вопросам особенной части уголовного права:

а) работа В.И. Плоховой, которая посвящена системному толкованию норм особенной части, но не содержит исторического экскурса [16];

б) диссертация и подготовленная на ее основе монография М.С. Кириенко, в которой отдельный параграф посвящен развитию системы Особенной части в отечественном уголовном законодательстве [10; 11], однако, содержательно ограничен исследованием, во-первых, по преимуществу лишь нормативных источников, а во-вторых, лишь номенклатурой, видами и строением уголовно-правовых норм;

в) монография В.Н. Сизовой, в которой возникновение и основные этапы эволюции особенной части как подсистемы российского уголовного законодательства анализируются уже на уровне отдельной главы [22], но в которой, опять-таки, акцент в анализе сделан на истории законодательства, а не права как такового, что отражает, как мы уже упоминали, лишь историко-догматическое направление в исследовании.

Таким образом, в уголовно-правовых литературных источниках, посвященных особенной части уголовного права, вопрос с историко-правовым анализом решен весьма неполно.

Не восполняет ситуации и литература по истории уголовного права (причем, как отраслевая, так и историко-правовая). Специалисты либо акцентированно исследуют содержание уголовно-правовых норм, не обращая особого внимания на формы их выражения и систематизации [19], либо сосредоточены на выявлении общих закономерностей функционирования и развития отрасли уголовного права, не уделяя внимания специфике строения особенной части уголовного права [3]. Исключением могут быть признаны, пожалуй, лишь две работы, в которых отдельное внимание уделено проблемам становления и развития особенной части советского уголовного права [6, с. 117–238, 373–401, 431–449; 25, с. 141–191], однако, очевидно, что их хронологические рамки весьма ограничены и не охватывают собой значительный период в истории отрасли.

Таким образом, можно констатировать наличие в современной уголовно-правовой науке ощутимого пробела, связанного с исследованием истории формирования и развития особенной части уголовного права как одного из целостных элементов отраслевой системы, в единстве всех этапов его эволюции, единстве различных источников информации об особенной части, с акцентом на внешнюю форму выражения закрепления и систематизации уголовно-правовых запретов.

Определяя научную потребность в проведении исторических исследований особенной части уголовного права, необходимо в то же самое время, достаточно четко установить содержание и пределы феномена «особенная часть» в качестве предмета исторического анализа. Здесь, как нам представляется, необходимо учитывать, минимум, три аспекта.

Прежде всего, надо определиться, об истории какой именно компонента уголовно-правовой действительности пойдет речь. В данном случае, мы используем оборот «уголовно-правовая действительность», не придерживаясь какой-либо строгой его трактовки, но в любом случае, вкладывая в него смысл, отличный от традиционного понимания «системы уголовного права» или «уголовно-правовой системы» [7, с. 55–85; 8, с. 8]. Как известно, прилагательное «уголовно-правовой» используется для характеристики великого множества социальных феноменов: закона, отношений, практики, идей, доктрины и т.д. В принципе, каждый из этих компонентов уголовно-правовой действительности может стать предметом исторического наблюдения; более того, чем шире по охвату предмет наблюдения, тем богаче и полнее историко-правовые заключения. Подчеркнем, что в данном случае речь идет не столько о соблюдении требований историко-ситуационного подхода (исследовать право в контексте социальной реальности), сколько о многомерности самого феномена права как предмета исследования. В этом отношении надо признать уникальность сочинения А.В. Наумова, который анализирует историю преступления и наказания в контексте их отражения в уголовном законе и практике его применения, в уголовно-правовой науке, криминологических реалиях, художественной литературе, философских рассуждениях, идеологических принципах [14].

В тоже время, мы полагаем возможным заметить, что в ряде случаев анализ всех компонентов уголовно-правовой действительности не вызывается острой необходимостью, а порой, и невозможен по методологическим соображениям. В частности, при исследовании системы особенной части уголовного права вряд ли целесообразно и возможно обращаться к художественному творчеству, а криминологические данные могут быть лишь косвенно использованы в качестве иллюстрации той конкретной обстановки, на фоне которой разворачивались дискуссии о криминализации отдельных деяний и их систематизации в структуре закона. С учетом этого обстоятельства, мы полагаем возможным и необходимым ограничить рамки своего анализа лишь теми элементами уголовно-правовой действительности, которые имеют прямое, непосредственное отношение к теме особенной части уголовного права.

Важно, однако, подчеркнуть и откровенную недостаточность изучения исключительно текстов памятников истории уголовного права. Историко-догматический метод в данном случае является наименее выгодным. История особенной части уголовного права – не есть история особенной

части уголовного закона. Она гораздо шире по своему содержанию, включая в качестве неременного компонента историю соответствующего раздела уголовно-правовой науки и многочисленные теоретические дискуссии по поводу самой необходимости существования в структуре уголовного закона его особенной части (дискуссии, которые, в свою очередь, являются отражением различных теоретико-правовых и идеологических течений в правовой науке).

При этом надо сделать еще одну оговорку методологического свойства. Полагаем, что при проведении исторических исследований в рамках уголовного права нет особой необходимости выискивать и подвергать анализу все без исключения памятники права и все без исключения литературные источники. Как бы ни были, к примеру, интересны уголовно-правовые изыскания В. Кандинского [26], они вряд ли способны изменить или скорректировать общую оценку движения уголовно-правовой науки. В равной мере, при всей исторической значимости Грамоты Ивана Ростиславовича Берландника 1134 года или Уставной грамоты князя Мстислава Романовича 1289 года [2], эти документы не могут быть признаны решающими вехами в движении отечественного уголовного права.

Историк уголовного права – это не историк как таковой, это специалист в области уголовного права, занимающийся проблемами отраслевой правовой истории. Это принципиально важный, хотя и дискуссионный момент. Вопрос о расстановке акцентов здесь решается неоднозначно. Одни авторы указывают, что в «своем исследовании историк права является, прежде всего, и более всего, юристом и должен всегда иметь в виду юридические понятия и метод юридической конструкции» [13, с. 8]. В то время, как другие специалисты полагают, что история уголовного права это, прежде всего, история, и лишь во вторую очередь уголовное право [4, с. 5]. Нам представляется, что многое в этом споре зависит от целей и направленности самого исторического анализа. Д.А. Шигаль вполне обоснованно пишет: «методика сравнительного историко-правового анализа может реализовываться в двух основных случаях:

- 1) когда сравнение объектов историко-правового анализа является главной целью научного исследования и составляет, таким образом, его предмет;
- 2) когда сравнение историко-правовой материи является дополнительной целью и обусловлено необходимостью выяснить или обосновать новые обстоятельства, появившиеся в ходе исследования, направленного на решение другого задания» [27, с. 16].

Специалист в области уголовного права ориентирован на вторую из указанных целей. Для него исторический анализ – не предмет, но метод познания своего собственного, отраслевого предмета. Отсюда – допустимые и оправданные упрощения и ограничения в поиске исторического материала и его интерпретации.

Такой подход должен предостеречь и от некорректных оценок научных достижений в области истории уголовного права. Лишь отраслевой предвзятостью (в хорошем смысле этого слова), гиперболизацией собственного предмета анализа и неразличением задач истории права вообще и исторических аспектов отраслевых исследований можно объяснить, например, не вполне лестные высказывания историка права В.А. Рогова о том, что монография М.Н. Гернета о смертной казни является «наименее ценной», что работы М.П. Чубинского по уголовной политике имеют лишь «некоторое значение», что работы Г. Тальберга и Н. Евреинова «ничего не прибавляют» к познанию истории телесных наказаний, в то время как лишь работы историка С.И. Штамм отличаются «скрупулезностью исследования применения различных наказаний по конкретным видам преступлений» [18, с. 25, 27, 33, 34]. В данном случае, упускается при оценке исследований наиболее важный аспект – историка права и отраслевые специалисты, изучающие историю, решают различные задачи.

С учетом сказанного, полагаем разумным и достаточным включать в исследование и оперировать только теми документами, которые имеют именно уголовно-правовое, а не собственно историческое значение, которые отражают базовые, фундаментальные характеристики отрасли, определяющие ее движение и развитие.

В силу этого, историю особенной части уголовного права целесообразно предметно ограничить наиболее важными нормативными актами и достижениями уголовно-правовой теории, памятуя при этом об определенном «разделении труда» между историком уголовного закона и историком уголовно-правовой науки, которое было предложено О.Ф. Шишовым. Автор указывал на то, что если историк закона исследует формирование и развитие уголовно-правовых норм и институтов, включая вопросы их социальной обусловленности и эффективности, то историк науки уголовного права исследует уже не логику развития законодательства, а логику развития концептуального аппарата, анализирует развитие основных теорий и концепций, с помощью которых учеными-криминалистами создавались основы науки уголовного права [28, с. 12–13].

Второй момент, касающийся понимания предмета историко-правового анализа особенной части уголовного права, заключается в установлении исходной теоретической позиции относительно контекста использования самого понятия «особенная часть уголовного права». Очевидно, что уголовно-правовые понятия не существуют на всем протяжении истории уголовного права, они в определенный момент возникают, порой исчезают, а в период своего наличия могут наполняться различным юридическим и социальным содержанием. В этой связи, важно определить, что имеет в виду исследователь, говоря об особенной части уголовного права применительно к тому или иному периоду его развития.

В современной науке сложилось два основных подхода к решению этой проблемы. Так, О.Ф.

Шишов писал: «При определении предмета истории науки следует исходить из современного представления о самой науке и ее предмета, отражающей ее развитое состояние, что позволяет нам реконструировать менее развитые формы науки. Такой подход к пониманию предмета истории науки включает в себе и указание на метод исторического познания – понимание прошлого с помощью настоящего» [28, с. 12]. Однако этот подход был подвергнут критической корректировке некоторыми исследователями. В частности, А.И. Калашникова замечает: «Большинство исследователей воспринимают объект исследования только через призму современного контекста. В связи с этим, возникает проблема достоверности исторического исследования. Основная ошибка исследователей заключается в том, что они начинают реконструировать объект исследования (в частности, сущность, роль и значение памятника права) с позиций сегодняшнего дня, в рамках культурной традиции, существующей на момент исследования, без учета специфики рассматриваемого периода истории. Отсюда, как правило, возникает заблуждение относительно роли и значения исследуемого явления, например памятника права» [9, с. 293–294]. В этом же ключе рассуждает А.А. Арямов: «Анализировать памятники отечественного уголовного права с позиции современного учения о составе преступления (т.е. применять метод исследования, появившийся спустя века после формирования исследуемого материала) необходимо более чем осторожно» [4, с. 5]. И хотя эти критические замечания высказаны в связи с общей оценкой исторических памятников и анализом предусмотренных в них преступных деяний, им вполне можно придать и общее значение.

Нам представляется, что в этом споре истина, как обычно, располагается посередине. Безусловно, недопустимо оценивать содержание и структуру исторических памятников уголовного права с точки зрения современных представлений о том, каковыми они должны быть в их идеальном выражении. При таком подходе полностью нарушаются требования историко-ситуационного подхода к исследованию. Но вместе с тем, недопустимо и игнорировать возможность исторического исследования таких современных уголовно-правовых явлений, которые не имеют прямых аналогов в истории права. Это означало бы в принципе существенную и неоправданную ограниченность историко-ретроспективного подхода к анализу. Ведь особенная часть уголовного права как таковая, в том виде, в каком мы привыкли ее наблюдать сегодня, появляется по историческим меркам относительно недавно, с момента разделения уголовного права на общую и особенную часть не ранее начала XIX века. Отказывая в возможности распространения современных понятий на предмет историко-правового исследования, пришлось бы признать, что история особенной части российского уголовного права начинается с 1813 года с момента официального закрепления в проекте Уголовного уложения двух структурных единиц текста уголовного закона. Полагаем, что не требует специальных доказательств ущербность такого подхода. Его реализация

фактически ликвидирует такой значимый момент в эволюции особенной части уголовного права как ее зарождение, формирование, сводя весь генезис, по сути, лишь к развитию (о различении этапов зарождения и развития уголовного права [1, с. 59–60]).

Таким образом, мы полагаем вполне допустимым, во-первых, использовать понятие «особенная часть уголовного права» при исследовании тех исторических памятников, которые формально ее не содержали, то есть подходить с современных позиций к анализу прошлого; но, во-вторых, трактовать это понятие с учетом и в контексте тех конкретно-исторических условий, в которых происходило формирование и развитие особенной части уголовного права.

Наконец, третий момент, касающийся предмета исторического анализа особенной части уголовного права. Он в большей степени связан уже не столько с историческими подходами к формированию предмета, сколько с собственно уголовно-правовыми границами исследования.

В самом общем виде, особенная часть уголовного права представляет собой в современном понимании систематизированную совокупность юридических норм, которые определяют преступность и наказуемость конкретных общественно опасных деяний либо иначе – регламентируют ответственность за конкретные преступления. Должно быть очевидным, что позиционирование особенной части в качестве самостоятельного предмета юридического и историко-правового анализа не может предполагать детализированное изучение каждой нормы, входящей в эту совокупность. Это задача отдельных исследований, раскрывающих вопросы ответственности за то или иное конкретное посягательство, и с ней отечественная наука вполне успешно справляется.

В нашем случае особенная часть уголовного права представляет собой как некую целостность, а, следовательно, и аспекты в анализе должны быть расставлены таким образом, чтобы высветить условия формирования этой целостности, ее особенности и направления развития. Это заставляет в приведенных выше рабочих определениях акцентировать внимание на двух взаимосвязанных компонентах: «совокупность» и «система». Соответственно, предстоит определить, не столько содержание, сколько виды норм, претендующих на то, чтобы считаться нормами особенной части, установить их месторасположение в системе права и законодательства, проследить процесс образования нормативных ассоциаций и уголовно-правовых институтов, выявить особенности отражения этого процесса в тексте уголовного закона, проследить развитие структурных начал особенной части уголовного права. Иными словами, исследование особенной части уголовного права в качестве целостности предполагает не столько анализ содержания норм об ответственности за то или иное преступление, а в значительно большей степени изучение формы их отражения и закрепления в законе.

Стоит при этом помнить про особые отношения содержания и формы. Как известно, содержание оформлено, а форма содержательна. «Содержание не бесформенно, а форма одновременно и содержится в самом содержании и представляет собой нечто внешнее ему», – писал Гегель. «Содержание есть не что иное, как переход формы в содержание, и форма есть не что иное, как переход содержания в форму. Этот переход представляет собою одно из важнейших определений» [5, с. 224].

Отношение к особенной части как форме выражения уголовно-правовых норм об ответственности за те или иные преступления не должно, таким образом, предрасполагать ни к формальному анализу, ни к формальным оценкам. За внешней формой закрепления, структуризации, система-

тизации норм особенной части уголовного права кроется глубокое не только собственно уголовно-правовое, но и политико-правовое, и шире – социально-политическое содержание, ибо эта форма отражает как непосредственное содержание уголовно-правовых запретов, так и отношение к ним со стороны правотворческих органов и правовой доктрины которое, в свою очередь, определяет широкую палитрой оснований – от политических задач сдерживания преступности до восприятия права как средства их решения. Таким образом, с уголовно-правовой, содержательной точки зрения, исторический анализ особенной части уголовного права целесообразно ограничить исследованием проблем отражения содержания уголовно-правовых запретов в формальной структуре уголовного права и уголовного законодательства.

Литература:

1. Андрианов В.К. Закономерности уголовного права / В.К. Андрианов, Ю.Е. Пудовочкин. М. : Юрлитинформ, 2019.
2. Арямов А.А. Историко-правовое наследие Галицко-Волынского княжества (краткий очерк) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2018. № 2.
3. Арямов А.А. История уголовного права России : учеб. пос. М. : Юстиция, 2016.
4. Арямов А.А. К вопросу о понимании предмета истории уголовного права России // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2015. № 1.
5. Гегель. Сочинения : в 14 т. Энциклопедия философских наук. Часть первая. Логика / Гегель; Пер. Б. Столпнера; Под ред. А. Деборина, Н. Карева; вступит ст. А. Деборина. М.-Л. : Госиздат, 1929. Т. 1.
6. Герцензон А.А. История советского уголовного права. 1917–1947 / А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, М.М. Исаев, Б.С. Утевский; Науч. ред. А.А. Герцензон. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948.
7. Денисова А.В. Системность российского уголовного права. М. : Юрлитинформ, 2018.
8. Кайсин Д.В. Источники уголовно-правовой системы Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
9. Калашникова А.И. Методологические основы изучения уголовного права // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 1.
10. Кириенко М.С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015.
11. Кириенко М.С. Системный анализ Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. М. : Юрлитинформ, 2018.

Literature:

1. Andrianov V.K. The laws of criminal law / V.K. Andrianov, Yu.E. Pudovochkin. M. : Jurlitinform, 2019.
2. Aryamov A.A. Historical and legal heritage of the Galicia-Volyn principality (short essay) // News of higher educational institutions. Ural region. 2018. № 2.
3. Aryamov A.A. History of Russian criminal law: textbook. pos. M. : Justice, 2016.
4. Aryamov A.A. On the question of understanding the subject of the history of criminal law in Russia // Izvestia of higher educational institutions. Ural region. 2015. № 1.
5. Hegel. Compositions. In 14 volumes. V. 1. Encyclopedia of Philosophical Sciences. Part one. Logic / Hegel; Transl. B. Stolpner; ed. A. Deborina, N. Kareva; will enter Art. A. Deborina. M.-L. : Gosizdat, 1929.
6. Gerzenzon A.A. History of Soviet Criminal Law. 1917–1947 / A.A. Gerzenzon, Sh.S. Gringauz, M.M. Isaev, B.S. Utevsky; scientific. ed. A.A. Herzenzon. M. : Jurid. publishing house of the USSR Ministry of Justice, 1948.
7. Denisova A.V. The consistency of Russian criminal law. M. : Jurlitinform, 2018.
8. Kaisin D.V. Sources of the criminal legal system of the Russian Federation : author. dis. ... cand. jurisprudence. M., 2005.
9. Kalashnikova A.I. Methodological foundations of the study of criminal law // Actual problems of Russian law. 2009. № 1.
10. Kirienko M.S. System of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation : dis. ... cand. jurisprudence. Omsk, 2015.
11. Kirienko M.S. System analysis of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. M. : Jurlitinform, 2018.

12. Курс уголовного права : в 5 томах. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М. : Зерцало-М, 2002. Т. 3–5.
13. Лооне Э.Н. Философские проблемы истории права: первые пролегомены: *Studia iuridica II // Теоретические проблемы истории права: Studia iuridica II. Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту : Изд-во Тарт. ун-та, 1989. Вып. 847.*
14. Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России : в 2 ч. М. : Юрлитинформ, 2014.
15. Наумов А.В. Российское уголовное право: Особенная часть. Курс лекций : в 2-х т. М. : Юрид. лит., 2004. Т. 2.
16. Плохова В.И. Системное толкование норм Особенной части уголовного права. М. : Юрлитинформ, 2011.
17. Полный курс уголовного права : в 5 т. / Под ред. А.И. Коробеева. СПб. : Юридический центр Пресс, 2008. Т. II–V.
18. Rogov A.I. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М. : Юристъ, 1995.
19. Рожнов А.А. История уголовного права Московского государства (XIV–XVII вв). М. : Юрлитинформ, 2012.
20. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / Под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М. : Контракт, 2015.
21. Сизова В.Н. Развитие структуры Особенной части в системе кодифицированного российского уголовного законодательства (1864–1903 гг.) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 1(46).
22. Сизова В.Н. Система Особенной части российского уголовного законодательства. М. : Юрлитинформ 2021 (книга, датированная 2021 годом, физически была обнародована в октябре 2020 года. URL : <http://www.urlit.ru/Katalog/2739-Sizova-VN-Sistema-Osobennoj-chasti-rossijskogo-ugolovnogo-zakonodatelstva-978-5-4396-2123-1.html> (дата обращения 29.10.2020).
23. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / Под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015.
24. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / Под ред. М.В. Бавсуна. 2-е изд., перераб. и доп. Омск : Омская академия МВД России, 2020.
25. Уголовное право. История юридической науки / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М. : Наука, 1978.
26. Чучаев А.И. Кандинский: из мира науки в мир искусства (очерк) // *Lex Russica*. 2011. Т. 70. № 6.
12. Course in criminal law : In 5 vol. Special part / ed. G.N. Borzenkov, V.S. Komissarov. M. : Zertsalo-M, 2002. Vol. 3–5.
13. Loone E.N. Philosophical problems of the history of law: the first prolegomena: *Studia iuridica II // Theoretical problems of the history of law: Studia iuridica II. Scholarly notes of the Tartu State University. Tartu : Tart Publishing House. un-that, 1989. № 847.*
14. Naumov A.V. Crime and Punishment in the History of Russia : in 2 parts. M. : Jurlitinform, 2014.
15. Naumov A.V. Russian criminal law: A special part. Course of lectures : In 2 vol. M. : Jurid. lit., 2004. Vol. 2.
16. Plokhova V.I. Systemic interpretation of the norms of the Special part of criminal law. M. : Yuritinform, 2011.
17. Complete course of criminal law. In 5 volumes / ed. A.I. Korobeeva. SPb. : Legal Center Press, 2008. Vol. II–V.
18. Rogov A.I. The history of criminal law, terror and repression in the Russian state of the 15th – 17th centuries. M. : Jurist, 1995.
19. Rozhnov A.A. The history of the criminal law of the Moscow state (XIV–XVII centuries). M. : Yurlitinform, 2012.
20. Russian criminal law. The special part. Textbook for universities / Ed. V.P. Konyakhina, M.L. Prokhorova. M. : Contract, 2015.
21. Sizova V.N. Development of the structure of the Special part in the system of codified Russian criminal legislation (1864–1903) // *Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*. 2020. № 1(46).
22. Sizova V.N. System of the Special Part of Russian Criminal Law. M. : Jurlitinform 2021 (a book dated 2021, was physically published in October 2020; <http://www.urlit.ru/Katalog/2739-Sizova-VN-Sistema-Osobennoj-chasti-rossijskogo-ugolovnogo-zakonodatelstva-978-5-4396-2123-1.html> (date of application 10/29/2020).
23. Criminal law of Russia. Parts General and Special : textbook / Ed. A.V. Brilyantova. 2nd ed., Rev. and add. M. : Prospect, 2015.
24. Criminal law of the Russian Federation. The special part : textbook / ed. M.V. Bavsun. 2nd ed., Rev. and add. Omsk : Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020.
25. Criminal law. History of legal science / Editor-in-chief V.N. Kudryavtsev. M. : Nauka, 1978.
26. Chuchaev A.I. Kandinsky: from the world of science to the world of art (essay) // *Lex Russica*. 2011. Vol. 70. № 6.

27. *Шигаль Д.А.* Методика проведения сравнительного историко-правового анализа // Проблемы законности. 2014. № 126.

28. *Шишов О.Ф.* Становление и развитие науки уголовного права в СССР. Проблемы общей части (1917–1936 гг.) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1985.

27. *Shigal D.A.* Methodology for comparative historical and legal analysis // Problems of legality. 2014. № 126.

28. *Shishov O.F.* Formation and development of the science of criminal law in the USSR. Problems of the general part (1917–1936) : author. dis. ... d-r. jurisprudence. M., 1985.

Батютина Татьяна Юрьевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
tatjanka_92@mail.ru

Пченушай Казбек Аскерович

студент 3 курса
юридического факультета,
Кубанский государственный университет
kazbek007x@gmail.com

**ОСВОБОЖДЕНИЕ
ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО
ШТРАФА: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ
АСПЕКТЫ**

Аннотация. Статья посвящена сравнительного нового институту российского уголовного права – освобождению от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. На основе изученных материалов судебной практики авторами выявляются спорные аспекты применения данной меры уголовно-правового характера. Ими рассмотрена специфика возмещения ущерба или иного заглаживания вреда, в том числе, при совершении двухобъектных преступлений, посягательств с формальной законодательной конструкцией состава, а также, в случае отсутствия потерпевшего. Анализ правоприменительных актов позволил сделать вывод о необходимости перспективной оптимизации российского законодательства в части определения минимального размера судебного штрафа, сроков его уплаты и возможности предоставления лицу отсрочки и рассрочки исполнения. С учетом мнения отечественных правоведов предлагается ограничить перечень преступлений небольшой и средней тяжести, при совершении которых допустимо освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, судебный штраф, возмещение ущерба, заглаживание причиненного вреда, общественная опасность, размер судебного штрафа, срок уплаты судебного штрафа, рассрочка выплаты судебного штрафа.

Ежегодно в России большинство осужденных составляют лица, совершившие преступления небольшой и средней тяжести. По нашим подсчетам, за предшествующие 12 лет, в среднем, их число достигает 71,29 %, а в 2019 г. – 73,02 % [1].

Tatyana Yu. Batyutina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
tatjanka_92@mail.ru

Kazbek A. Pchenushai

Student of the 3 course
of the Faculty of Law,
Kuban State University
kazbek007x@gmail.com

**EXEMPTION FROM CRIMINAL
LIABILITY WITH THE IMPOSITION
OF A COURT FINE: LEGISLATIVE
AND LAW ENFORCEMENT ASPECTS**

Annotation. The article is devoted to a comparatively new institution of Russian criminal law – release from criminal liability with the appointment of a court fine. On the basis of the studied materials of judicial practice, the controversial aspects of the application of this measure of a criminal-legal nature are revealed. The specifics of compensation for damage or other remedying of harm, including when committing two-object crimes, encroachments with a formal legislative structure of the composition, as well as in the absence of the victim, are considered. The analysis of law enforcement acts made it possible to conclude that there is a need for a prospective optimization of Russian legislation in terms of determining the minimum amount of a court fine, the timing of its payment and the possibility of granting a person a deferral and installment plan for its execution. Taking into account the opinion of domestic jurists, it is proposed to limit the list of crimes of small and medium gravity, in the commission of which it is permissible to be exempted from criminal liability with the appointment of a court fine.

Keywords: exemption from criminal liability, a court fine, compensation for damage, amending the damage caused, social danger, the amount of the court fine, the term for payment of the court fine, payment by installments of the court fine.

Представители юридической общественности не раз подчеркивали, что достижение задач уголовного законодательства в отношении лиц, впервые совершивших преступления указанных категорий, может быть эффективно реализовано и без привлечения их к уголовной ответственности.

Данная идея находит отражение в ряде законодательных новелл, к числу которых относится и Федеральный закон [2] (далее – ФЗ № 323), закрепивший возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Специфика освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа выражается в его условном характере – лицо освобождается от ответственности, обязуясь при этом выплатить в бюджет государства установленную судом денежную сумму. Неисполнение этого условия влечет отмену постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, а значит – и привлечение лица к уголовной ответственности.

Эффективность данной меры уголовно-правового характера, а также, её воспитательное воздействие ещё только предстоит выяснить. Однако уже сейчас можно констатировать, что судебный штраф довольно востребован в правоприменительной практике. В соответствии со статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2019 г., из 171039 лиц, освобожденных от ответственности по основаниям, указанным в главе 11 УК РФ, 52460, был назначен судебный штраф, что составляет 30,67 % [3]. По сравнению с 2017 г., в котором указанное основание начало применяться, наблюдается увеличение более чем в два раза числа лиц, освобожденных от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

При этом рассматриваемую законодательную конструкцию освобождения от уголовной ответственности нельзя назвать совершенной. В практике применения судебного штрафа накопилось немало спорных и неоднозначных вопросов, требующих детального урегулирования.

Одна из наиболее значимых проблем состоит в том, что законодатель, установив в качестве обязательного условия применения ст. 76.2 возмещение ущерба или заглаживание причиненного преступлением вреда иным образом, актуализировал вопрос о возможности освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа лицам, совершившим преступления с формальной законодательной конструкцией состава. Некоторые авторы, в частности, М.Ю. Юсупов, считают, что применение ст. 76.2 в данном случае невозможно, и соответствующие лица должны освобождения от уголовной ответственности по иным основаниям, например, в рамках ст. 75 УК РФ [4, с. 126]. Противоположной позиции придерживается С.В. Анощенко, которая утверждает, что «конструкция объективной стороны в формальных составах преступлений не может служить фактором, ограничивающим возможности освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа» [5, с. 122].

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что суды в таких ситуациях руководствуются вторым подходом и не видят препятствия для освобождения от ответственности по ст. 76.2 УК РФ. В 2019 г. данная позиция была

подтверждена Верховным Судом РФ. В Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (далее – Обзор) Президиум ВС РФ, ссылаясь, в свою очередь, на позицию Конституционного суда РФ, отмечает, что отсутствие в объективной стороне преступления указания на последствия преступного посяательства не означает, что оно не влечет причинение вреда или реальную угрозу его причинения. Возможные способы возмещения ущерба и заглаживания причиненного преступлением вреда законом не ограничены, и суды должны исходить из того, что такой вред может быть возмещен в любой форме, позволяющей компенсировать негативные изменения, причиненные преступлением охраняемым уголовным законом общественным отношениям. В качестве примера такого возмещения Верховный Суд приводит ситуацию, когда обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 297 УК РФ, загладил причиненный моральный вред путем принесения потерпевшей извинений [6].

В приведенном случае (хотя наличествует посятельство на два объекта) есть конкретный потерпевший – участник судебного разбирательства. Встает логичный вопрос: Посредством каких форм позитивного посткриминального поведения можно загладить вред, причиненный не только конкретной личности, но и обществу, и государству? В Обзоре указывается только одна такая форма – благотворительность. В примере, приводимом в его п. 2, обвиняемая в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, загладила причиненный преступлением вред путем добровольного выполнения общественных работ в «Социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних» и пожертвования денежных средств в данное учреждение на благотворительность.

Как показывает судебная практика, это не единственный способ заглаживания вреда в схожих ситуациях: таковым может быть признано публичное извинение перед обществом и государством. Так, Абаканский городской суд Республики Хакасия, применяя судебный штраф к обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 171.2 УК РФ, указывает, что она «...представила публикацию в республиканской газете с принесением извинений за проведение азартных игр» [7].

Похожей позиции придерживался и Камышинский городской суд Волгоградской области при назначении судебного штрафа в отношении обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ. Аргументация строится на том, что он «принес свои извинения за совершение преступления путем направления телеграммы в адрес МО МВД России «Камышинский» [8].

Таким образом, формы позитивного посткриминального поведения, расцениваемые судами как способы заглаживания вреда, могут быть самыми разнообразными.

При этом нам представляется целесообразным дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 [9] критериями, которыми должны руководствоваться суды при принятии решения о применении ст. 76.2 УК РФ в случае совершения преступления с формальным составом (а также усеченным и составом опасности). С учетом публичности уголовного права целесообразно установить, что в преступлениях, в которых отсутствует потерпевший (как конкретный индивид, непосредственно подвергшийся посягательству), вред, причиненный общественным отношениям, может считаться заглаженным при одновременном наличии следующих условий:

- 1) принесения публичных извинений обществу и государству;
- 2) добровольного совершения общественно полезных работ и (или) перечисления денежных средств на благотворительность.

Стоит отдельно остановиться на особенностях применения судебного штрафа в отношении лиц, совершивших преступления с двухобъектным составом. К сожалению, ни в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 19, ни в Обзоре не говорится о приоритете объектов преступного посягательства, никак не определяется очередность возмещения ущерба, причиненного основному или дополнительному объекту. Противоположные позиции судов по данному вопросу обнаруживаются при изучении практики по ст. 318 УК РФ. Суды сходятся во мнении о необходимости заглаживания вреда, причиненного потерпевшему. Однако понимание характера заглаживания вреда, причиненного общественным отношениям, выступающим основным объектом преступного посягательства, не отличается единообразием. Так, Усть-Илимский городской суд, принимая решение о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа, отмечает: «Подозреваемый К. указал, что он загладил причиненный преступлением вред принесением извинений потерпевшему. При этом последний пояснил, что претензий к К. не имеет и его извинения приняты. ...Суд приходит к выводу о том, что К. действительно загладил причиненный преступлением вред в полном объеме, а потому оснований, препятствующих применению положений ст. 25.1 УПК РФ, 76.2 УК РФ, суд не усматривает» [10].

В свою очередь, Югорский районный суд в приговоре в отношении обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 318, ст. 319 УК РФ, указывает на то, что «по делам данной категории имеются два объекта преступлений – как непосредственно потерпевший, так и основной объект уголовной защиты – интересы государства, а потерпевший при этом выступает лишь как дополнительный объект этого посягательства. По мнению суда, на основании ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ могут быть прекращены только такие дела, по которым имеется потерпевший и преступные действия, совершенные непосредственно против него и его прав. В тех случаях, когда преступное посягательство обращено на иной защищаемый законом объект – интересы государства, по роду которого указанное

преступление расположено в соответствующей главе Уголовного кодекса РФ, относящееся к преступлениям против порядка управления, компенсация ущерба, причиненного потерпевшим, не устраняет вред, нанесенный основному объекту преступного посягательства – интересам государства. Следовательно, в этом случае преступление в целом не теряет своей общественной опасности и уголовное дело в отношении лица, его совершившего, не может быть прекращено» [11].

Полагаем, такой вывод суда нельзя признать обоснованным. Хотя освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа – право, а не обязанность суда, в настоящее время Уголовный закон не содержит ограничений относительно применения ст. 76.2 при совершении отдельных преступлений (в зависимости от объекта посягательства). Более того, случай подобного толкования закона нарушает не только уголовно-правовые принципы, но и основополагающие конституционные нормы: лица, совершившие преступление против личности, оказываются в более благоприятном положении. Весьма прогнозируемо обращение в Конституционный Суд РФ с соответствующей жалобой.

Следует также отметить, что в решениях по конкретным делам суды допускают достаточно широкую интерпретацию терминов «возмещение ущерба» и «заглаживание вреда», придавая им смысл, который не был изначально заложен законодателем, что зачастую приводит к стиранию границ между условиями освобождения от уголовной ответственности, изложенными в ст. 76.2 УК РФ, и иных нормах.

Например, Нолинский районный суд обосновывает применение ст. 76.2 в отношении Б., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 327 УК РФ тем, что подсудимый активно способствовал расследованию преступления, в том числе, сообщил сведения, изобличающие соучастника преступления, тем самым принял все возможные меры, направленные на заглаживание причиненного преступлением вреда и на восстановление нарушенных законных интересов общества и государства, учитывая, что преступление направлено против порядка управления [12]. В данном случае суд, трактуя «способствование расследованию преступления» в качестве способа возмещения ущерба, допускает ошибку в применении норм Общей части УК РФ. Если мы обратимся к положениям ст. 75 УК РФ, то увидим, что законодатель, устанавливая условия освобождения от уголовной ответственности, перечисляет явку с повинной, способствование раскрытию и расследованию преступления, а также – возмещение ущерба и иное заглаживание вреда в качестве отдельных видов позитивного посткриминального поведения, что не позволяет ставить знак равенства между ними.

Как известно, законодатель предусмотрел возможность освобождения от уголовной ответственности по указанному нереабилитирующему основанию только для лиц, преступное

посягательство которых характеризуется сравнительно невысокой степенью общественной опасности. Однако, с учетом категории преступления, предписание ст. 76.2 открывает возможность ее применения в отношении абсолютно всех составов, содержащихся в Особенной части УК РФ. Многие авторы, в том числе М.Ю. Юсупов [4, с. 122–128] и А.Г. Полуэктов [13, с. 199], справедливо отмечают, что среди преступлений, относящихся к категориям небольшой или средней тяжести, есть деяния, характеризующиеся довольно высоким уровнем общественной опасности. Последняя не может быть снижена или устранена, даже если виновный возместил ущерб или иным образом загладил вред. Солидаризируясь с их мнением о необходимости исключения из общего перечня преступлений, при совершении которых лицо может быть освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних и террористических преступлений мы, в свою очередь, предлагаем также законодательно ограничить действие ст. 76.2 в отношении лиц, совершивших преступления коррупционной направленности, предусмотренные ч. 1 ст. 285, ст. 285.1, ст. 285.2, ч. 1 ст. 286, ст. 289, ч. 1 ст. 290, 291.2, ст. 292. Российская Федерация, ратифицировав Конвенцию ООН против коррупции 2003 г., взяла на себя обязательства по принятию и укреплению мер, направленных на эффективное и действенное предупреждение коррупционных проявлений. Подобные преступления разлагают публичные институты, препятствуют устойчивому развитию общества и государства и установлению правопорядка, что свидетельствует о повышенном уровне их общественной опасности. Как показывает практика, большинство указанных посягательств характеризуются системностью. Так, Центральный районный суд Новокузнецка не обнаружил никаких препятствий для того, чтобы применить к Б., обвиняемому в совершении 57 (!) преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 291.2 УК РФ, 55 (!) преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 292 УК РФ, освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа [14]. Наличие законодательной конструкции, позволяющей уйти от ответственности за коррупционные преступления, на наш взгляд, не только не способствует реализации превентивной функции уголовного права, но и создает предпосылки для совершения новых преступлений.

Спорным является вопрос и о размере судебного штрафа. Законодатель, определив максимальный размер, обошел стороной вопрос о его минимальном уровне. По мнению Е.А. Хлебницыной, это было сделано для того, чтобы у судов была возможность индивидуализировано подходить к данному вопросу, учитывая при этом тяжесть совершенного преступного деяния, имущественное положение виновного и его семьи и т.д. [15, с. 19]. Вероятно, по замыслу законодателя, судья, принимая решение об установлении размера судебного штрафа, должен держать в уме и тот факт, что виновный уже претерпел определенные материальные лишения, возмещая ущерб, причиненный совершенным им преступлением.

Однако стоит признать, что отсутствие нормативно закрепленной нижней границы размера судебного штрафа приводит к тому, что задачи уголовного законодательства в отдельных случаях не достигаются. Судебный штраф хоть и не является наказанием, но, будучи мерой уголовно-правового характера, способствует реализации функций уголовного права, в частности, воспитательной и профилактической. Сейчас же *de jure* суд может назначить судебный штраф в размере и 10, и 100 рублей, что фактически превращает исполнение данной меры уголовно-правового характера в формальность. Такое взыскание не способно оказать на виновного воспитательного воздействия, предотвратить совершение им новых преступлений.

Судебный штраф по своей юридической природе является мерой уголовно-правового характера, отличной от наказания, поэтому правила статьи 46 УК РФ к назначению и исполнению судебного штрафа не применяются [16]. Вместе с тем, по данным Судебного департамента ВС РФ [17], в 2019 г. 30307 лицам, освобожденным от уголовной ответственности на основании ст. 76.2, судами были назначены взыскания в размере от 5000 рублей до 25000 рублей, а 15549 лицам – до 5000 рублей. Всего в 36911 (70,3 % от общего числа) случаях судебный штраф превышал 5000 рублей, причем, взыскание свыше 100000 рублей было назначено всего 530 лицам. Таким образом, правоприменители, в основном, придерживаются тех рамок, которые установлены для наказания в виде штрафа, коим судебный штраф не является.

Для того, чтобы устранить указанные противоречия, необходимо законодательно установить минимальный размер судебного штрафа. На данный момент в доктрине уголовного права уже сложилось несколько подходов к решению данной проблемы. Так, А.Г. Полуэктов, руководствуясь законодательным установлением в ст. 104.5 УК РФ максимального размера судебного штрафа, предлагает определить нижний предел в размере 2500 рублей (половина от нижнего предела, предусмотренного ст. 46 УК). Н.С. Луценко, в свою очередь, считает необходимым следовать прямой зависимости минимального размера судебного штрафа от суммы процессуальных издержек, а при отсутствии таковых – установить нижнюю границу не ниже семидесяти процентов минимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, либо не ниже трех тысяч пятисот рублей в случае, если штраф не предусмотрен соответствующей статьей Особенной части УК РФ [18, с. 73].

Неоднозначно воспринимается и отсутствие законодательно закрепленного срока уплаты судебного штрафа. Ч. 1 ст. 446.3 УПК РФ гласит, что суд устанавливает его самостоятельно и не содержит никаких ограничений относительно минимального или максимального периодов. Это приводит к тому, что суд может установить как необоснованно короткий, так и чрезмерно длинный срок.

Так, Одинцовский городской суд Московской области установил 10-дневный срок уплаты судебного штрафа в размере 25000 рублей [19]. В свою очередь, Железнодорожный районный суд Ульяновска, назначив судебный штраф гораздо меньшего размера – 8000 рублей, определил срок для его уплаты в шесть месяцев [20]. В целях реализации принципа равенства всех перед законом и для обеспечения единообразия судебной практики предлагаем установить единый срок для уплаты штрафа – тридцать дней со дня вступления постановления суда в законную силу. Отталкиваясь от установленного в ст. 104.5 УК РФ максимального размера судебного штрафа и от приведенных выше статистических данных о средних размерах судебного штрафа за 2019 г., полагаем, что срок для уплаты судебного штрафа, равный половине срока, предусмотренного ст. 31 УИК РФ для исполнения уголовного наказания в виде штрафа, обеспечит равную возможность для его уплаты независимо от назначенной судом суммы, а также – повысит эффективность исполнительного производства.

Учет материального положения лица, совершившего преступление, предлагаем осуществлять путем предоставления лицу, освобождаемому от уголовной ответственности по ст. 76.2, возможности уплаты судебного штрафа с рассрочкой или

Литература:

1. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2019 гг. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения 15.10.2020).
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 04.07.2016).
3. В основу анализа взяты данные сайта Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год (№ 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел»). URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения 15.10.2020).
4. Юсупов М.Ю. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Уголовное право. 2016. № 6.
5. Анощенкова С.В. Назначение судебного штрафа: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2017. № 7.

отсрочкой. Несмотря на то, что ч. 1 ст. 446.3 УПК РФ дает судам возможность устанавливать порядок уплаты штрафа, правоприменители в подавляющем большинстве случаев предпочитают единовременную его уплату. Среди исключений из общего правила – постановление Тисульского районного суда Кемеровской области, который, назначив лицу судебный штраф в размере 60000 рублей, определил порядок его уплаты: по 15000 рублей ежемесячно не позднее 30 числа каждого месяца [21]. Мы считаем, что, с учетом материального положения лиц, совершивших преступление, и членов их семей, такая практика должна встречаться чаще. Для этого необходимо законодательно закрепить отсрочку и рассрочку уплаты судебного штрафа.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что судебный штраф имеет важное значение для развития отечественной уголовно-правовой системы, позволяя экономить репрессивный ресурс государства. Его применение стимулирует позитивное посткриминальное поведение и способствует сокращению числа лиц, подвергнутых уголовному наказанию и имеющих судимость. Однако отдельные аспекты механизма применения данного вида освобождения от уголовной ответственности подлежат планомерному и качественному совершенствованию.

Literature:

1. Сайт Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: The main statistical indicators of the state of criminal record in Russia for 2008-2019 years. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (date of application 15.10.2020).
2. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on improving the grounds and procedure for exemption from criminal liability: Federal Law of July 03, 2016 № 323-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL : <http://www.pravo.gov.ru> (date of application 04.07.2016).
3. The analysis is based on the website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: Summary statistical information on the state of criminal records in Russia for 2019 (№ 10.2 «Report on the features of the consideration of criminal cases, the application of real types of punishment and the grounds for the termination of criminal cases»). URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (date of application 15.10.2020).
4. Yusupov M.Yu. Issues of applying a new type of exemption from criminal liability with a court fine // Criminal law. 2016. № 6.
5. Anoshchenkova S.V. Appointment of a court fine: issues of theory and practice // Journal of Russian law. 2017. № 7.

6. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019 г.), п. 1–2. // URL: <https://www.vsr.ru/documents/all/28088/> (дата обращения 15.10.2020).
7. Постановление № 1-732/2019 от 28 июня 2019 г. по делу № 1-732/2019. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/P76Om9Pui5rB/> (дата обращения 15.10.2020).
8. Постановление № 1-406/2019 от 20 ноября 2019 г. по делу № 1-406/2019. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/CUuNtJDvnmUK/> (дата обращения 15.10.2020).
9. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19. URL : <https://base.garant.ru/70404388/2cb9bddea07f9dfceeebba9d5bb6391/> (дата обращения 15.10.2020).
10. Постановление № 1-311/2019 от 25 июля 2019 г. по делу № 1-203/2019. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/1Db2MLu35YLE/> (дата обращения: 15.10.2020).
11. Приговор № 1-118/2019 от 24 сентября 2019 г. по делу № 1-118/2019. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/fPs7kUVVSw5o/> (дата обращения 15.10.2020).
12. Постановление № 1-18/2019 от 21 февраля 2019 г. по делу № 1-18/2019. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/rATzdXVFpgLJ/> (дата обращения 15.10.2020).
13. *Полуэктов А.Г.* Условия освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: вопросы категорий преступлений // Проблемы экономики и юридической практики. 2007. № 6.
14. Постановление № 1-655/2019 от 5 сентября 2019 г. по делу № 1-655/2019. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/LImbHof1CugB/> (дата обращения 15.10.2020).
15. *Хлебницына Е.А.* Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
16. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58, п. 7.1. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения 15.10.2020).
17. В основу анализа взяты данные сайта Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год (№ 10.3.1 «Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафа»). URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения: 15.10.2020).
6. Review of the judicial practice of exemption from criminal liability with a court fine (Art. 76.2 УК of the Russian Federation) (Art. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation July 10, 2019). P. 1–2. URL : <https://www.vsr.ru/documents/all/28088/> (date of application 15.10.2020).
7. Decision № 1-732/2019 of June 28, 2019 in case No. 1-732/2019. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/P76Om9Pui5rB/> (date of application 15.10.2020).
8. Decision № 1-406/2019 of November 20, 2019 in case No. 1-406/2019. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/CUuNtJDvnmUK/> (date of application 15.10.2020).
9. On the application by the courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability: Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2013 № 19. URL : <https://base.garant.ru/70404388/2cb9bddea07f9dfceeebba9d5bb6391/> (date of application 15.10.2020).
10. Decision № 1-311/2019 of July 25, 2019 in case № 1-203/2019. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/1Db2MLu35YLE/> (date of application 15.10.2020).
11. Verdict № 1-118/2019 of September 24, 2019 in case № 1-118/2019. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/fPs7kUVVSw5o/> (date of application 15.10.2020).
12. Verdict № 1-18/2019 dated February 21, 2019 in case № 1-18/2019. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/rATzdXVFpgLJ/> (date of application 15.10.2020).
13. *Poluektov A.G.* Conditions of exemption from criminal liability with a court fine: issues of categories of crimes//Problems of economics and legal practice. 2007. № 6.
14. Decision № 1-655/2019 of September 5, 2019 in case № 1-655/2019. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/LImbHof1CugB/> (date of application 15.10.2020).
15. *Khlebnitsyna E.A.* Exemption from criminal liability with a court fine : autoref. dis. ... cand. of law sciences. M., 2019.
16. On the practice of appointing criminal punishment by the courts of the Russian Federation: Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 22, 2015 № 58, item 7.1. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (date of application 15.10.2020).
17. The analysis is based on the website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: Summary statistical information on the state of criminal records in Russia for 2019 (No. 10.3.1 «Report on the terms of imprisonment and the amount of fine»). URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (date of application 15.10.2020).

18. Луценко Н.С. К вопросу о минимальном размере судебного штрафа // Право, государство и гражданское общество в условиях системных реформ. XVI международная очно-заочная научно-практическая конференция. М., 2019.

19. Постановление № 1-126/2018 от 21 февраля 2018 г. по делу № 1-126/2018. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/1SHRgRigORQR/> (дата обращения 15.10.2020).

20. Постановление № 1-179/2019 от 02 августа 2019 г. по делу № 1-179/2019. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/2Tvkio0YPPw/> (дата обращения 15.10.2020).

21. Постановление № 1-133/2019 от 18 ноября 2019 г. по делу № 1-133/2019. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/4BhJ4PayfUgQ/> (дата обращения 15.10.2020).

18. *Lutsenko N.S.* On the question of the minimum amount of the court fine // Law, state and civil society in the context of systemic reforms. XVI International Correspondence Scientific and Practical Conference. M., 2019.

19. Decision № 1-126/2018 of February 21, 2018 in case № 1-126/2018. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/1SHRgRigORQR/> (date of application 15.10.2020).

20. Decision № 1-179/2019 of August 2, 2019 in case № 1-179/2019. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/2Tvkio0YPPw/> (date of application 15.10.2020).

21. Постановление № 1-133/2019 dated November 18, 2019 in case № 1-133/2019. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/4BhJ4PayfUgQ/> (date of application 15.10.2020).

Безбогин Александр Константинович
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
shura.bezbogin@mail.ru

ВЫЯВЛЕНИЕ ПРИЗНАКОВ ХИЩЕНИЯ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. Хищения в сфере строительства зачастую не имеют отчетливо выраженных признаков, поэтому совершение их довольно сильно не распространено. Данные преступления, по мнению автора, являются высоко латентными. В статье кратко изложено выявление признаков хищений в строительстве. Показано содержание доследственной проверки информации о хищениях или иных корыстных преступлений в сфере строительства и ремонта. Даны рекомендации по содержанию предварительной проверки заявлений граждан о хищении.

Ключевые слова: строительство, хищения в строительстве, признаки хищений, доследственная проверка.

Хищения в сфере строительства зачастую не имеют отчетливо выраженных признаков, поэтому совершение их довольно сильно не распространено. Данные преступления высоко латентные. Для их выявления необходима доследственная проверка, осуществляющаяся в стадии возбуждения уголовного дела.

Очевидно, что конституционное право каждого гражданина обращаться в правоохранительные органы с заявлением о совершении, по его мнению, преступления, должно быть проверено (кроме случаев очевидного преступления). Проблема, на наш взгляд, заключается в характере проверки информации о событии, возможно, содержащем признаки преступления.

Организационно-правовая форма проверки должна предоставлять субъекту проверки возможность поиска, выявления сведений о признаках преступления. Желательно, чтобы в ходе проверки было получено как можно больше информации, в дальнейшем, процессуально значимой. Это важно во избежание, или хотя бы уменьшения дублирования действий в ходе возможного расследования. Изменения необходимо учитывать при рассмотрении особенностей возбуждения уголовного дела о хищениях в сфере строительства.

Прокурорские проверки также информационно емки. В ходе таких проверок выявляются факты незаконного строительства многоквартирных домов, нарушающих установление порядка приема и

Aleksander K. Bezbogin
Kuban State Agrarian University
named After I.T. Trubilin
shura.bezbogin@mail.ru

IDENTIFYING SIGNS OF THEFT IN CONSTRUCTION

Annotation. Thefts in the construction industry often do not have a distinct sign, so their commission is quite widespread. These crimes, according to the author, are highly latent. The article summarizes the identification of signs of theft in construction. The content of the pre-investigation verification of information about theft or other mercenary crimes in the field of construction and repair is shown. Recommendations on the content of preliminary verification of citizens' statements on theft are given.

Keywords: construction, theft in construction, signs of theft, pre-investigation check.

использования средств дольщиков. В большей части указанных проверок содержится вопрос об административной или дисциплинарной ответственности должностных лиц.

В то же время, по значительной части результатов проверок решается вопрос о возбуждении уголовного дела либо предполагается доследственная проверка следователя для решения такого вопроса. На этапе проведения таких проверок большей частью трудно определить, совершение хищения или иное преступление корыстной направленности. Обычно, может предполагаться совершения:

- хищения путем присвоения или растраты;
- злоупотребления должностными полномочиями или превышение должностных полномочий;
- мошенничества;
- уклонения от уплаты налогов и сборов;
- служебного подлога;

Поэтому предварительная проверка производится практически в любом случае выявления нарушений процесса строительства. При этом типичным вопросом в ходе проверки могут быть следующие:

- имело место хищение в форме присвоения или растраты или мошенничества;

– имело место должностное преступление в виде злоупотребления должностными полномочиями или присвоения должностных положений;

– имеет место гражданско-правовой спор, гражданско-правовая сделка и нарушение ее условий одним из участников;

– есть нарушения налогового законодательства, законодательства о строительстве, т.е., совершаются правонарушения;

– допущены нарушения строительных или ремонтных работ, повлекшие причинение материального ущерба;

– допущено отступление от проектно-сметной документации без умысла на хищение или иное преступление;

– недостача строительных материалов наступления в результате халатности или естественной убылью и других причин без признаков хищения.

В любом случае, проверка должна выявлять признаки одного из названных преступлений, прежде всего, материального ущерба и уменьшенный характер действий субъектов строительства. Из этого можно сделать вывод о том, что методика проверки в основании своих элементов одни и те же. Особенности могут проявляться при проверке наиболее вероятной из отмеченных следственных версий. Структурные элементы доследственной проверки следующие: получение объяснений, истребование документов, изучение документации, осмотр документов, инвентаризация, ревизия, повторное объяснение, оперативно-разыскные мероприятия полиции. Указанные составные способы предварительной проверки могут производиться в любой последовательности в сочетании определяемой обстановкой.

Ранее мы отмечали, что сложный механизм хищений и других корыстных преступлений в сфере строительства, трудности в выявлении признаков преступления и отличие их от гражданско-правовых нарушений в строительстве предполагает практическое обязательство доследственной проверки. Характер проверки обуславливается информационной емкостью сообщений о признаках преступления, содержательные сведения строительных, ремонтных работ и ситуацией, складывается к моменту начала проверки. Сама доследственная или предварительная проверка тесно примыкает к уголовно-процессуальному расследованию и схожа с ним в своих отдельных содержательных элементах [1].

Возбуждению уголовного дела предшествуют оперативно-разыскные мероприятия по проверке информации о хищении. В ходе этих мероприятий устанавливаются не только признаки хищения, но и некоторые обстоятельства преступления. Известны способы преступления, круг соучастников.

Предварительная проверка может проводиться для уточнения какого-либо обстоятельства, либо с целью реализации результатов оперативно-разыскных мероприятий. Проверочные действия, как правило, единичны и практически сливаются

с предварительными расследованиями: выемкой, обыском, допросами.

Первоначально надо предусмотреть последовательность объяснений у лиц, задержанных в хищениях, у лиц – строителей. Объяснения должны сочетаться с ознакомлением с проектно-сметной и иной документацией. Здесь важна помощь специалистов, у них необходимо выяснить особенности документооборота, учета и отчетности при проведении проверочных работ и попытаться отыскать признаки фальсификации проектно-сметной и бухгалтерской документации. Специалист-строитель может оказать помощь в выявлении признаков нарушения как проектно-сметной документации, так и способов отклонения в фактическом содержании объема выполненных работ.

В ходе проведения первоначальных проверочных действий, обычно, устанавливаются:

– факты нарушения порядка производства строительных или ремонтных работ;

– отношения или фальсификации проектно-сметной документации, завышение объема выполненных работ и т.п.

Это может являться чаще признаками либо злоупотребления должностными лицами служебным положением, либо халатности или даже осуществление правонарушения (в зависимости от суммы материального ущерба и других обстоятельств). Далее, возбуждение уголовного дела по признакам хищения путем присвоения или растраты (ст. 160 УК РФ) или мошенничества (ст. 159 УК РФ) необходимо установить признаки корыстной заинтересованности или умысла заподозренных лиц.

Первой особенностью в расследовании корыстных преступлений в сфере строительства является период формирования типичных ситуаций начального этапа расследования. Изучая этот вопрос, необходимо считаться с особенностями информации, рассматриваемой следователями с момента получения сведений о событии, ситуации содержащей признаки хищения или иного корыстного преступления в сфере строительства. Надо помнить о том, что строительство – это разнообразная и разноплановая деятельность, реализация состояния элементов, которая может иметь различные отношения. Причиной последних, может быть, как действия застройщика, так и различные непредвиденные ранее обстоятельства. В числе первых могут быть как умышленные нарушения, общественно опасного характера, так и отношения, имеющие административно или гражданско-правовой характер. Определить это сразу, в момент получения сведений сложно, чаще, невозможно.

Применительно к хищениям путем присвоения или растраты, необходимость в предварительной проверке возникает тогда, когда выявляются грубые отклонения от порядка строительных работ или ремонтных работ, но не известен размер ущерба. Предполагается, что застройщик таким

путем сумеет создать значительный объем материалов или денежных средств. Неизвестно, был ли сговор с представителями организации-заказчика? Присвоение или растрата может предполагаться и в случаях нарушения процесса строительства жилых помещений на условиях долевого строительства. Нарушения или отклонения могут быть обнаружены в ходе обращений граждан или проверочных действий организации (налоговая инспекция и др.), но нет сведений о признаках хищения.

Таким образом, в период возникновения необходимости в предварительной проверке или в процессе ее производства могут формироваться следующие типичные следственные ситуации:

1. Выявление гласным путем факта нарушения строительной организацией строительных норм и правил, которые могут быть способами создания излишних материальных ценностей. Возникает необходимость предварительной проверки с целью установления признаков возможного хищения или иного корыстного преступления.

Литература:

1. *Шурухнов Н.Г.* Предварительная проверка заявлений и сообщений о преступлениях. М., 1985.

2. Установление причинения материального ущерба при производстве строительных или ремонтных работ, или уменьшение объема и качества таких работ. Эта ситуация обязательно предшествует доследственной проверке (кроме случаев получения информации в результате ОРД).

3. Получение информации о грубых нарушениях договоров о строительстве многоквартирных жилых домов, является причиной возможного мошенничества.

В любой из названных ситуаций существует предположение о возможном совершении преступлений. Существует основание для проведения доследственной проверки. Во всех трех ситуациях, как правило, известно, кто производил строительные или ремонтные работы, где и общее целевое назначение таких работ.

Излагаемое содержание доследственной проверки позволяет установить признаки преступления и решить вопрос о возбуждения уголовного дела.

Literature:

1. *Shurukhnov N.G.* Preliminary check of statements and reports of crimes. M., 1985.

Белоногов Андрей Викторович
магистрант
Юридического института,
Алтайский государственный университет
anblngv@gmail.com

Стаценко Дарья Алексеевна
магистрант
Юридического института,
Алтайский государственный университет
dariastatsenko01@gmail.com

Andrey V. Belonogov
Undergraduate
Law Institute,
Altai State University
anblngv@gmail.com

Daria A. Statsenko
Undergraduate
Law Institute,
Altai State University
dariastatsenko01@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ДЕПУТАТА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО) ОРГАНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF A DEPUTY OF A LEGISLATIVE (REPRESENTATIVE) BODY OF FEDERAL SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье авторы анализируют проблемные вопросы статуса депутатов законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации. Выделены основные элементы конституционно-правового статуса депутата регионального парламента, сформулированы особенности статуса депутатов, работающих на постоянной профессиональной и на непостоянной основах. Выявлены проблемы, возникающие в процессе правового регулирования названных отношений, предложены пути совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: депутат, правовой статус, законодательные органы субъектов Российской Федерации, региональный парламент, статус депутата.

Annotation. In the article the authors analyze the problematic issues of the status of deputies of the legislative representative bodies of the constituent entities of the Russian Federation. The main elements of the constitutional and legal status of the deputy of the regional parliament are highlighted, the features of the status of the deputies working on a permanent professional basis and on a non-permanent basis are formulated. Problems arising in the process of legal regulation of these relations have been identified, ways of improving the existing legislation have been proposed.

Keywords: deputy, legal status, legislative bodies of the constituent entities of the Russian Federation, regional parliament, status of the deputy.

Законодательная власть, осуществляемая законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации (далее – РФ) в системе разделения властей, занимает важное место. Актуальность изучения понятия конституционно-правового статуса депутата, его структуры и содержания обусловлена значимостью института регионального парламентаризма в системе народовластия, необходимого для демократического и правового развития государства.

Конституционно-правовой статус депутата законодательного (представительного) органа субъекта РФ можно охарактеризовать как специальный. Этот специальный статус связан с особой государственной деятельностью гражданина [5, с. 303].

Под конституционно-правовым статусом депутатов представительных органов субъектов РФ принято понимать их положение, определяемое совокупностью правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с политико-правовой природой депутатского мандата, полномочиями депутатов, их правами, обязанностями, гарантиями, ответственностью, возлагаемой на них [4, с. 4].

Некоторые вопросы правового положения депутатов представительных органов субъектов РФ урегулированы Конституцией РФ. Пункт «н» части 1 статьи 72, а также части 2 и 5 статьи 76 Конституции РФ определяют, что вопросы определения специальной правосубъектности депутатов региональных парламентов регулируются в федеральном законодательстве и законодательстве субъектов РФ, в соответствии с конституцион-

ными началами реализации законодательной функции в сфере совместной компетенции РФ и ее субъектов [1].

Статья 77 Конституции РФ закрепляет, что система органов государственной власти устанавливается субъектами Российской Федерации самостоятельно в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральными законами [1].

Названные конституционные положения развивает Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее – Закон № 184-ФЗ), базовый нормативный правовой акт федерального уровня, определяющий объем специальных прав и обязанностей депутата представительного органа субъекта РФ.

В соответствии со статьей 10 Закона № 184-ФЗ, права депутата регионального парламента и срок его полномочий регулируются данным Федеральным законом, а также другими федеральными законами, конституцией (уставом) и законами субъекта РФ [2].

Следующим уровнем правового регулирования специальной правосубъектности депутатов законодательных органов субъектов РФ является региональное законодательство.

Так, в Алтайском крае правовой статус депутата Алтайского краевого Законодательного Собрания регулируется следующими нормативными правовыми актами: Уставом (Основным Законом) Алтайского края от 05.06.1995 № 3-ЗС, а также законом Алтайского края от 04.12.2000 № 76-ЗС «О статусе депутата Алтайского краевого Законодательного Собрания».

В отличие от Федерального Собрания РФ, в законодательных (представительных) органах субъектов РФ можно выделить две категории депутатов в зависимости от характера осуществляемой профессиональной деятельности:

- 1) депутат, осуществляющий депутатскую деятельность на профессиональной постоянной основе;
- 2) депутат, осуществляющий депутатскую деятельность без отрыва от основной деятельности.

При этом депутаты, работающие на постоянной профессиональной основе, являются лицами, замещающими государственные должности [3].

Закономерно, что объем прав и обязанностей депутатов, осуществляющих деятельность без отрыва от основной деятельности, значительно отличается от правового статуса депутатов, осуществляющих депутатскую деятельность на постоянной профессиональной основе. Различия касаются и материального обеспечения – депутату, работающему на постоянной основе, выплачивается денежное содержание, гарантируется пенсионное обеспечение за выслугу лет, но при

этом он не вправе заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности.

Количество депутатов, работающих на профессиональной постоянной основе, устанавливается законом субъекта Российской Федерации. Например, Закон Алтайского края «Об Алтайском краевом Законодательном Собрании» устанавливает, что число депутатов, осуществляющих деятельность в Законодательном Собрании на профессиональной постоянной основе, должно быть не более четырнадцати человек [3]. При этом общее количество депутатов составляет 68.

В связи с изложенным, обоснованной нам видится позиция В.В. Гончарова, который указывает на то, что не придает стабильности и эффективности деятельности органов законодательной (представительной) власти субъектов РФ то обстоятельство, что большая часть депутатов, входящих в их состав, работают не на постоянной основе, совмещая исполнение своих депутатских обязанностей с основной работой [7].

Для решения этой проблемы нам кажется целесообразным увеличение числа депутатов законодательной власти субъектов РФ, работающих на постоянной основе, либо отказ от привлечения к деятельности депутатов на непостоянной основе. Это предложение обусловлено тем, что в настоящее время тенденции увеличения и усложнения регионального законодательства нарастают, в связи с чем, достаточно затруднительно осуществлять эффективную правотворческую деятельность лицам, совмещающим ее с иной трудовой деятельностью, кроме преподавательской, научной или творческой. Более того, помимо непосредственно законотворческой деятельности, депутаты представительного органа субъекта РФ должны вести постоянную работу с избирателями, участвовать в работе комитетов и комиссий, повышать уровень своей правовой культуры и грамотности.

Вопрос осуществления депутатами законодательных органов субъектов РФ деятельности на профессиональной постоянной основе или на непостоянной основе был предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Несмотря на то, что решения Конституционного Суда РФ были исполнены, это не привело к единообразию правового регулирования [6].

Безусловно, проблема несовершенно правового статуса депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ, выражающаяся, прежде всего, в том, что депутатский корпус осуществляет свою деятельность как на профессиональной основе, так и на непостоянной, является актуальной.

Конституционный Суд РФ не установил единых критериев определения условий осуществления деятельности депутатов на профессиональной постоянной основе или на непостоянной основе. Мы считаем необходимым урегулирование данного вопроса на федеральном уровне, путем внесения соответствующих изменений в законодательство.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 №1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.
2. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 13.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.
3. Об Алтайском краевом Законодательном Собрании : Закон Алтайского края от 08.05.2001 № 22-ЗС (ред. от 03.04.2019) // Сборник законодательства Алтайского края. 2001. № 61. Ст. 7.
4. *Батова О.С.* Особенности конституционно-правового статуса депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации на примере Вологодской области // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 11. С. 3–7.
5. *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. М. : НОРМА, 2008. 448 с.
6. *Кальяк А.М.* Условия осуществления деятельности депутатами законодательных (представительных) органов субъектов РФ в правовых позициях Конституционного Суда РФ // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 37–39.
7. *Крылатова И.Ю.* Отдельные аспекты правового статуса депутата законодательного (представительного) органа субъекта Российской Федерации // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2018. № 2. С. 54–61.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 № 6-FKL, of December 30, 2008 № 7-FKL, of February 05, 2014 № 2-FKL, dated 21.07.2014 № 11-FKL, dated 14.03.2020 № 1-FKL) // Rossiyskaya Gazeta. 2020. № 144.
2. On the general principles of the organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation: Federal Law of 06.10.1999 № 184-FL (as amended on 13.07.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. № 42. Art. 5005.
3. About the Altai Territory Legislative Assembly: Law of the Altai Territory dated 05/08/2001 № 22-LA (as amended on 04.03.2019) // Collection of legislation of the Altai Territory. 2001. № 61. Art. 7.
4. *Batova O.S.* Features of the constitutional and legal status of a deputy of the legislative (representative) body of state power of a constituent entity of the Russian Federation on the example of the Vologda region // State power and local government. 2018. № 11. P. 3-7.
5. *Vitruk N.V.* General theory of the legal status of the individual. M. : NORMA, 2008. 448 p.
6. *Kalyak A.M.* Conditions for the implementation of activities by deputies of the legislative (representative) bodies of the constituent entities of the Russian Federation in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Russian legal journal. 2014. № 2. P. 37–39.
7. *Krylatova I.Yu.* Certain aspects of the legal status of a deputy of the legislative (representative) body of the subject of the Russian Federation // Russian law: Education. Practice. The science. 2018. № 2. P. 54–61.

Бешкок Алена Анатольевна
преподаватель кафедры
уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России,
подполковник полиции
alena_yarovaya83@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА УЧАСТИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В настоящее время, когда взаимодействие между гражданами различных государств происходит часто, а миграционные процессы приобретают массовые масштабы, такой участник уголовного судопроизводства, как переводчик, становится наиболее востребованным. В статье рассматриваются вопросы понятия процессуального статуса переводчика, как участника уголовного процесса, а также, отражаются проблемы, существующие на практике с привлечением такого участника как переводчик и пути их возможного решения, с помощью внесения изменений в существующее законодательство.

Ключевые слова: переводчик, права и обязанности переводчика, приглашение переводчика к участию в уголовном деле, проблем реализации прав переводчиков, пути решения проблем.

В настоящее время, когда взаимодействие между гражданами различных государств происходит наиболее часто, а миграционные процессы приобретают массовые масштабы, такой участник уголовного судопроизводства, как переводчик, становится наиболее востребованным. Международное и российское законодательства, как и законодательства большинства стран, закрепляют гарантию правовой защищенности процессуальных участников, не владеющих языком судопроизводства, путем привлечения переводчика – лица, являющего носителем определенного языка.

Деятельность переводчика как участника уголовного процесса имеет большое значение, потому как именно переводчик служит гарантом реализации принципа языка уголовного судопроизводства, а значит позволяет обеспечить равный доступ к правосудию всем лицам, вовлекаемым в уголовное судопроизводство, а также возможность в полном объеме пользоваться предоставленными правами и свободами. Для того, чтобы выявить проблемные аспекты участия переводчика в уголовном процессе, необходимо дать

Alena A. Beshkok
Lecturer at the Department of Criminal,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel
alena_yarovaya83@mail.ru

THE CURRENT STATE AND WAYS OF DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF PARTICIPATION OF AN INTERPRETER IN THE CRIMINAL PROCESS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. At present, when interactions between citizens of different states are frequent, migration processes are taking on a massive scale, such a participant in criminal proceedings as an interpreter becomes the most popular. The article examines the issues of the concept and procedural status of a translator as a participant in criminal proceedings, and also reflects the problems that exist in practice with the involvement of such a participant as a translator and ways of their possible solution by making changes to existing legislation.

Keywords: translator, translator's rights and obligations, inviting an interpreter to participate in a criminal case, problems of translators' rights realization, ways of solving problems.

общую характеристику процессуального статуса этого участника уголовного судопроизводства.

Переводчик, согласно толковому словарю С.И. Ожегова – специалист по переводам с одного языка на другой [1]. Переводчик как участник уголовного процесса – лицо, привлекаемое к участию в уголовном деле, свободно владеющее языком, на котором ведётся судопроизводство, и языком, на котором один из участников процесса даёт показания. Как ранее указывалось, участие переводчика в уголовном процессе обязательно, когда какое-либо из участвующих в деле лиц не владеет языком, на котором ведётся судопроизводство.

Исходя из вышеуказанного понятия, следует, что для получения процессуального статуса переводчика лицо должно соответствовать двум условиям:

1. Законное привлечение переводчика к участию в уголовном судопроизводстве, то есть, привлечение переводчика на основании процессуальных документов, основывающихся на законах Российской Федерации.

2. Свободное владение языком, требующегося какому-либо участнику уголовного процесса, то есть, такое знание языка, которое позволяет переводить любую просторечную и юридическую лексику с одного языка на другой и обратно.

Стоит отметить, что лицо, привлекаемое к участию в качестве переводчика, должно владеть на соответствующем уровне как языком, на котором общается участник, так и языком, на котором осуществляется производство по уголовному делу [2].

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ закреплен процессуальный порядок привлечения лица в качестве переводчика: дознаватель, следователь или судья выносит мотивированное постановление о привлечении конкретного лица в качестве переводчика в уголовном судопроизводстве. Переводчик может отказаться от участия только в случае его некомпетентности, то есть, неспособности в полной мере перевести необходимую процессуальную информацию с того или иного языка. Переводчик, после вынесения соответствующего постановления, обязан явиться по вызову дознавателя, следователя или судьи. Перед началом любых процессуальных действий с участием переводчика ему должны будут разъяснены его права, обязанности и ответственность, предусмотренные ст. 59 УПК РФ, о чем составляется соответствующая подписка.

В настоящее время не на должном уровне определен процессуальный порядок привлечения к участию в уголовном судопроизводстве переводчика и имеет ряд пробелов, которые необходимо устранить и закрепить на законодательном уровне.

В правоприменительной практике одной из основных проблем, является отсутствие достаточного количества времени на поиски квалифицированного переводчика.

Нередко бываю случаи, когда в качестве подозреваемого выступает лицо, являющееся носителем редкого языка, например, цыганского. Согласно Уголовно-процессуального кодекса, при задержании подозреваемого протокол задержания должен быть составлен в срок не более трех часов (в соответствии с частью 1 статьей 92 УПК РФ), а в течение 24-х часов подозреваемый должен быть допрошен (в соответствии с частью 2 статьей 46 УПК [3]). Найти переводчика с редкого языка в такие сжатые сроки представляется достаточно сложным, а тем более, если данное следственное действие проводится в ночное время. Также, необходимо учесть и тот факт, что в необходимое для проведения следственного или процессуального действия время, соответствующий требованиям переводчик может находиться в отдаленном месте и не будет иметь возможности прибыть в сроки, установленные законодателем, в результате чего, необходимо рассмотреть возможность связи переводчика с органами предварительного расследования и суда удаленно до того момента, пока переводчик не сможет присутствовать лично.

Проанализировав нормы закона, можно сделать вывод о том, что недостаточно четко урегулирован процессуальный порядок привлечения переводчика и имеет ряд пробелов и проблемных вопросов.

Первой такой проблемой является нехватка переводчиков, которые владеют языками маленьких стран и этнических меньшинств. Исходя из данных практических сотрудников, в настоящее время в большей части преступлений, совершенных лицами без гражданства и иностранными гражданами, подозреваемыми (обвиняемыми) являются граждане стран СНГ.

Кроме того, Россия – одна из самых многонациональных стран, где проживают более 180 национальностей, каждая из которых разговаривает на своем родном языке и имеет специфические диалекты. Многие из представителей этнических меньшинств в недостаточной мере владеют языком уголовного судопроизводства, то есть русским языком, на котором по общему правилу осуществляется уголовное судопроизводство. Соответственно, переводчиком в уголовном судопроизводстве по делам с участием представителей таких народностей часто может быть только лицо той же национальности. При этом говорить о профессиональности такого перевода не приходится: как правило, такие лица не обладают знаниями не только в сфере юриспруденции, но и вообще – компетентность их деятельности и достоверность перевода установить не представляется возможным.

Одним из путей решения указанной проблемы, как видится, может выступить возможность прохождения дополнительного обучения переводчиков в субъектах РФ, где в наибольшем количестве проживают представители мелких этносов, в том числе популяризации профессии переводчика с навыками осуществления перевода с нераспространенных диалектов.

Другой проблемой участия переводчика в уголовном судопроизводстве России является отсутствие конкретных требований к переводчику как к процессуальному участнику. Последствиями данной проблемы является не компетентный перевод информации по уголовному делу, в результате чего расследование уголовного дела замедляется или вообще разрешается неправильно.

Мы считаем правильным мнение Д.С. Елисеевой о том, что «идеальный» специалист сочетает лингвистические познания со знаниями в области уголовного судопроизводства [4]. Как мы полагаем, необходимо на законодательном уровне указать такие требования, которым обязательно должен соответствовать каждый переводчик, а также, установить необходимость прохождения определенной проверки соответствия таким требованиям. Данное положение может быть реализовано посредством проведения аттестации, с помощью специально предусмотренного экзамена. Данный экзамен должен быть направлен на выяснение у кандидата следующего:

1. Наличия профессиональных навыков переводчика (в том числе коммуникабельность и грамотность).
2. Выяснения уровня владения языком, на котором будет осуществляться перевод, а также языка, который необходимо переводить.
3. Установления уровня владения юридической терминологией (хотя бы тех минимальных знаний, которые необходимы для правильности осуществления перевода).

После прохождения такого экзамена переводчиком, следователь/дознатель/суд будут уверены в той информации, которая предоставляется переводчиком лицу, вовлеченному в уголовное судопроизводство, той, которая необходима для эффективного расследования уголовного дела, для реализации прав и соблюдению процессуальных интересов участника уголовного судопроизводства. Именно это будет способствовать законному производству следственных действий и справедливому судебному разбирательству, которое будет соответствовать принципам разумного срока и назначения уголовного процесса.

В общем, можно выделить ряд проблемных аспекты, которые в настоящее время существуют в России при привлечении переводчика: недостаток квалифицированных кадров, отсутствие переводчиков со знаниями редких языков, отсутствие должного уровня образованности переводчиков в юридической сфере прямо свидетельствуют о

Литература:

1. Ожегов С.И. Толковый словарь С.И. Ожегова.
2. Коптуров А.М. Роль переводчика в уголовном процессе // Государство и право: теория и практика: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, январь 2019 г.). СПб. : Свое издательство, 2019. С. 19–21.
3. Комментарий к УПК РФ / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мазулина. М. : Юрист, 2019.
4. Елисеева Д.С. Обзор отечественного и зарубежного опыта участия переводчика в уголовном процессе // Журнал: Современные научные исследования и разработки. Киров, 2018. С. 5.

необходимости совершенствования законодательства в указанной области.

По итогам сравнения отечественной и зарубежной практики главным результатом нашей работы явилось предложение ввести квалификационный экзамен для переводчиков, привлекаемых к участию в уголовном процессе, законодательно закрепив при этом конкретные требования, предъявляемые к данному участнику.

Таким образом, можно отметить, что вопрос об особенностях участия переводчика в уголовном судопроизводстве по-прежнему остается дискуссионным. По нашему мнению, на законодательном уровне необходимо решить данный вопрос, прибегнув к анализу отечественного опыта из истории и современной практики зарубежных стран, а именно, установить на законодательном уровне более четкое определение переводчика, определить круг его прав и обязанностей, установить четкий перечень требований, предъявляемых к лицу, претендующему на процессуальный статус переводчика. При этом нам видится необходимым создание на государственном уровне специальных учреждений, занимающихся подбором кандидатов в государственные переводчики, приемом экзаменов у кандидатов в процессуальные переводчики, а также, занимающихся обучением переводчиков специальному юридическому переводу, в том числе, с непопулярных языков, необходимость в которых имеется в настоящее время в России.

Literature:

1. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of S.I. Ozhegov.
2. Kopturov A.M. The role of an interpreter in criminal proceedings // State and law: theory and practice: materials V International. науч. конф. (St. Petersburg, January 2019). SPb. : Its publishing house, 2019. P. 19–21.
3. Commentary to the Code of Criminal Procedure / Responsible ed. D.N. Kozak, E.B. Mazulina. M. : Lawyer, 2019.
4. Eliseeva D.S. Review of domestic and foreign experience of the participation of a translator in the criminal process // Journal: Modern scientific research and development. Kirov, 2018. P. 5.

Бровко Николай Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
административного права,
Ростовский юридический институт
МВД России
bunova_oksana@mail.ru

Карavaев Александр Александрович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
административной деятельности ОВД,
Воронежский институт МВД России
bunova_oksana@mail.ru

Бунова Оксана Валерьевна

старший преподаватель кафедры
административной деятельности ОВД,
Краснодарский университет МВД России
bunova_oksana@mail.ru

Nikolay V. Brovko

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Administrative Law,
Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
bunova_oksana@mail.ru

Alexander A. Karavaev

Candidate of legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Administrative Activities
of the Internal Affairs Directorate,
Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
bunova_oksana@mail.ru

Oksana V. Bunova

Senior Lecturer of the Department
of Administrative Activities
of the Internal Affairs Bodies,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
bunova_oksana@mail.ru

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРОЯВЛЕНИЙ
ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ
СРЕДЕ ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

**ON SOME ISSUES
OF THE DISTRIBUTION OF EXTREMISM
IN THE YOUTH ENVIRONMENT
THROUGH THE INTERNET**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы распространения экстремистских проявлений посредством сети интернет среди молодежи. Пути и способы распространения экстремистской идеологии, привлечение молодежи к террористической и экстремистской деятельности. Предлагаются решения противодействия современному экстремизму.

Annotation. The article deals with the spread of extremism through the Internet among young people. Ways and ways of spreading extremist ideology, attracting young people to terrorist and extremist activities. Solutions for countering modern extremism are proposed.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская идеология, противодействие экстремизму, молодежный экстремизм.

Keywords: extremism, extremist ideology, countering extremism, youth extremism.

В целях обеспечения реализации государственной политики в сфере противодействия экстремизму в 2014 году разработан документ стратегического планирования Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [1].

государственной политики в сфере противодействия экстремизму. В качестве средства противодействия распространению экстремистской идеологии документ предусматривает укрепление международного, межкультурного и межконфессионального сотрудничества в данной сфере. Также в данной Стратегии вводится официальное толкование понятия «Идеология насилия», в соответствии с которым это совокупность взглядов и идей, оправдывающих применение насилия для достижения политических, идеологических, религиозных и иных целей [2].

Указом Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 утверждена новая редакция Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. В новой редакции уточнены основные задачи и направления реализации

Терроризм, межнациональная рознь, религиозная вражда и иные проявления экстремизма в настоящее время продолжают представлять для общества и государства реальную угрозу. Этому, в соответствии со Стратегией, способствует интенсификация миграционных потоков, с которыми в Российскую Федерацию проникают члены международных экстремистских и террористических организаций, а также распространение и пропаганда экстремистской идеологии, в том числе в сети «Интернет».

Современный экстремизм в своих формах проявления ненависти и вражды сложен и неоднороден. Как правило, экстремизм имеет в своей основе определенную идеологию, которая опасна для общества и государства во всех сферах жизнедеятельности, призывающую к насилию или угрозе его применения.

С позиции современного права экстремизм характеризуется как комплекс деструктивных деяний, относимых к преступлениям против государственной, общественной и личной безопасности.

Наиболее опасные виды идеологии, проявляющиеся в возбуждении ненависти и дискриминации по признакам расовой, национальной, языковой, политической, социальной, идеологической или религиозной принадлежности, представляют националистический, религиозный и политический экстремизм.

В Стратегии отмечается, что информационно-психологическое воздействие на население России наращивают специальные службы и организации отдельных государств для дестабилизации внутривнутриполитической и социальной обстановки, утрату традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Прежде всего, данное воздействие направлено на молодежь.

Средства массовой коммуникации, с помощью которых осуществляется распространение информации, являются неотъемлемой частью современной жизни. Дети с раннего возраста приобщаются к компьютерным играм, социальным сетям и т.п. Интернет превращается в сферу обитания подростков и молодежи в которой они проводят значительное количество своего свободного времени.

Социальные сети – это бесплатные площадки в Интернете, в которых можно самостоятельно публиковать любую информацию и обмениваться ею с другими людьми. Такие сайты могут иметь определенную направленность (например, публикация собственных стихов), так и не иметь направленности («Одноклассники», «В Контакте», «Twitter», «Facebook» и т.д.). Также широко используются мессенджеры, программы, мобильного приложения или веб-сервиса, предназначенные для мгновенного обмена текстовыми, аудио и видео сообщениями («Viber», «WhatsApp» «Telegram», «Skype» т.д.).

Интернет представляет собой особую информационную среду, поведение в которой не

регламентируется специальными правилами, действующими в различных отраслях права, что, в ответ, допускает контроль за распространением информации в «Интернете» с целью защиты основ конституционного строя [3].

Информационное пространство превратилось в новый формат борьбы с экстремистской и террористической деятельностью. Интернет широко используется для привлечения и вербовки террористами новых членов, обучения и связи, планирования и координации террористической деятельности. Ограничения доступа к интернет-сайтам, представляющим угрозу и распространяющих экстремистскую идеологию не гарантирует того, что информационные материалы не появятся на других ресурсах [4].

На расширенном заседании Коллегии МВД России 26 февраля 2020 года были подведены итоги работы органов внутренних дел за 2019 год, в ходе которого Президент России В.В. Путин отметил, что важным и объёмным участком работы является профилактика правонарушений, особенно среди несовершеннолетних. Также Президент указал, что среди актуальных задач для МВД России остается противодействие экстремизму [5].

Одним из факторов, способствующих возникновению экстремистских проявлений, является сложившаяся в отдельных субъектах Российской Федерации неблагоприятная миграционная ситуация, которая приводит к дестабилизации рынка труда, социально-экономической обстановки, оказывает негативное влияние на межнациональные и межконфессиональные отношения. Отмечаются попытки создания в различных регионах России законспирированных ячеек экстремистских и террористических организаций, в том числе путем дистанционной вербовки людей (с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет») и их обучения, включая подготовку террористов-одиночек. Кроме того, происходит процесс распространения радикальных взглядов среди трудовых мигрантов, прибывающих в Россию, их вовлечение в совершение преступлений экстремистской направленности [2, П. 21].

Статистика показывает хоть и не значительное, но увеличение зарегистрированных преступлений экстремистской направленности. По данным ГИАЦ МВД России в 2019 г. в стране было зарегистрировано 2024337 (АППГ +1,6 %) преступлений террористического характера и экстремистской направленности, в 2018 г. их было 1991532 (Ф.282 КН.6). Наибольшее количество в 2019 году зарегистрированных преступлений наблюдается в регионах Центрального федерального округа 455741 (АППГ +1.1 %), из них лидирует Москва 142081 (АППГ +1.1 %), на втором месте Московская область 77049 (АППГ –4.0 %) и третьим идет Воронежская область 30808 (АППГ +5.1 %). Наблюдается в 2019 году всплеск по сравнению с прошлым годом зарегистрированных преступлений в Республике Северная Осетия – Алания 9503 (АППГ +31.9 %) [6].

Терроризм распространяется и активизируется там, где его носителям удается вовлечь в свои ряды все новых adeptов путем информационного воздействия на общество, в первую очередь, на молодежь. Интернет-сообщества используются, в том числе, различными террористическими и экстремистскими силами для вовлечения молодых людей и подростков в свою деятельность.

Весьма широко распространено привлечение несовершеннолетних к террористической и экстремистской деятельности через компьютерные онлайн-игры, которые предусматривают возможность пользоваться текстовыми, голосовыми и видеочатами. Представляют опасность компьютерные игры, предлагающие выполнение заданий в реальной жизни виде совершения актов насилия, погромов, иных действий, направленных на устрашение населения или отдельных социальных групп.

Особенностью экстремизма в молодежной среде является то, что он формируется у молодого человека с неустановившимися взглядами на происходящее в обществе. За долгие годы произошло взаимопроникновение и слияние различных этнокультурных слоев. В результате появилось взаимопонимание и терпимость к представителям других национальностей и религиозных групп. Спекуляции на почве этнической принадлежности в условиях многообразия информационных потоков и отсутствия фильтров информации периодически находят поддержку среди молодых людей, создавая почву для формирования экстремистских взглядов.

Для вербовки молодежи широко используется новый метод – онлайн-рекрутинг. Само понятие рекрутинга идет от французского слова «recrute», что в переводе означает «вербовка». Когда-то, рекрутерами или вербовщиками называли тех, кто вербовал людей на работы или в солдаты - рекруты.

При помощи этого метода происходит выявление и привлечение лиц, симпатизирующих к более активной поддержке террористов и их действий. Интернет делает более доступной информацию о

Литература:

1. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753 (ред. от 29.05.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (утратил силу).
2. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утв. Указом Президента РФ 29.05.2020 № 344. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Решение № 2А-1189/2019 2А-1189/2019~М-1175/2019 М-1175/2019 от 22 ноября 2019 г. по делу № 2А-1189/2019 // Судебные и нормативные

террористических организациях, об экстремистских идеях для потенциальных рекрутов. Начальный этап онлайн-рекрутинга осуществляется через форумы, в которых происходит взаимодействие в дискуссии публику, что дает террористам возможность обозначить свою позицию и заинтересовать аудиторию.

Наиболее опасным становится не сам факт контакта молодежи с экстремистскими сетями, сколько отсутствие какой-либо смысловой альтернативы тому, что экстремисты навязывают свою экстремистскую идеологию. Наибольшая угроза возникает тогда, когда в поисках ответов на социальные, религиозные, политические вопросы молодежь обращается в Интернет, а там, по сути, у экстремистов и террористов монополия на ответы. Борьба с распространением экстремизма в сети должна вестись не только запретительными мерами и блокировкой, это всебезусловно положительно сказывается на ситуации, но только как экстренная, сиюминутная мера, чтобы ограничить массовое распространение. Однако не применимы одни лишь запретительные меры, а прямолинейная пропаганда, как правило, производит обратный эффект.

Современная организация противодействия экстремистской деятельности в России требует активного изучения изменений, происходящих в сферах, порождающих и способствующих его распространению. Необходимо проводить постоянный мониторинг, анализ и поиск стратегий, подходов, технологий в структуре предупреждения и пресечения экстремистской деятельности всеми правоохранительными органами, включая полицию. Необходимо осуществлять правовое просвещение и правовое информирование молодежи в информационном пространстве используя Интернет. Разъяснение действующего законодательства, регламентирующего ответственность за совершение противоправных деяний, а также информирование по наиболее интересующим их вопросам в разных сферах жизнедеятельности должны соответствовать современным тенденциям, доводиться донесовременнолетних и молодежи в доступной и современной форме, с применением интернет-технологий.

Literature:

1. Strategy for countering extremism in the Russian Federation until 2025: approved. President of the Russian Federation on November 28, 2014 № Pr-2753 (as revised on May 29, 2020). Access from the sprav.-legalsystem «ConsultantPlus» (expired).
2. Strategy for countering extremism in the Russian Federation until 2025: approved. By Decree of the President of the Russian Federation on May 29, 2020 № 344. Access from the reference legal system «ConsultantPlus».
3. Decision № 2А-1189/2019 2А-1189/2019~М-1175/2019 М-1175/2019 of November 22, 2019 in case № 2А-1189/2019 // Judicial and regulatory acts

акты РФ: сайт. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/n6g4iaQK4C1C/> (дата обращения 14.09.2020).

4. *Олейникова Е.А.* Противодействие экстремизму в сети Интернет // Обозник: электронное периодическое издание. 04.10.2018. URL : <http://www.oboznik.ru/?p=51001> (дата обращения 14.09.2020).

5. Заседание коллегии МВД России // Официальные сетевые ресурсы Президента России: офиц. сайт. 26.02.2020. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62860> (дата обращения 08.09.2020).

of the Russian Federation: website. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/n6g4iaQK4C1C/> (date of access 09/14/2020).

4. *Oleynikova E.A.* Countering extremism on the Internet // Oboznik: electronic periodical. 10/04/2018. URL : <http://www.oboznik.ru/?p=51001> (date of treatment 09/14/2020).

5. Meeting of the collegium of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Official network resources of the President of Russia: official. website. 02/26/2020. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62860> (date of treatment 09/08/2020).

Варданын Артем Ашикович
заместитель прокурора
Ленинского района г. Екатеринбурга,
аспирант кафедры менеджмента
и предпринимательства,
Уральский государственный
экономический университет
artem.vard@gmail.com

Зацепин Александр Михайлович
кандидат юридических наук,
доцент,
помощник прокурора
Ленинского района г. Екатеринбурга,
доцент кафедры уголовного права
Уральского юридического университета,
вице-президент,
Российская
криминологическая ассоциация
tp0507@ya.ru

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ БИЗНЕСА В РФ И ЕЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

Аннотация. Размеры и масштабы Российской организованной преступности, криминогенная ситуация в государстве в последние годы характеризуется наличием крайне негативной и достаточно устойчивой тенденцией изменений и структуры преступности, вызванной усилением ее организованности. Действующий Уголовный Кодекс (с изменениями и дополнениями) позволяет сделать вывод, что и сегодня принимают изменения и дополнения без опоры на подлинную глубокую научную концепцию уголовного законодательства. Не было четкого и ясного понимания того, каких изменений в состоянии, структуре и динамике преступности сложно добиться, совершенствуя соответствующие правовые институты и нормы, не прошедшие квалифицированной криминологической экспертизы.

Ключевые слова: криминогенная ситуация, организованная преступность, уголовное законодательство, преступные формирования.

Усиление опасности и профессионализма организованной преступной деятельности выражается также в том, что ее участники все больше ориентируются на осуществление квалифицированных преступлений, которые обещают максимальную наживу. При этом они демонстрируют особую жестокость, агрессивность, изыскательство в обеспечении достижения своей преступной цели [4; 6].

Artem A. Vardanyan
Deputy Prosecutor
Leninsky district of Yekaterinburg,
Postgraduate student of the Department
of Management and entrepreneurship,
Ural State University of Economics
artem.vard@gmail.com

Alexander M. Zatsepin
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Assistant Prosecutor
Leninsky district of Yekaterinburg,
Associate Professor of Criminal Law
Ural Law University,
Vice President,
Russian Criminological Association
tp0507@ya.ru

ORGANIZED CRIME IN THE BUSINESS SPHERE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS CRIMINOLOGICAL SIGNS

Annotation. The size and scale of the Russian organized crime, the criminogenic situation in the state in recent years is characterized by the presence of an extremely negative and fairly stable trend of changes and the structure of crime, caused by the strengthening of its organization. The current Criminal Code (with amendments and additions) allows us to conclude that today amendments and additions are being adopted without relying on a genuine deep scientific concept of criminal legislation. There was no clear-cut understanding of what changes in the state, structure and dynamics of crime were difficult to achieve by improving the relevant legal institutions and norms that had not passed a qualified criminological examination.

Keywords: criminal situation, organized crime, criminal legislation, criminal groups.

Продолжается взаимосвязанный процесс распределения территорий между организованными преступными формированиями, их специализации на определенных видах преступной деятельности, укрупнение существующих преступных организаций. Криминалитет продолжает распространять свое влияние практически на все сферы общественной жизни. Он становится более организованным, дерзким, хорошо вооруженным,

гибким и приспосабливается к новым условиям. Недопустимо то, что «мафиозно-преступные» формирования пытаются диктовать свои правила игры не только рядовому гражданину, но и органам власти, управления и правоохранителям [1; 5].

Существующие статистические данные указывают на тенденцию количественного роста организованной преступности и ее качественные структурные изменения. Организованные преступные группировки, обладающие высокой сплоченностью, устойчивостью, криминальным опытом и умелой конспирацией, в течение определенного периода совершают большое количество тяжких преступлений, значительная часть которых остается нераскрытыми. Организованная преступная группа («шайка», как ее именовали в русском дореволюционном законодательстве) представляет собой разновидность соучастия по предварительному соглашению. Однако современная организованная преступность давно уже вышла за его рамки. Она связана с функционированием особого рода криминальных структур – управляемых сообществ (организаций). В отличие от указанных групп это стойкие, сплоченные, организационно оформленные преступные объединения. Целью их создания является занятие длительной, как правило, специализированной и планируемой преступной деятельностью. В ходе ее подготовки и осуществления происходит распределение ролей, складываются устойчивые формы связей, вырабатываются определенные методы и приемы. Весьма важную роль играют организаторы, выполняющие функции управления. По оценкам аналитиков, в стране сегодня действует около десяти тысяч таких сообществ.

За последние годы отмечается рост количества выявленных заказных убийств, а также проявлений терроризма, совершенные с особой жестокостью, нередко способом, опасным для жизни людей. Еще более быстрая динамика роста актов терроризма [7].

Криминалитет установил свой «налоговую систему». По оценкам специалистов, большее количество фирм находятся под наблюдением преступных группировок. Мафия осуществляет тотальный контроль над коммерческой и в значительной части над государственной торговой сетью. Поэтому потребители вынуждены платить на 20–30 % больше за товары и услуги. Граждане за свой счет фактически содержат две параллельные власти – легитимную и уголовную. По виду и объему сокрытия реальных финансово-хозяйственных операций внутри теневой экономики можно выделить три составляющие: операции, которые полностью выводятся из бухгалтерского учета (неучтенные операции, при которых происходит сокрытие самого факта ее проведения), операции, направленные на сокрытие части полученной от операции выручки, а также операции, проведенные под видом других операций (псевдооперации). Первый вид операций может, в свою очередь, проходить как в рамках полностью нерегистрируемой или официально не учитываемой деятельности, так и в рамках как учитываемой деятельности, когда скрываются лишь

некоторые из произведенных финансово-хозяйственных операций [2].

Наибольшую опасность для общества составляют организованные преступные синдикаты, составляют разветвленную систему легальных, полуполюгальных и нелегальных бизнес-структур, действующих в различных сферах экономики, имеют соответствующие информационно-разведывательные и силовые структуры (боевиков), систему прикрытия в органах власти и средствах массовой информации. Думается, что в Особой части УК необходимо предусмотреть специальную норму об ответственности за организацию криминального сообщества или руководство им, а также участие в нем (ст. 210 УК РФ не отражает и слабо работает). В примечании к данной норме следует четко указать конкретные формы, в которых выражается такая деятельность. Некоторые – вовлечение граждан в подобные сообщества, иные конкретные виды организации преступной деятельности и руководства ею, дачу рекомендаций по ее совершенствованию, выполнение отдельных поручений преступной организации, сбор для нее разведывательной и контрразведывательной информации, материальных средств, хранение и распоряжение последними, пропаганду преступной идеологии, организацию сходов преступников, участие в них, а также в работе «третейского суда» и т.п.

Криминальные группировки, как показывают научные исследования и оперативные материалы правоохранительных органов, глубоко «эшелонированные», тщательно замаскированные и преимущественно прикрыты коррумпированными представителями государственных структур. Некоторые из них, в первую очередь те, которые имеют тесные региональные, международные связи, взяли под свой контроль рынки сбыта наркотиков, их транзит через ближнее зарубежье, торговлю похищенным за рубежом и в стране автотранспортом, а также оружием, женщинами и детьми. Они контролируют потоки мигрантов, каналы их «переправки» в страны Западной Европы и США, значительную часть контрабандных операций. Важно предусмотреть и расширить количество составов, к особо квалифицирующим признакам которых отнести совершение преступления криминальным сообществом (организацией). Прежде всего речь идет о хищениях, взяточничестве, вымогательстве, похищении людей, захвате заложников, разжигании национальной вражды, хулиганстве, спекуляции, искусственном поднытии и поддержании высоких цен, незаконной торговой деятельности, сбыте наркотических средств и пр. Указанные изменения в уголовном законе могли бы расширить правовую базу для борьбы с организованной преступностью.

Социально-политические изменения, которые произошли в течение последних лет, в частности в странах СНГ, в том числе в России, непосредственно влияние международный характер организованной преступности. Реализуется стремление зарубежных преступных формирований (кстати, не только государств СНГ, но и стран Европы и Азии) к расширению своих сфер влияния за счет проникновения в Россию. Активно

налаживаются связи между преступными группировками России и других стран. Серьезную угрозу представляют преступные группировки, сформированные по национальным и этническим признакам, иностранного происхождения, что в последнее время проникло в Россию. Происходит четкий процесс организационного оформления преступности как на национальном, так и на транснациональном уровнях. Растет активность криминалитета, количество совершенных преступлений, их жестокость и дерзость.

Организованная преступность все больше втягивает в орбиту своего влияния молодежь, особенно ту ее часть, которая испытывает трудности в обучении или трудоустройстве и тех, кто стремится быстрого обогащения. Организационно это влияние осуществляется через создание многочисленных спортивных клубов (прежде атлетических, боксерских, боев без правил и т.п.), дискотек и др. На этой основе вербуются боевики, торговцы наркотиками, лица для занятия проституцией. Кроме того, таким образом создается благоприятная среда для распространения наркотиков [3].

Значительных масштабов достигла криминализация и «тенизация» экономики. Доля теневого сектора в суммарном объеме внутреннего валового продукта составляла, по отдельным оценкам отечественных экспертов значительную часть валового национального продукта. В настоящее время Россию захлестнула волна разоблачений, связанных с незаконными финансовыми операциями. По многим названным в прессе фактам правоохранительные органы проводят оперативно-розыскные мероприятия, в ходе которых делается попытка отследить «криминальные» финансовые потоки. Однако по-прежнему открытым остается вопрос, какие именно преступления скрываются за этими крупными суммами денег. Выявление и расследование преступлений идет своим чередом, отслеживание финансовых потоков – своим. И это не случайно. Составы преступлений в УК РФ сформулированы таким образом, что для привлечения лиц к уголовной ответственности совершенно не обязательно отслеживать финансовые потоки. И наоборот. Отслеженные финансовые потоки не всегда становятся основой для возбуждения уголовных дел в сфере теневой экономики. В лучшем случае выявляются сопутствующие правонарушения.

Растут уровень и масштабы криминализации экономической сферы России в целом. Криминалитет стремится взять под свой контроль ее наиболее приоритетные направления: кредитно-финансовую, в частности банковскую, инвестиционную сферу, систему энергообеспечения, приватизацию, внешнеэкономической деятельности, топливно-энергетический и агропромышленный комплексы. На сегодня уголовно-правовому механизму воздействия на теневую экономику, относятся следующие нормы УК РФ: ст. 171 «Незаконное предпринимательство»; ст. 172 «Незаконная банковская деятельность»; ст. 173 «Лжепредпринимательство»; ст. 193 «Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте»; ст. 198

«Уклонение гражданина от уплаты налога»; ст. 199 «Уклонение от уплаты налога с организаций».

Только за последние пять лет общее количество преступлений, выявленных в экономической сфере, увеличилось. Организованная экономическая преступность в России приобретает признаки международной и распространяет свое влияние на финансово-кредитную и банковскую системы, сферу внешнеэкономической деятельности вывоз стратегической и других видов сырья, продукции химической промышленности, материалов, «отмывание» денег и вложения их в недвижимость, финансирование коммерческой деятельности, ценные бумаги, валюту, драгоценности. Статьи 171 и 172 УК РФ отличаются лишь объектами применения и запрещают деятельности субъектов экономической деятельности без регистрации либо без специального разрешения (лицензии), когда такое разрешение обязательно, или с нарушением условий лицензирования; Статья 173 УК РФ «Лжепредпринимательство» устанавливает уголовную ответственность за создание коммерческой организации без намерения осуществлять предпринимательскую или банковскую деятельность, имеющее целью получение кредитов, освобождение от налогов, извлечение иной имущественной выгоды или прикрытие запрещенной деятельности; Статья 193 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за невозвращение валютной выручки из-за границы и призвана поставить заслон на пути крайне негативного явления в российской экономике, которое получило название «утечка капиталов». Криминалом считается превышение установленных сроков поступления валюты по осуществленным сделкам или не зачисление полученной валютной прибыли на счета в уполномоченных банках.

Редакция уголовных статей, устанавливающих ответственность за умышленную неуплату налогов, менялась несколько раз. Уже сам этот факт говорит о не разработанности понятия налоговых поступлений и попытках законодателя приблизить законодательство к потребностям следственной практики.

Вывод.

Существующая организованная преступность не дает возможности реального управления экономикой, поскольку немалая часть экономической деятельности имеет неофициальный характер, не подпадает под действие государственно-правовых регуляторов. В социально-политической сфере организованные преступные группировки действуют в определенных направлениях, таких как - установление коррумпированных связей на всех уровнях государственной власти и управления, в правоохранительных, таможенных и налоговых органах с целью получения необходимой информации, прикрытия преступной деятельности, обеспечения консультативной помощи специалистами в области экономики, права и т.д. Этому способствует установление прямых или опосредованных контактов с политическими партиями, формированиями политических партий, которые находятся под тайным контролем организованной преступности, для защиты их

экономических интересов на всех уровнях власти (проведение своих кандидатов в депутаты всех уровней, а также в органы исполнительной власти). Не чужды им «старые формы и методы» – запугивание или дискредитация политиков, занимающих жесткую позицию в отношении

Литература:

1. Белоцерковский С.Д. Система правового регулирования борьбы с организованной преступностью и научные основы ее оптимизации. М., 2011. 585 с.
2. Макаров Д.Г. Экономические и правовые аспекты теневой экономики. «Вопросы экономики». 1998. № 3.
3. Организованная преступность («Проблемы, дискуссии, предложения»). М. : Юрид. лит., 1989. 352 с.
4. Преступность, организованная преступность и проблемы безопасности / Под ред. А.И. Долговой. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2010. 248 с.
5. Преступность, уголовная политика, закон / Под ред. профессора А.И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация. 2016. 553 с.
6. Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом / Под ред. А.И. Долговой. М. : Российская криминологическая ассоциация. 2008. 320 с.
7. Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы ХУ Международной научно-практической конференции. М. : РГ – Пресс, 2018. 688 с.

экономических интересов организованной преступности или выступают за активную борьбу с ней; дестабилизация социально-политической ситуации в отдельных регионах, где может состоять угрожающая интересам организованной преступности ситуация.

Literature:

1. Belotserkovsky S.D. The system of legal regulation of the fight against organized crime and the scientific basis for its optimization. M., 2011. 585 p.
2. Makarov D.G. Economic and legal aspects of the shadow economy. «Questions of Economics». 1998. № 3.
3. Organized crime («Problems, discussions, proposals»). M. : Jurid. lit., 1989. 352 p.
4. Crime, organized crime and security problems / Ed. A.I. Debt. M., Russian Criminological Association, 2010. 248 p.
5. Crime, criminal policy, law / Ed. Professor A.I. Debt. M. : Russian Criminological Association, 2016.553 p.
6. Improving the fight against organized crime, corruption and extremism / Ed. A.I. Debt. M. : Russian Criminological Association. 2008. 320 p.
7. Criminal law: development strategy in the 21st century: materials of the XY International scientific-practical conference. M. : RG – Press, 2018. 688 p.

Васильева Елена Игоревна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры регионального
и муниципального управления,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
vasilyeva-ekb@yandex.ru

Зерчанинова Татьяна Евгеньевна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры регионального
и муниципального управления,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
zerchaninova-te@ranepa.ru

**ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ
С СООТЕЧЕСТВЕННИКАМИ**

Аннотация. Цель статьи – изучение зарубежного опыта правового регулирования государственной поддержки соотечественников, проживающих за рубежом. В исследовании рассмотрен опыт стран Центральной Европы. Научная новизна: выявлены институциональные основы государственной политики стран Центральной Европы в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на основе сравнения правовых норм, регулирующих отношения с соотечественниками, выделено три группы стран.

Ключевые слова: конституции, соотечественники за рубежом, государство, гражданство, государственная политика, государственная поддержка, государственные программы, правовое регулирование, Центральная Европа.

Анализ правовых основ взаимодействия с соотечественниками, проживающими за рубежом, показывает, что конституции Центрально-Европейских стран содержат положения о соотечественниках, и все государства приняли специальный закон о диаспоре и / или соотечественниках за рубежом, однако, содержательно нормативные акты существенно различаются¹ [1].

Первая группа стран (Словения, Румыния и Словакия) используют общие, недифференцирован-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00760.

Elena I. Vasileva

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Regional
and Municipal Administration,
Russian Academy of Public Administration
and Public Service
President of the Russian Federation
vasilyeva-ekb@yandex.ru

Tatiana E. Zerchaninova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Regional
and Municipal Administration,
Russian Academy of Public Administration
and Public Service
President of the Russian Federation
zerchaninova-te@ranepa.ru

**FOREIGN EXPERIENCE
OF LEGAL REGULATION
OF RELATIONS WITH COMPATRIOTS**

Annotation. The purpose of the article is to study foreign experience in legal regulation of state support for compatriots living abroad. The study examines the experience of Central European countries. Scientific novelty: the institutional foundations of the state policy of the Central European countries in relation to compatriots living abroad have been identified, on the basis of a comparison of legal norms governing relations with compatriots, three groups of countries have been identified.

Keywords: constitutions, compatriots abroad, state, citizenship, state policy, state support, state programs, legal regulation, Central Europe.

ные меры для взаимодействия со своими соотечественниками, живущими за рубежом.

Закон в Словакии устанавливает статус «словаков за границей», на получение которого могут претендовать словаки и их потомки вплоть до третьего поколения. Статус подтверждается специальным сертификатом соотечественника за рубежом (фактически, речь идет о квазигражданстве [2]) и предполагает ряд льгот для его обладателей (льготные условия проживания, трудо-

устройства, образования и т.д.). Страна проявляет большой интерес к своим землякам за рубежом, поддерживает связь с ними, способствует развитию словацкой культуры в общинах, оказывает всестороннее содействие в обмене опытом словацкого населения и заграничных словаков. В частности, в 2005 году вышел «Закон о словаках, проживающих за рубежом», а в 2006 году был создано Ведомство по делам словаков, проживающих за рубежом.

Закон Словении устанавливает, что все словенцы за границей, независимо от их места жительства, являются частью словенской нации [3]. Статус словенца за границей без получения словенского гражданства можно приобрести, если доказать свое словенское происхождение, участие в словенских организациях за рубежом и эффективные связи с родиной. Статус дает преимущества в области культуры, образования, труда и науки на территории Словении.

Румыния, в отличие от рассмотренных ранее стран, не создала отдельного специального статуса для соотечественников за рубежом. В соответствии с данными Департамента по работе с румынами за рубежом (ДРР) Правительства Румынии, около 9 млн. представителей румыноязычных общин проживает за пределами страны. К ним ДРР относит и 78 % населения Республики Молдова – около 3 млн человек [4]. Как в законе 1998 года, так и в новом законе 2007 года говорится о поддержке, которую Румыния оказывает румынам за рубежом (в румынском языке используется формулировка «румыны повсюду» или «румыны по всему миру»). Важный вклад румынского закона 1998 года заключается в том, что он учредил фонд поддержки румын за рубежом. Закон Румынии 2007 года уделяет особое внимание новейшей диаспоре (трудовым мигрантам в странах Западной Европы).

Вторая группа стран (Хорватия и Сербия) использует дифференцированные механизмы взаимодействия с различными группами соотечественников. Обе эти страны выделяют разные типы соотечественников за рубежом.

В Законе Республики Хорватии выделяется три группы соотечественников:

- 1) хорваты Боснии и Герцеговины;
- 2) автохтонные хорватские нацменьшинства, населяющие 12 стран Европы;
- 3) хорватские эмигранты в других европейских и заокеанских государствах. Как объясняют законодатели, подобная градация необходима для удобства при выборе механизмов политико-дипломатической защиты прав и свобод соотечественников в зависимости от страны пребывания.

Кроме того, опираясь на модель своих словенских соседей, хорваты решили ввести статус «Хорвата без хорватского гражданства» для той категории лиц, которые в соответствии с законодательством страны пребывания не могут иметь двойное гражданство [5]. Закон создает особый статус для тех хорватов за границей, которые не

имеют хорватского гражданства (и не могут иметь двойное гражданство из-за законодательства страны их проживания), что дает им право на ряд льгот в Хорватии.

Закон Сербии (Закон о диаспоре и сербах в регионе) аналогичным образом определяет различные группы соотечественников: «диаспора» объединяет недавних сербских эмигрантов, а также их потомков, в то время, как категория «сербы в регионе» обозначает родственные сербские меньшинства в постъюгославских странах, Венгрии, Албании, Болгарии и Румынии [6]. В законе определены приоритеты отношений Сербии с соотечественниками за рубежом: язык, экономическое сотрудничество, защита прав меньшинств. Кроме того, закон создает институциональные основы сербской диаспоральной политики и направления работы с соотечественниками (например, День сербов за рубежом и различные формы поощрения сербов, проживающих за рубежом, которые внесли значительный вклад в развитие Сербии).

Третья группа стран использует избирательный подход при взаимодействии с соотечественниками, сосредотачивая усилия только на определенной этнической группе, но не на диаспоре (Польша и Венгрия).

Венгерский закон о статусе соотечественника вызвал международный скандал и напряженные отношения с двумя соседними странами. Он имеет название «Закон о венграх, проживающих в соседних странах», поэтому из названия ясно, что он применим только для венгерских национальных меньшинств, но не для венгерской диаспоры. Статус, получаемый на основе данного закона, подтверждается специальным официальным сертификатом (венгерская карта), который дает право на получение различных льгот в Венгрии (общественный транспорт, здравоохранение, образование и т.д.). Румыния и Словакия выступили против закона, утверждая, что «Закон о венграх, проживающих в соседних странах», нарушает их территориальный суверенитет. Дебаты завершились докладом Венецианской комиссии «О преференциальном обращении с национальными меньшинствами их родственными государствами», который был первым международным документом о правах и обязанностях родственных государств [7]. Кроме того, в Венгрии предусмотрена упрощенная процедура получения гражданства, также, страна активно защищает интересы своих граждан, живущих за границей.

Польша уделяет значительное внимание работе с соотечественниками. Работа с польской диаспорой нашла отражение на конституционном уровне. В соответствии со статьей 52 Конституции Польши, «лицо, польское происхождение которого было подтверждено в соответствии с законом, может постоянно поселиться на территории Польской Республики» [8].

Таким образом, в результате исследования выявлены сходства и различия правового регулирования отношений с соотечественниками в трех группах стран Центральной Европы. Можно

утверждать, что центрально-европейские законы о статусе соотечественника за рубежом неоднородны по своим последствиям. Хотя большинство из них не проводит различий между

коренным меньшинством и диаспорой, венгерские и польские законы распространяют статус соотечественника исключительно на коренное меньшинство.

Литература:

1. *Kovács E.* Post-Socialist Diaspora Policies: Is There a Central-European Diaspora Policy Path? *Hungarian Journal of Minority Studies*. 2017. Vol. I. P. 89–109.

2. *Pogonyi S.* The Politics of External Kin-State Citizenship in East Central Europe, EUDO Citizenship Observatory. Robert Schuman Centre for Advanced Studies / S. Pogonyi, M.M. Kovács. 2010. URL : <http://eudo-citizenship.eu/docs/ECEcompreport.pdf> (date of application 12.04.2020).

3. *Medved F.* Unified Slovenian Nation: Slovenian Citizenship Policy towards Slovenians Abroad, *Minority Studies*, № 16. Special Issue: Trends and Directions of Kin-State Policies in Europe and Across the Globe. 2013. P. 153–187.

4. Румыния и диаспора: улучшить имидж соотечественников за рубежом. URL : https://www.ruvek.ru/publications/rumyniya_i_diaspora_uluchshit_imidzh_sootechestvennikov_za_rubezhom_9744/ (дата обращения 12.03.2020).

5. Хорватия и диаспора: поддерживать и развивать связи с исторической родиной. URL : https://www.ruvek.ru/publications/khorvatiya_i_diaspora_podderzhivat_i_razvivat_svyazi_s_istoricheskoy_rodinoy_9459/ (дата обращения 12.03.2020).

6. Documents. The Office for Cooperation with the Diaspora and Serbs in the Region, accessed June 6, 2017. URL : <http://www.dijaspora.gov.rs/en/documents/> (date of application 12.03.2020).

7. *Kántor Z.* Status Law and ‘Nation Policy’: Theoretical Aspects, in *The Hungarian Status Law: Nation Building And/Or Minority Protection*. Sapporo: Hokkaido University, Slavic Research Center, 2004.

8. Конституция Польской Республики. URL : http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/poland/poland-r.htm (дата обращения 12.04.2020).

Literature:

1. *Kovács E.* Post-Socialist Diaspora Policies: Is There a Central-European Diaspora Policy Path? *Hungarian Journal of Minority Studies*. 2017. Vol. I. P. 89–109.

2. *Pogonyi S.* The Politics of External Kin-State Citizenship in East Central Europe, EUDO Citizenship Observatory. Robert Schuman Centre for Advanced Studies / S. Pogonyi, M.M. Kovács. 2010. URL : <http://eudo-citizenship.eu/docs/ECEcompreport.pdf> (date of application 12.04.2020).

3. *Medved F.* Unified Slovenian Nation: Slovenian Citizenship Policy towards Slovenians Abroad, *Minority Studies*, № 16. Special Issue: Trends and Directions of Kin-State Policies in Europe and Across the Globe. 2013. P. 153–187.

4. Romania and the Diaspora: to improve the image of compatriots abroad. URL : https://www.ruvek.ru/publications/rumyniya_i_diaspora_uluchshit_imidzh_sootechestvennikov_za_rubezhom_9744/ (date of application 03/12/2020).

5. Croatia and Diaspora: maintain and develop ties with their historical homeland. URL : https://www.ruvek.ru/publications/khorvatiya_i_diaspora_podderzhivat_i_razvivat_svyazi_s_istoricheskoy_rodinoy_9459/ (date of application 12.03.2020).

6. Documents. The Office for Cooperation with the Diaspora and Serbs in the Region, accessed June 6, 2017. URL : <http://www.dijaspora.gov.rs/en/documents/> (date of application 12.03.2020).

7. *Kántor Z.* Status Law and ‘Nation Policy’: Theoretical Aspects, in *The Hungarian Status Law: Nation Building And/Or Minority Protection*. Sapporo: Hokkaido University, Slavic Research Center, 2004.

8. Constitution of the Republic of Poland. URL : http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/poland/poland-r.htm (date of application 12.04.2020).

Величко Алексей Михайлович

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры
международного права,
Кемеровский
государственный университет
vizant63@yandex.ru

Китова Людмила Юрьевна

доктор исторических наук,
доцент,
профессор кафедры археологии,
Кемеровский
государственный университет
lyudmila.kitova@mail.ru

**КАНОН И ОРГАНЫ ЦЕРКОВНОЙ
ВЛАСТИ: К ВОПРОСУ
О КАНОНИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ**

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические проблемы формирования и развития церковного права. Дается детальная характеристика одного из малоисследованных направлений правотворческой деятельности – канонической рецепции. На основе анализа церковных источников обосновывается вывод о том, что внешний авторитет органов церковной власти имеет второстепенное значение в канонической рецепции. На основе анализа конкретного историко-правового материала обосновывается существование двух основных направлений рецепции: формализация органами церковной власти уже сложившихся правовых обычаев, рецепированный всей Церковью, и инициирование церковными структурами новых правил, исходя из потребностей церковной жизни. Констатируется факт десакрализации права, которое, с точки зрения религиозного сознания, после этого перестало быть правом в буквальном смысле слова, поскольку в нем отрицается абсолютный характер заложенной в правовом акте нравственной идеи.

Ключевые слова: Церковь, право, правотворчество, каноническая рецепция, каноны, канонический акт.

■ ■ ■

Как и всякая правотворческая деятельность, каноническая рецепция нуждается во внешних формах своей реализации. Помимо этого, бесспорно, что для установления и сохранения порядка в каждом социуме необходима общепризнанная власть: таковая существует и в Церкви. Без органов церковной власти рецепция, конечно, невозможна. Именно иерархи вводят в действие правила и отменяют, когда обнаруживается их несоответствие общецерковным принципам и основам христианского вероучения. Либо, когда они

Alexey M. Velichko

Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department
of International Law,
Kemerovo State University,
vizant63@yandex.ru

Lyudmila Yu. Kitova

Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department of Archeology,
Kemerovo State University
lyudmila.kitova@mail.ru

**CANON AND CHURCH
AUTHORITIES: ON THE QUESTION
OF CANONICAL RECEPTION**

■ ■ ■

Annotation. The article deals with the theoretical problems of formation and development of Church law. A detailed description of one of the little – studied areas of law-making activity-canonical reception is given. Based on the analysis of Church sources, the conclusion is substantiated that the external authority of Church authorities is of secondary importance in canonical reception. Based on the analysis of specific historical and legal material, the author substantiates the existence of two main areas of reception: the formalization by Church authorities of already established legal customs, received by the entire Church, and the initiation by Church structures of new rules, based on the needs of Church life. The author States the fact of desacralization of the law, which, from the point of view of religious consciousness, then ceased to be a law in the literal sense of the word, since it denies the absolute nature of the moral idea embedded in the legal act.

Keywords: Church, law, adoption of laws, canonical reception, canons, canonical act.

■ ■ ■

устарели. И в этом отношении они безальтернативны и не связаны ничьим мнением или волей.

«Закон, вызывающий против себя оппозицию в Церкви, – справедливо писал известный канонист, – есть все-таки закон, пока он не будет отменен законодателем. Не невозможно, что с прояснением взглядов, тот же самый закон будет признан вполне соответствующим духу Церкви. Если бы всякий закон был только выражением народного правосознания или народного

юридического убеждения, то законодателям не было бы надобности выступать реформаторами юридического порядка и выдерживать борьбу с инерцией или явным сопротивлением, для доставления торжества лучшим началам над худшими» [1, с. 238].

Однако своеобразии канонической рецепции как раз и заключается в том, что она свободна от плена отвлеченных идей и форм. Никаким формам никоим образом нельзя придавать в Церкви самостоятельное значение. А потому едва ли допустимо с точки зрения исторической логики и фактов утверждать, будто Собор епископов сам по себе является наиболее адекватной формой выявления, установления и узаконения истины. Мы знаем множество Соборов архиереев, как раз на истину и посягнувших, пусть и по-доброму заблуждаясь. Знаем и прецеденты, когда составляющие разные Соборы одни и те же архиереи высказывались кардинально различно по одним и тем же вопросам. Используем в качестве примера, события марта 843 г., когда императрица св. Феодора (842–856) торжественно провозгласила обязательность иконопочитания и была поддержана в своем решении, хотя многие епископы и клирики незадолго до этого дня занимали противоположные позиции. Откровенно говоря, трудно отделаться от мысли, что резкая смена мнений была обусловлена не внезапным «просветлением» некоторых архиереев, а, банально, конъюнктурными соображениями.

На самом деле, в известной степени для рецепции имеет второстепенное значение внешний авторитет органов церковной власти. И это понятно. Каноническая рецепция включает в себя не только формальное сравнение предлагаемого Церкви нового канона с текстами Священного Писания, но и опытную, проверенную жизнью конкретного христианина проверку его соответствия церковному учению Христа.

Поэтому значение «церковных обывателей» никак нельзя недооценить. «Закон, который идет вразрез с церковным сознанием, не может рассчитывать на действующую силу в Церкви. И не потому, чтобы духовной иерархии не принадлежало право кассировать или, напротив, канонизировать закон, а потому что церковная совесть не допустит проведения в жизнь противоречащего духу Церкви закона, хотя бы и духовная иерархия склонялась к его одобрению» [1, с. 239].

Очевидно, попытка придать органам церковной власти значение окончательного судии базируется на откровенной аналогии их с органами государственной законодательной власти. И как не обратить внимания на удивительную тенденцию: подобные попытки обычно принадлежат лицам, желающим максимально отделить Церковь от государства, установить для нее особую «параллельную» сферу бытия, ссылаясь на различие природ обоих союзов?! [2, с. 497]. Но идя по этому пути, именно такие исследователи искусственно «огосударствляют» Церковь, что не может не вызывать обоснованного удивления.

Разумеется, никакого сходства в этом процессе между органами государственной и церковной власти на самом деле не усматривается. Говорим мы о древних временах, либо о нашей эпохе, но для правоведа аксиоматичным является утверждение, что акт, принятый уполномоченным органом власти, признается действующим до тех пор, пока не отменен в надлежащем порядке своим же создателем. Законодательный орган власти как бы распространяет властный статус на собственное детище, возвышает его в иерархической системе правовых актов данного общества.

Стало привычным говорить, что закон выше, скажем, постановления правительства или приказа какого-либо органа исполнительной власти. И именно потому, что принят специальным законодательным собранием, чьей прерогативой его создание и является. Даже факт отвержения закона народным сознанием никак не влияет на его иерархическое положение в системе права, не говоря уже об объеме полномочий издавшего этот закон органа.

Сегодня считается юридической аксиомой, что процессы правообразования, полномочия законодательного органа и применения закона не зависят друг от друга. В умах исследователей они существуют как параллельные области правового бытия, и вопрос их органической взаимосвязанности обычно не привлекает к себе внимания ученых. Есть законодатель, есть и закон как результат его деятельности. Конечно, никакой законодатель не может полностью игнорировать реакцию своих граждан на то или иное узаконение. Но вместе с тем он вовсе не связан народными настроениями, действует вполне автономно и самостоятельно, ориентируясь на собственные приоритеты и идеологизмы. Граждане могут не любить закон, могут игнорировать его или даже бойкотировать, но от этого он не перестает быть законом, действующим во времени и пространстве.

Очевидно, что в отношении канонической рецепции сказанное выше малоприменимо. Ведь сила канонического акта и его способность к рецепированию зависят от других обстоятельств. Для Церкви тот орган свой и высший, который излагает истину, вне зависимости от наименования. Только решения, принятые всей Церковью, как полезные и благодатные, считаются рецепированными.

Известно немало примеров, когда решения органов церковной власти не признавались Церковью, и она отказывала им в рецепции. Мы знаем множество весьма авторитетных и многочисленных церковных собраний, решения которых были отвергнуты христианским народом, например, Миланский собор 355 г., «Разбойный собор» 449 г., иконоборческий Собор 754 г., Константинопольский собор 815 г. и т.д. Нельзя не упомянуть и Поместные соборы различных Церквей, решения которых многократно отменялись, корректировались и ревизовались.

Не вполне корректно расхожее утверждение, будто церковные каноны творились Вселенскими

Соборами. В действительности те зачастую лишь подытоживали практику, действовавшую веками и признанную Церковью каноничной. И ни один, самый авторитетный и многочисленный Собор не обладает исключительным иммунитетом от возможной ошибки. «В древней истории, – справедливо полагал Н.С. Суворов (1848–1909), – не Вселенский Собор сам по себе устанавливал непогрешимое учение: печать непогрешимости сообщалась соборным определениям лишь позднейшим церковным признанием» [1, с. 235].

Примечателен в этом отношении Трулльский Собор, подтвердивший универсальный характер актов некоторых местных Соборов, а также правил и посланий Святых Отец, за которыми было признано каноническое значение. Однако во 2 правиле Собора прямо заявлено, что он является не столько законодателем, сколько свидетелем истины. Его Отцы «...признают достойным прекрасного и крайнего тщания, чтобы отныне ко исцеления душ и уврачеванию страстей, тверды и ненарушимы пребывали приятныя, и утвержденныя бывшими прежде нас святыми и блаженными отцами». И тут же оговариваются, что в этих правилах «...повелено нам приимати оных же святых апостолов постановления». Им вторят отцы VII Вселенского Собора: «Будучи обязаны хранить все божественные правила, мы должны также охранять всеконечно неизменным...» и далее по тексту.

Практическое значение рецепции в том и состоит, что не вполне православные нормы действуют в Церкви лишь до тех пор, пока общецерковным мнением не постигается их ошибочность, хотя бы отвергнутые правила и принадлежали самым авторитетным органам церковной власти или харизматикам. Ценность церковного закона заключается исключительно в его способности дать наиболее истинное, верное правило регулирования поведения, соответствующее христианскому учению. В этом отношении способность выразить истину признается и за Вселенским Собором, и органом одной Поместной Церкви, и отдельным харизматическим лицом, вне зависимости от времени и места его проживания и социального статуса (св. Афанасием Великим, св. Василием Великим, прп. Максимом Исповедником и т.д.)

История Церкви многократно свидетельствует в пользу сказанных слов. Хрестоматийным для рецепции и загадочным для внецерковного правопонимания является Антиохийский собор 341 г. Созванный для разрешения вселенского христологического спора, он в догматическом отношении был не на высоте, и Церковь не восприняла его оросы. Однако правила этого Собора (25 канон), в догматическом отношении ставшего для Церкви чужим, вскоре получили повсеместное признание и вошли в корпус ее основополагающих правовых актов.

Другой яркий пример – Сардикский собор 343 г. Его догматические определения не были признаны на Востоке, зато каноны (20 правил) реципированы всеми Поместными Церквями, как универсальные и общеобязательные. Хотя, как мы увидим далее, трактуются по-разному.

Как известно, Александрийский патриарх Феофил (385–412) являлся одним из яростных противников Константинопольской кафедры и ее великого предстоятеля св. Иоанна Златоуста (398–404). Именно при его непосредственном участии и руководстве был организован в июле 403 г. «Собор под дубом», на котором святителя безосновательно осудили при грубейшем нарушении судебных процедур. Все эти обстоятельства рисуют не самый приглядный портрет архиерея одной из величайших Поместных Церквей. Тем не менее, ответы Феофила некоторым лицам внесены в свод канонических правил, как истинное выражение мнения всей Церкви без оглядки на его личные качества. А на Халкидонском Соборе отрывки из 5 и 6 Пасхальных посланий Феофила были зачитаны наравне с творениями Святых Отец и Учителей Церкви, как подлинное изложение веры [3, с. 190].

Но еще более любопытен прецедент, случившийся с законодательством императоров-иконоборцев. Хотя в «Эпанагоге» царей Македонской династии и говорится о необходимости отменить и исправить «несообразности, изданные исаурицами в противность божественному догмату и на разрушение спасительных законов», в действительности многие законодательные акты императоров Льва III (717–741) и Константина V (741–775) были воспроизведены в новеллах императора Льва VI Мудрого [4, с. 574, 600–609]. Не говоря уже о том, что эти «несообразности» вошли в состав русской «Кормчей книги» 800 лет спустя.

Как известно, иерархическое, административное церковное устройство является той областью, вторжение куда, пусть даже и неосторожное, может вызвать бурную и отрицательную (чаще всего) реакцию. И распространение действий акта властного органа конкретного патриархата или местной канонической практики на соседнюю территорию не относилось к числу явлений, укрепляющих межцерковное общение. И эту реакцию легко объяснить по аналогии с государственным правом: никому даже в голову не придет, что некие правовые акты, применяемые в данном обществе, могут принадлежать перу органов власти другого государства.

Многочисленные примеры заимствования чужих правовых идей, понятий, норм и институтов встречаются повсеместно. Но, как правило, они носят эклектичный, разрозненный и выборочный характер. Кроме того, чужие идеи всегда облакаются в национальные традиции тех народов, которые прибегают к их использованию. Даже международные акты, как правило, применяются сегодня на территории того или иного политического образования после их ратификации. Хотя международное право налагает в целом на конкретное государство определенные обязанности, однако оно самостоятельно определяет органы, ответственные за исполнение международных норм на своей территории [5, с. 284].

Но такие прецеденты никак нельзя назвать редкими, когда речь заходит об актах предстоятелей Римской и Константинопольской кафедр. Постановления Константинопольского синода и

Римских соборов веками считались обязательными соответственно на Востоке и Западе. А между тем, эти акты, многие из которых позднее были включены в состав канонического права, на тот момент времени, когда их рецепирование еще не состоялось, с формальной точки зрения являлись для других Поместных Церквей не своими.

Очень сложно описать каноническую рецепцию в конкретных процессуально-правовых формулах. Хотя никакой правовой регламентации рецепции просто не существует, практика пошла по двум путям. Органы церковной власти (кафолические и местные) либо формализуют уже сложившийся правовой обычай, рецепированный всей Церковью, либо иницируют правила, исходя из потребностей церковной жизни. Одно без другого невозможно, любой перекокс в ту или иную сторону моментально ломает устоявшийся за века внутренний механизм церковного законотворчества.

Процесс формирования канона и его опытной апробации весьма сложен и включает в себя множество промежуточных стадий и даже допускает дублирование норм. Что, вообще-то, не очень приветствуется с точки зрения обычной юридической техники. Не удивительно, поэтому, наличие массы канонов, разнящихся по времени и месту их появления на свет, сформулированных различными органами церковной власти, но установивших одинаковые (или очень сходные между собой) правила.

Например, каноны об обязательном проведении местных Соборов епископов: 19-е правило Халкидонского Собора, 8-е правило Трулльского Собора, 6 канон VII Вселенского Собора, 20-й канон Антиохийского собора, 40-е правило Лаодикийского собора и т.д. Церковь как бы раз за разом проверяет себя, насколько местные Соборы необходимы для нормальной организации церковной жизни и полноценного взаимодействия и священноначалия, и пресвитерства, и мирян.

Процесс восприятия Церковью канонов весьма сложен. Само собой разумеется, что лишь те каноны считаются обязательными для всей Кафолической Церкви, которые испытали на себе вселенскую рецепцию всего христианского общества и утвердились в своем качестве Вселенскими Соборами. Хотя часть канонов (например, правила Константинопольских соборов 861 и 879 гг., послания патриарха св. Тарасия (784–806) вообще не имеет отношения к этим великим собраниям.

Кроме того, мы знаем множество местных актов церковного права, действующих на территории какой-то конкретной Поместной Церкви наряду с вселенскими канонами, но не применяющихся другой Поместной Церковью. Общий принцип, что местные правила могут применяться в тех случаях, когда не противоречат вселенским канонам или конкретно не отвергнуты всей Кафолической Церковью [6, с. 11–12], также знает множество пограничных ситуаций. Когда, к примеру, даже в условиях единой Кафолической Церкви один и тот же вселенский канон по своей рецепции очень сильно различается географически.

Так, ссылаясь на 4-й и 5-й каноны Сардикского Собора («Если какой-нибудь епископ, судом епископов в соседстве находящийся, извержен будет из сана и речет, что он вновь возлагает на себя долг оправдания, то не прежде поставлять другого на его место, разве, когда епископ Римский, дознав дело, произнесет свое определение по оному»), латиняне признают право Римского папы выступать для Церкви в качестве высшей судебной инстанции. Но в правоприменительной практике Востока это правило было усвоено в гораздо более скромной для Рима редакции. Данный прецедент далеко не единичен: достаточно вспомнить кардинальные разночтения между Востоком и Западом по поводу 6 канона Никейского Собора 325 г., породившие 1 правило Карфагенского собора 419 г., отнесенное Восточной церковью к разряду вселенских канонов.

Не редки также ситуации, когда в той или иной Поместной Церкви некоторые вселенские каноны вообще практически не востребованы. Например, в Российской империи применялось брачное законодательство времен Вселенских Соборов (в частности, каноны Трулльского Собора), а на греческом Востоке – правовые нормы гораздо более поздних времен: императорские узаконения на этой счет, акты Константинопольского синода и постановления самих патриархов [1, с. 352].

Или наоборот, применяются правила, не оговоренные в писаных актах или вообще возникшие спонтанно в канонической практике. К примеру, в «Кормчей книге» повторяется правило из «Василик» (XIV титул XXVIII книги) о недопустимости вдовице повторно выходить замуж до истечения траурного года, дабы она освободилась от сени покойного супруга. Однако в России, в частности, церковная практика проигнорировала данный запрет [1, с. 368]. И в более позднем официальном сборнике, составленном митрополитом Макарием (Булгаковым) (1879–1882), говорится всего лишь о «времени сетования», по окончании которого второй брак допускается церковными властями [7, с. 287].

При наличии в те века единого центра церковной власти в лице Византийского императора эти противоречия между разными церковными кафедрами обычно сглаживались, после же его упразднения расхождения сделались явственными и гораздо более болезненными. Разумеется, при отсутствии единства Вселенской Церкви, в условиях, когда некоторые Поместные Церкви прервали между собой евхаристическое общение, вселенский законотворческий процесс фактически останавливается. Поскольку в такой ситуации отсутствуют единые централизованные органы церковной власти, способные «запустить» правовой процесс и, что не менее важно, подытожить его формальным закреплением статуса канонического акта, рецепция затухает, хотя и не прекращается вообще.

Отметим, что формальным узаконением правового обычая или провозглашением правила, принятого Церковью как истинного, процесс рецепции отнюдь не прекращается. Даже каноны, полностью встроены в корпус канонических

актов, продолжают проверку рецепцией через многие века после их формального утверждения и даже признания.

В этой связи уже не кажется удивительной обратная ситуация, когда ранее действовавшие вселенские каноны в силу определенных обстоятельств отошли в разряд «мертвого права», но не исключены из свода правил. Например, сегодня не действуют акты, касающиеся института хорепископов и диаконисс. И в этом отношении они, по логике вещей, должны были бы быть формально преданы забвению, дабы не вносить сумятицу в умы прихожан. Но этого на самом деле не произошло, и не только по причине того, что Вселенские Соборы не собираются уже более 1400 лет и потому-де отсутствует уполномоченный для этой деятельности орган. Мы уже видели, что многие каноны не имеют отношения к деяниям этих великих церковных собраний. А главной причиной «консервации» канона является то, что самим фактом своего существования они участвуют в формировании новых, современных актов церковного права, негласно участвуя в этом законотворческом каноническом процессе и как высший судья, на который равняется Церковь, и как носитель определенных канонических идей и тенденций, которые не должны прерываться.

Приведенная характеристика канонической рецепции выглядит довольно необычно для взгляда современного правоведа, что на самом деле вполне объяснимо. По одному тонкому и

глубокому наблюдению, древнему правосознанию вообще была чужда идея отвлеченной справедливости, поскольку оно целиком и полностью ориентировалось на конкретные религиозные начала. А потому правильным считалось не то правило, которое «справедливо», а шедшее в фарватере конкретной религиозной идеи. «Древнее государство было подвластно религии. Государство и религия были так тесно слиты между собой, что было невозможно не только подумать о возможности столкновения между ними, но даже нельзя было различить их друг от друга» [8, с. 140]. Естественное, присущее человеческому сознанию чувство правды соединялось с убеждением, что закон является не только человеческим установлением, но и божественным. И нарушитель закона если и может избежать человеческого суда, то никуда не уйдет от божественного возмездия за свое преступление [9, с. 23].

Очевидно, что сегодня приходится констатировать факт десакрализации права, которое, с точки зрения религиозного сознания, после этого перестало быть правом в буквальном смысле слова, поскольку в нем отрицается как абсолютный характер заложенной в правовом акте нравственной идеи, так и ее божественное происхождение. Нет, разумеется, оно продолжает оставаться некой объективной реальностью, с которой человек должен сосуществовать и примиряться (хотя бы и вынужденно), но уже не вмещает в себя его «я», отдавая предпочтение защите абстрактных «интересов» и «прав» некоего условного индивида.

Литература:

1. Суворов Н.С. Учебник церковного права. М., 2004.
2. Цыпин Владислав, протоиерей. Курс церковного права. Клин, 2002.
3. Деяния Вселенских Соборов : в 4 т. СПб., 1996. Т. 2.
4. Васильевский В.Г. Законодательство иконоборцев // Избранные труды : в 2-х книгах. Книга II. М., 2010.
5. Международное право : в 6 т. / Под ред. Р.А. Мюллерсона и Г.И. Тункина. М., 1989. Т. 1.
6. Иоанн (Соколов В.С.). Опыт курса церковного законоведения. СПб., 1825. Т. 1.
7. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. Собрание материалов для науки канонического права Русской Православной Церкви, изложенное в систематическом порядке. Белгород; М.; Сольба, 2012.
8. Фюстель де Куланж Н.Д. Древняя гражданская община. Исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима. СПб., 1903.
9. Лашкарев П. Право церковное в его основах, видах и источниках. Киев; СПб., 1889.

Literature:

1. Suvorov N.S. Church law textbook. M., 2004.
2. Tsypin Vladislav, archpriest. Church Law Course. Klyn, 2002.
3. Acts of the Ecumenical Councils : in 4 vol. Vol. 2. SPb., 1996.
4. Vasilievsky V.G. Legislation of the Iconoclasts // Vasilievsky V.G. Selected Works : in 2 books. Book II. M., 2010.
5. International law / Ed. R.A. Mullerson and G.I. Tunkin : in 6 vol. M., 1989. Vol. 1.
6. John (Sokolov V.S.). Experience of the course in church jurisprudence. SPb, 1825. Vol. 1.
7. Macarius (Bulgakov), Metropolitan of Moscow and Kolomna. A collection of materials for the science of canon law of the Russian Orthodox Church, presented in a systematic manner. Belgorod; Moscow; Solba, 2012.
8. Fustel de Coulanges N.D. Ancient civil community. Research on worship, law, institutions in Greece and Rome. SPb., 1903.
9. Lashkarev P. Church law in its foundations, types and sources. Kiev; SPb., 1889.

Головачева Екатерина Алексеевна
юрист,
ООО «Ингеоклуб»
mal.malina2018@yandex.ru

Ekaterina A. Golovacheva
Lawyer,
Ingeoklub LLC
mal.malina2018@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ И ПРЕДПРИЯТИЙ, ОКАЗЫВАЮЩИХ МЕДИЦИНСКИЕ УСЛУГИ В РФ

FEATURES OF BRINGING TO CIVIL LIABILITY OF PERSONS AND ENTERPRISES, PROVIDING MEDICAL SERVICES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Основной проблемой привлечения к ответственности лиц и предприятий, оказывающих медицинские услуги, является отсутствие единого всеобъемлющего мнения на счет содержания понятия медицинской услуги в рамках объекта гражданского права и единого подхода к основаниям и условиям применения ответственности относительно медицинских услуг. В нормативно-правовую базу, на основании которой определяют ответственность за ненадлежащее оказание медицинских услуг, входят такие документы, как: Федеральный закон № 323 «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации», Закон «О защите прав потребителей» и Гражданский кодекс Российской Федерации. На основании этих законов авторов статьи выделены на его взгляд некоторые особенности привлечения к гражданской ответственности лиц и предприятий оказывающих медицинские услуги в РФ.

Ключевые слова: медицинская услуга, гражданско-правовая ответственность, пациент, договор оказания услуг, возмещение убытков.

Annotation. The main problem of bringing to justice individuals and businesses that provide medical services is the lack of a single comprehensive opinion on the content of the concept of medical services within the framework of civil law and a single approach to the grounds and conditions for applying liability for medical services. The regulatory framework that determines liability for improper provision of medical services includes such documents as Federal law № 323 «on the basics of health protection of citizens of the Russian Federation, the Law «on consumer protection» and the Civil code of the Russian Federation. Based on these laws, the authors of the article highlighted in his opinion some features of bringing to civil liability persons and enterprises providing medical services in the Russian Federation.

Keywords: medical service, civil liability, patient, service agreement, damages.

Много претензий стало появляться к лицам и предприятиям, оказывающим медицинские услуги ненадлежащего качества. Это усугубляется тем, что в науке до сих пор нет единого четкого мнения на счет содержания понятия «медицинская услуга» в рамках объекта гражданского права, также, отсутствует единый подход к основаниям и условиям применения ответственности относительно медицинских услуг, что является основной проблемой привлечения к ответственности лиц и предприятий. В законодательстве Российской Федерации отсутствует четкие определения понятий «медицинская помощь», «услуга», «исполнитель медицинской услуги», «пациент». Из-за отсутствия единой системы законодательства об охране здоровья граждан до сих пор не могут быть решены следующие задачи:

– необходимости повышения уровня окультуривания медицинских работников;

– защиты прав и интересов личности, которой был причинен вред жизни и здоровью различной степени, на должном уровне;

– выявления проблем повышения качества медицинской помощи и ускоренное их решение.

В нормативно-правовую базу, на основании которой определяют ответственность за ненадлежащее оказание медицинских услуг, входят следующие документы:

1. Федеральный закон № 323 «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» [1].
2. Закон «О защите прав потребителей» [2].
3. Гражданский кодекс Российской Федерации [3].

Обратившись к ФЗ № 323, мы видим только одну статью, регулирующую ответственность медицин-

ских организаций и работников, где речь идет о статье 98 [4], однако, она в полной мере не отражает все необходимые моменты. Отдельного законодательства, регулирующего ответственность по данному вопросу в Российской Федерации, пока нет, в связи с этим, правозащитникам приходится обращаться к Закону «О защите прав потребителей» [2], но и здесь есть свой нюанс: применение данного закона не возможно в условиях, когда медицинская услуга была оказана человеку бесплатно, так как данный закон направлен на возмездные договора. Согласно ст. 4 Закона «О защите прав потребителей», исполнитель должен выполнять качественную работу в соответствии с договором. Право пациента на услугу, оказанную безопасно для его жизни без причинения имущественного вреда, описано в ст. 7 выше обозначенного закона. Вред, причиненный некачественно оказанной услугой, может нести имущественную ответственность на основании ст. 14. Возмещение убытков регламентируются статьей 29 Закона «О защите прав потребителей», данный вопрос может быть решен посредством:

- повторного оказания услуги на безвозмездной основе;
- уменьшения цены у оказанной услуги;
- расторжения договора об оказании услуги и требование полного возмещения убытков, причиненных из-за неоказания или оказания не в полной мере медицинской услуги;
- устранения недостатков оказанной медицинской услуги на безвозмездной основе;
- возмещения расходов по устранению недостатков оказанной медицинской услуги самостоятельно или при помощи другой организации.

В соответствии с действующим законодательством РФ, гражданско-правовая ответственность наступает только при наличии полного состава гражданского правонарушения, а условиями наступления такой ответственности при ненадлежащем оказании медицинских услуг лицами или организациями являются:

- причинение пациенту вреда;
- наличие вины, но она возникает не во всех случаях;
- совершение правонарушения;
- наличие причинно-следственной связи между правонарушением и причиненным пациенту вредом.

На основании ст. 1064 ГК РФ, при причинении пациенту вреда его возмещение должно проходить в полном объеме лицом или организацией, причинившие этот вред. Если вред был причинен пациенту в стенах медицинского учреждения по вине ее работников в ходе выполнения ими своих трудовых обязанностей ответственность, согласно ст. 1068 ГК РФ, несет организация, тем самым беря на себя гражданско-правовую ответственность в качестве юридического лица. Под

гражданской ответственностью в медицине стоит понимать меру государственного принуждения, целью которой является восстановление нарушенных прав пациента и удовлетворение их за счет нарушителя. Гражданская ответственность носит возместительный, обременительный характер, так как основное значение придается полному возмещению убытков потерпевшему лицу за счет лиц или организаций, оказавших ненадлежащего качества медицинскую услугу. Рассматриваемая ответственность, в свою очередь, бывает договорной и внедоговорной.

Договорная гражданско-правовая ответственность наступает при нарушениях, по которым в законе прямо прописаны формы и пределы ответственности, либо в договоре между исполнителем и заказчиком есть указание условий и видов ответственности. Речь идет о договорах по оказанию платных медицинских услуг, к которым могут быть применены положения договора подряда в том случае, если нет противоречия специальным нормам ГК РФ. Договор подряда и договор оказания услуг не могут быть признаны тождественными, несмотря на применение одних и тех же правовых норм. Основным отличием этих договоров является характеристика результата работы, по договору оказания услуг он не о веществен, в отличие от договора подряда, где результатом служит вещь.

При рассмотрении ненадлежащего оказания медицинских услуг лицами или организациями под вредом, который был нанесен пациенту, понимается ущерб относительно его нематериальных благ – здоровья, жизни, чести, неприкосновенности частной жизни. Вред в данном контексте бывает имущественный и моральный. Вред, повлекший материальные последствия, называется имущественным. Моральный – страдания как физические, так и моральные, которые были причинены пациенту, сопровождающиеся нарушением его личных неимущественных прав или затрагиваем принадлежащих ему нематериальных благ. Возмещение вреда происходит в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 1064 ГК РФ. Наличие вины не всегда имеет основополагающее значение для последующей квалификации правонарушения, есть случаи наступления ответственности и в отсутствие вины у правонарушителя. Обратимся к статье 1095 ГК РФ [5], здесь мы видим следующее: вред, который был причинен жизни, здоровью или имуществу гражданина, подлежит возмещению тем лицом, которым была оказана услуга и вне зависимости от того, была ли оказана данная услуга по договору или без него. В данном случае подразумевается, что вред наступил в следствие рецептур, конструктивных или иных недостатков услуги, или как следствие недостаточной и недостоверной информации об оказываемой услуге. Наличие вины играет важную роль при причинении морального вреда пациенту при ненадлежащем оказании медицинских услуг лицами или организациями (ст. 151 ГК РФ).

Гражданский кодекс РФ предусматривает также обстоятельства, по которым исключается вина

лиц или учреждений, оказывающих медицинские услуги, и как следствие освобождаются от ответственности, такое становится возможным в следующих случаях:

– были приняты все меры для надлежащего исполнения обязательств в полной мере. Медицинское учреждение освобождается от ответственности, когда результат не был достигнут или же возникли осложнения, но при этом действия врачей были выполнены в полном объеме надлежащим образом;

– современный уровень медицины не гарантирует 100 % результат по конкретно рассматриваемому случаю;

– в случаях, когда медицинское учреждение может доказать, что исполнение услуги по оказанию медицинской помощи надлежащего качества было невозможно ввиду непреодолимой силы (ЧС или непредотвратимых при данных условиях обстоятельств);

Литература:

1. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895

2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 31.07.2020) «О защите прав потребителей». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142

4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2020). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/61fd6990f1c1113fd671ef8b8365f233f832236

5. *Шишов М.А.* Актуальные вопросы юридической ответственности врача // Медицинское право. 2015. № 3. С. 39.

нарушение пациентом (потребителем) установленных лицом или учреждением, оказывающим медицинскую услугу, обязательных к соблюдению правил и норм (режим, диета, диагностические и лечебные процедуры и т.д.);

– невыполнение договора, согласно основаниям, которые позволили лицу или учреждению, оказывающим медицинскую услугу, расторгнуть договор по оказанию этих услуг (ст. 401 ГК РФ).

Рассмотренные нами особенности привлечения к гражданской ответственности лиц и предприятий, оказывающих медицинские услуги в РФ, дает нам возможность понять, что существующая на данный момент правовая база по решению таких гражданско-правовых вопросов не совершенна, так как не учитывает в полной мере всю специфику медицинской деятельности, в виду этого разрешение ряда гражданско-правовых проблем, относительно оказания некачественных медицинских услуг, пока не представляется возможным, что негативно влияет на пациентов и медицинских работников.

Literature:

1. Federal law № 323-FZ of 21.11.2011 «On the basics of public health protection in the Russian Federation». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/

2. Law of the Russian Federation of 07.02.1992 № 2300-1 (ed. of 31.07.2020) «On consumer protection». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305

3. The civil code of the Russian Federation (GK RF). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

4. Federal law № 323-FZ of 21.11.2011 (as amended on 31.07.2020) «On the basics of public health protection in the Russian Federation» (with amendments). and add., Intro. effective from 01.09.2020). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/61fd6990f1c1113fd671ef8b8365f233f832236

5. *Shishov M.A.* Topical issues of the doctor's legal responsibility // Medical law. 2015. № 3. P. 39.

Горшкова Наталья Андреевна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель
кафедры уголовного права
и криминологии юридического факультета,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России,
подполковник внутренней службы
natva33@mail.ru

Зыков Даниил Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
daniilzykov@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТИВНОГО
И СУБЪЕКТИВНОГО ХАРАКТЕРА,
ВЛИЯЮЩИЕ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ
НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ
ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы объективного и субъективного характера, влияющие на эффективность наказания в виде лишения свободы на современном этапе. Проблемы эффективности наказания в виде лишения свободы лежат гораздо глубже, чем это может показаться на первый взгляд. По сути – это комплексная проблема, которая требует решения на государственном уровне. Заметим, что государство последнее время идет по пути наименьшего сопротивления – внедряя и реализуя наказания, не связанные с лишением свободы, а также, применяя условное осуждение к максимально возможному кругу виновных лиц.

Ключевые слова: наказание, лишение свободы, эффективность наказания.

По содержанию мер карательного и ограничительного воздействия наказание в виде лишения свободы стоит на первом месте среди прочих видов. Однако, несмотря на достаточно мощный потенциал профилактического и исправительного воздействия, даже это наказание зачастую не является эффективным.

Эффективность, как определенная мера целевой возможности [1, с. 165], предполагает достижение или не достижение наказанием в виде лишения свободы поставленных уголовным и уголовно-

Natalya A. Gorshkova

Candidate of Legal Sciences,
Senior lecturer of the Department
of Criminal Law and Criminology
of the Faculty of Law,
Vladimir Law Institute
Federal Service the Execution
of Penalties in Russia,
lieutenant colonel of internal service
natva33@mail.ru

Daniil A. Zykov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Penalties in Russia
daniilzykov@mail.ru

**PROBLEMS OF OBJECTIVE
AND SUBJECTIVE CHARACTERS
AFFECTING THE EFFECTIVENESS
OF PUNISHMENT IN THE FORM
OF DEPRIVAL OF FREEDOM**

Annotation. The article discusses problems of an objective and subjective nature that affect the effectiveness of the sentence of imprisonment at the present stage. The problems of the effectiveness of punishment in the form of imprisonment lie much deeper than it may seem at first glance. In fact, this is a complex problem that requires a solution at the state level. We note that the state has recently been following the path of least resistance – introducing and implementing punishments not related to deprivation of liberty, as well as applying conditional conviction to the maximum possible range of perpetrators.

Keywords: punishment, deprivation of liberty, effectiveness of punishment.

исполнительным законодательством целей (ч. 2 ст. 43 УК РФ, ст. 1 УИК РФ). В общей структуре преступности, преступления, совершаемые лицами во время или после отбывания наказания в виде лишения свободы, варьируется в районе 3 % ежегодно [2, с. 16]. Да, этот процент совсем небольшой, но он свидетельствует о том, что даже столь суровое наказание, как лишения свободы, не является на сто процентов эффективным. Причины тому могут быть разные. Они классифицированы нами по природе их возникновения на:

- 1) причины объективного характера;
- 2) причины субъективного характера.

Причины объективного характера – это процессы, происходящие во внешней среде, как в период отбывания осужденным наказания в виде лишения свободы, так и после его отбывания.

Во-первых, замкнутость пространства исправительного учреждения, само по себе, обуславливает некомфортное пребывание осужденных, социальную напряженность, потенциальную опасность возникновения конфликтов. Даже самые стрессоустойчивые люди могут меняться в худшую сторону под воздействием длительных сроков лишения свободы. Об этом свидетельствуют выявленные нами в ходе дополнительных исследований факты совершения преступлений осужденными на самых поздних сроках отбывания наказания.

Во-вторых, сотрудники исправительных учреждений могут сами нарушать нормы федерального законодательства, тем самым, способствуя совершению осужденными преступлений. Речь идет, в первую очередь, о фактах получения взяток (ст. 290 УК РФ) и о сбыте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ). И в том, и в другом случаях привлечение к ответственности должностных лиц предполагает соответствующую квалификацию действий осужденных по ст. 291 УК РФ за факт дачи взятки и по ст. 228 УК РФ за факт незаконного получения наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

В-третьих, есть трудности в организации процесса ресоциализации осужденных после отбывания ими наказания в виде лишения свободы. О позитивном влиянии данного процесса высказывались многие ученые [3; 4]. Однако на практике мы встречаем массу сложностей, начиная от незаинтересованности рынка труда в такой рабочей силе, заканчивая бюрократическими проволочками со стороны сотрудников, в чьи обязанности входит обеспечение данного процесса. Осужденные нередко остаются предоставленными сами себе. У тех, кто отбывал длительные сроки, зачастую, утрачены все полезные социальные связи с семьей, родными, друзьями. Соответственно, им ничего не остается, как вновь становиться на преступный путь, чтобы вернуться в привычную для них среду мест изоляции от общества.

Причины субъективного характера – это внутренние переживания осужденных к лишению свободы факта длительной изоляции и выработка определенного направления поведения, как в процессе отбывания наказания, так и после его завершения. Задача сотрудников исправительных учреждений, как раз, и заключается в своевременной корректировке данного поведения осужденных, постановке их на путь исправления. Но нередко это не дает нужных результатов.

Во-первых, осужденные могут быть настроены отрицательно ко многим требованиям режима исправительного учреждения, могут не исполнять

требования администрации и стремиться отомстить за это другим осужденным. Известно, что отдельные осужденные готовы реализовать поставленные наказанием цели и проявляют положительную активность, сотрудничают с администрацией. Это нередко вызывает негативную реакцию у других осужденных, не приемлющих такого рода «сотрудничество». Конфликт может перерасти в совершение уголовно-наказуемых деяний, одним из которых является преступление, предусмотренное ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества». Так, М., реализуя преступный умысел, противопоставляя себя установленному порядку, условиям исполнения и отбывания наказания, действуя в нарушение порядка деятельности учреждения, преследующего цель исправление осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений и правонарушений, 11 июля 2018 г., находясь в камере № ШИЗО, посредством совершения противоправных действий, умышленно высказал в адрес осужденных, содержащихся в камере № ШИЗО, Потерпевший № 2 и Потерпевший № 1 угрозу применения насилия в случае ношения ими форменной одежды, положенной для ношения осужденным в соответствии с внутренним распорядком дня в исправительном учреждении, а также, в случае осуществления ими приема пищи в целях воспрепятствования правопослушному поведению и исправлению указанных осужденных, направленные на дезорганизацию деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества. Действия М. были квалифицированы судом по ч. 1 ст. 321 УК РФ (Приговор Краснокамского городского суда (Забайкальский край) № 1-66/2019 от 08 февраля 2019 г. по делу № 1-66/2019).

Во-вторых, уже бывшие осужденные могут умышленно пренебрегать правилами, установленными для лиц, освободившимися из мест лишения свободы, т.е. правилами административного надзора. Так, в отношении осужденного Ж., как лица, освобожденного после отбытия наказания из ФКУ Т ГУФСИН России по Челябинской области, был установлен административный надзор сроком на 3 года и соответствующие административные ограничения. Однако Ж. в установленный срок умышленно не встал на регистрационный учет в Орган внутренних дел, тем самым совершив преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 314.1 УК РФ (Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска (Челябинская область) № 1-203/2019 от 26 февраля 2019 г. по делу № 1-203/2019).

Таким образом, как видим, проблемы эффективности наказания в виде лишения свободы лежат гораздо глубже, чем это может показаться на первый взгляд. По сути – это комплексная проблема, которая требует решения на государственном уровне. Заметим, что государство последнее время идет по пути наименьшего сопротивления – внедряя и реализуя наказания, не связанные с лишением свободы, а также, применяя условное осуждение к максимально возможному кругу виновных лиц. Так называемая, гуманизация уголовной политики сводится к тому, что количество осужденных к лишению свободы искусственно

снижается вот уже более пяти лет подряд. Но такой подход, на наш взгляд, не способен решить проблемы качества исполнения данного вида наказания и реализации мер постпенитенциарного воздействия на осужденных. Надеемся, что

Литература:

1. *Андрющенко М.Н.* Понятие эффективности и его философский смысл. В кн.: Философские и социологические исследования. Л. : Изд-во ЛГУ, 1971. 583 с.
2. *Горшкова Н.А.* Назначение наказания за насильственные преступления против здоровья, совершаемые в исправительных учреждениях: опыт и вопросы совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук / Горшкова Наталья Андреевна. М., 2017. 266 с.
3. *Багреева Е.Г.* Социокультурные основы ресоциализации преступников : дис. ... д-ра юрид. наук / Багреева Елена Геннадьевна. М., 2001. 368 с.
4. *Лукин Е.Е.* Практики ресоциализации пожилых осужденных : дис. ... канд. социол. наук / Лукин Евгений Евгеньевич. Саратов, 2012. 150 с.

Правительство РФ в рамках планируемой к принятию Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года наметит не только существующие проблемы, но и опишет слаженный механизм по их устранению.

Literature:

1. *Andryushchenko M.N.* The Concept of efficiency and its philosophical meaning. In: Philosophical and sociological research / M.N. Andryushchenko. L. : Publishing house of Leningrad state University, 1971. 583 p.
2. *Gorshkova N.A.* Sentencing for violent crimes against health committed in correctional institutions: experience and issues of improvement : dis. ... cand. of law sciences / N.A. Gorshkova. M., 2017. 266 p
3. *Bagreeva E.G.* Sociocultural foundations of re-socialization of criminals : dis. ... d-r of law / E.G. Bagreeva. M., 2001. 368.
4. *Lukin E.E.* Practices of re-socialization of elderly convicts : dis. ... cand. sociol. sciences / E.E. Lukin. Saratov, 2012. 150 p.

Груздев Владимир Сергеевич

кандидат юридических наук,
председатель правления,
Общероссийская
общественная организация
«Ассоциация юристов России»
vsgruzdev@yandex.ru

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ
ПРАВОВОГО РЕАЛИЗМА
И НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ
ЕГО ПОСЛЕДУЮЩЕГО РАЗВИТИЯ**

Аннотация. В статье рассматривается проблема генезиса, формирования и последующего использования правового реализма как философско-методологической стратегии и установки правопознания и правопонимания. По необходимости краткое изложение некоторых существенных аспектов прояснения истоков правового реализма и, в целом, реалистического в праве фокусируется на укреплении позиций правового реализма в контексте зарождения таких реалистических направлений юридической мысли, как движение свободного права, юриспруденция интересов, юридический прагматизм. Проблема правового реализма и прояснения его истоков непосредственно связана с поиском критериев правовой определенности, соотношения закона и суда.

Ключевые слова: правовой реализм, движение свободного права, прагматизм, релятивизм, юриспруденция интересов, правовая определенность, ренессанс естественного права, социологические подходы к праву.

В настоящее время одним из наиболее популярных направлений анализа правовой проблематики является реализм, который артикулирует определенный тип философско-методологической стратегии в области правовых исследований. Эта установка известна давно, но за последние два столетия приобрела совершенно новое звучание и стала основой для ряда правовых и политических концепций. При этом употребление этой формулы – правового реализма, реалистического в праве – имеет множество оттенков и смысловых конструкций, которые далеко не всегда позволяют определить смысл и содержание соответствующей характеристики.

Укрепление позиций правового реализма была связано с изменением парадигмы правопознания, а именно, с отходом от романтизма естественного права к вопросам разъяснения социальной природы права, его социальной обусловленности и социальных функций. Философские основания такого перехода были связаны с укреплением

Vladimir S. Gruzdev

Candidate of Legal Sciences,
Chairman of the Board,
All-Russian public organization
«Association of Lawyers of Russia»
vsgruzdev@yandex.ru

**TO THE QUESTION
OF THE ORIGINS OF LEGAL REALISM
AND SOME DIRECTIONS
OF ITS SUBSEQUENT DEVELOPMENT**

Annotation. The article deals with the problem of the genesis, formation and subsequent use of legal realism as a philosophical and methodological strategy and setting of legal knowledge and understanding. As necessary, a summary of some essential aspects of clarifying the origins of legal realism and the generally realistic in law focuses on strengthening the position of legal realism in the context of the emergence of such realistic areas of legal thought as the free law movement, jurisprudence of interests, legal pragmatism. The problem of legal realism and clarification of its origins is directly related to the search for criteria of legal certainty, the correlation of law and court.

Keywords: legal realism, free law movement, pragmatism, relativism, jurisprudence of interests, legal certainty, renaissance of natural law, sociological approaches to law.

позиций философского позитивизма, а также, более поздними версиями прагматизма, релятивизма и иррационализма.

И.А. Покровский ещё в 1916 г. удачно заметил, что философия прагматизма (имея в виду разные его версии – и американскую, и европейскую) была «новым философским паспортом», который придавал большую теоретическую смелость» [3], в частности, идеям сторонников влиятельного и широко распространенного на рубеже XIX–XX веков движения «свободного права». Оно было одним из наиболее популярных (через реконструкцию, усвоение и воспроизведение концепций европейских юристов) направлений юридической мысли и в США. Созвучность философской концепции прагматизма и взглядов представителей правового реализма не должна трактоваться как основание для приоритета одного направления перед другим. Их связь значительно более сложная.

Следует также заметить, что к периоду генезиса собственно американской юридической теории европейскими правоведами и философами были сформулированы разнообразные теории и концепции, которые, в основном, освещали проблемы, так называемого, реалистического понимания. Ещё в середине XIX в. Р. Иеринг писал о том, что его время было эпохой господства и проявления реализма, а систему своих представлений о праве он, в частности, именовал реалистической теорией права [2; 7]. Уже в третьей четверти XIX в. одним из наиболее влиятельных направлений юридической мысли были разнообразные социологические подходы к пониманию и трактовке права. Идеи реализма, инспирированные развитием естественных наук и распространением философского позитивизма, сближались с социологией и проблемами её дисциплинарного становления. Известными наименованиями юридической теории были такие, как «новое движение в науке права», «социология права», «социологическая юриспруденция» и др. Возникшие в немецкоязычной среде мощные интеллектуальные движения «юриспруденция интересов» и «свободного права», были прямым следствием ориентации правоведения на идеи реализма. И, конечно же, американские юристы с большим интересом обращались к сочинениям европейских мыслителей и правоведов, усваивали их, подвергали творческой переработке их идеи и формулировали свои уточнения и моменты развития реализма в области права. До сих пор в юридической литературе не сформулированы четкие границы реалистического и социологического подходов, которые фиксируются различными авторами – российскими и зарубежными – лишь как момент истории юридической мысли и в контексте самотипологизации юристами свои взглядов.

В.А. Туманов, в своё время, посвятил критике буржуазный учений о праве специальное исследование, которое определено является одним из лучших по проблематике американской юридической мысли, изданных в советский период. По мнению В.А. Туманова, между социологической юриспруденцией и школой «реалистов» в контексте истории американской юридической мысли имеются некоторые различия. Справедливо отмечается, что школа «реалистов» начала формироваться раньше социологической юриспруденции. Но при этом В.А. Туманов писал о школе «реалистов» как о течении «ещё более рельефно подчеркнутым тенденции американской социологической юриспруденции» [4, с. 251]. С одной стороны, реализм и социологизм в американской юридической теории шли рука об руку, являясь в значительной степени лишь вариациями на тему социальной обусловленности права и критики избыточности формализма и концептуализма в юридической теории и практике. С другой стороны, В.А. Туманов, как и большинство других авторов, лишь подчеркнул терминологическое обособление реалистов от социологической юриспруденции, которое, к сожалению, не получило сколько-нибудь внятного развития и осталось нерасшифрованным. Общий вывод, который следует из работы В.А. Туманова о сравнении правового реализма и социологической юриспруденции состоит в том, что они имели общий

вектор, но первый, т.е., правовой реализм был более контрастным и радикальным набором требований и призывов к юридической науке о необходимости признания примата социальной обусловленности права и критическом переосмыслении формализма и концептуализма в праве.

В начале 1970 гг. В.А. Туманов писал, с одной стороны, о том, что «в европейской юриспруденции реализм получил достаточно критическую оценку» [4, с. 258], а с другой – что «в период после Второй мировой войны школы социологической ориентации теряют своё доминирующее положение в американской юриспруденции. Вслед за падением удельного веса прагматизма в философии уменьшается его влияние на правовую мысль» [4, с. 259]. В.А. Туманов был прав в оценке некоторого снижения авторитета и популярности философии прагматизма и правового реализма. Но это снижение популярности носило волнообразный и временный характер. Ни прагматизм, ни правовой реализм, отнюдь, не исчезли с арены актуальных направлений философской и юридической мысли. Временный отход от увлеченности идеями реализма в послевоенный период был связан с существенным возрастанием роли естественно-правовой доктрины, которая единственная оказалась способной быть надлежащей идеологической и теоретической основой для оценки антиправового характера, в частности, законодательства нацистской Германии, принятия юридических решений в рамках специально созданных юрисдикционных международных судебных органов. Возрождение интереса к естественно-правовой проблематике и доктрине не было связано непосредственно с девальвацией идей правового реализма. В 1946 г. участковый суд г. Висбадена определил, что законы периода национал-социализма в Германии, которые провозглашали изъятие собственности евреев в пользу государства, ничтожны с момента их принятия, так как они нарушали естественное право [5]. Вскоре, как в Германии, так и за её пределами, в частности, в США активно заговорили о ренессансе естественного права.

Немецкий правовед Х. Хофман выделяет четыре периода, связанные с развитием юридической мысли непосредственно в период после Второй мировой войны. По его мнению, следует различать:

- 1) «ренессанс естественного права» в годы консервативной консолидации западногерманского общества, который связан с временем социальных реформ и новой законодательной политики;
- 2) волну разнообразных научных модернизаций правового мышления под лозунгом «теория права вместо философии права»;
- 3) с началом кризиса социального государства в отношении любого теоретического анализа права возвращается практическая философия вместе с её центральным понятием «справедливости», прежде всего, социальной справедливости;
- 4) наконец, возвращение вновь объединённой Германии в глобальный миропорядок оживляет

актуальную дискуссию об универсальности представлений о правах человека [6, р. 8–9].

Периодизация истории юридической мысли в ФРГ, предложенная Х. Хофманом, раскрывает определённую грань проблематики направлений или векторов развития приоритетов во второй половине XX в. Эта периодизация является, отнюдь, не полной и лишь схематично прорисовывает контуры. Важно, в связи с этим, отметить, что «ренессанс естественного права» имел конкретные исторические причины – сокрушительное поражение национал-социалистической идеологии, её осуждение мировым сообществом. Американская юридическая мысль, конечно же, не могла оставаться в стороне от критического осмысления преступлений и антиправовых актов периода национал-социализма, от поиска мировым сообществом юридических форм осмысления и обеспечения прав человека. Апогеем этого движения являлась Всеобщая декларация прав человека, принятая резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [1]. Прагматизм как философская концепция и правовой реализм как движение в области юридической мысли на время оказались менее востребованными. Но, как отмечает и сам Хофман, уже первые задачи по осуществлению социальных реформ способствовали возрождению интереса к «практической философии». Правовой реализм вскоре вновь стал популярным направлением юридической мысли. Появились новые направления прагматизма в области социогуманитарной мысли, в целом, и правового реализма в области юридической мысли. В.А. Туманов оценивал кризис правового реализма ссылкой на материалы, проведенного в 1963 г. в США симпозиума по теме «Право и философия», среди участников которого, как писал В.А. Туманов, уже не преобладал «прагматистский дух» [4, с. 259]. В.А. Туманов был прав в симпатиях американских исследователей того периода, но это не было связано с кризисом прагматизма и правового реализма. Можно привести пример, который демонстрирует значительно более глубокие и исторические и теоретические аспекты генезиса и развития этого направления.

Ещё в 1916 г. известный русский цивилист, романист и теоретик права И.А. Покровский опубликовал статью под названием ««Прагматизм» и «релятивизм» в правосудии» [3]. Эта статья представляет собой одни из наиболее удачных и глубоких вариантов осмысления проблематики формирования новых направлений в юридической науке начала XX в. И.А. Покровский обратил внимание на то, что прагматизм в юридической науке как определенная теоретико-методологическая установка, начался формироваться задолго до прагматизма как философской концепции. Источником прагматизма было движение «свободного права». В юридической литературе, посвященной анализу содержания взглядов представителей этого движения, не раз отмечалась сильная методологическая сторона этого движения, но, одновременно, и его теоретическая слабость. Ориентация только на практические результаты не может удовлетворять интересам науки и практики. И.А. Покровский не анализирует взгляды наибо-

лее передовых представителей этого движения, например, Е. Эрлиха, Г. Канторовича, но его анализ, тем не менее, оказывается весьма точным и многое проясняющим. Во-первых, в связи с акцентом на кризисе прагматизма и правового реализма, о которых позже писал В.А. Туманов, И.А. Покровский подчеркивал большое влияние и широкое распространение в юридической науке идей «свободного права», идей прагматизма и релятивизма, но при этом конечная мысль статьи заключалась в том, что реалистическая установка в познании и интерпретации права первоначально привела к возникновению движения «свободного права», которое в дальнейшем спустилось на уровень прагматизма и, наконец, достигло своего дна – релятивизма, т.е., как полагал И.А. Покровский, достигло «этического нигилизма» [3, с. 38]. «Шумно выступило на арену юриспруденции течение свободного права (Freirechtsbewegung) и, по-видимому, с головокружительной быстротой пошло к своей победе. Количество его сторонников неудержимо росло и, казалось, ничто уже не может остановить его победного шествия. И, тем не менее, фатум уже простер над ним свою грозную руку» [3, с. 18]. Во-вторых, И.А. Покровский ещё в 1916 г. указывал на проблему кризиса того интеллектуального движения в юридической науке, которое основывалось на принципах реализма, прагматизма и релятивизма, исключая другие, в частности, идеальные представления о праве, об идеи права, правовые ценности. В европейской юридической литературе определенные симптомы кризиса прагматизма анализировались и фиксировались ещё до формирования в зрелом теоретическом виде правового реализма в США, которое произошло в основном на 1920–1930 гг. В-третьих, идеи прагматизма имели хождение среди европейских правоведов. Но истоки прагматизма определялись по-разному.

Центральной проблемой юридической науки стал вопрос об определенности и прочности права. Движение свободного права выступило в разных вариантах за, так называемое, «свободное» нахождение права с призывами освободить судью от требований действующего позитивного права. При этом, если судье должна быть предоставлена свобода решать дела по собственному разумению, то должны быть некие объективные критерии, которыми он должен руководствоваться. Другая часть сторонников свободного права, в частности, Е. Эрлих провозгласила, что никаких объективных критериев быть не может, а основные гарантии правосудия связаны с личностью судьи. Соответственно, в качестве основной проблемы правосудия и юридической науки виделся поиск судей, повышения их интеллектуального и морального уровня.

Отсутствие прочной теоретической основы у сторонников «свободного права» постепенно привело к попыткам соединения правовых взглядов с философскими концепциями. И.А. Покровский употреблял красноречивую метафору о том, что «с новым философским паспортом» взгляды сторонников движения «свободного права» с совершенно иной теоретической смелостью заявляли о своём значении.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека, принятая резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
2. Горбань В.С. О правопонимании Р. Иеринга // Право и политика. 2017. № 4. С. 1–16.
3. Покровский И.А. «Прагматизм» и «релятивизм» в правосудии // Вестник Гражданского права. 1916. № 5. С. 18–39.
4. Туманов В.А. Избранное. М. : Норма, 2010. 736 с.
5. AG Wiesbaden, Urteil v. 13.11.1945, in: Süddeutsche Juristenzeitung. 1946. P. 36.
6. Hofmann H. Rechtsphilosophie nach 1945: zur Geistesgeschichte der Bundesrepublik Deutschland. Berlin : Duncker & Humblot, 2012. 75 p.
7. Jhering R. Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft?: Jherings Wiener Antrittsvorlesung Vom 16. Oktober 1868 / Rudolf von Jhering. Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen : Wallstein-Verl., 1998. 208 p.

Literature:

1. Universal Declaration of human rights, adopted by UN General Assembly resolution 217 A (III) of 10 December 1948. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
2. Gorban V.S. On the legal understanding of R. Ihering // Law and politics. 2017. № 4. P. 1–16.
3. Pokrovsky I.A. «Pragmatism» and «relativism» in justice // Bulletin of Civil law. 1916. № 5. P. 18–39.
4. Tumanov V.A. Selected works. M. : Norma, 2010. 736 p.
5. AG Wiesbaden, Urteil v. 13.11.1945, in: Süddeutsche Juristenzeitung. 1946. P. 36.
6. Hofmann H. Rechtsphilosophie nach 1945: zur Geistesgeschichte der Bundesrepublik Deutschland. Berlin : Duncker & Humblot, 2012. 75 p.
7. Jhering R. Ist die Jurisprudenz eine Wissenschaft?: Jherings Wiener Antrittsvorlesung Vom 16. Oktober 1868 / Rudolf von Jhering. Aus dem Nachlaß hrsg. und mit einer Einführung, Erläuterungen sowie einer wiss.-geschichtl. Einordnung versehen von Okko Behrends. Göttingen : Wallstein-Verl., 1998. 208 p.

Дутова Александра Александровна

студентка
юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
sawa1674@mail.ru

Шульга Антонина Константиновна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного
частного и предпринимательского права,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
sawa1674@mail.ru

АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО ПРИЗНАНИЮ СДЕЛКИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ

Аннотация. Судебная практика по признанию сделки недействительной обширна и многообразна. Это объясняется тем, что институт недействительности сделок является межотраслевым институтом. Статья посвящена рассмотрению круга проблем, связанных с недействительностью сделок. Авторами проводится анализ судебной практики, касающейся недействительности сделок. Статья, по их мнению, обладает значительной научной ценностью, так как на практике возникает много вопросов, что имеет большое значение для дальнейшего совершенствования гражданско-правовых отношений в современной России.

Ключевые слова: недействительность сделок, судебная практика, гражданское законодательство.

Судебная практика по признанию сделки недействительной обширна и многообразна. Это объясняется тем, что институт недействительности сделок является межотраслевым институтом.

Анализ судебной практики показал, что распространены судебные иски по признанию недействительным договора дарения, договора купли-продажи недвижимости, завещания.

При проведении анализа судебной практики, можно заметить, что самым распространенным основанием для признания сделок (договоров) недействительными является статья 168 ГК РФ.

В одном из анализируемых дел, суд, пришёл к выводу, что договоры купли-продажи земельных участков были заключены с нарушением требований закона, так как ответчик по делу, продавая истцу земельный участок, не имел на это законных оснований, в силу того, что регистрация

Alexandra A. Dutova

Student
Faculty of Law,
Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilina
sawa1674@mail.ru

Antonina K. Shulga

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor at the Department
of International Private and Business Law,
Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilina
sawa1674@mail.ru

ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE ON INVALIDATION OF A TRANSACTION

Annotation. The jurisprudence on the invalidation of the transaction is extensive and diverse. This is because the institution of the invalidity of transactions is an inter-industry institution. The article is devoted to the consideration of the range of problems associated with the invalidity of transactions. The author analyzes the judicial practice regarding the invalidity of transactions. The article has significant scientific value, since in practice many questions arise, which is of great importance for the further improvement of civil law relations in modern Russia.

Keywords: Invalidity of transactions, judicial practice, civil legislation.

права собственности на данный участок была получена преступным путем, о чем было установлено ранее приговором суда [2].

Еще одно дело, где истец обратился в суд с заявлением, что после смерти дочери ее муж А.В. Калугин продал земельный участок вместе с домом, хотя эта недвижимость была включена в наследственную массу, и он как наследник первой очереди тоже имел на нее право. Можно сказать, что сделка купли-продажи недвижимости в период, когда в отношении данной недвижимости шел судебный спор, может быть признана судом недействительной по основанию ст. 168 ГК РФ. В данном случае, ответчик должен был осознавать, что на доли в общей долевой собственности на спорные жилой дом и земельный участок мог претендовать ответчик, поэтому, заключая договоры купли-продажи недвижимого имущества, ответчик нарушил имущественные права истца. При этом суды отказывают покупателю имущества в предоставлении защиты как добросовестному

приобретателю, как, например, в указанном деле [1].

Процесс и предмет доказывания по делам указанной категории имеет определенные сложности. Суд должен проанализировать как мнимость сделки, то есть, установить отсутствие соответствующих ей правовых последствий, а так же, в качестве отдельного основания для оспаривания дать правовую оценку обстоятельствам, свидетельствующим о злоупотреблении правом. Поэтому судебная практика показывает, что признание сделки недействительной по данному основанию несет существенные правовые риски, так как приводит к широкому усмотрению при оценке поведения сторон.

Исходя из анализа судебной практики, частым основанием для признания сделки недействительной является ст. 177 ГК РФ, ст. 178 ГК РФ, ст. 179 ГК РФ. Данные статьи на практике являются трудно доказуемыми.

Так, истец пытался признать договор дарения квартиры недействительным на основании ст. 177 ГК РФ. Как оказалось, в момент заключения договора он не мог осознавать правовые последствия и характер совершаемой сделки, был неспособным понимать значение своих действий и руководить ими, так как накануне перенес инсульт. Исследовав доказательства и заслушав объяснения лиц, суд удовлетворил требования истца. В данном деле истец смог предоставить свидетелей и документы о том, что он был невменяем на момент заключения сделки [5]. Но часто встречаются дела, в которых истец не может предоставить свидетельства своей невменяемости или что он совершал сделку под влиянием обмана и заблуждения. Примером может послужить решение суда, где истец пытался доказать, что заключил договор дарения под влиянием заблуждения, ссылаясь на то, что думал о том, что подписывает документы на приватизацию квартиры. При подписании договора, истец не надел очки, документ, он не прочитал. О том, что был подписан договора дарения, истцу стало известно после того, как он обнаружил оспариваемый договор дарения. Но, согласно медицинским документам, свидетельствующим о его состоянии здоровья, именно на дату совершения сделки, не были подтверждены. Суд оставил требования истца неудовлетворенными [6].

Таким образом, чтобы признать сделку недействительной по ст. 178 ГК РФ, суду необходимо устанавливать, что заблуждение было настолько серьезным, что договор не был бы заключен заблуждавшейся стороной, если бы она знала о реальном положении дел (п. 1 ст. 178 ГК РФ). При этом сам факт заблуждения и его существенный характер должны быть абсолютно очевидны. Можно сделать вывод о том, что такая сдержанность судов в применении доктрины заблуждения может значительно снизить риск судебной ошибки и желанная к недобросовестному оспариванию вполне нормальных сделок.

Как показала судебная практика, где основаниями для недействительности сделки является ст.

178 ГК РФ, если дело оказалось в суде, то заинтересованная в оспаривании договора сторона будет иметь стимулы искажать реальные факты, спекулятивно заявляя о заблуждении, что, в свою очередь, может создать стимулы к недобросовестному оспариванию договоров, при заключении которых не было никакой ошибки.

Так, истец обратилась в суд с иском к К.В. Шулаевой о признании договора купли-продажи земельного участка недействительным. Истец купила у ответчика земельный участок с расположенным на нем домом. После оформления прав собственности она обнаружила, что в договоре купли-продажи как объект продажи указан только земельный участок. Также, она заметила множество недостатков, садовый дом находился в ненадлежащем состоянии. На основании этого она пришла к выводу о том, что такой сад должен стоить дешевле. Истец обратилась к продавцу с вопросом о снижении покупной цены земельного участка, на что продавец ей ответил отказом. В судебном заседании Путинцева утверждала, что была введена в заблуждение, была уверена, что покупает дом с земельным участком. Договор купли-продажи она не читала, так как доверяла продавцу. Шулаева требования истца не признала. Истец собственноручно подписала договор купли-продажи, все условия договора были согласованы, истцу было разъяснено, что садовый дом не указывается в договоре купли-продажи, поскольку право собственности на него не зарегистрировано, разъяснялось, что можно оформить садовый дом на себя после оформления земельного участка. Истца устраивало такое положение вещей, более того она торопила ответчика в совершении сделки, поскольку начался садово-огородный сезон. Уже после регистрации сделки стали поступать ответчику претензии не от истца, а от ее родственников по поводу покупной цены [4]. Выслушав доводы сторон, суд пришел к мнению в удовлетворении иска Путинцевой к Шулаевой о признании договора купли-продажи земельного участка недействительным отказать.

При применении ст. 178 и ст. 177 ГК РФ в судах сталкиваются с трудностями при признании завещания недействительным, либо с доказыванием договора дарения недействительным, если даритель умер. Так, в Верх-Исетский районный суд города Екатеринбурга обратился А.В. Казаков с иском к Е.А. Туковой о признании договора дарения двухкомнатной квартиры недействительным. Его мать заключила договор дарения с Е.А. Туковой, которая долгое время ухаживала за ней. Как утверждает истец, Н.П. Казакова – мать, страдала алкоголизмом, перенесла инсульт и была психически неуравновешенной, поэтому он считает, что на момент подписания договора она не способна была руководить своими действиями.

По ходатайству истца была назначена по делу посмертная судебная комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, которая показала, что данных о повышенной внушаемости, признаках пассивно-подчиняемого поведения, каком-либо выраженном эмоциональном состоянии у Н.П. Казаковой на период подписания сделки опреде-

лить не возможно. Таким образом, суд вынес решение – требования истца отклонить [3].

Анализируя судебные разбирательства данной категории, можно сказать, что применение ст. 177 ГК РФ может быть осуществлено при возникновении спора лишь посредством посмертной судебно-психиатрической экспертизы. Однако эксперты могут привести не совсем однозначные формулировки и сделать неоднозначные выводы. Например, с наибольшей долей вероятности можно предполагать, а не указать категоричные выводы, либо наоборот, указать на невозможность оценить психическое состояние в виду нехватки медицинской документации и иных сведений, которые позволили бы восстановить полную картину психического здоровья завещателя в спорный период. Также, для рассмотрения таких дел в суде необходимо очень тщательно готовить доказательственную базу (фактические данные и сведения о завещателе либо дарителе, а именно – карта амбулаторного больного, истории болезни из стационаров, карты вызова бригад скорой помощи к завещателю либо дарителю в спорный период).

Анализируя судебную практику, можно выявить противоречивые мнения относительно того, признавать ли сделку недействительной в случае, когда одна из сторон находилась в момент подписания в состоянии алкогольного опьянения. Так, в одном из дел, истец указывает на то, что супруга истца – М.Н.Д. находилась в больнице, в связи, чем истец часто находился в состоянии сильного алкогольного опьянения. В этот промежуток времени племянник истца – В.Д.Е. оказывал сильное психологическое воздействие на истца, чтобы тот подарил ему свою долю в квартире. При подписании договора дарения истец и ответчик находились в сильном алкогольном опьянении, но доказательств на это не было установлено судом. Кроме того, истец отказался от проведения судебной экспертизы.

Суд удовлетворил в полном объеме иски требования о признании договора дарения доли квартиры не действительным [8].

Таким образом, заключение сделки в состоянии алкогольного опьянения может быть использовано для противоправных действий со стороны лиц, желающих заключить сделку в своих интересах и доказать обратное в суде весьма проблематично. Так, истец ссылался на то обстоятельство, что он в нетрезвом состоянии подписал сделки о

Литература:

1. Архив Алапаевского городского суда, дело № 2-945/2018 от 11.09.2018 г. // Сайт «Sudact.ru». URL : <https://sudact.ru/regular/doc/OBqCxkiQ2jZR>

2. Архив Березовского городского суда, дело № 2-703/2018 от 11.09.2018 г. // Сайт «Sudact.ru». URL : <https://sudact.ru/regular/doc/Cj5Qhd8WTbN8>

разделе общего имущества супругов и соглашение об отступном. Было представлено заключение специалиста, согласно которому установлено, что подпись от имени истца на соглашении, вероятно, выполнена в состоянии алкогольного опьянения. Однако суд сделал вывод, что даже в состоянии алкогольного опьянения при подписании оспариваемого соглашения, это не влечет недействительность сделки в соответствии со ст. 177 ГК РФ, поскольку не свидетельствует о том, что истец в момент совершения сделки не мог отдавать отчет своим действиям и руководить ими [7].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что институт недействительности сделок имеет ряд проблем.

Одной из правовых проблем признания сделки недействительной является применение ст. 168 ГК РФ. Это объясняется тем, что ст.168 ГК РФ не содержит конкретного условия, несоответствие сделки которому является основанием для признания ее недействительным, а устанавливает лишь общее основание для признания сделок недействительным. Считаем, что любое требования закона направлено на защиту публичных интересов либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, то есть, сделка, нарушающая требования закона уже сама по себе является ничтожной. Также, в статье нет четкого определения публичного интереса, поэтому любое действие можно связать с публичным интересом, тем самым, признав сделку ничтожной.

Также, определенные сложности возникают с применением ст. 177, 178, 179 ГК РФ. В случаях предъявления исков по данным основаниям необходимо собирать большой объем доказательственного материала, который истцу необходимо представлять для подтверждения обоснованности своих требований. Также, анализ правоприменительной практики показал, что существуют сложности в разграничении понятий «заблуждение» и «обман», что часто приводит к различным последствиям признания сделки недействительной.

Данные проблемы указывают на то, что необходимо усовершенствовать гражданское законодательство в области института недействительности сделок. Для этого необходимо вносить ряд изменений и дополнений в законодательство, чтобы иметь единое понимание правовых норм.

Literature:

1. Archive of the Alapaevsky city court, case № 2-945/2018 from 11.09.2018 // Website «Sudact.ru». URL : <https://sudact.ru/regular/doc/OBqCxkiQ2jZR/>

2. Archive of the Berezovsky city court, case № 2-703/2018 from 11.09.2018 // Website «Sudact.ru». URL : <https://sudact.ru/regular/doc/Cj5Qhd8WTbN8/>

3. Архив Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области, дело № 2-11002/2016 от 20.06.2017 г. // Сайт «Sudact.ru». URL : <https://sudact.ru/regular/doc/GCPq02e3ZKUx>

4. Архив Качканарском районном суде Свердловской области, дело № 2-470/2018 от 10.09.2018 г. // Сайт «Sudact.ru». URL : <https://sudact.ru/regular/doc/FyGFRdEx2IWC>

5. Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области, дело № 2-5842/2017 от 17.09.2018 г. // Сайт «Sudact.ru». URL : <https://sudact.ru/regular/doc/gO9K3BsqNJT>

6. Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области, дело № 2-4483/2018 от 17.09.2018 г. // Сайт «Sudact.ru». URL : <https://sudact.ru/regular/doc/y7uxW5F36v1h>

7. Архив Октябрьского районного суда г. Иркутска , дело № 2-1692/2017 от 01.06.2017 г. // Сайт «Sudact.ru». URL : <https://sudact.ru/regular/doc/Ub4xTQljqjUC>

8. Архив Советского районного суда г. Нижнего Новгорода, дело № 2-464/2016 от 07.09.2016 г. // Сайт «Sudact.ru». URL : https://sudact.ru/regular/doc/kjupzGbCbzn/?regular-txt=®ular-case_doc=№+2-4641%2F16+®ular-lawchunkinfo=®ulardoc_type=1007

3. Archive of the Verh-Isetsky district court of Yekaterinburg, Sverdlovsk region, case № 2-11002/2016 of 20.06.2017 // Website «Sudact.ru». URL : <https://sudact.ru/regular/doc/GCPq02e3ZKUx>

4. Archive Kachkanarsky district court of the Sverdlovsk region, case № 2-470/2018 from 10.09.2018 // Website «Sudact.ru». URL : <https://sudact.ru/regular/doc/FyGFRdEx2IWC>

5. Archive of the Leninsky district court of Yekaterinburg, Sverdlovsk region, case № 2-5842/2017 from 17.09.2018 // Website «Sudact.ru». URL : <https://sudact.ru/regular/doc/gO9K3BsqNJT>

6. Archive of the Leninsky district court of Yekaterinburg, Sverdlovsk region, case № 2-4483/2018 of 17.09.2018 // Website «Sudact.ru». URL : <https://sudact.ru/regular/doc/y7uxW5F36v1h>

7. Archive of the Oktyabrsky district court of Irkutsk, case № 2-1692 / 2017 from 01.06.2017 // Website «Sudact.ru». URL : <https://sudact.ru/regular/doc/Ub4xTQljqjUC/>

8. Archive of the Soviet district court of Nizhny Novgorod, case № 2-464 / 2016 from 07.09.2016 // Website «Sudact.ru». URL : https://sudact.ru/regular/doc/kjupzGbCbzn/?regular-txt=®ular-case_doc=№+2-4641%2F16+®ular-lawchunkinfo=®ulardoc_type=1007

Елец Сергей Андреевич

аспирант кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ
СТ. 298.1 УК РФ, КАК ОСОБАЯ
РАЗНОВИДНОСТЬ КЛЕВЕТЫ**

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы законодательной регламентации и квалификации преступлений, предусмотренных ст. 298.1 УК РФ. Анализируется состав преступных деяний, его признаки и основные понятия. Сделан вывод о необходимости повышения уровня уголовно-правовой защищенности судей путем повышения санкций за клевету в отношении них. Автор приходит к выводу о необходимости дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за клевету, исходя из способа распространения клеветнических сведений, путем включения дополнительных квалифицирующих признаков в ст. 298.1 УК РФ, в частности, такого, как клевета в публичном выступлении, в средствах массовой информации, информационно-коммуникационных сетях, включая сеть «Интернет». Сформулированы предложения по совершенствованию ст. 298.1 УК РФ и практики ее применения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, дифференциация уголовной ответственности, клевета, судья, присяжный заседатель, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, сотрудник органов принудительного исполнения Российской Федерации.

Уголовный закон призван обеспечить охрану чести, достоинства и деловой репутации особых субъектов правоотношений: судей, прокуроров, присяжных заседателей, других лиц, участвующих в отправлении правосудия; ряда иных должностных лиц в связи с производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта. Исходя из этого, законодатель ввел в УК РФ ст. 298.1, криминализирующую клевету в отношении указанных лиц. Необходимо отметить, что изначально уголовный закон содержал ст. 298 УК РФ практически аналогичного содержания, затем исключенную (по справедливому мнению ряда исследователей, безосновательно [1, с. 168]) из кодекса (Федеральный закон от 07.12.2011 г.) в силу известной реформы системы преступлений против чести и достоинства личности. Через некоторое время соответствующие нормы подверглись «реанимированию» (Федеральный закон от 28.07.2012 г.), но уже в рамках

Sergei A. Yelets

Graduate student of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
Milena.555@mail.ru

**OFFENCES UNDER
ART. 298.1 OF THE CRIMINAL CODE
AS A SPECIAL FORM OF LIBEL**

Annotation. The article considers the main problems of legislative regulation and the qualification of crimes under Art. 298.1 of the Criminal Code. The composition of criminal acts, its signs and basic concepts are analyzed. It was concluded that it was necessary to increase the level of criminal protection of judges by increasing sanctions for defamation against them. The author concludes that it is necessary to further differentiate criminal liability for defamation on the basis of the method of dissemination of defamatory information, by including additional qualifying features in Art. 298.1 of the Criminal Code. It is proposed to strengthen the responsibility for defamation of the victims referred to in the article by including such a qualifying feature as libel in public speech, the media, information and communication networks, including the Internet. Proposals are made to improve article 298.1 of the Criminal Code of the Russia and the practice of its application.

Keywords: criminal liability, differentiation of criminal liability, libel, judge, juror, prosecutor, investigator, person conducting an inquiry, employee of the enforcement bodies of the Russian Federation.

ст. 298.1 УК РФ. Анализ диспозиций ст. 298 и 298.1 УК РФ приводит к выводу, что принципиально их реформирования не произошло, редакция новой ст. 298.1 практически повторяет прежнюю, содержащуюся в ст. 298. Осуществлены «косметические» изменения. Так, вместо понятий «судебный пристав», «судебный исполнитель», было введено общее – «сотрудник органов принудительного исполнения Российской Федерации». Вместе с тем, были существенно изменены санкции.

Обратимся к наиболее интересным и проблемным вопросам регламентации деяния, указанного в ст. 298.1 УК РФ, и его квалификации. Прежде всего, необходимо отметить, что рассматриваемое преступление является частным случаем клеветы (ст. 128.1 УК РФ), ее подвидом [15, с. 683]. Отличия состоят в ряде нюансов, которые мы рассмотрим. Во-первых, следует подчеркнуть, что данная разновидность клеветы несет угрозу

дискредитации правосудия [5, с. 21], подрыва доверия к лицам, участвующим в его отправлении, умаляет авторитет судебной и правоохранительной системы [18, с. 1051]. Это создает необходимые криминологические предпосылки существования ст. 298.1 УК РФ [16, с. 77].

Говоря об объекте рассматриваемого преступления, отметим, что, помимо основного непосредственного (общественные отношения в сфере обеспечения интересов правосудия, нормальной деятельности суда, органов следствия и дознания, а также их авторитета) [2, с. 202, 205; 9, с. 774; 18, с. 1051], имеет место и дополнительный объект – честь, достоинство и деловая репутация поименованных в ст. 298.1 УК РФ потерпевших. Законодатель, прежде всего, исходит не из персоналии конкретного потерпевшего (как при конструировании общего состава клеветы), а из тех государственно-правовых функций, которые реализуют соответствующие участники правосудия, следствия и т.д. Таким образом, преступление является двуобъектным [6, с. 146; 7, с. 475; 15, с. 683].

Исходя из положений Закона РФ от 26.06.1992 г. № 3132-1 (в ред. от 31.07.2020 г.) «О статусе судей Российской Федерации», судьями являются особые государственные должностные лица, осуществляющие в конституционном порядке полномочия правосудия и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе. В литературе обоснованно указано, что беспристрастность судьи возможна только при полной его независимости и самостоятельности, которая должна обеспечиваться, в том числе, и уголовно-правовыми мерами [8, с. 137].

Как справедливо утверждает А.В. Алинкина, клевета в отношении судьи может проявляться в разнообразных формах, которые подлежат пресечению на законодательном уровне, и требует более расширительного понимания и правоприменения [1, с. 169]. Нельзя не согласиться с мнением Ю.И. Кулешова о том, что защищенность судебной власти является обязательными элементами укрепления и ее авторитета. Однако, продолжает автор, криминологические показатели могут свидетельствовать о недостаточности такой защищенности, так как в общем массиве преступности посягательства на интересы правосудия не превышают и половины процента [12, с. 27].

Объективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется клеветническими высказываниями в адрес судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, в связи с рассмотрением дел или материалов в суде (ч. 1) либо в отношении прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации в связи с производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта (ч. 2). Ставя на первое место деяния в отношении судьи и, в целом, лиц, участвующих в отправлении правосудия, законодатель, в первую очередь, руководствовался ценностью правосудия «в чистом виде» как объекта

уголовно-правовой охраны. Однако, как справедливо отмечено в литературе, дифференциация пределов ответственности в ч. 1 и 2 является незначительной [11, с. 33–34].

По справедливому мнению А.С. Горелика и Л.В. Лобановой употребляемый в ст. 298.1 УК РФ термин «клевета» идентичен по содержанию, используемому в ст. 128.1 УК РФ [6, с. 146]. С этим солидарны и иные авторы [17, с. 79].

Признаком объективной стороны клеветы (ст. 298.1 УК РФ) являются соответствующие сведения, распространяемые виновным, порочащие честь, достоинство и репутацию потерпевших, выступающие в рамках состава данного преступления в качестве средств его совершения. Их неотъемлемым признаком выступает ложный характер. При этом распространяемые сведения – это такие данные, факты, информация о лицах, поименованных в названной статье, которая не имеет под собой реального основания.

Для вменения лицу преступления, предусмотренного ст. 298.1 УК РФ, важно определить как сам факт распространения сведений, так и наличие у этих сведений определенных свойств [19, с. 723].

Дискуссионным остается вопрос о содержании клеветнических сведений. При этом необходимо иметь в виду коллизию между распространением определенных фактов (в том числе, и клеветнического характера), с одной стороны, и свободой распространения убеждений, выражения мнения (ст. 28, 29 Конституции РФ). Клевета не может содержать оценочные суждения. Это всегда указание на конкретные действия лица, события, произошедшие с ним, факты.

Для квалификации преступления не имеет значения, оказало ли заведомо ложное измышление воздействие на деятельность суда и иных лиц, указанных в ст. 298.1 УК РФ, либо нет [18, с. 1052].

Общественное мнение о репутации лица подвержено изменению под воздействием искаженной оценки нравственных качеств личности, ее деятельности. Таким образом, клеветническими, порочащими потерпевшего измышлениями является негативная оценка деловых и профессиональных качеств судьи или иного потерпевшего лица, выразившаяся в утверждениях о конкретных фактах и обстоятельствах.

В ст. 298.1 УК РФ четко определяется ареал клеветы: «в связи с рассмотрением дел или материалов в суде» (ч. 1) и «в связи с производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта» (ч. 2). Таким образом, сфера «формулирования» виновным клеветнических измышлений сужена. Все остальные случаи клеветы в отношении судьи и иных потерпевших должны квалифицироваться как клевета по ст. 128.1 УК РФ. Однако мы полагаем, что клевета в отношении судьи не должна увязываться исключительно с рассмотрением дел или материалов в суде. Необходимость поддержания авторитета судебной власти и ее представителей требуют особой

уголовно-правовой защиты. Считаем, что необходимо выделить в самостоятельный состав клевету в отношении судьи безотносительно к рассматриваемым им делам или материалам и установить повышенные санкции за данное преступление.

Распространение заведомо ложных измышлений о том, что судья или иной потерпевший болен социально-осуждаемыми болезнями (наркомания, алкоголизм и т.п.), не может быть квалифицировано по ст. 298.1 УК РФ. Вместе с тем, интерес представляет ситуация, когда виновный утверждает, что в силу заболевания наркоманией или алкоголизмом судья не способен к отправлению правосудия по конкретному уголовному делу. То же касается заведомо ложных измышлений о психическом расстройстве судьи. Здесь с определенной смелостью можно предположить, что заявление касается дел, рассматриваемых в суде, и, таким образом, возникает основание для применения ч. 1 ст. 298.1 УК РФ.

Несомненно, должно нести уголовную ответственность лицо, которое под видом критики высказывает ложные измышления, причем, даже если только часть сообщенной информации является истинной. Интересен пример из судебной практики. Б. после проигранного гражданско-правового спора написал заявление, адресованное судьям соответствующего суда, в котором судья Г., вынесшая решение, была названа «махровой взяточницей». Поскольку фактов получения взяток судьей Г. установлено не было, в отношении гражданина Б. было возбуждено уголовное дело за клевету в отношении судьи с вынесением обвинительного приговора [14]. При этом следует иметь в виду, что оказание технической помощи в составлении письма клеветнического характера не образует состава рассматриваемого преступления [13].

Клевета по своему содержанию может быть связана с рассматриваемым (расследуемым) делом (к примеру, ложное заявление о том, что присяжный заседатель получил взятку) или хотя и не связана, но нацелена на то, чтобы сделать невозможным или затруднить участие в процессе соответствующего лица (например, ложное сообщение о прежних аморальных поступках человека). Если ни тот, ни другой аспект клеветы с производством по делу не связан, она образует обычное преступление против личности.

Распространение – важнейший признак объективной стороны клеветы, образующее ее деяние. Оно выражается в передаче ложных измышлений, позорящих лицо, указанное в ст. 298.1 УК РФ, любым способом (устно, в печатном виде и т.д.) постороннему лицу. Достаточно, чтобы клеветнические сведения стали известны, по крайней мере, одному человеку. При этом персональный состав адресатов данного вида клеветы (коллеги, друзья, родственники, посторонние лица) на квалификацию не влияет.

Отметим, что различные способы клеветы по ст. 298.1 УК РФ не обладают одинаковой степенью общественной опасности. Следовательно,

необходимо законодательно дифференцировать ответственность за них. Так, клевета в публичном выступлении, средствах массовой информации, сети «Интернет» гораздо более опасна, чем обычная клевета в адрес судьи. Следует установить повышенные санкции за подобные способы распространения позорящих измышлений, предусмотрев их в качестве квалифицирующего деяние признака.

Состав рассматриваемого преступления является формальным [20, с. 627], деяние признается оконченным, когда измышления клеветнического характера в отношении судьи, присяжного заседателя, иного лица доводятся до сведения хотя бы одного постороннего человека.

Субъективная сторона рассматриваемого деяния характеризуется исключительно прямым умыслом. На это обоснованно обращает внимание Н.Г. Иванов: субъект осознает общественную опасность учиняемого деяния и желает его совершить [7, с. 476]. Неосторожная клевета, добросовестное заблуждение относительно истинности распространяемых данных исключает уголовную ответственность [18, с. 1052].

Виновный сознает, что распространяет об одном из указанных в ст. 298.1 УК РФ лиц ложные, не соответствующие действительности измышления и желает, чтобы эти сведения стали достоянием любого другого человека. Мотив и цель могут быть совершенно различными. Они не являются обязательными признаками преступления. Как правило, виновный стремится распространением клеветнических измышлений воспрепятствовать правосудию либо руководствуется мотивом мести, перечисленным в ст. 298.1 УК РФ лицам [20, с. 627]. Целью преступного деяния может быть унижение чести и достоинства, подрыв деловой репутации судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в процессе отправления правосудия, либо указанных в ч. 2 субъектов. Конкретный мотив содеянного на квалификацию не влияет [3, с. 290].

Субъект преступления общий. Как правило, это участвующее в процессе отправления правосудия, предварительного следствия лицо, например, свидетель. Ответственность наступает с 16-летнего возраста.

Наиболее общественно опасным видом рассматриваемого преступления является клевета, сопряженная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 3 ст. 298.1 УК РФ). Под обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления следует понимать приписывание указанным в законе лицам фактов совершения преступлений указанных категорий, которых они не совершали. Так, лицо может распространять сведения о том, что следователь прекращает уголовные дела за получение соответствующего вознаграждения – взятки.

Хотя понятие «обвинение» имеет и сугубо уголовно-процессуальное значение, мы приходим к выводу о том, что в ч. 3 ст. 298.1 УК РФ оно использовано, скорее, в обыденном значении. К

такому выводу приводит систематическое толкование уголовного закона, выражающееся в учете положений ст. 299 УК РФ, По этой статье, а не по ч. 3 ст. 298.1 УК РФ должно квалифицироваться выдвинутое в установленном УПК РФ порядке обвинение, содержащее клеветнические измышления.

При квалификации содеянного по ч. 3 ст. 298.1, суды иногда допускают ошибки. Так, А. в присутствии нескольких свидетелей заявил, что следователь С. получил взятку от гражданки Е. Суд квалифицировал действия А. по ч. 3 ст. 298 (ныне – ст. 298.1) УК РФ. Вышестоящий суд переqualи-

фицировал его действия на ч. 2 ст. 298 (298.1) УК РФ, так как А. при распространении клеветы в отношении Е. и С. не говорил, за какие конкретно действия или бездействия была получена взятка [4, с. 13].

Допустима и совокупность преступлений, предусмотренных ст. 298.1 и 306 УК РФ. Это возможно в ситуации, когда виновный распространяет порочащие измышления в отношении лиц, указанных в ст. 298.1 УК РФ, параллельно сообщая в правоохранительные органы о совершении тяжкого или особо тяжкого преступления лицами, названными в ч. 1 и 2 указанной статьи.

Литература:

1. *Алинкина А.В.* Проблемы правовой охраны чести и достоинства судей Российской Федерации при оскорблении и клевете // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 1.
2. *Амиров К.Р.* Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование: проблемы теории и законотворчества / К.Р. Амиров, В.В. Сидоров, К.И. Харисов. Казань, 2003.
3. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.Б. Боровикова. М., 2016.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 12.
5. *Голоднюк М.* Вопросы развития законодательства о преступлениях против правосудия // Вестник Московского университета. Серия 11. Право 1996. № 6.
6. *Горелик А.С.* Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. СПб., 2005.
7. *Иванов Н.Г.* Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник для вузов. М., 2003.
8. *Иванов Н.Г.* Компаративный аспект уголовной ответственности за оскорбление судьи и клевету в отношении судьи / Н.Г. Иванов, Л.А. Букалева, С.А. Сургай. М., 2009.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.М. Лебедева. М., 2005.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постатейными материалами и судебной практикой / Под общ. ред. С.И. Никулина. М., 2000.
11. *Кулешов Ю.И.* Преступления против правосудия: понятие, система, юридический анализ и проблемы квалификации : учеб. пособие. Хабаровск, 2001.
12. *Кулешов Ю.И.* Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Владивосток, 2007.

Literature:

1. *Alinkina A.V.* Problems of legal protection of the honour and dignity of judges of the Russian Federation in insult and slander // North Caucasus Legal Gazette. 2017. № 1.
2. *Amirov K.R.* Responsibility for criminal interference in the activities of persons conducting justice and criminal prosecution: problems of theory and lawmaking / K.R. Amirov, V.V. Sidorov, K.I. Harisov. Kazan, 2003.
3. Criminal law. Special part / Ed. V.B. Borovikova. M., 2016.
4. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2004. № 12.
5. *Golodnyuk M.* Issues of the development of legislation on crimes against justice // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law 1996. № 6.
6. *Gorelik A.S.* Crimes against justice / A.S. Gorelik, L.V. Lobanova. SPb., 2005.
7. *Ivanov N.G.* Criminal law of Russia. General and Special part : textbook for universities. M., 2003.
8. *Ivanov N.G.* Comparative aspect of criminal liability for insulting a judge and libel against a judge / N.G. Ivanov, L.A. Bukalerovala, S.A. Surgay. M., 2009.
9. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation/under the general / Ed. V.M. Lebedev. M., 2005.
10. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation with article-by-article materials and jurisprudence / Under General S.I. Nikulina. M., 2000.
11. *Kuleshov Yu.I.* Crimes against justice: concept, system, legal analysis and problems of qualification : textbook. Khabarovsk, 2001.
12. *Kuleshov Yu.I.* Crimes against justice: problems of theory, lawmaking and law enforcement : autoref. dis. ... doctor of law. Vladivostok, 2007.

13. Определение Верховного Суда РФ от 01.02.2006 № 68-щ05-8 // СПС «Консультант-Плюс».

14. Определение Верховного Суда РФ от 25.08.2006 № 88-щ06-33 // СПС «Консультант-Плюс».

15. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под. ред. А.И. Чучаева. М., 2004.

16. *Rarog A.I.* Способы уголовно-правовой охраны личности / А.И. Рарог; Под ред. Б.Т. Разгильдиева // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация: материалы научно-практ. конф., посв. памяти проф. А.Н. Красикова (20–21 марта 2003 г.). Саратов, 2003.

17. Уголовная ответственность за преступления против правосудия / Отв. ред. А.В. Галахова. М., 2003.

18. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / Под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2011.

19. Уголовное право России. Часть Особенная : учебник для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2004.

20. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 2000.

13. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.02.2006 № 68-sh05-8 // SPS «ConsultantPlus».

14. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.08.2006 № 88-sh06-33 // SPS «ConsultantPlus».

15. Article by article commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / under. ed. A.I. Chuchaeva. M., 2004.

16. *Rarog A.I.* Methods of criminal legal protection of the person / A.I. Rarog; Ed. by B.T. Razgildiev // Criminal legal protection of the person and its optimization: scientific and practical materials. conf., posv. memory prof. A.N. Krasikova (March 20–21, 2003) Saratov, 2003.

17. Criminal liability for crimes against justice / Editor-in-chief A.V. Galakhova. M., 2003.

18. Criminal law of Russia. Parts General and Special : textbook / Ed. by A.V. Brilliantova. M., 2011.

19. Criminal law of Russia. Part Special : textbook for universities / Editor-in-chief L.L. Kruglikov. M., 2004.

20. Criminal law. Special part : textbook for universities / Editor-in-chief I.Ya. Kozachenko, Z.A. Neznamova, G.P. Novoselov. M., 2000.

Жиленкова Татьяна Валерьевна
доцент кафедры гражданского права,
Восточно-Сибирский филиал
Российского государственного
университета правосудия
pravo-tv@mail.ru

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПРАВО НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК В СИСТЕМЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

Аннотация. Необходимость идентификации каждого товара, его индивидуализация является следствием перенасыщения рынка различными товарами. Решить этот вопрос стало возможно с введением такого понятия, как «товарный знак» – обозначение, с помощью которого происходит процесс различения товаров разных производителей. В России вопросы интеллектуальной собственности регулирует ч. 4 ГК РФ. В статье автор, анализируя ГК РФ и КоАП РФ, раскрывает понятия «интеллектуальная собственность», рассматривает исключительное право на товарный знак в системе интеллектуальных прав и ответственность за нарушение интеллектуальных прав в РФ.

Ключевые слова: исключительное право, товарный знак, интеллектуальная собственность, знак обслуживания, принцип исчерпания права.

Необходимость идентификации каждого товара, его индивидуализация является следствием перенасыщения рынка различными товарами. Решить этот вопрос стало возможно с введением такого понятия, как «товарный знак» – обозначение, которое необходимо для различения товаров разных производителей, неважно индивидуальных предпринимателей или предприятий. Для индивидуализации услуг и работ используют такое понятие, как знак обслуживания (Билайн, МТС, Ростелеком). В обыденной жизни часто встречаются такие термины как логотип, торговая марка, бренд и т.д., однако стоит отметить, что в системе интеллектуальных прав действует только два термина: знак обслуживания и товарный знак. Товарный знак обладает такими признаками, как:

- Новизна – исключительное право возможно оформить на товарный знак или знак обслуживания, только если он не похож на уже существующее обозначение и не совпадает с ним.
- Его можно различить – в качестве товарного знака не может быть зарегистрировано слово или сочетание, которое характеризует товар, например, «деревенское молоко».

Tatyana V. Zhilenkova
Associate Professor of Civil Law,
East Siberian branch
Russian State
University of Justice
pravo-tv@mail.ru

EXCLUSIVE RIGHT TO A TRADEMARK IN THE SYSTEM OF INTELLECTUAL RIGHTS

Annotation. The need to identify each product, its individualization is a consequence of the oversaturation of the market with various products. It became possible to solve this issue with the introduction of such a concept as «trademark» – a designation that is necessary to distinguish products from different manufacturers. In Russia, intellectual property issues are regulated by part 4 of the civil code of the Russian Federation. In the article the author analyzes the civil code and administrative code, defines the concepts «intellectual property» considering the exclusive right to the trademark in the system of intellectual property rights and responsibility for violation of intellectual rights in the Russian Federation.

Keywords: exclusive right, trademark, intellectual property, service mark, principle of exhaustion of rights.

Товарный знак должен не создавать путаницы у граждан, маскируясь под какой-либо известный уже зарегистрированный и имеющий исключительное право аналог. В отличие от вещного товарного знака интеллектуальная собственность не имеет физического воплощения.

На основании Конвенции ВОИС (Всемирная Организация интеллектуальной собственности, созданная в 1967 г., регулирует на мировом уровне отношения относительно интеллектуальной собственности) интеллектуальной собственностью считается: научные труды, художественные и литературные произведения; изобретения; достижения в селекции; программное обеспечение; радио- и телепередачи, песни артистов, клипы, фонограммы; логотипы, фирменные названия, товарные знаки, иные знаки, которые используются в коммерческой деятельности; другие объекты результатов интеллектуальной деятельности в области науки, литературе, производства и художественной области.

В России вопросы интеллектуальной собственности регулирует ч. 4 ГК РФ. В общем понимании интеллектуальная собственность представлена результатами интеллектуальной деятельности

человека и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, предприятий, товаров, работ и услуг, в отношении которых осуществляется правовая охрана [1]. Список объектов, который находится под правовой защитой, описан в ст. 1225 ГК РФ [2], содержит 16 объектов, охраняемые разными нормами права, исходя из этого признака, объекты могут быть условно разделены на несколько групп.

В данной статье обратим более пристальное внимание 14-му объекту интеллектуальной собственности согласно ст. 1225 ГК РФ [2] – товарному знаку в системе интеллектуального права, более подробно этот вопрос рассмотрен в ст. 1477–1515 ГК РФ.

Согласно ст. 1484 ГК РФ исключительное право на товарный знак имеет лицо, на имя которого зарегистрирован товарный знак, он является его правообладателем [3]. Исключительный характер прав [3] дает возможность правообладателю использовать его и распоряжаться им любым способом, главное чтобы это не противоречило закону, вместе с тем запрещаются указанные действия всем другим лицам. Данные права по факту можно рассматривать как абсолютные, как «монополия прав» [5], тем не менее, речь не идет об неограниченных правах. Только при наличии разумных границ правообладатель может полноценно использовать свои полномочия, в то же время, не на вредя другим лицам (потребителям). О каких границах может идти речь? Тут возможны территориальные, временные пределы, а также ограничение исходит из цели регистрации товарного знака и перечня товаров, которые указаны в свидетельстве на товарный знак.

Регистрация товарного знака происходит федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности – Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам или иначе Роспатент [3]. Действие права имеет ограничение во времени в соответствии с п. 1 ст. 1491 ГК РФ [4], исключительное право действует в течение 10 лет со дня подачи заявки в Роспатент на государственную регистрацию. Срок действия может быть продлено на основании заявления правообладателя на 10 лет, подать заявку на продление необходимо в течение последнего года действия исключительного права, количество раз продления не ограничивается законом [4].

Понять территориальные пределы действия исключительного права, можно обратившись к ст. 1479 ГК РФ, согласно которой если товарный знак зарегистрирован на территории Российской Федерации, то и действие его распространяется только на территорию нашей страны. Соответственно если знак зарегистрирован за пределами России, то исключительное право будет действовать согласно положений международного договора.

Согласно ст. 1487 возможно использование товарного знака другими лицами относительно товаров, введенных в гражданский оборот на

территории России и с согласия правообладателя. Получить согласие на использование в данном случае нужно только один раз, но надо понимать, что запрещены любые изменения товара. Данная норма разъяснена Президиумом ВАС РФ, где говорилось, что если товар был введен в хозяйственную деятельность другими лицами по согласию с правообладателем, то он не может запретить им использовать данный товарный знак [7]. Принцип исчерпания также имеет территориальное действие, тут следует отметить, что в гражданский оборот товар должен быть введен на территории России, его повторное введение в гражданский оборот (из-за которого и возникает вопрос об исчерпании исключительного права) тоже должно произойти на территории Российской Федерации. Вопрос исчерпания исключительных прав расписан в ст. 1487 ГК РФ, где мы видим, что Российская Федерация по этому вопросу придерживается национального принципа. Законными в данном случае будут являться только действия, при которых фирменная продукция, маркированная товарным знаком, охраняемым законом, может быть введена в эксплуатацию и оборот на территории России только при условии, что правообладатель дал на это согласие.

Ответственность за нарушение интеллектуальных прав в РФ предусмотрена ГК РФ, КоАП, а также УК РФ. Согласно ГК РФ правонарушитель может понести наказание на основании следующих статей:

- Статья 1253 – по постановлению суда ИП или юридическое лицо может быть ликвидировано при умышленных многократных нарушениях исключительного интеллектуального права [1].
- Статья 1301 – правообладателю может быть выплачена материальная компенсация либо в размере от 10 тысяч до 5 миллионов рублей, либо в размере двойной стоимости права использования интеллектуальной собственности, которая была бы уплачена на законных условиях, либо в размере двойной стоимости изъятой контрафактной продукции [1].
- Статья 1515 – незаконное использование товарного знака в данном контексте может нести за собой требование уничтожения всей продукции, на которой товарный знак был незаконно размещен, а также требование компенсации убытков в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей или в размере двойной стоимости, которая была бы уплачена за правомерное размещение товарного знака [1].

Согласно Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации статья 14.10 [8] за незаконное использование товарного знака правонарушителям грозят следующие штрафы:

- для должностных лиц – от 10 до 50 тысяч рублей и конфискация оспариваемого имущества;
- для юридических лиц – от 50 до 200 тысяч рублей и конфискация оспариваемого имущества

вместе с оборудованием, на котором его производили;

– для физических лиц – от 5 до 10 тысяч рублей и конфискация продукции, на которой присутствует товарный знак незаконно вместе с оборудованием, на котором его производили, и приспособлениями.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 31.07.2020). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 31.07.2020). Ст. 1225. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/2a4870fda21fdffc70bade7ef80135143050f0b1

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 31.07.2020). Ст. 1484. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/7d076153e9adb1b3534c04eb371e2f7c6df713f8

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 31.07.2020). Ст. 1491. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/b750f79795c779e92bb91e22a676aa4017c4f459/

5. *Гульбин Ю.Т.* Исключительные права на средства индивидуализации товаров – товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров: гражданско-правовой аспект. М., 2007. С. 156.

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 07.04.2004 № 178 «Вопросы Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 15. Ст. 1471.

7. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.07.1997 № 19 «Обзор практики разрешения споров, связанных с защитой прав на товарный знак» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1997. № 10.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 15.10.2020, с изм. от 16.10.2020). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ea6ac42e853fb1c96e0f7147e3835e82c7b5e4f1

Все нарушения, которые нами были рассмотрены, могут быть также рассмотрены в рамках уголовного дела, если будет зафиксирован факт злостного и многократного нарушения, в ходе которого правообладатель понес потери в особо крупном размере.

Literature:

1. Civil code of the Russian Federation (part four)" from 18.12.2006 № 230-FZ (ed. from 31.07.2020). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629

2. Civil code of the Russian Federation (part four)" from 18.12.2006 № 230-FZ (ed. from 31.07.2020). Article 1225 URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/2a4870fda21fdffc70bade7ef80135143050f0b1

3. Civil code of the Russian Federation (part four)" from 18.12.2006 № 230-FZ (ed. from 31.07.2020). Article 1484. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/7d076153e9adb1b3534c04eb371e2f7c6df713f8

4. Civil code of the Russian Federation (part four)" from 18.12.2006 № 230-FZ (ed. from 31.07.2020). Article 1491. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/b750f79795c779e92bb91e22a676aa4017c4f459/

5. *Gulbin Yu.T.* Exclusive rights to means of individualization of goods-trademarks, service marks, names of places of origin of goods: civil-legal aspect. M., 2007. P. 156.

6. Decree of the Government of the Russian Federation of 07.04.2004 № 178 «Questions of the Federal service for intellectual property, patents and trademarks» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2004. №. 15. Art. 1471.

7. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 29.07.1997 № 19 «Review of the practice of resolving disputes related to the protection of trademark rights» // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1997. № 10.

8. Code of the Russian Federation on administrative offenses of 30.12.2001 № 195-FZ (ed. from 15.10.2020, with amendments from 16.10.2020). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ea6ac42e853fb1c96e0f7147e3835e82c7b5e4f1

Игнатов Александр Николаевич
доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии,
Крымский филиал Краснодарского
университета МВД России
aleksandrignatov@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННО-КОГНИТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В АРСЕНАЛЕ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Инновационное развитие общества несет в себе, прежде всего, угрозу появления все новых высокотехнологичных способов совершения преступлений и качественно новых преступных деяний. Отличительной характеристикой данного процесса является его связь с основным трендом развития информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий и когнитивной науки, их конвергенцией и созданием НБИКС-технологий. Рассмотрены возможности использования информационно-когнитивных технологий как способа совершения различных видов преступления.

Ключевые слова: инновации, наука, конвергенция, информационные технологии, когнитивные технологии, способ совершения преступления.

Как определено в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, приоритетами научно-технологического развития страны являются:

– переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям, роботизированным системам, к новым материалам и способам конструирования, создание систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта;

– противодействие техногенным, биогенным, социокультурным угрозам, терроризму и идеологическому экстремизму, а также, киберугрозам и иным источникам опасности для общества, экономики и государства;

– возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе, применяя методы гуманитарных и социальных наук и др.

В качестве перспектив развития страны в данной сфере определена, в частности, необходимость осуществления исследований в области

Aleksandr N. Ignatov
Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Crimean branch of Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
aleksandrignatov@mail.ru

INFORMATION AND COGNITIVE TECHNOLOGIES IN THE ARSENAL OF METHOD OF COMMITTING A CRIME

Annotation. The innovative development of society carries in itself, first of all, the threat of the emergence of ever new high-tech methods of committing crimes and qualitatively new criminal acts. A distinctive characteristic of this process is its connection with the main trend in the development of information technology, biotechnology, nanotechnology and cognitive science, their convergence and the creation of NBICS technologies. The possibilities of using information and cognitive technologies as a method of committing various types of crime are considered.

Keywords: innovation, science, convergence, information technology, cognitive technology, modus operandi, method of committing a crime.

понимания процессов, происходящих в обществе и природе, развития природоподобных технологий, человеко-машинных систем, управления климатом и экосистемами, а также, исследований, связанных с этическими аспектами технологического развития, изменениями социальных, политических и экономических отношений [1].

Полностью разделяя и поддерживая необходимость реализации данных стратегических направлений, считаем необходимым акцентировать внимание на рисках и угрозах, прежде всего, криминогенного характера, инновационно-технологического развития общества. Как справедливо отмечает В.В. Жабина, инновационный вектор развития и имеющие сегодня место инновационные трансформации порождают формирование особой модели общества – инновационного общества риска, качественным свойством которого является продуцирование целой системы угроз, связанных с разработкой, внедрением и использованием инновационных продуктов и процессов, и ставящих под удар такие ценности, как безопасность, физическое и психическое здоровье, самодентичность, традиции [2, с. 10–11].

Следует отметить, что определенные риски и угрозы инновационно-технологического развития общества отражены в базовых документах

стратегического развития и обеспечения безопасности нашего государства. Так, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определяет, что для решения задач национальной безопасности в области науки, технологий и образования необходимы, в том числе, «развитие перспективных высоких технологий (генная инженерия, робототехника, биологические, информационные и коммуникационные, когнитивные технологии, нанотехнологии, природоподобные конвергентные технологии)» (п. 70). При этом указывается на усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве и использование информационных и коммуникационных технологий для манипулирования общественным сознанием (п. 21) [3]. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации содержит прямое указание на то, что «расширение областей применения информационных технологий, являясь фактором развития экономики и совершенствования функционирования общественных и государственных институтов, одновременно порождает новые информационные угрозы» (п. 10), а в качестве основных угроз информационной безопасности определяет следующие:

– наращивание рядом зарубежных стран возможностей информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру в военных целях;

– активизацию технической разведки в отношении российских государственных органов, научных организаций и предприятий оборонно-промышленного комплекса (п. 11);

– использование специальными службами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира (п. 12);

– использование террористическими и экстремистскими организациями механизмов информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников (п. 13);

– увеличение масштабов компьютерной преступности, прежде всего, в кредитно-финансовой сфере;

– увеличение числа преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе, в части, касающейся неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, при обработке персональных данных с использованием информационных технологий (п. 14);

– увеличение масштабов и рост скоординированности компьютерных атак на объекты критической информационной инфраструктуры (п. 16);

– недостаточный уровень развития конкурентоспособных информационных технологий и их использования для производства продукции и оказания услуг (п. 17);

– низкая осведомленность граждан в вопросах обеспечения личной информационной безопасности (п. 18) и др. [4].

Современные наукоемкие технологии, развивающиеся не «естественным путем технической эволюции», а экспоненциально прогрессирующие на почве конвергенции передовых человеческих знаний и задаваемые рыночно-стратегической конъюнктурой, несут в себе неизвестный деструктивный потенциал прямо пропорциональный задаваемым рациональным конструктивным характеристикам и целевым ожиданиям. Еще катастрофичнее ситуация в случае технологических разработок заведомо разностороннего или непосредственно разрушительного назначения (военные, криминальные). А, как известно, развивается человечество, развивается и преступность, а интенсификация научно-технического развития прямо влияет на характер и степень криминализации социума [5; с. 13–17]. Технологический прогресс, как отмечает В.С. Овчинский, с одной стороны порождает новые возможности и эффективные средства противодействия силам деструкции, но, в то же время, наделяет криминал инновационными ранее методами и инструментами [6, с. 22].

Таким образом, с точки зрения криминогенности инновационное развитие общества несет в себе, прежде всего, угрозу появления все новых высокотехнологических способов совершения преступлений и качественно новых преступных деяний.

Минимизация криминогенности техногенности человеческого развития обуславливает необходимость выработки эффективных механизмов контроля над ситуацией. Безопасность нашего будущего во многом определяется своевременностью анализа и предвидения перспектив, рисков и криминогенности человеческой рационально-технологической деятельности в условиях техногенного цивилизационного развития и возможностей защиты человека, общества и государства от соответствующих угроз [7, с. 34–40]. В данном аспекте, определение и анализ современных технологических способов совершения преступлений будет способствовать, на наш взгляд, сокращению хронического отставания превентивной практики от развития криминала.

Любое преступление имеет внешнее выражение и нет ни одного преступления без свойственного ему способа его совершения, который представляет собой форму проявления преступного деяния и, соответственно, тесно связан с последствием [8, с. 182]. Способ присущ любому волевому поведению человека, поэтому имманентен преступлению как явлению реальной действительности. Сущность способа совершения преступления заключается в операционном, динамическом своеобразии исполнения преступного действия [9, с. 6–7]. Именно способ совершения преступления во многом определяет характер и степень общественной опасности деяния,

специфику личности преступника, вид и меру наказания, а также выступает специфическим интегрирующим критерием выделения отдельных категорий (видов) преступлений.

Таким образом, способ совершения преступления – это операциональная характеристика деяния, предусмотренного законом как преступления, т.е., характеристика деяния (криминального поведения) с точки зрения операций (действенного процесса), которые необходимо произвести (осуществить) для достижения (наступления) преступного результата. Для описания операциональной характеристики поведения человека, в т.ч. преступного, используются такие категории, как метод, прием, порядок, последовательность и пр.

Отличительной характеристикой современного состояния преступности является то, что все более активное появление новых высокотехнологических способов совершения преступлений связано с основным трендом развития информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий и когнитивной науки, их конвергенцией и созданием НБИКС-технологий.

Одним из важнейших условий нормальной жизнедеятельности человека и полноценного функционирования общества, в целом, является постоянная информационная связь с окружающим миром. На современном этапе развития социума и совершенствования информационных технологий человек становится все более зависимым от потока социально значимой информации. Новейшие информационные технологии в условиях глобализации достаточно динамично распространяются по всему миру, все больше влияя как на разные сферы жизни людей, так и собственно на интеллект современного человека, его мировоззренческие установки, соответственно, на его поведение.

Под информационными технологиями понимается совокупность методов, производственных процессов и программно-технических средств, объединенных в технологическую цепочку, которые обеспечивают сбор, хранение, обработку, вывод и распространение информации для облегчения трудоемкости процессов использования информационных ресурсов, повышения их надежности и быстродействия [10, с. 141–144].

Использование информационных технологий как способ совершения преступления, как указывает Д.В. Хоперсков, «представляет собой поведенческие операции по использованию (применению) процессов, методов и способов производства (создания), поиска, сбора, получения, хранения, обработки, передачи (предоставления), распространения информации, направленные на реализацию преступного деяния. Использование информационных технологий может являться способом совершения преступлений, направленных на:

1) человека (на психику (сознание и волю) отдельного человека, группы людей; физическое и материальное благополучие человека);

2) общество (общественное сознание, отдельные институты общества);

3) государство (безопасность государства, порядок управления и пр.).

С «технической» точки зрения использование информационных технологий как способа совершения преступлений предполагает реализацию механизма совершения преступления посредством воздействия на:

1) содержание информации;

2) информацию как субстанцию;

3) процесс информационной коммуникации» [11, с. 96–96].

Когнитивные технологии – это «система методов, алгоритмов и программ, моделирующих и усиливающих познавательные способности людей для решения практических задач – распознавания образов и речи, выявления и идентификации закономерностей в массивах данных, проектирования сложных систем, принятия решений в условиях недостаточности информации и т.д. Предикат «когнитивный» указывает, прежде всего, на отношение к знаниям, точнее, к способам получения, хранения и трансляции знаний [12, с. 92–97].

Когнитивные технологии (от лат. «*cogito*» – «познавать») – технологии, направленные на исследование и совершенствование человеческого познания. Это технологии, оценивающие наше внимание, отслеживающие наше состояние, следящие за работой мозга и пытающиеся «понять» человека. Когнитивная наука (когнитивистика) развивается на основе конвергенции знаний физиологии, нейробиологии, антропологии, лингвистики, психологии, математики, философии, теории познания и теории искусственного интеллекта.

Предмет когнитивных технологий, как указывает В.И. Кудашев, составляет объем и содержание сознания, скорость восприятия и мысли, основания для субъективных предпочтений и принимаемых решений. Когнитивные технологии основаны на изучении сознания, познания, различных особенностей мыслительного процесса и когнитивного поведения живых и мыслящих существ как с нейрофизиологической и молекулярно-биологической позиции, так и с помощью гуманитарных подходов. Развитие когнитивных технологий может дать возможность на основе изучения функций мозга и механизмов сознания и поведения разрабатывать алгоритмы, которые фактически будут «одушевлять» искусственные технологические системы [12, с. 92–97].

Перспективы и риски «одушевления» искусственных технологических систем (от когнитивных ассистентов и когнитивных архитектур, использующих био-вдохновленные методы, до «полноценного» искусственного интеллекта) в контексте реализации футурологической функции криминологии [13, с. 235–244] и необходимости оценки криминогенности техногенности [7, с. 34–40] современного социума, требуют, по нашему убежде-

нию, отдельного глубокого изучения. Не меньший интерес представляет анализ возможностей использования когнитивных технологий как способа совершения различных преступлений.

Следует полностью согласиться с В.И. Кудашовым в том, что, «если согласиться с тем, что именно знания превращаются в главный ресурс развития современного общества, в фактор, который по-новому структурирует все сферы социальной жизни, необходимо рассмотреть возможности всех социальных субъектов генерировать знания, направленные на изменение и конструирование социальной реальности в соответствии с внутренними потребностями индивидов и социальных групп» [12, с. 92–97]. С точки зрения криминологической и уголовно-правовой науки, категорически необходимо рассмотреть возможности всех социальных субъектов генерировать знания, направленные на изменение и конструирование социальной реальности в криминальных целях и, прежде всего, возможности криминального использования самих технологий генерации знаний.

Учитывая специфику информационных связей индивида и социума, уровень развития и масштабы применения современных информационных технологий, а также, непосредственную взаимосвязь когнитивных технологий с информационными, на наш взгляд, целесообразно рассматривать возможности использования именно информационно-когнитивных технологий как способа совершения преступлений.

Использование информационно-когнитивных технологий как способ совершения преступления можно определить, как операции по применению (использованию) процессов, методов и способов производства, поиска, получения, хранения, обработки, передачи и распространения информации, конструирующих познавательные способности (механизмы и параметры познания реальности) людей, направленные на реализацию преступного деяния.

Что касается практического использования информационно-когнитивных технологий как способа совершения преступлений, то, прежде всего, следует учитывать возможность их криминального использования в целях манипулирования сознанием людей.

Манипуляция сознанием человека стала реальностью настоящего. Если обратиться к тысячелетней эволюции технологий власти, то можно заметить, что если раньше для управления обществом использовались методы государственного, административного или другого силового принуждения, то сегодня они уступают место информационно-психологическому влиянию [14, с. 58]. В кибернетическую эру личность все больше и больше подвластна манипуляции. Работа, потребление, досуг человека управляются с помощью рекламы и идеологий. Человек теряет свою активную, ответственную роль в социальном процессе, становится полностью регулируемым [15].

Психика как особое качество, присущее человеку, основанная на высшей нервной деятельности и выражается в способности внутреннего отражения действительности в ощущениях, восприятиях, чувствах, мышлении и свободе. Учитывая то, что одним из основных теоретических принципов психологии является признание обусловленности психических явлений материальной действительностью [16, с. 44] осуществления психического воздействия возможно с помощью различных факторов внешней среды. Поскольку человек связан с окружающей средой многочисленными информационными связями, которые в основном устанавливаются на уровне подсознания человека, основным элементом воздействия на его психику является информация. Способ воздействия на психику с помощью информации обычно заключается в передаче сигнальной и значимой для адресата информации, способной повлиять на его психическое состояние или психические процессы [17, с. 50]. Указанный способ выражается в виде информационного процесса – полного цикла переработки информации, включая трансляцию, восприятие, преобразование и сохранение сигналов [18, с. 96–108]. Преступное воздействие нередко осуществляется информационным путем с помощью открытого и «закодированного» сигналов. В последнем случае сигнал, минуя сознание, оказывает непосредственное воздействие на подсознание, чувства, через воображение, создавая нужные субъекту преступления психические образы, которыми в дальнейшем руководствуется в своем поведении объект воздействия [17, с. 70]. Передача информации может осуществляться вербальным и невербальным путем, осуществление преступного воздействия на психику человека возможно с помощью образов, языка цифр, звукового воздействия, запахов, гипноза и пр.

Успешность использования информационно-когнитивных технологий в целях манипуляции сознанием человека средствами массовой информации и коммуникации определяется тем, что способ трансляции субъективированной, «готовой», уже кем-то осмысленной информации подчиняет воспринимающего ее, сокращает до минимума возможность появления у него рефлексии и, в отличие от межличностного общения, характеризуется отсутствием обратной связи с источником информации, что лишает человека возможности корректировать соответствующую информацию и осуществлять встречное контрманипулятивное влияние [19, с. 48–50]. Сегодня мы все живем в пространстве рекламных, маркетинговых, коммуникационных, PR- и GR-технологий, а также политических технологий, являющихся технологиями массовых манипуляций. Человек познает окружающий его мир путем репрезентирования – построения моделей реальности, в которых фиксируются наиболее важные ее характеристики. Для того чтобы успешно ориентироваться в окружающей реальности, человеку необходимо эту реальность картировать, то есть в буквальном смысле создавать когнитивную карту реальности. Люди реагируют на собственный опыт, а не на «объективную» реальность, поэтому наша когнитивная карта и является для нас единственной «реальной» реальностью. Социально-

гуманитарные технологии как раз и предназначены для внедрения в сознание определенных картин действительности, которые делают человека управляемым в нужном направлении [20; 21].

Манипулирование сознанием людей посредством использования информационно-когнитивных технологий может выступать способом совершения преступлений, направленных на вовлечение в экстремистскую, террористическую и иную преступную деятельность, а также, способом совершения различных видов мошенничества, а также преступлений в сфере экономики, в частности, в финансовой сфере, в сфере потребительского сектора экономики и пр.

Роль информационно-когнитивных технологий в «генерировании знаний, направленные на изменение и конструирование социальной реальности в соответствии с внутренними потребностями индивидов и социальных групп» необходимо рассматривать с точки зрения способа совершения преступлений, направленных на формирование и распространение экстремистской идеологии, в том числе, идеологии терроризма, нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, а также, оказания преступного информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации.

Реализация данного способа совершения преступления возможна посредством установления и трансформации когнитивных оснований восприятия социально-политических, социально-экономических и иных процессов населением, государством и другими типами агентов за счет интеграции нейрофизиологического, психофизиологического, социально-психологического анализа с инструментарием психологии, социологии, теологии и прочих отраслей знаний.

Рассматривая информационно-когнитивные технологии как способ совершения преступлений необходимо учитывать возможность «обратной связи» получения информации от объекта (от отдельного индивида до социальных групп) технологического воздействия. Использование информационно-когнитивных технологий в данном случае может выступать способом шпионажа, прежде всего, промышленного и технической разведки, а также совершения преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе, в части неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, при обработке персональных данных с использованием информационных технологий и пр.

До последних нескольких лет компьютеры были очень неспособны делать то, что люди делают с легкостью, – сканировать окружающую среду и понимать контекст. Сегодня когнитивные технологии могут все больше ассимилировать и добывать неструктурированные данные в широком диапазоне форматов, извлекать из них релевантную информацию. Этому способствует то, что в

настоящее время, в эпоху «цифрового шторма», технологические продукты, процессы и информационные системы становятся гиперинструментальными и подключаемыми. Беспроводные датчики в различных устройствах, от мобильных телефонов и автомобилей до компьютерных принтеров, сообщают о своей работе и все это соединяют обширные сети [22].

Сегодня во всем мире широко используются технологические платформы когнитивных вычислений, включающие такой функционал, как машинное обучение, рассуждение, обработку естественного языка, распознавание речи и зрения (распознавание объектов), взаимодействие человека с компьютером, создание диалогов и повествований, а также, другие технологии, взаимодействующие с пользователями, другими процессорами, устройствами и облачными сервисами, и использующие как структурированную, так и неструктурированную информацию (документы текстовых редакторов, электронные письма, видео, изображения, аудиофайлы, презентации, веб-страницы, социальные сети и многие другие форматы) [23; 24; 25]. Когнитивные вычисления в сочетании с большими данными и алгоритмами, используя технологии учитывающие потребности клиентов (распознавание речи, анализ настроения, распознавание лиц, оценка рисков, обнаружения мошенничества, поведенческие рекомендации и пр.), могут быть использованы для получения по каналам обратной связи (чат-боты или помощники по поиску, взаимодействующие с людьми на естественном языке и пр.) информации необходимой разработчику (оператору вычислений), а используемые при этом когнитивные технологии, могут конструировать (формирование запросов, конфигураций поиска и т.п.) когнитивные способности пользователей.

Использование информационно-когнитивных технологий может выступать способом совершения преступлений против личности, прежде всего, преступлений против жизни и здоровья, что становится возможным посредством предоставления («настройки» когнитивной сферы человека на ее восприятие) различного рода «критической» для адресата информации. В данном контексте, использование информационно-когнитивных технологий может выступать способом доведения до самоубийства, причинения вреда здоровью (психическому) различной степени тяжести, а также опосредованного совершения (посредством использования иных лиц) насильственных преступлений и пр.

Сегодня уже невозможно игнорировать проблему интенсивной трансформации насилия, вечно сопровождающего человечество на пути его цивилизационного развития, из сферы физического (энергетического) в сферу психического (информационного) [26, с. 59–65]. Это неизбежно происходит в силу технологизации и информатизации, а в частности виртуализации нашей жизни. Под воздействием таких факторов, как диссоциативная анонимность, невидимость, асинхронность, солипсическая интроекция, диссоциативное воображение, минимизация власти и пр. в сочетании с личными качествами пользователя

происходит эффект ослабления психологических барьеров, ограничивающих выход скрытых чувств и потребностей, который заставляет людей вести себя в Интернете так, как они обычно не поступают в реальной жизни. Возможность трансформации собственной личности или создания альтернативной личности (при одновременной постепенной потере собственного реального «Я»), отсутствие необходимости применять реальные физические усилия для совершения различных действий, отсутствие реального ощущения последствий их совершения, приводит не только к появлению новых виртуальных форм деликвентного поведения, но и к перенесению в реальную жизнь субъективного ощущения вседозволенности и безнаказанности. В результате, последствиями троллинга в Сети являются реальные жертвы суицида, а нас пока еще шокируют выходы стрелков-игроманов, расстреливающих по сценарию любимой «игрушки» людей на улицах, в торговых центрах и школах [27, с. 94–100].

Таким образом, инновационное развитие общества несет в себе, прежде всего, угрозу появления все новых высокотехнологических способов совершения преступлений и качественно новых преступных деяний. Отличительной характеристикой данного процесса является его связь с основным трендом развития информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий и когнитивной науки, их конвергенцией и созданием НБИКС-технологий. Использование информационно-когнитивных технологий как способ совершения преступления можно определить, как операции по применению (использованию) процес-

сов, методов и способов производства, поиска, получения, хранения, обработки, передачи и распространения информации, конструирующих познательные способности (механизмы и параметры познания реальности) людей, направленные на реализацию преступного деяния. Использование информационно-когнитивных технологий может выступать способом совершения:

– преступлений, направленных на вовлечение в экстремистскую, террористическую и иную преступную деятельность;

– преступлений, направленных на формирование и распространение экстремистской идеологии, в том числе, идеологии терроризма, нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигание этнической и религиозной ненависти либо вражды, на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации;

– различных видов мошенничества, и иных преступлений в сфере экономики, в том числе в финансовой сфере, в сфере потребительского сектора экономики; шпионажа и технической разведки; преступлений, связанных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, в том числе, в части неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны;

– преступлений против личности, прежде всего, преступлений против жизни и здоровья (доведения до самоубийства, причинения вреда здоровью (психическому) различной степени тяжести и др.) и прочих преступных деяний.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 01 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL : <http://base.garant.ru/71551998>
2. *Жабина В.В.* Риски инновационного развития общества: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Жабина Виктория Владимировна; Место защиты: Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2013. 20 с.
3. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669
4. Указ Президента Российской Федерации от 05 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». URL : <http://base.garant.ru/71556224/>
5. *Игнатов А.Н.* Технологический прогресс и уголовный закон: проблемы соответствия / А.Н. Игнатов; Отв. ред. С.А. Васильев // В сборнике: Сборник выступлений по итогам проведения Первого Севастопольского юридического форума,

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation of December 01, 2016 № 642 «On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation». URL : <http://base.garant.ru/71551998>
2. *Zhabina V.V.* Risks of innovative development of society: socio-philosophical analysis: abstract dis. ... candidate of philosophical sciences: 09.00.11 / Zhabina Viktoriya Vladimirovna; Place of protection: Sarat. state un-t them. N.G. Chernyshevsky. Saratov, 2013. 20 p.
3. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 № 683 «On the National Security Strategy of the Russian Federation». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669
4. Decree of the President of the Russian Federation of December 5, 2016 № 646 «On the approval of the Doctrine of information security of the Russian Federation». URL : <http://base.garant.ru/71556224/>
5. *Ignatov A.N.* Technological progress and criminal law: problems of compliance // In the collection: Collection of speeches following the results of the First Sevastopol Legal Forum, held on September 27–28, 2018 on the basis of the Law Institute of Sevastopol

- прошедшего 27–28 сентября 2018 года на базе Юридического института Севастопольского государственного университета. Сер. «Научный фонд». 2018. С. 13–17.
6. *Овчинский В.С.* Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018.
 7. *Игнатов А.Н.* Криминогенность техногенности // Общество и право. 2019. № 2. С. 34–40.
 8. *Брайнин Я.М.* Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М. : Юрид. лит., 1963. 275 с.
 9. *Панов Н.И.* Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве : автореф. дис. ... докт. юрид. наук: спец. 12.00.08. Харьков, 1987. С. 6–7.
 10. *Плюхина И.А.* Преступность в сфере информационных технологий / И.А. Плюхина, И.О. Сошников, Е.А. Фролов // Вопросы науки. 2015. Т. 3. С. 141–144.
 11. *Хоперсков Д.В.* Использование информационных технологий как способ совершения преступления // Вестник Евразийской академии административных наук. 2018. № 4(45). С. 148–151.
 12. *Кудашов В.И.* Роль когнитивных технологий в обществе знания // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 2(2). С. 92–97.
 13. *Игнатов А.Н.* Прогностическая и футурологическая функции криминологии и их роль в генезисе уголовного права / А.Н. Игнатов; Редкол. : В.И. Третьяков, В.В. Намнясева, В.А. Канубриков, О.В. Стрилец // Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе. Сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 18–19 мая 2017 г. Электрон. дан. (2,8 Мб). Волгоград : ВА МВД России, 2017. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 235–244.
 14. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции. Феномены, механизмы, защита. М. : МГУ, 1997.
 15. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М. : Алгоритм, 2004.
 16. *Еникеев М.И.* Основы общей и юридической психологии : учебник для вузов. М., 1996.
 17. *Петин И.А.* Механизм преступного насилия. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.
 18. *Дубровский Д.И.* Информация, сознание, мозг. К. : Высш. школа, 1980. С. 96–108.
 19. *Игнатов А.Н.* Кризис духовной сферы как фактор детерминации экстремизма, терроризма и криминального насилия в целом // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3(41). С. 48–50.
 - State University. Ser. «Science Foundation» Otv. ed. S.A. Vasiliev. 2018. P. 13–17.
 6. *Ovchinsky V.S.* Criminology of the Digital World: A Textbook for Master's Degree. M. : Norma : INFRA-M, 2018.
 7. *Ignatov A.N.* Technogenic criminality // Society and Law. 2019. № 2. P. 34–40.
 8. *Brainin Ya.M.* Criminal responsibility and its basis in Soviet criminal law. M. : Jurid. lit., 1963. 275 p.
 9. *Panov N.I.* The main problems of the method of committing a crime in Soviet criminal law : author. dis. ... doctor of law: spec. 12.00.08. Kharkov, 1987. P. 6–7.
 10. *Plyukhina I.A.* Crime in the field of information technology / I.A. Plyukhina, I.O. Soshnikov, E.A. Frolov // Problems of Science. 2015. Vol. 3. P. 141–144.
 11. *Khoperskov D.V.* The use of information technology as a way of committing a crime // Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences. 2018. № 4(45). P. 148–151.
 12. *Kudashov V.I.* The role of cognitive technologies in the knowledge society // Philosophy and the Humanities in the Information Society. 2013. № 2(2). P. 92–97.
 13. *Ignatov A.N.* Prognostic and futurological functions of criminology and their role in the genesis of criminal law // Actual problems of criminal legislation at the present stage: collection of articles. scientific. tr. Int. scientific-practical Conf., Volgograd, May 18–19, 2017 / editorial board.: V.I. Tretyakov, V.V. Namnyaseva, V.A. Kanubrikov, O.V. Strilets. Electron. Dan. (2.8 MB). Volgograd: VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 1 electron. wholesale disc (CD-R). P. 235–244.
 14. *Dotsenko E.L.* Psychology of manipulation. Phenomena, mechanisms, protection. M. : Moscow State University, 1997.
 15. *Kara-Murza S.G.* Manipulation of consciousness. M. : Algorithm, 2004.
 16. *Enikeev M.I.* Fundamentals of general and legal psychology : textbook for universities. M., 1996.
 17. *Petin I.A.* The mechanism of criminal violence. SPb. : Legal Center Press, 2004.
 18. *Dubrovsky D.I.* Information, consciousness, brain. K. : Higher. school, 1980. P. 96–108.
 19. *Ignatov A.N.* The crisis of the spiritual sphere as a factor in the determination of extremism, terrorism and criminal violence in general // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 3(41). P. 48–50.

20. *Баксанский О.Е.* Технологии манипуляций массами: реклама, маркетинг, PR, GR (когнитивный подход). Карманная книга политтехнолога. М. : Ленанд (Urсс), 2019. 224 с.

21. *Баксанский О.Е.* Когнитивно-синергетическая парадигма НЛП: от познания к действию. Изд. 3, испр. и доп. / О.Е. Баксанский, Е.Н. Кучер. М. : URSS, 2010. 184 с.

22. *Harrick Vin.* Riding the Cognitive Wave. URL : <https://www.tcs.com/perspectives/articles/riding-the-cognitive-wave>

23. *Denning P.J.* Surfing Toward the Future // Communications of the ACM. 2014. № 57(3). P. 26–29.

24. Deanfelis, Stephen (2014). Will 2014 Be the Year You Fall in Love With Cognitive Computing? // Wired: 2014-04-21; Lars Ludwig (2013).

25. Extended Artificial Memory. Toward an integral cognitive theory of memory and technology. URL : https://kluedo.ub.uni-kl.de/frontdoor/deliver/index/docId/3662/file/_Extended_Artificial_Memory_Dissertation_Lars_Ludwig.pdf

26. *Игнатов А.Н.* О насилии, его видах и их уголовно-правовом отражении // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 4(37). С. 59–65.

27. *Игнатов А.Н.* «Криминология завтра» нужна уже сегодня // Общество и право. 2016. № 4(58). С. 94–100.

20. *Baksansky O.E.* Technologies of mass manipulation: advertising, marketing, PR, GR (cognitive approach). Pocket book of a political strategist. M. : Lenand (Urсс), 2019. 224 p.

21. *Baksansky O.E.* Cognitive-synergetic paradigm of NLP: from cognition to action. Ed. 3, rev. and add. / Baksansky O.E., Kucher E.N. M. : URSS, 2010. 184 p.

22. *Harrick Vin.* Riding the Cognitive Wave. URL : <https://www.tcs.com/perspectives/articles/riding-the-cognitive-wave>

23. *Denning P.J.* Surfing Toward the Future // Communications of the ACM. 2014. № 57(3). P. 26–29.

24. Deanfelis, Stephen (2014). Will 2014 Be the Year You Fall in Love With Cognitive Computing? // Wired: 2014-04-21; Lars Ludwig (2013).

25. Extended Artificial Memory. Toward an integral cognitive theory of memory and technology. URL : https://kluedo.ub.uni-kl.de/frontdoor/deliver/index/docId/3662/file/_Extended_Artificial_Memory_Dissertation_Lars_Ludwig.pdf

26. *Ignatov A.N.* On violence, its types and their criminal law reflection // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 4(37). P. 59–65.

27. *Ignatov A.N.* «Criminology tomorrow» is needed today // Society and Law. 2016. № 4(58). P. 94–100.

Изосимов Вадим Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Нижегородский филиал
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета
Российской Федерации
VEKiz@yandex.ru

Vadim S. Izosimov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Nizhny Novgorod branch
St. Petersburg Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation
VEKiz@yandex.ru

**К ВОПРОСУ
РАЗГРАНИЧЕНИЯ МЕЛКОЙ ВЗЯТКИ
И ОБЫЧНОГО ПОДАРКА**

**ON THE ISSUE
OF DISTINGUISHING BETWEEN
A SMALL BRIBE AND AN ORDINARY GIFT**

Аннотация. В настоящей статье автором рассматривается проблема отграничения мелкой взятки от обычного подарка. Обозначаются статистические показатели выявленных преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 2912 УК РФ (Мелкое взяточничество) и их масштаб в общем массиве коррупционных преступлений. При аргументации своей позиции автор проводит анализ современного уголовного и гражданского законодательства, обращается к федеральным законам «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ и «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 02.03.2007 № 25-ФЗ, а также рассматривает мнения ученых по проблемным аспектам выбранной темы. В заключении автором делаются собственные выводы.

Annotation. In this article, the author considers the problem of distinguishing a small bribe from an ordinary gift. Statistical indicators of detected crimes, responsibility for which is provided for in article 2912 of the criminal code of the Russian Federation (Small bribery), and their scale in the total mass of corruption crimes are indicated. The author analyzes the current criminal and civil legislation, refers to the Federal laws «On the state civil service of the Russian Federation» dated 27.07.2004 № 79-FZ and «on municipal service in the Russian Federation» dated 02.03.2007 № 25-FZ, and also considers the opinions of scientists on the problematic aspects of the chosen topic. In conclusion, the author makes his own conclusions.

Ключевые слова: коррупционные преступления, мелкое взяточничество, обычный подарок, квалификация.

Keywords: corruption crimes, petty bribery, ordinary gift, qualification.

Борьба с коррупцией и коррупционной преступностью на современном этапе продолжает оставаться особо актуальной. 17 марта 2020 года Президент В.В. Путин, на заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в своем обращении к сотрудникам прокуратуры, отметил: «Интересы общества и государства должны быть надежно защищены. Крайне важное направление вашей работы – противодействие коррупции» [8]. Данное обращение еще раз подчеркивает то, что руководство государства уделяет огромное внимание вопросу, связанному с противодействием данному негативному явлению и принимает различные предупредительные, профилактические и карательные меры. Но, несмотря на проводимые мероприятия, направленные на борьбу с коррупцией, число выявленных преступлений данной категории растет. Так, согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 9 месяцев 2020 года было выявлено 26,3 тысячи преступлений коррупционной направленности, что на 0,8 % больше, чем за аналогичный период

2019 года. Особое место, в коррупционном массиве, занимают должностные преступления, из которых 11,9 тысяч выявленных преступлений приходится на взяточничество, число которых, в сравнении с показателями прошлого года, также возросло на 5,1 %.

К наиболее распространенному виду рассматриваемых преступлений, о котором мы более подробно поговорим в настоящей статье, относится мелкое взяточничество. Норма, предусматривающая ответственность за мелкое взяточничество, была введена в Уголовный кодекс Российской Федерации сравнительно недавно федеральным законом от 03 июля 2016 года № 324-ФЗ. Количество выявленных преступлений, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 2912 УК РФ, за 9 месяцев 2020 года составило 4,2 тысячи [7]. Рассматриваемое преступление характеризуется не только своей распространенностью, но и тем, что оно несет в себе угрозу для политической системы и экономики государства, а также оказывает негативное влияние на

нравственное здоровье общества и подрывает доверие к органам власти и управления у населения.

Вместе с тем, новизна законодательного решения породила и некоторые сложности, с которыми столкнулись правоприменители, при уголовно-правовой оценке деяний, связанных с мелким взяточничеством.

Одна из таких сложностей состоит в определении той границы, которая позволила бы отделить дисциплинарный проступок от преступного поведения должностного лица. Современное уголовное законодательство не содержит положений, определяющих размер минимального вознаграждения, отделяющего получение должностным лицом взятки в размере, не превышающем десяти тысяч рублей от принятия этим же лицом «обычного подарка», стоимость которого также может не превышать указанной суммы. Постараемся самостоятельно определить эти границы.

Для начала обратимся к ст. 17 федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ [5] и к ст. 14 федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 02.03.2007 № 25-ФЗ [6], в содержании которых имеется ссылка на гражданское законодательство, а точнее на ст. 575 («Запрещение дарения») ГК РФ, согласно которой, государственным и муниципальным служащим разрешается принимать обычные подарки в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей на сумму, не превышающую трех тысяч рублей. Данные нормативные установления порождают наличие в теории и на практике проблемы, связанной с юридической оценкой действий лиц, вручающих и получающих такие вознаграждения.

В доктрине уголовного права существует много позиций по обозначенной проблеме. Например, С.Г. Келина, считает, что указанная в ст. 575 ГК РФ сумма – это та граница, которая разделяет подарок от взятки [3, с. 701]. Ю.И. Ляпунов, считает, что положения ст. 575 ГК РФ должны быть положены в основу решения вопроса о верхнем пределе размера материального вознаграждения должностного лица, превышение которого должно признаваться уголовно наказуемой дачей-получением взятки [4, с. 630].

Литература:

1. *Волженкин Б.В.* Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2005. С. 180
2. *Иванчин А.В.* Служебные преступления: учебное пособие / А.В. Иванчин, М.Н. Каплин ; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль : ЯрГУ, 2013. С. 75.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А.В. Наумова. М., 1996. С. 701.

На наш взгляд, наиболее правильной является точка зрения Б.В. Волженкина, который полагает, что «обычный подарок», не влекущий никакой ответственности как для должностного лица его принявшего, так и для вручившего подарок, отличается от взятки не только относительно небольшим размером. Независимо от размера незаконное вознаграждение должностного лица за выполнение им действия (бездействия) с использованием служебного положения должно расцениваться как взятка в следующих случаях:

- а) если имело место вымогательство этого вознаграждения;
- б) если вознаграждение (или соглашение о нем) имело характер подкупа, обуславливало соответствующее, в том числе и правомерное, служебное поведение должностного лица;
- в) если вознаграждение передавалось должностному лицу за незаконные действия (бездействие).

Кроме того, Б.В. Волженкин, обращает внимание и на то, что когда имущественное вознаграждение без какой-либо предварительной договоренности об этом было передано должностному лицу за его правомерное действие (бездействие) по службе, решающим для разграничения подарка и взятки будет размер этого вознаграждения [1, с. 180].

Поддерживаем также позицию А.В. Иванчина, который обращает внимание на то, что «взятка всегда передается за определенное поведение должностного лица, а отнюдь не безвозмездно, как это происходит в случае передачи подарка, т. е. при дарении. Следовательно, понятия «получение взятки» (употребленное в ст. 290 УК РФ) и «получение обычного подарка служащим» (ст. 575 ГК РФ) логически не пересекаются и никакой коллизии между ними нет» [2, с. 75].

Таким образом, полагаем, что законодатель совершенно верно и обоснованно не установил в уголовном законе минимальный стоимостной критерий, который, по мнению некоторых ученых, служил бы ориентиром при разграничении мелкой взятки и обычного подарка. На наш взгляд, обозначение указанного критерия в законе, скорее затруднит правоприменительную деятельность, нежели будет ей способствовать.

Literature:

1. *Volzhenkin B.V.* Official crimes: Commentary on legislation and judicial practice. SPb., 2005. P. 180
2. *Ivanchin A.V.* Official crimes : textbook / A.V. Ivanchin, M.N. Kaplin; Yaroslav state. Univ. P.G. Demidov. Yaroslavl : Yaroslavl State University, 2013. – P. 75.
3. Commentary on the Criminal code of the Russian Federation. Under the editorship of A.V. Naumov. M., 1996. P. 701

4. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1998. С. 630.

5. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ. Собрание законодательства Российской Федерации от 02 августа 2004 г. № 31. Ст. 3215.

6. Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 02.03.2007 № 25-ФЗ. Собрание законодательства Российской Федерации от 05 марта 2007 г. № 10. Ст. 1152.

7. URL : https://genproc.gov.ru/upload/iblock/925/sbornik_9_2020.pdf

8. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62998>

4. Criminal law. The special part / under the editorship of N.I. Vetrova. J.I. Lyapunov. M., 1998. 630 p.

5. Federal law № 79-FZ of 27.07.2004 «On the state civil service of the Russian Federation». Collection of legislation of the Russian Federation № 31. Art. 3215 of August 02, 2004.

6. Federal law «On municipal service in the Russian Federation» dated 02.03.2007 № 25-FZ. Collection of legislation of the Russian Federation dated March 05, 2007 № 10 article 1152

7. URL : https://genproc.gov.ru/upload/iblock/925/sbornik_9_2020.pdf

8. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62998>

Литвяк Лариса Геннадиевна

кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
llg1978@yandex.ru

Larisa G. Litvyak

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Novorossiysk branch
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
llg1978@yandex.ru

Пирогова Елена Николаевна

старший преподаватель кафедры
тактико-специальной подготовки,
Волгодонский филиал Ростовского
юридического института МВД России
pirogova-81@mail.ru

Elena N. Pirogova

Senior lecturer at the Department
of Tactical and Special Training,
Volga Branch of the Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
pirogova-81@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ
ЭЛЕКТРОННЫХ ИЛИ
ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ
ДЛЯ ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА**

**ON THE CONCEPT
OF ELECTRONIC OR INFORMATION
AND TELECOMMUNICATION NETWORKS
FOR THE PURPOSES OF CRIMINAL LAW**

Аннотация. В статье поднимается вопрос о понятии электронных, информационно-телекоммуникационных сетей, использование которых в ряде статей уголовного закона предусмотрены в качестве признака основного или квалифицированного составов преступлений. Авторами делается вывод об отсутствии единого понятийного аппарата, закрепленного на законодательном уровне, в исследуемой сфере, что ставит вопрос об эффективности применения уголовно-правовых норм.

Annotation. The article raises the question of the concept of electronic, information and telecommunication networks, the use of which in a number of articles of the criminal law is provided as a sign of the main or qualified elements of crimes. It is concluded that there is no single conceptual framework, fixed at the legislative level, in the field under study, which raises the question of the effectiveness of the application of criminal law norms.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные сети, электронные сети, Интернет, преступление, уголовный закон.

Keywords: information and telecommunications networks, electronic networks, the Internet, crime, criminal law.

Сегодня наша жизнь все больше переходит в виртуальный мир. Электронные или информационно-телекоммуникационные сети пронизывают все сферы жизни общества, оказывая весьма существенное влияние на дальнейшее развитие государств и всего мирового сообщества. В нашей стране сетевое пространство становится преобладающим средством реализации конституционного права, закрепленного в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ и предоставляющего каждому возможность свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию. Сказанное наглядно демонстрируют данные в цифрах. Семь лет назад, при численности населения России в 143369806 человек, пользователями виртуальных сетей было 72,5 миллионов из них, то есть, половина жителей нашей страны. А в 2020 году, по данным Digital, – уже 118 миллионов таких пользователей. С учетом того,

что на территории Российской Федерации в настоящее время проживает 146745098 человек, это означает, что интернетом пользуются более 80 % россиян [1].

Развитие информационно-телекоммуникационных сетей принесло человечеству как много хорошего, так и плохого. Негативная сторона такого рода прогресса заключается в переходе преступности в виртуальный мир. Ежегодно наблюдается рост числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а ущерб от таких деяний колоссален, так как вред причиняется, как правило, большому количеству охраняемых УК РФ интересов. Так, согласно статистическим данным МВД России, в январе-декабре 2019 года зарегистрировано 294,4 тыс. таких преступлений (из 2024,3 тыс. зарегистрированных в нашей стране всего за

этот период преступлений, что увеличило их удельный вес до 14,5 % с 8,8 % за 12 месяцев 2018 года), что на 68,5 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Почти половина таких общественно опасных деяний (48,5 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких: 142,7 тыс. (+149,0 %); половина (53,3 %) совершается с использованием сети «Интернет»: 157,0 тыс. (+45,4 %), более трети (39,5 %) – средств мобильной связи: 116,2 тыс. (+89,5 %). Четыре таких преступления (80,0 %) из пяти совершаются путем кражи или мошенничества: 235,5 тыс. (+83,2 %), каждое двенадцатое (8,4 %) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 24,7 тыс. (+31,2 %) [2]. Но, несмотря на это, такие понятия как «электронные, информационно-телекоммуникационные сети», «Интернет», «преступления, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», в российском законодательстве или не раскрываются вообще, или раскрываются не в полной мере, а эффективность применения правовых норм, в том числе, уголовных, зависит от наличия единого понятийного аппарата в данной сфере. В УК РФ использование таких технологий может выступать в качестве или обязательного признака объективной стороны основного состава преступления (как, например, в ч. 3 ст. 137, ч. 1 ст. 171.2, ч. 1 ст. 185.3, ч. 1.1 ст. 258.1, ст. 282), или отягчающего в квалифицированных составах (как имеет место в п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110.1, ч. 2 ст. 110.2, п. «в» ч. 2 ст. 151.2, ч. 2 ст. 205.2, п. «б» ч. 2 ст. 228.1, п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242.1, п. «г» ч. 2 ст. 242.2, п. «г» ч. 2 ст. 245, п. «б» ч. 2 ст. 258.1, ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 280.1 УК РФ). Здесь остается непонятным, почему при описании многих других преступлений, где возможно использование таких технологий, они не описаны ни в основном, ни в квалифицированном составах? Неясной нам представляется и ситуация, при которой в одних случаях этот признак описан в части первой статьи уголовного закона, а в других он способствует усилению уголовной ответственности, так как предусмотрен в качестве отягчающего обстоятельства. На наш взгляд, позиция законодателя в данном вопросе должна иметь четкие критерии – то есть, должны быть определены признаки, по которым одно и то же средство совершения преступления попадало бы или в разряд конструктивных, или отягчающих признаков конкретного состава преступления. Складывается впечатление о фрагментарности действий законодателя при внесении изменений и дополнений в УК РФ.

Некоторые авторы предлагают для решения данной проблемы, например, расширить перечень отягчающих наказание обстоятельств (ст. 63 УК РФ), добавив новый пункт – «с применением информационно-телекоммуникационных сетей или средств массовой информации» [3]. Стоит отметить, что такое предложение является рациональным с одной стороны, так как позволит в определенной степени унифицировать уголовное законодательство, а с другой стороны, это будет нарушать принцип справедливости. Объясним почему. Максимально возможное наказание, например, за преступление, описанное в ч. 1

ст. 110 УК РФ, – шесть лет лишения свободы человека. Если же доведение до самоубийства происходит в информационно-телекоммуникационных сетях, то размер наказания уже составляет от 8 до 15 лет лишения свободы, так как это уже п. «д» ч. 2 данной статьи. Если бы совершение преступления посредством информационно-телекоммуникационных сетей являлось бы только отягчающим наказанием обстоятельством и не было закреплено в качестве признака квалифицированного состава, то это на квалификацию бы никак не повлияло, а отразилось бы только на выборе вида и размера наказания, и все равно, максимально возможный срок составил бы, как, например, в нашем случае, 6 лет лишения свободы. На наш взгляд, если законодатель уже ужесточил ответственность за использование информационно-телекоммуникационных сетей в перечисленных выше видах преступлений, то ему следует быть последовательным и добавить такой квалифицирующий признак и в другие преступления. Поэтому включение такого отягчающего наказания обстоятельства в ст. 63 УК РФ является довольно спорным предложением, на наш взгляд, нарушающим принцип справедливости, но и, существующее в настоящее время положение вещей, тоже требует корректировки.

Непоследователен законодатель и в содержании данного признака (выступающего в качестве конструктивного): в одних статьях он звучит как «использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе, сети «Интернет» (ч.1 ст. 171.2 УК РФ), в других – «электронные, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет»)» (ч.1 ст. 185.3 УК РФ, в ч. 1.1 ст. 258.1 УК РФ такая же формулировка, но с раздельными союзами «или»), в ст. 282 УК РФ вообще не упоминаются электронные сети, а в ст. 137 УК РФ нет ни электронных сетей, ни сети «Интернет». Не отличается единообразием формулирования этот признак и в случае закрепления его в статьях УК РФ в качестве квалифицирующего: в статьях 110, 110.1, 110.2, 151.2, 242.2, 245, 258.1, 280 УК РФ – нет электронных сетей, в статьях 205.2, 228.1, 258.1, 280.1 УК РФ - они упоминаются, а в статьях 242, 242.1 УК РФ законодатель пишет «с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)». В статье 274 УК РФ установлена ответственность за нарушение информационно-телекоммуникационных сетей. Почему законодатель не последователен в описании данного признака и о разных ли вещах идет речь? Попробуем разобраться в сложившей здесь ситуации.

Понятие «информационно-телекоммуникационные сети» закреплено на законодательном уровне: Федеральный закон от 27 июня 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4] в пункте 4 статьи 2 определяет: «Информационно-телекоммуникационная сеть – технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники». Данная сеть включает в себя две составляющие: информационную и телекоммуника-

ционную, но закон не раскрывает эти понятия, что способно оказать негативное влияние на правоприменительную практику. В специальной же технической литературе отмечается, что основное функциональное назначение телекоммуникационной сети – дистанционный обмен информацией, а информационной – хранение информации [5].

Что касается понятия «электронная сеть», то оно нигде не раскрывается и мало в каких нормативных правовых актах используется (УК РФ один из них). Но в том же Федеральном законе № 149-ФЗ, законодатель, давая определения электронному сообщению и электронному документу, указывает, что это информация, которая обращается в информационно-телекоммуникационных сетях, из чего можно сделать вывод, что эти два вида сетей – понятия совпадающие. Тогда непонятно зачем законодатель их разделил в статьях УК РФ? На наш взгляд, понятие «информационно-телекоммуникационные сети», даваемое нашим законодателем, не является безупречным. Федеральным законом РФ от 27.07.2006 № 149-ФЗ не даны четкие разъяснения относительно того, какие сети все-таки входят в определение информационно-телекоммуникационных, поэтому и возникают проблемы, связанные с применением такого абсолютно нового определения, как «электронные сети», его отграничения от понятия информационно-телекоммуникационных сетей. Такие недочеты должны быть устранены на уровне специализированного законодательства.

Понятия «сеть «Интернет» в законодательстве Российской Федерации не содержится. Проанализировав ряд нормативных правовых актов (например, Кодекс административного судопроизводства РФ, ФЗ «О рекламе», упомянутый выше ФЗ № 149, а также ведомственные акты), мы видим, сеть «Интернет» в них – это одна из разновидностей информационно-телекоммуникационной сети. На основании этого нами предлагается исключить из текста Особенной части УК РФ указание на сеть «Интернет». А вот какое положение содержит Письмо ФАС России от 03.08.2012 № АК/24981 «О рекламе алкогольной

продукции в Интернете и печатных СМИ» [6]: «Понятие Интернета в законодательстве Российской Федерации не содержится, однако, в литературе под Интернетом понимается всемирная система объединенных компьютерных сетей, построенная на базе протокола IP и маршрутизации IP-пакетов. Посредством данной системы распространяется информация различных форматов и на различных языках. В практике использования сети Интернет выделяют Рунет как русскоязычную часть всемирной сети Интернет». Эта цитата из указанного документа также подтверждает высказанную выше позицию, что Интернет – разновидность информационно-телекоммуникационных сетей, понятие которого в действующем законодательстве России отсутствует.

Проведенный нами анализ действующего законодательства, дает основания подвести следующие итоги – в нормативных правовых актах приводится определение только информационно-телекоммуникационных сетей, понятия же «электронные сети» и «сеть «Интернет» в них не раскрываются. Но из анализа некоторых документов можно сделать вывод о том, что электронные сети и информационно-телекоммуникационные – синонимичные понятия. Сеть «Интернет» можно рассматривать как разновидность информационно-телекоммуникационных сетей, хотя некоторые также склоны считать их синонимами. Также, не вполне понятным остается вопрос о том, как правильно писать Интернет – с большой или маленькой буквы, в кавычках или без них? В НПА мы встречаем термин «сеть «Интернет», в частности, так написано в анализируемом нами ФЗ № 149, УК РФ, а вот в приведенном выше Письме ФАС написано просто Интернет, филологи предлагают вариант написания данного слова и с маленькой буквы. Использование анализируемых нами сетей в УК РФ может выступать или в качестве признака основного, или квалифицированного состава преступлений. Основное значение использования информационно-телекоммуникационных сетей при технико-юридическом конструировании уголовно-правовых предписаний – это дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности за деяния, совершаемые с их использованием.

Литература:

1. Вся статистика интернета на 2020 год – цифры и тренды в мире и в России. URL : <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy>
2. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450>
3. *Шутова А.А.* Современные тенденции использования информационно-телекоммуникационной сети в процессе совершения преступления // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 205–208.
4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон

Literature:

1. All Internet statistics for 2020 – figures and trends in the world and in Russia. URL : <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy>
2. A criminality condition in Russia for January-December 2019. URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450>
3. *Shutova A.A.* Modern trends in the use of information and telecommunications networks in the process of committing a crime // Gaps in Russian legislation. 2015. № 4. P. 205–208.
4. On information, information technologies and information protection: Federal law № 149-FZ of

от 27.07.2006 № 149-ФЗ. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>

5. *Кошелев С.В.* Информационные сети : учеб. пособие / С.В. Кошелев, А.В. Яковлев. Муром, 2004. С. 8.

6. О рекламе алкогольной продукции в Интернете и печатных СМИ: Письмо ФАС России от 03.08.2012 № АК/24981. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>

27.07.2006. Access from the «ConsultantPlus» legal reference system. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>

5. *Koshelev S.V.* Information networks : textbook. Stipend / S.V. Koshelev, A.V. Yakovlev. Murom, 2004. P. 8.

6. About advertising of alcoholic products on the Internet and print media: Letter of the FAS of Russia dated 03.08.2012 № АК / 24981. Access from the ConsultantPlus legal reference system. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>

Лозовский Денис Николаевич
доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
dlozovsky@mail.ru

Ульянова Ирина Рачиковна
кандидат юридических наук,
доцент,
заместитель начальника кафедры
уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
dlozovsky@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА ЭКСПЕРТИЗ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИКОВ

Аннотация. В статье авторами проанализированы особенности назначения и производства экспертиз по делам о незаконном обороте наркотиков. Выявлены проблемные аспекты и пути решения. Рассмотрен положительный опыт судебно-следственной практики назначения и производства экспертиз по делам данной категории. Предложены рекомендации, направленные на повышение эффективности данной деятельности.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, судебная экспертиза, тактика производстве следственных действий, методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

В современных условиях борьбы с различного рода преступлениями всё большее значение приобретает сложный процесс исследования и сбора доказательств. Важное место в данном процессе занимают судебные экспертизы, среди множества которых одной из наиболее часто назначаемых является дактилоскопическая экспертиза.

Анализ расследуемых органами внутренних дел Российской Федерации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров свидетельствует, что среди различных способов сбыта наркотиков основным стала их бесконтактная передача, как внутри преступных группировок, так и от наркосбытчиков к их непосредственному приобретателю, через тайники («закладки»).

Denis N. Lozovsky
Doctor of Law,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Forensic Science and Legal Informatics,
Cuban State University
dlozovsky@mail.ru

Irina R. Ulyanova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Deputy Head of the Department
of Criminal Proceedings,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
dlozovsky@mail.ru

CERTAIN ASPECTS OF THE APPOINTMENT AND PRODUCTION OF EXPERT EXAMINATIONS IN CASES OF DRUG TRAFFICKING

Annotation. In the article, the authors analyze the features of the appointment and production of expert examinations in cases of drug trafficking. Problem aspects and solutions are identified. The positive experience of judicial and investigative practice of appointment and production of expert examinations in cases of this category is considered. Recommendations aimed at improving the efficiency of this activity are proposed.

Keywords: drug trafficking, forensic examination, tactics of conducting investigative actions, methods of investigation of crimes related to drug trafficking.

Это исключает непосредственные контакты между соучастниками преступлений, сбытчиком и приобретателем наркотиков, что повышает уровень латентности, скрытности наркопреступлений с одной стороны, и осложняет работу правоохранительных органов по установлению личности преступника – с другой. В этой связи большое значение приобретает поиск и обнаружение следовой информации на упаковках изъятых наркотических средств в целях дальнейшего производства экспертных исследований и установления лиц, имевших контакт с наркотическими средствами.

По общему правилу судебные экспертизы, связанные с исследованием наркосодержащих объектов, целесообразно назначать незамедлительно после изъятия таких веществ, так как при

длительном хранении они могут изменить или утратить свои свойства. В процессе изъятия и упаковки изымаемых наркотических средств и предметов-носителей с их следами должны обеспечиваться их сохранность, сохранность следов, находящихся на них, и подлинность направляемого на экспертизу (исследование) или приобщенного к делу предмета, вещества. Следует учитывать, что при изъятии малых количеств наркотикосодержащих веществ дактилоскопические пленки и липкую ленту типа «скотч» использовать нельзя. Для этих целей применяются специальные полихлорвиниловые пленки

Большая часть обнаруживаемой следовой информации относится к следам пальцев рук, которые, с применением современных методов исследования, обнаруживаются и изымаются не только на поверхностях упаковок с наркотическими средствами, но и на липком слое клейких лент.

Принимая во внимание, что в преступных схемах по бесконтактному сбыту наркотиков задействовано, как правило, множество лиц, проведение дактилоскопических экспертиз упаковок изымаемых из незаконного оборота наркотических средств является обязательным условием, способствующим раскрытию преступной деятельности организованных групп и преступных сообществ.

Кроме того, специфика расследования наркопреступлений подразумевает, что для принятия решения о возбуждении уголовного дела следователь должен обладать результатами экспертного исследования (справкой или заключением) о виде и массе наркотического средства [1. с. 27].

Такие исследования производятся в первую очередь, при этом необходимо обеспечить сохранность возможной следовой информации на упаковках изъятых наркотиков (если меры по отысканию и изъятию данной информации не были предприняты ранее, в ходе изъятия) [2].

Так, при расследовании уголовного дела, возбужденного в отношении гр. Б. и гр. К. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, следствием осуществлены меры по установлению иных эпизодов преступной деятельности обвиняемых.

На основании информации, полученной от оперативных сотрудников установлено, что обвиняемые, возможно, имеют отношение к преступной деятельности гр. Б. и гр. Г., обвиняемых по другому уголовному делу, также осуществлявших незаконный сбыт героина.

В ходе изучения материалов данного уголовного дела было установлено, что мер по поиску следовой информации на упаковках наркотических средств, изъятых у гр. Б. и гр. Г. (свертки с наркотическим средством героин, массами 5,08, 4,74 и 941,5 грамма) не предпринималось.

В рамках расследования уголовных дел, данные упаковки были изъятые для проведения дактилоскопических экспертиз, по результатам которых

на одной из указанных упаковок (свертке с наркотическим средством героин, массой 941,5 грамма) обнаружены следы, принадлежащие гр. К.

На этом основании и в совокупности с иными доказательствами, добытыми после проведения указанной экспертизы, была подтверждена следственная версия о преступной деятельности гр. С. и гр. К. в составе организованной группы совместно с неустановленными лицами и инкриминирован дополнительный эпизод сбыта наркотического средства героин гр. Б. гр. Г.

Обоснованность предъявленного обвинения подтверждена вступившим в законную силу приговором Головинского районного суда г. Москвы, согласно которому гр. К. в и гр. Б. признаны виновными в объеме предъявленного обвинения и приговорены к 15 и 16 годам лишения свободы, соответственно.

При расследовании уголовного дела по обвинению гр. З. и гр. М. М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, в ходе обследования квартиры, арендованной обвиняемыми в г. Екатеринбурге для незаконного хранения наркотических средств, были изъятые различные виды наркотиков.

Проведенной дактилоскопической экспертизой на поверхности одного из хранимых свертков с наркотическим средством «4-СЕС» (другое название: (1-4 (хлорфенил) -2- (этиламино) пропан-1-он), являющимся производным эфедрона (меткатинона), общей массой 1002,5 грамма, обнаружен пригодный для идентификации личности след пальца руки.

Проверкой по дактилоскопическим учётным установлено, что данный след оставлен гр. Ю., который был задержан с поличным в г. Новосибирске по подозрению в совершении преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Данный факт стал основанием для производства дополнительных следственных действий в отношении гр. Ю., в ходе которых был доказан факт его нахождения в г. Екатеринбурге в период передачи гр. З. и гр. М. вышеупомянутого свертка с наркотическим средством через тайник («закладку»).

Несмотря на то, что иных прямых доказательств совершения гр. Ю. преступления на территории г. Екатеринбурга не имелось, заключение дактилоскопической экспертизы в совокупности с иными косвенными доказательствами, подтверждающими причастность гр. Ю. к преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков, позволило предъявить ему обвинение по ч. 5 ст. 228.1 УК РФ.

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что своевременное экспертное исследование упаковок наркотических средств на предмет наличия на них следов пальцев рук, пригодных для идентификации и последующее проведение дактилоскопической экспертизы позволяют:

– установить лиц, причастных к совершению преступления и привлечь их к уголовной ответственности;

– установить или подтвердить организованный характер преступной деятельности обвиняемых, схему совершения преступлений и наличие устойчивых связей;

– выявить и доказать дополнительные эпизоды преступной деятельности.

С учётом изложенного, в целях повышения эффективности расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков следователям, рекомендуется в обязательном порядке своевременно предпринимать меры по поиску на упаковках наркотиков следовой информации, обеспечивать сохранность данной информации в

случае проведения с ними иных экспертных исследований, проводить соответствующие судебные дактилоскопические экспертизы, особенно по уголовным делам о групповой преступности и связанным с изъятием крупных партий наркотических средств.

При этом необходимо поручать экспертам при обнаружении следов пальцев рук, пригодных для идентификации, производить их проверку по дактилоскопическим учётам и ставить данную следовую информацию на учёт в случае отрицательного результата проверки.

Таким образом, предложенные нами рекомендации по назначению и производству судебных экспертиз по делам о незаконном обороте наркотиков позволят эффективно противостоять развитию данного вида преступлений.

Литература:

1. *Космодемьянская Е.Е.* Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков : учебное пособие / Е.Е. Космодемьянская, Е.Б. Мельников; СибЮИ МВД России. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019. 48 с.

2. *Жукова Н.А.* Производство судебной экспертизы при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ : методические рекомендации / Н.А. Жукова, И.М. Комаров, В.И. Диденко и [др.]. Белгород : Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2016. 28 с.

Literature:

1. *Kosmodemyanskaya E.E.* Methods of investigation of crimes related to illegal drug trafficking : textbook / E.E. Kosmodemyanskaya, E.B. Melnikov; Sibyui of the Ministry of internal Affairs of Russia. Krasnoyarsk : Sibui of the MIA of Russia, 2019. 48 p.

2. *Zhukova N.A.* Production of forensic expertise in the investigation of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances: methodological recommendations / N.A. Zhukova, I.M. Komarov, V.I. Didenko and [oth.]. Belgorod : Bel YUI of the Ministry of internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, 2016. 28 p.

Михайлов Алексей Евгеньевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
правового обеспечения государственного
и муниципального управления
Владимирского филиала РАНХиГС,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
urgantfk@mail.ru

Семенов Сергей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
kurlak09@rambler.ru

Тараканов Илья Александрович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии юридического факультета,
полковник внутренней службы,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
il8@list.ru

**НЕОСТОРОЖНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ:
СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ**

Аннотация. Вопросы исследования данной разновидности преступности не теряют своей актуальности, поскольку неосторожными преступлениями причиняется огромный физический, материальный и моральный вред личности и обществу. Статья посвящена рассмотрению современного состояния неосторожной преступности. Авторами анализируются особенности данного вида преступности, а также ее количественные и качественные показатели. В результате проведенного исследования сделаны выводы о негативных тенденциях неосторожной преступности и перспективах профилактического воздействия на нее.

Ключевые слова: преступность, неосторожность, легкомыслие, небрежность, показатели, состояние, структура, динамика, тенденции.

Alexey E. Mikhailov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Legal Support of the State
and Municipal Administration
of the Vladimir Branch of the RANEPА,
Associate Professor of the Department
of Public Law, Faculty
of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
urgantfk@mail.ru

Sergey A. Semenov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Public Law,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
kurlak09@rambler.ru

Ilya A. Tarakanov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology
of the Faculty of Law,
Colonel of Internal Service
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
il8@list.ru

**RECKLESS CRIME:
STATE AND TRENDS**

Annotation. The issues of research into this type of crime do not lose their relevance, as reckless crimes cause great physical, material and moral harm to the individual and society. The article is devoted to the current state of careless crime. The authors analyze the features of this type of crime, as well as its quantitative and qualitative indicators. As a result of the study, conclusions are drawn about the negative trends of careless crime and the prospects of preventive impact on it.

Keywords: crime, carelessness, frivolity, negligence, indicators, condition, structure, dynamics, trends.

Под неосторожной преступностью в криминологии принято понимать негативное социально-правовое явление, представляющее собой совокупность преступлений, субъективная сторона которых представлена виной в форме неосторожности (легкомыслия или небрежности). Вопросы исследования данной разновидности преступности не теряют своей актуальности, поскольку, как справедливо отмечает Ю.А. Воронин, неосторожными преступлениями причиняется огромный физический, материальный и моральный вред, нередко такие преступления влекут за собой гибель или увечье потерпевших, причем суммарно физический вред, причиняемый неосторожными преступлениями, превышает вред от умышленных посягательств на жизнь и здоровье [2, с. 10–11].

В уголовной статистике МВД России отсутствует специальный раздел, посвященный неосторожной преступности, однако, учету подвергается одно из самых распространенных неосторожных преступлений – нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ), что связано с массовостью данного преступления, составляющего порядка ¼ от всех неосторожных преступлений.

В 2019 году таких преступлений в России было совершено 19 681, что составляет 0,97%. Следует отметить, что в 2010 году доля таких преступлений составляла 1 %, снижение объема нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств составило 25,5%, что несколько выше темпов снижения общей преступности (23 %), что, в целом, указывает на наличие успехов в профилактике данных преступлений, особенно на фоне почти двукратного увеличения автотранспортного парка в стране. Во многом это связано с криминализацией ст. 264.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, которая имеет мощный превентивный эффект.

В соответствии с данными Судебного Департамента ВС РФ о состоянии судимости, доля собственно неосторожной преступности в структуре преступности осужденных лиц достигает 2 %, в абсолютных показателях на 2019 год это 11 823 лица, осужденных за совершение неосторожного преступления.

Среди них:

– доля нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ) составляет 78,3 %;

– доля преступлений, связанных с причинением смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ) и причинением тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ) составляет 17,2 %.

Данные составы образуют подавляющее большинство собственно неосторожных преступлений.

Структура неосторожной преступности гораздо разнообразнее. Традиционной является следующая классификация видов неосторожной преступности:

1) техническая неосторожная преступность, выраженная в деяниях, совершенных в сфере взаимодействия человека с техническими средствами, оборудованием и опасными объектами. Данная группа преступлений, в свою очередь, включает ряд подгрупп: преступления, связанные с нарушением правил безопасности при использовании техники – в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, быту, военном деле (ст. 215, 216, 217, 217.1, 349 УК РФ); преступления, связанные с нарушением правил безопасности при хранении, перевозке и использовании взрывчатых, легковоспламеняющихся и пиротехнических изделий, а также иных товаров, продукции (ст. 218 УК РФ); преступления, связанные с эксплуатацией транспорта (ст. 263, 263.1, 264, 266, 267, 268, 271.1, 350, 351, 352 УК РФ);

2) неосторожные преступления профессионального характера, связанные с выполнением определенных видов деятельности, требующей строгого выполнения правил поведения: служебные преступления в области государственного и местного управления, а также, связанные с использованием информации, образующей государственную тайну (ст. 284, 293 УК РФ); преступления в сфере охраны труда (ст. 143 УК РФ); нарушение правил в медицинской деятельности (ст. 124, 124.1 235 УК РФ); военные неосторожные преступления (ст. 347, 348 УК РФ); нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236, 261 УК РФ); незаконное прекращение или ограничение подачи потребителям электрической энергии либо отключение их от других источников жизнеобеспечения (ст. 215.1 УК РФ); нарушение правил пожарной безопасности (ст. 219 УК РФ); нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений (ст. 249 УК РФ); публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации (ст. 207.2 УК РФ);

3) бытовая неосторожная преступность, выражающаяся в нарушении правил социального общежития и не связанная с использованием технических средств (ст. 109, 118, 168, 243.1, 261, ст. 267 УК РФ).

Оценка состояния преступности, образуемой умышленными деяниями при наличии криминообразующих признаков последствий, наступивших по неосторожности, затруднена. Это связано с тем, что такие преступления, обладая двойной формой вины, признаются в целом совершенными умышленно.

Вместе с тем, следует отметить, что доля таких преступлений в целом сопоставима с собственно неосторожной преступностью. Например, согласно данным о состоянии судимости Судебного Департамента ВС РФ, доля умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности причинение смерти потерпевшему (ч. 4 ст. 111 УК РФ) достигает 22,5 %, а в абсолютных показателях (4240 осужденных в 2019 году лиц) их количество более чем в два раза

превышает объем собственно неосторожных ст. 109 и 118 УК РФ. Следует отметить, что ч. 4 ст. 111 УК РФ является самым распространенным преступлением рассматриваемой группы в рамках неосторожной преступности.

Латентность неосторожной преступности средняя и зависит от характера последствий. Как правило, латентность преступлений, влекущих гибель людей, уничтожение имущества обладает низким уровнем латентности, поскольку данные последствия очевидны и, как правило, не могут быть сокрыты. В случаях, когда последствия неосторожной преступности не имеют предметного выражения, например, связаны с кратковременным нарушением прав и законных интересов граждан, организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, то уровень латентности может быть значительно выше. Причем, причины такой латентности носят нередко неестественный характер, поскольку совершение таких преступлений может быть неочевидно для потенциальных потерпевших, либо последствия данных преступлений на данный период времени не представляет для них интереса и потенциальные потерпевшие не желают портить отношения с субъектами преступления (как правило, входящих в систему государственного или местного управления). Могут быть также и искусственные причины латентности подобных преступлений, связанные с коррупцией или нежеланием портить статистические показатели преступной деятельности. Обращая внимание на латентность неосторожной преступности, Ю.А. Воронин отмечает, что многие неосторожные преступления не находят своего отражения в уголовной статистике в связи с тем, что привлекают внимание правоохранительных органов лишь при обнаружении общественно опасных последствий, предусмотренных уголовным законом. Кроме того, проблема неосторожной преступности фактически отодвигается на второй план по сравнению с общеуголовной, что чревато негативными последствиями [2, с. 12].

Латентность неосторожной преступности обусловлена еще и довольно значительным уровнем виктимности. По мнению В.А. Авдеева и О.А. Авдеевой, возникновению ситуаций для преступной неосторожности во многом способствует

правонарушающее или иное неправильное поведение потерпевших [1, с. 24]. Аналогичного мнения придерживается Ю.А. Воронин, отмечая, что нередко провоцирующее поведение потерпевших, так или иначе, способствует возникновению криминогенной ситуации, приводящей к совершению неосторожного преступления. По его мнению, в среднем, уровень виктимности неосторожной преступности составляет около 20 %, а для отдельных ее разновидностей, таких, как, к примеру, транспортные преступления, – гораздо выше [2, с. 10].

Следует заметить, что в последнее время уделяется большое внимание противодействию неосторожной преступности уголовно-правовыми средствами. Как отмечают В.А. Авдеев и О.А. Авдеева, актуальность такого противодействия обусловила необходимость модернизации уголовного закона в части категоризации преступлений [1, с. 18]. Также, они отмечают, что развитие уголовного законодательства, выразившееся в усилении уголовной ответственности за совершение неосторожных преступлений, установление более строгих санкций уголовно-правовых норм, не всегда способно обеспечить эффективное противодействие. Относительно стабильные показатели неосторожной преступности свидетельствуют о необходимости совершенствования профилактических мер, предусматривающих взаимодействие органов государственной власти, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества [1, с. 25].

По мнению Г.Б. Мирзоева, важным направлением противодействия неосторожной преступности следует признать совокупность мероприятий, направленных на формирование личности, повышение сознательности и ответственности личности, ее зрелости и дисциплинированности [3, с. 8].

Вышеизложенное свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования неосторожной преступности, а также, повышения эффективности противодействия ей, преимущественно, организационными и техническими мерами, способными снизить вероятность совершения неосторожных преступлений.

Литература:

1. Авдеев В.А. Неосторожная преступность: состояние, динамика, меры общего и специального противодействия / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева // Вестник Югорского государственного университета. 2019. № 3(54). С. 17–25.
2. Воронин Ю.А. Неосторожная преступность: современные тенденции и проблемы предупреждения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 19. № 1. С. 10–16.
3. Мирзоев Г.Б. Предупреждение неосторожной преступности в сфере эксплуатации объектов социальной инфраструктуры // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 4(51). С. 5–8.

Literature:

1. Avdeev V.A. Careless crime: state, dynamics, measures of General and special counteraction / V.A. Avdeev, O.A. Avdeeva // Bulletin of the Ugra state University. 2019. № 3(54). P. 17–25.
2. Voronin Yu.A. Careless crime: modern trends and problems of prevention // Bulletin of the South Ural state University. Series: Law. 2019. Vol. 19. № 1. P. 10–16.
3. Mirzoev G.B. Prevention of careless crime in the sphere of operation of social infrastructure objects // Scientific works of the Russian Academy of advocacy and notary. 2018. № 4(51). P. 5-8.

Никифорова Елена Николаевна

кандидат юридических наук,
профессор,
Российский государственный
гидрометеорологический университет
demetra1988spb@mail.ru

Отто Ирина Петровна

кандидат технических наук,
доцент,
кафедра национальной безопасности
и международного права,
Российский государственный
гидрометеорологический университет
irina-otto@yandex.ru

Бубнова Яна Владимировна

кафедра социально-гуманитарных наук,
Российский государственный
гидрометеорологический университет
bubayana1979@mail.ru

Elena N. Nikiforova

Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Russian State
University of Hydrometeorology
demetra1988spb@mail.ru

Irina P. Otto

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor,
Department of National Security
and International Law,
Russian State
Hydrometeorological University
irina-otto@yandex.ru

Yana V. Bubnova

Department of Social
and Humanitarian Sciences,
Russian State
Hydrometeorological University
bubayana1979@mail.ru

**ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
ГОСУДАРСТВА: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

**ENVIRONMENTAL SAFETY
OF THE STATE: LEGAL ASPECTS**

Аннотация. В данной статье авторы отмечают, что в условиях международного экономического кризиса и уничтожения мировых природных богатств (прежде всего ресурсов нефти, каменного и бурого угля) человечество близко подошло к экологической катастрофе. Экологические проблемы России в последнее время обсуждаются на многих всероссийских, региональных научных конференциях, на правительственном уровне. Правовая база обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности должна развиваться и совершенствоваться. Высказывается предложение о решении вопросов экологического образования обучающихся в вузах и, прежде всего, будущих государственных и муниципальных служащих, так как низкий уровень экологического образования и экологической культуры населения относится к внутренним вызовам экологической безопасности.

Ключевые слова: экологические проблемы, мировые природные богатства, декларация по окружающей среде, устойчивое развитие.

Annotation. In this article, the authors note that in the conditions of the international economic crisis and the destruction of the world's natural resources (primarily oil, coal and brown coal resources), humanity has come close to an ecological catastrophe. Environmental problems in Russia have recently been discussed at many national and regional scientific conferences and at the governmental level. The legal framework for ensuring a favorable environment and environmental safety should be developed and improved. A proposal is made to solve the issues of environmental education of students at universities and, above all, future state and municipal employees, since the low level of environmental education and environmental culture of the population refers to the internal challenges of environmental security.

Keywords: environmental problems, world natural resources, Declaration on the environment, sustainable development.

Экологические проблемы России в XXI веке обсуждаются на многих всероссийских, региональных научных конференциях, на правительственном уровне. Экологические проблемы возникали на протяжении всей истории нашего государства. Во времена правления Петра I существовали экологические проблемы, повсеместно вырубались корабельные леса, необходимые для

строительства военного и торгового флота, существенно сокращалось видовое разнообразие животного мира, долго не решённой была проблема утилизации мусора (особенно в городах), все нечистоты выбрасывались на улицы, загрязняя почву и водоёмы. Экологические проблемы требовали своего решения. Как указывает в своих работах В.В. Соколов «Петр I принял наиболее

решительные меры по сохранению лесов. Историки подсчитали, что во время своего царствования он подписал более 200 указов, инструкций связанных с охраной природы. Приоритет отдавался рациональному использованию, охране и воспроизводству лесов, подготовке специалистов. Были и указы по сохранению заповедных территорий» [1]. В условиях международного экономического кризиса и уничтожения мировых природных богатств (прежде всего ресурсов нефти, каменного и бурого угля) человечество близко подошло к экологической катастрофе. Учёные, экологи, экофилософы (Б. Коммонер, Ю. Одум, Н.Ф. Реймерс, В.В. Вернадский и др.) предупреждали о последствиях неразумного использования природных ресурсов и игнорирования законов природы. Их труды положили начало разработке Концепции устойчивого (сбалансированного) развития общества в РФ.

В 1987 г. (Комиссия Брундтланд, доклад «Наше общее будущее») была разработана Концепция устойчивого развития человечества; далее в 1992 году в Рио-де-Жанейро была принята Декларация по окружающей среде и развитию и Повестка дня на XXI век. Эти три документа легли в основу для разработки Концепции устойчивого развития в России.

Указом Президента РФ от 04 февраля 1994 г. № 238 «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития», а после Указом Президента РФ от 01.04.1996 г. № 440 была принята Концепция перехода нашей страны к устойчивому развитию. В документе утверждается, что рост глобальных проблем, которые могут быть решены лишь в результате сотрудничества в рамках международного сообщества, требует формирования современного мышления у поколения XXI века. Концепция перехода нашей страны к устойчивому развитию содержит систему положений, этапы перехода и характеристики (например, рейтинг устойчивого развития городов) устойчивого развития в РФ. В 2002 году вышло Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 г. № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации».

В 2002 году прошла всемирная встреча по устойчивому развитию на высшем уровне (Йоханнесбург), где обсуждались перспективы перехода человечества к устойчивому развитию. Очередными шагами к решению глобальной экологической проблемы были конференция сторон Рамочной Конвенции ООН об изменении климата (остров Бали, Индонезия, 03–14 декабря 2007 г.), и 09 июля 2008 г. прошла встреча лидеров стран группы БРИК. В принятых на этих встречах документах прописаны механизмы перехода международного сообщества на путь энергосберегающей экономики с целью уменьшения глобальных изменений климата и связанных с ними экологических проблем.

08 февраля 2008 г. состоялось расширенное заседание Государственного Совета РФ, президент Владимир Владимирович Путин, представил Концепцию «О стратегии социально-экономического

развития России до 2020 года». В субъектах РФ в настоящее время разработаны региональные Концепции с учётом индикаторов устойчивого развития региона, качества жизни населения в соответствии.

На рубеже XX–XXI веков вследствие сложных социально-политических процессов становления государства, экологическая проблема не являлась приоритетной, поэтому её решением занимались в основном природоохранные экологические общественные объединения. На протяжении последних 20 лет, существенно изменились требования к образованию, утвердилась специальность – эколог. В середине 90-х годов XX века во многих вузах страны стали открываться экологические факультеты, экологическое образование было разделено на два вида: формальное и неформальное. Академик Н.Н. Моисеев неоднократно говорил о колоссальной роли экологического образования для всего общества, он писал: «Каждый индивид должен получать экологическое образование, т.е. знание законов биосферы» [2].

В XXI веке увеличился интерес к решению экологических проблем России на государственном уровне. В 2007 году был подписан Указ президента РФ от 21 июля № 933 «О Дне эколога» и с 2008 года вся страна 05 июня празднует День эколога. Попытки освещения экологических проблем главой государства были сделаны в январе 2008 года на Совете безопасности РФ; в повестке дня обсуждались вопросы в области сохранения окружающей среды, например президент, высказал предложение о создании действенной системы экологической безопасности страны [3]. По итогам встречи был подготовлен проект указа президента о создании нового экологического ведомства (который до сих пор не подписан), в состав новой структуры должна войти Федеральная служба по экологическому, техническому и атомному надзору (Ростехнадзор, Росприроднадзор, возможно, Росгидромет, профильные структуры Роспотребнадзора). Российские учёные давно направили правительству предложение о создании Экологического кодекса и о создании экологического ведомства.

Для разрешения противоречий между экономикой страны и природой имеет большое значение формирование устойчивого типа экономического развития. В настоящее время в России главной причиной критической экологической ситуации является сложившийся техногенный, разрушающий природу тип экономики. Вследствие этого, многие учёные сейчас исследуют модели низкоуглеродной экономики и низкоуглеродного общества, в нашей стране. Этой темой в основном занимаются природоохранные экологические общественные объединения. В 2008 году Правительство РФ решилось на серьёзный шаг и подготовило Концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года (далее – и до 2030 г.) и Федерального закона РФ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности» принятого в 2009 году» [4].

01 августа 2009 года В.В. Путиным было проведено совещание по вопросу: «Охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности». Наш Президент озвучил идеи о создании экологической политики российского государства, которая должна стать неотъемлемой частью стратегии национального развития. Все действия на международной арене должны строиться на принципах открытости, диалога с общественностью, сотрудничества и взаимодействия с институтами гражданского общества» [5]. После этой встречи вышло Постановление Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2009 г. № 761 «Об обеспечении гармонизации российских санитарно-эпидемиологических требований, ветеринарно-санитарных и фитосанитарных мер с международными стандартами». Данный нормативный документ необходим для дальнейшего развития системы правового регулирования в сфере защиты жизни и здоровья человека, животных, растений, дальнейшей гармонизации с международными стандартами действующих на территории РФ санитарно-эпидемиологических требований.

Проводиться работа по решению экологических проблем в регионах. Например, в Санкт-Петербурге с 2009 г. работает природоохранная прокуратура. За период работы выявлено более 6000 нарушений природоохранного законодательства как в деятельности юридических лиц – пользователей природных ресурсов, так и в деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, контролирующих органах [6]. Все уполномоченные органы власти обязаны исполнять основные природоохранные статьи Конституции РФ, в которых отражены основные положения экологической стратегии государства и главные направления укрепления экологического правопорядка. Конституция РФ вводит в научный оборот определение экологической деятельности человека в сфере взаимодействия общества и природы: охрана окружающей среды, природопользование, обеспечение экологической безопасности. В Конституции РФ есть ст. 42, которая закрепляет право каждого человека на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу. Согласно ст. 72 пользование, владение и распоряжение землей, недрами, водными и другими природными ресурсами, природопользование, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности относятся к предметам совместного ведения федерации и ее субъектов. Повышение юридической грамотности населения – эта задача поставлена перед государством. В 2002 году был принят основной Федеральный

Литература:

1. *Соколов В.В.* Новационные идеи в истории Санкт-Петербурга (с основания и до наших дней). 2008, С.203.
2. *Лебедев Д.В.* Концепция экологической этики Н.Н. Моисеева. Сайт журнала Общества

закон «Об охране окружающей среды». В указанном законе закреплены следующие основные положения:

- 1) правовые основы государственной политики в области охраны окружающей среды;
- 2) сохранение благоприятной окружающей среды, обеспечивающие сбалансированное решение социально-экономических задач, биологического разнообразия и природных ресурсов в целях удовлетворения потребностей нынешних и будущих поколений, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

В начале XXI века в Санкт-Петербурге специалистами была предложена Концепция формирования экологической культуры населения Санкт-Петербурга, в 2006 году она была одобрена правительством Санкт-Петербурга и вступила в силу. Такие экологические инициативы необходимо популяризировать в средствах массовой информации для повышения уровня экологической грамотности населения. Важное решение было принято на правительственном уровне в 2013 г. и в 2017 г. Эти годы были объявлены – Годами окружающей среды.

Правовые нормы рациональному природопользованию и по охране природы содержатся и в других актах природно-ресурсного законодательства России. К ним относятся Лесной кодекс РФ, Водный кодекс РФ, Федеральный закон «О животном мире», «Об атмосферном воздухе», «Климатическая Доктрина РФ» В 2013 году был разработан «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (прописано о рациональном природопользовании). Рациональное использование природных ресурсов является движущей силой и основой долгосрочной экономической устойчивости РФ. Обеспечение экологически ориентированного роста экономики и внедрение экологически эффективных инновационных технологий позволят ответить на ряд вызовов, в том числе на истощение ряда критически важных ресурсов, рост техногенной нагрузки и загрязнение природных сред, снижение биоразнообразия.

Последним важным документов является Указ Президента «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». Для достижения целей устойчивого развития необходимо проведения единой государственной политики, направленной на предотвращение и ликвидацию внутренних и внешних вызовов и угроз экологической безопасности.

Literature:

1. *Sokolov V.V.* Innovative ideas in the history of St. Petersburg (from the Foundation to the present day). 2008. P. 203.
2. *Lebedev D.V.* Concept of ecological ethics of N.N. Moiseev. Website of the journal of the society of

ревнителй русской философии. URL : <http://virlib.eunnet.net/sofia/01-2000/text/0108.html> (дата обращения 20.03.2020).

3. *Копейкина В.* Сайт Беллоны. URL : http://www.bellona.ru/articles_ru/articles_2008 (дата обращения 20.03.2020).

4. Сайт Теоретические и практические проблемы экономики природопользования. Анализ эколого-экономического развития и эффективная, экологоориентированная политика. URL : <http://www.valzabot.ru> (дата обращения 20.03.2020).

5. Сайт правительства РФ. URL : <http://www.government.ru/content> (дата обращения 20.03.2020).

6. Сайт природоохранной прокуратуры Санкт-Петербурга. URL : http://gcw.su/prirodoohrannaya_prokura1 (дата обращения 20.03.2020).

zealots of Russian philosophy. URL : <http://virlib.eunnet.net/sofia/01-2000/text/0108.html> (date of application 20.03.2020).

3. *Kopeykina V.* Bellona Site. URL : http://www.bellona.ru/articles_ru/articles_2008 (date of application 20.03.2020).

4. Site Theoretical and practical problems of environmental Economics. Analysis of ecological and economic development and effective, environmentally oriented policy. URL : <http://www.valzabot.ru> (date of application 20.03.2020).

5. Website of the government of the Russian Federation. URL : <http://www.government.ru/content> (date of application 20.03.2020).

6. Website of the environmental Prosecutor's office of Saint Petersburg. URL : http://gcw.su/prirodoohrannaya_prokura1 (date of application 20.03.2020).

Нимировский Виталий Валерьевич
соискатель кафедры
международного и европейского права
юридического факультета,
Казанский федеральный университет
sktmk1@mail.ru

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СОЮЗА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ КАК ЦЕЛЬ В БОРЬБЕ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ

Аннотация. В статье рассматриваются направления международно-правового сотрудничества в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), где достигнуты результаты в сфере предотвращения и противодействия торговле людьми. Роль государств-участников СНГ прослеживается в практических программных мероприятиях по обеспечению сотрудничества в противодействии и предупреждении торговле людьми. Проанализированы международно-правовые соглашения, принятые в рамках СНГ в сфере борьбы с торговлей людьми. Сделан акцент на то, что при выработке национальных правовых основ в борьбе с торговлей людьми с учетом специфики региона, государствам-участникам СНГ необходимо использовать опыт в данной сфере, закрепленный в международно-правовых документах. Показана необходимость ответственности государств-участников СНГ в дальнейшем укреплении правовых соглашений сотрудничества и выполнения правовых обязательств по соглашениям в предупреждении и противодействии торговле людьми.

Ключевые слова: Международно-правовое сотрудничество, торговля людьми, соглашения, противодействие торговле людьми, Союз Независимых Государств.

Мировое сообщество, под которым понимается человечество и среда обитания, в настоящее время особенно остро столкнулось с проблемой торговли людьми. Международно-правовая основа понятия «торговля людьми» содержится в Палермском протоколе (2000г.). Данный нормативно-правовой акт стал своеобразной парадигмой, определяющей нормы сотрудничества государств в борьбе с торговлей людьми. Безусловно, для государств-участниц Содружества Независимых Государств (СНГ) Палермский протокол является основополагающим документом и ориентиром в соблюдении обязательств по противодействию торговле людьми. Однако исследование данной проблемы должно носить комплексный, междисциплинарный характер.

Vitaly V. Nimirovsky
Candidate of the Department
of International and European Law,
Faculty of Law,
Kazan Federal University
sktmk1@mail.ru

LEGAL MECHANISM FOR COOPERATION BETWEEN STATES PARTIES TO THE UNION OF INDEPENDENT STATES AS A GOAL IN COMBATING TRAFFICKING IN PERSONS

Annotation. The article discusses the areas of international legal cooperation within the framework of the Commonwealth of Independent States (CIS), where results have been achieved in the field of preventing and combating human trafficking. The role of CIS member States can be seen in practical programmatic measures to ensure cooperation in countering and preventing trafficking in persons. International legal agreements adopted within the framework of the CIS in the field of combating human trafficking were analyzed. The emphasis was placed on the need for CIS member States to draw on the experience of international legal instruments in developing national legal frameworks to combat trafficking in persons, taking into account the specificities of the region. The need for the responsibility of the CIS member States to further strengthen legal agreements on cooperation and fulfil legal obligations under agreements in preventing and combating trafficking in persons is shown.

Keywords: International legal cooperation, human trafficking, agreements, combating human trafficking, Union of Independent States.

Применительно к «торговле людьми» международно-правовая дефиниция данного понятия включает:

- цели (трансплантация органов, сексуальная эксплуатация);
- способы воздействия (похищение, принуждение, психическое, физическое).

Отметим, что ни международные соглашения, ни отмена рабства не искоренили торговлю людьми. И в наши дни женщины, мужчины и дети во всем мире становятся жертвами работорговли. Торговля людьми в современных условиях рассматривается не только как превращение человека в

рабство, но и как продукт международного бизнеса.

С точки зрения юриста-международника Эммера де Ваттеля: «нации или государства являются политическими единствами, обществами людей, объединившихся, чтобы обеспечить совместными усилиями свою безопасность» [3, с. 253].

Так, Т.И. Соловей отмечает, что вопросы предупреждения и противодействия торговле людьми инициировались достаточно активно уже в XIX – начале XX, но в условиях усиливающейся глобализации, кризисных процессов в мировой политической и экономической системе особо остро создаются условия для увеличения масштабов совершения преступлений [9, с. 31].

Дополнением к данным высказываниям является точка зрения Ричарда Пиатровича о роли ответственности отдельного государства в решении вопросов торговли людьми: «торговля людьми является серьезным преступным деянием, требующим эффективного реагирования, как на национальном, так и международном уровнях. Однако государство не может считать, что оно не несет никакой ответственности. Обязательства в области прав человека распространяются на всех лиц (граждан и неграждан), находящихся под юрисдикцией государств, включая жертв торговли людьми. Несоблюдение этого требования влечет за собой ответственность государства» [13, с. 83].

С учетом вышесказанного необходимо подчеркнуть приоритетность взаимодействия стран Содружества Независимых Государств в обеспечении механизма противодействия торговле людьми в рамках правового поля, поскольку торговля людьми – угроза национальной безопасности стран СНГ. Сотрудничество на территории Союза Независимых Государств признано важным в международном регулировании по предупреждению и противодействию торговле людьми. А единство международно-правового дискурса стран Союза Независимых Государств, не допускающее торговлю людьми выступает как побуждение к сотрудничеству.

Одним из основных документов, который регламентирует вопросы противодействия торговле людьми, является «Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью». В данном документе подчеркивается значимость сотрудничества в предупреждении, пресечении, выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, в особенности – торговли людьми.

Отметим, что Соглашение, является своеобразным ориентиром сотрудничества в борьбе с преступностью, особенно в ее организованных формах, в соответствии с положениями настоящего Соглашения и при соблюдении своего законодательства и международных обязательств.

Возникновение проблемы противодействия торговле людьми, особенно самой распространенной ее разновидности – торговли в целях сексуальной эксплуатации, в Содружестве Незави-

симых Государств во многом связаны с географическим положением. Через территорию пролегают основные транспортные пути из СНГ в западноевропейские государства. Географическое положение России, выгодное с точки зрения экономики, способствует и проявлению крайне негативных явлений, связанных с включением территории России в сферу деятельности транснациональных организованных преступных группировок. Во многом этому способствует интернационализация легальной экономической деятельности, которая сопровождается аналогичными процессами в сфере теневой экономики, лежащими в основе возникновения и функционирования феномена организованной преступности. Именно стремительный рост сфер нелегальной экономики стимулировал возникновение и развитие новых видов и форм организованной преступности, включая ее наиболее опасную форму – транснациональные преступные организации. Отсюда, как констатируют Ф.М. Городинец, Н.А. Корсикова, А.Ю. Сагайдак, «предпринимаются попытки вовлечения в процессы организованной преступной деятельности территорий, людских и материальных ресурсов различных стран СНГ. В целом, можно рассматривать как сопутствующий продукт процессов экономической глобализации стран СНГ – особенно, если говорить об этом в контексте торговли людьми» [5, с. 111].

Внимание международного сообщества привлекла проблема стремительного роста торговли людьми в Европе, прежде всего женщинами и детьми после распада СССР (1991 г.), что привело к новому переделу западного рынка сексуальных услуг, расширился рынок торговли людьми – гражданами СНГ.

Джой Нгози Эйзейло, выступая на Генеральной Ассамблеи в докладе по вопросу торговли людьми, особенно женщинами и детьми отметил, что «количество славянских женщин, перевозимых в Бельгию, Нидерланды, Польшу, Швейцарию, превысило количество ввозимых африканских, южноамериканских и азиатских женщин. Немецкая уголовная статистика зафиксировала, что на территории Германии в середине 1990-х годов на первом месте по количеству женщин, вовлекаемых в проституцию, находились женщины из СНГ, на втором – из Польши, на седьмом – из Таиланда» [7, с. 19].

Именно сложившиеся масштабы данного преступления требуют повышения эффективности международно-правового сотрудничества в сфере предупреждения и противодействия торговле людьми в рамках СНГ. В этой связи, обосновывается деятельность по предупреждению торговли людьми, которая становится главной задачей в рамках сотрудничества Союза Независимых Государств.

Сложилась работа специальных агентов по вербовке людей из городов и деревень государств СНГ, привлекая их хорошим заработком в России, а на самом деле: «для занятия проституцией, тяжелым трудом в строительной отрасли и рабскими условиями» описывает Н.И. Абукирова [2, с. 46].

В связи с незаконной миграцией, огромное значение для России имело международное сотрудничество и, особенно, с выходом из советского «подполья» организованной проституции, быстро включающихся в международную сеть вовлечения, перевозки, передачи женщин как внутри страны, так и за рубеж. Данная позиция отражена в докладе Г. Голдуэл, С. Галстер, Н. Стейнзор «Преступление и порабощение» [4, с. 12].

С позиции Анне Галлахер: «Торговля людьми должна считаться противозаконной и предусматривать уголовную ответственность; торговцы людьми должны быть наказаны надлежащим образом» [12, с. 76].

Большинство экспертов международного права придерживаются точки зрения, что торговля людьми обязательно должна быть определена, как акт, в котором есть наличие обмана и принуждения любого рода [14, с. 10].

Очевидно, предупреждение торговли людьми является более значимой мерой, поскольку не допускает саму торговлю людьми. Вместе с тем, деятельность по предупреждению торговли людьми выступает как побуждение к сотрудничеству. Деятельность по противодействию торговле людьми – это деятельность, направленная на предупреждение, выявление, пресечение и оказание помощи пострадавшим от торговли людьми.

Для принятия эффективных мер по противодействию торговле людьми необходим всеобъемлющий международный подход в странах происхождения, транзита и назначения, включающий меры, направленные на предупреждение такой торговли, наказание занимающихся ею лиц и защиту жертв такой торговли, в том числе путем защиты их международно-признанных прав человека.

С целью проведения исследования вопроса противодействия торговле людьми определим суть понятия «противодействие торговле людьми».

В Толковом словаре русского языка понятие «эксплуатация человека» в общепринятом значении определяется как деятельность по присвоению результатов чужого труда, извлечению из него полезных свойств и качеств», а термин «противодействие» понимается как действие, препятствующее другому действию» [11, с. 214].

Попытки дать характеристику противодействию торговле людьми как преступлению предпринимались учеными криминалистами. Например, А.И. Долгова дает следующую характеристику: «Важна не только сама по себе констатация связи какого-либо обстоятельства с преступным поведением, но и выявление характера этой связи: в каких своих конкретных проявлениях, в совокупности с какими иными факторами и в каких ситуациях то или иное обстоятельство порождает преступное поведение. Именно это позволяет целенаправленно разрабатывать предупреждающие меры с учетом конкретных условий, места и времени» [6, с. 32].

Рассмотрим взгляды исследователей в области торговли людьми на проблему предупреждения и противодействия торговле людьми.

Так, Ю.М. Антонян, Д.А. Бражников, Г.Э. Бицадзе определяют предупреждение преступности как «воздействие на ее причины, выявление преступников и оказание на них предупредительного, исправительного воздействия», в том числе, затрагивая аспекты предупреждения торговли людьми [1, с. 57].

Как справедливо рассматривает В.В. Стукалов: «Предупреждение преступности как деятельность государственных и общественных органов направлена на сдерживание граждан от совершения преступных посягательств» [8, с. 79].

В целом, можно констатировать, что до сих пор в условиях глобализирующегося мира необходимы усилия поиска новых, более эффективных международно-правовых форм межгосударственного сотрудничества в области предупреждения и противодействия торговли людьми.

Обращает на себя внимание, что в Центральной Азии страны СНГ приняли Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека, подписанное в Москве (25 ноября, 2005 г.). Именно в рамках данного Соглашения принимаются законодательные меры противодействия торговле людьми, основанные на нормативных актах, принятых в рамках ООН, получившие проявление в различных формах сотрудничества в вопросе предупреждения и пресечения торговли людьми.

Странами – участниками Союза Независимых Государств на начальном этапе сотрудничества были предприняты программные действия с учетом положений универсальных документов ООН в сфере борьбы с торговлей людьми. Необходимо при этом отметить, что в рамках СНГ главы государств: Российской Федерации, Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Таджикистан, Украины, Кыргызской Республики на период с 2007 по 2010 гг. приняли Программу сотрудничества государств в борьбе с торговлей людьми. Такое правовое сотрудничество национальных государств – членов СНГ предполагало деятельность по осуществлению:

- укрепления и расширения международно-правовой базы сотрудничества;
- совершенствованию национального законодательства государств-участников СНГ;
- информационное и научное обеспечение сотрудничества;
- сотрудничество в подготовке кадров и повышении квалификации специалистов.

Вместе с тем, не было принято скоординированных органов из государств-участников СНГ в борьбе с торговлей людьми.

В рамках осуществления более эффективного сотрудничества в 2013 г. была принята «Программа сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с торговлей людьми на 2014–2018 годы». Указанная Программа позволила усовершенствовать механизм сотрудничества государств – участников СНГ, уставных органов и органов отраслевого сотрудничества, компетентных органов СНГ в борьбе с торговлей людьми на основе имплементации в национальное законодательство основополагающих принципов и норм международного права и реализации последних достижений практики противодействия торговле людьми.

В качестве дальнейших мер по сотрудничеству государств-участниц СНГ, закрепляющих юридическую ответственность за правонарушения в сфере торговли людьми можно назвать Модельные законы: «О противодействии торговле людьми» и «Об оказании помощи жертвам торговли людьми», принятые 03 апреля 2008 года на тридцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ.

Обоснованной, по нашему мнению, является позиция Тихомирова Ю.А., определившего модельные акты «нормативно-ориентирующим стандар-

том» при разработке национального законодательства и планов действий в борьбе с торговлей людьми [10, с. 34].

Можно утверждать, что сложившееся международно-правовое сотрудничество государств СНГ приобрело системный характер и сфокусировано на работе по предупреждению и противодействию торговле людьми, оказанию безопасности и помощи жертвам торговли людьми, в том числе, несовершеннолетним детям. СНГ, как региональная организация вносит свой вклад в выработку практических мер по обеспечению борьбы с торговлей людьми. Серьезность проблемы акцентирует необходимость совершенствования нормативно-правовых документов в рамках Содружества Независимых Государств, которые позволят более эффективно содействовать ответственности каждого государства в борьбе с торговлей людьми.

Таким образом, необходимо отметить, что международно-правовая роль государств-участников Союза Независимых Государств в предупреждении торговли людьми заметна в рамках осуществления программных мероприятий, направленных против торговли людьми.

Литература:

1. *Антонян Ю.М.* Преступность в России: современные тенденции и прогноз развития / Ю.М. Антонян, Г.Э. Бражников, Д.А. Бицадзе и др. М. : ЮНИТИ-ДАТА : Закон и право, 2018. 103 с.
2. *Абубикирова Н.И.* Противодействие торговле людьми. Сборник нормативных правовых документов. М., 2004. С. 80.
3. *Ваттер Эммель де.* Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960. С. 253.
4. *Голдуэл Г.* Преступление и порабощение. Разоблачение секс-торговли женщинами из стран бывшего СССР, доклад, представленный на конференции «Проблема вывоза женщин из СНГ для секс-торговли за рубежом» / Г. Голдуэл, С. Галстер, Н. Стейнзор. М., 1997. С. 12.
5. *Городинец Ф.М.* Криминологический анализ противодействия торговле людьми: особенности деятельности органов внутренних дел России : монография / Ф.М. Городинец, Н.А. Корсикова, А.Ю. Сагайдак. СПб. : ООО «Р-КОПИ», 2016. С. 111–112.
6. *Долгова А.И.* Криминология. М., 1999. С. 87.
7. *Джой Нгози Эйзейло.* Генеральная Ассамблея. Торговля людьми, особенно женщинами и детьми. Доклад Специального докладчика. М. : информационный центр ООН, 2011. 19 с.
8. *Стукалов В.В.* Уголовно-правовые аспекты торговли людьми : дис. ... канд. юрид. наук. Изд-

Literature:

1. *Antonyan Yu.M.* Crime in Russia: modern trends and development forecast / Yu.M. Antonyan, G.E. Brazhnikov, D.A. Bitsadze and [oth.]. M. : UNITY-DATE : Law and Law, 2018. 103 p.
2. *Abubikirova N.I.* Countering human trafficking. Collection of normative legal documents. M., 2004. P. 80.
3. *Watter Emmel de.* The law of peoples or the principles of natural law applied to the conduct and affairs of nations and consuls. M., 1960. P. 253.
4. *Goldwell G.* Crime and enslavement. Exposing sex trafficking in women from the countries of the former USSR, a report presented at the conference «The problem of exporting women from the CIS for sex trafficking abroad» / G. Goldwell, S. Galster, N. Steinsor. M., 1997. P. 12.
5. *Gorodnits F.M.* Criminological analysis of countering human trafficking: features of the activities of the internal affairs bodies of Russia : monograph / F.M. Gorodnits, N.A. Korsikova, A.Yu. Sagaidak. SPb. : R-KOPI LLC, 2016. P. 111–112.
6. *Dolgova A.I.* Criminology. M., 1999. P. 87.
7. *Joy Ngozi Eiseilo.* General Assembly. Trafficking in persons, especially women and children. Report of the Special Rapporteur. M. : UN Information Center, 2011. 19 p.
8. *Stukalov V.V.* Criminal legal aspects of human trafficking : dis. ... cand. of legal sciences. Edition :

во : Рост. юрид. ин-т МВД РФ. Краснодар, 2012. 196 с.

9. *Соловей Т.И.* Международное сотрудничество в борьбе с незаконным вывозом для сексуальной эксплуатации и растления несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. М. : Юрист, 2007. № 1. С. 31–36.

10. *Тихомиров Ю.А.* Курс сравнительного правоведения. М., 1996. С. 88.

11. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 2007. С. 462.

12. Anne Therese Gallagher *The International Law of Human Trafficking*: Cambridge University Press, 2010. 529.

13. *Ryszard Piotrowicz.* Cambridge University Press. 2012. P. 139.

14. *Trafficking in human beings: Implications for the OSCE.* Warsaw, 1999. P. 8.

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Krasnodar, 2012. 196 p.

9. *Solovey T.I.* International cooperation in combating illegal export for sexual exploitation and molestation of minors // Issues of juvenile justice. M. : Lawyer. 2007. № 1. P. 31–36.

10. *Tikhomirov Yu.A.* Course of comparative law. M., 1996. P. 88.

11. *Ozhegov S.I.* Interpretive dictionary of the Russian language / S.I. Ozhegov, N.Y. Shvedova. M., 2007. P. 462.

12. Anne Therese Gallagher *The International Law of Human Trafficking*: Cambridge University Press, 2010. 529.

13. *Ryszard Piotrowicz.* Cambridge University Press. 2012. P. 139.

14. *Trafficking in human beings: Implications for the OSCE.* Warsaw, 1999. P. 8.

Пинчук Антон Павлович
магистрант Юридического института,
Алтайский государственный университет
gos.2207@mail.ru

Стародубцева Мария Александровна
магистрант Юридического института,
Алтайский государственный университет
Starodubzewa@gmail.com

Решетников Глеб Евгеньевич
магистрант Юридического института,
Алтайский государственный университет
nataparina1970@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СКЛОННОСТИ МОЛОДЕЖИ К НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМ ИДЕЯМ И УСТАНОВКАМ КАК ДЕТЕРМИНАНТАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема детерминированности преступлений экстремистской направленности, в числе прочих, с националистическими идеями и установками. 2020 год показывает неутешительную статистику роста числа экстремистских преступлений и правонарушений. Профилактика экстремизма наиболее эффективна в молодежной среде, поскольку именно в молодом возрасте формируются идеи и принципы, которые в результате влияния внешних факторов, таких как, например, сети «Интернет» или старших по возрасту лиц, могут носить искажённый, негативный характер. В настоящей статье авторы проводят исследование склонности несовершеннолетней студенческой молодежи Колледжа Алтайского государственного университета к националистическим идеям и ценностям, применяя 4 метода исследования. Например, были изучены позиции студентов относительно этнонигилизма, этнической индифферентности, этнофанатизма, этноэгоизма и др. В результате проведенного исследования авторами был определен уровень склонности отдельной выборки студенческой молодежи к националистическим идеям и тенденциям и сделан вывод о том, что пока ситуация находится под контролем со стороны преподавательского состава и правоохранительных органов.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, экстремизм, религиозно-националистический экстремизм, психология национализма, психология молодежи.

Anton P. Pinchuk
Master's student of the Law Institute,
Altai State University
gos.2207@mail.ru

Maria A. Starodubtseva
Master's student of the Law Institute,
Altai State University
Starodubzewa@gmail.com

Gleb E. Reshetnikov
Master's student of the Law Institute,
Altai State University
nataparina1970@yandex.ru

THE PROBLEM OF DETERMINING THE PROPENSITY OF YOUNG PEOPLE TO NATIONALIST IDEAS AND ATTITUDES AS DETERMINANTS OF EXTREMIST CRIMES

Annotation. The article examines the problem of the determinism of extremist crimes, among others, by nationalist ideas and attitudes. 2020 shows disappointing statistics on the growth in the number of extremist crimes and offenses. Prevention of extremism is most effective in the youth environment, since it is the young age that ideas and principles are formed, which, as the result of the influence of external factors, such as, for example, the Internet or older persons, can be distorted, negative. In this article, the authors conduct the study of the tendency of underage student youth of the College of Altai State University to nationalist ideas and values, using 4 research methods known in psychology. For example, the positions of students regarding ethnonihilism, ethnic indifference, ethnophanaticism, ethnoegoism, etc. were studied. As the result of the study, the authors have determined the level of inclination of the separate sample of student youth to nationalist ideas and trends. The conclusion is that the situation is under the control of the teaching staff and law enforcement agencies today.

Keywords: crimes of an extremist orientation, extremism, religious-nationalist extremism, psychology of nationalism, psychology of youth.

Указывая актуальность настоящей работы, следует отметить, что в 2020 году в связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, локдауном и нестабильной экономической ситуацией прогнозируется рост преступности к концу года. В частности, уже сейчас можно констатировать рост, так называемой, киберпреступности, а именно – киберэкстремизма и кибертерроризма. Уже в апреле 2020 года фиксировался рост зарегистрированных киберпреступлений на 83,9 %. В общей статистике удельный вес преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, составил 19,9 % от общего числа. Особенно, это касается преступлений экстремистской направленности, в частности, публичных призывов к осуществлению экстремистской и террористической деятельности с использованием сети «Интернет» [7]. В период с января по апрель 2020 года зарегистрировано 263 таких преступления, что на треть больше, чем данные за аналогичный период 2019 года. Например, в мае 2020 года было предъявлено обвинение по ст. 205.2 УК РФ жительнице Калининграда, сделавшей «репост» на своей странице в социальной сети материалы, признанный экспертизой террористическим.

Аналогичный случай произошел в Смоленске, где за публикацию в социальной сети экстремистских материалов был осужден С. по ст. 20.29 КоАП РФ. Несколько десятков дел по ч. 1 ст. 354.1 УК РФ были возбуждены за публикации фотографий нацистских преступников во время проведения акции «Бессмертный полк» [8].

Свою роль здесь играет и психологический фактор локдауна, занятости слоев населения, особенно молодежи, ее выпадение из привычного ритма жизни. Этим активно пользуются потенциальные вербовщики экстремистских и террористических объединений. Анализ публикаций в социальных сетях, находящихся в открытом доступе, проведенный волонтерами отряда «Антиэкстремизм» в АлтГУ за период с мая по сентябрь 2020 года, позволяет сделать вывод о том, что идет массовое нарастание деструктивного психологического давления на молодежь, фиксируются открытые попытки вовлечения граждан в экстремистскую деятельность.

Законодатель достаточно оперативно отреагировал на ухудшение обстановки. В новой редакции Стратегии противодействия экстремизму в РФ до 2025 года отмечена повышенная необходимость профилактики экстремизма в молодежной сфере, и, в частности, недопущение распространения экстремистских идей и установок в сети «Интернет».

В свою очередь, изменения в региональную систему противодействия экстремизму и терроризму были внесены и на уровне Алтайского края. На основании решения Антитеррористической комиссии Алтайского края на базе юридического института ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» создан Региональный антитеррористический научно-методический центр (РАНМЦ). Данная структура функционирует в качестве опорного центра по методической, научно-

исследовательской работе и проведению региональных профилактических мероприятий антитеррористической направленности. На сегодняшний день в сферу ее деятельности как раз и входит разработка системы мероприятий по противодействию киберэкстремизму и кибертерроризму, что указано в правоустанавливающих документах организации. Под патронажем РАНМЦ работают несколько студенческих волонтерских отрядов, в частности, группа «Антиэкстремизм», проводящая регулярные мониторинги экстремистской активности в социальных сетях. Опираясь на данные этих мониторингов, мы можем сказать, что сегодня наблюдается резкий всплеск именно националистических настроений и идей. Сюда же относится и широко муссировавшееся в СМИ самодушество в СИЗО националиста М. Марцинкевича. 28.09.2020 в г. Барнаул было организовано «прощание» с националистом, цветы и фотографии Марцинкевича были возложены у памятника жертвам политических репрессий.

В связи с подобной ситуацией, мы решили провести исследование и определить склонность студенческой молодежи АлтГУ к националистическим идеям и ценностям. Мы специально выбрали в качестве респондентов учащихся колледжа АлтГУ как несовершеннолетних студентов, наиболее склонных к влиянию со стороны вследствие недостаточно сформированной психической устойчивости сознания. Опираясь на данные исследования, мы хотим выделить среди обучающихся группу риска, способную потенциально поддаться влиянию вербовщиков либо совершить акты публичных призывов к экстремизму в сети «Интернет».

Основываясь на анализе психологической и юридической литературы, мы можем сделать вывод о том, что проблема национальной нетерпимости начала активно разрабатываться. В связи с притоком мигрантов в РФ возникает необходимость немедленно научиться мирному сосуществованию.

В нашей работе мы предлагаем перейти от теоретико-методологических проблем к рассмотрению отдельного среза социальной реальности, обратившись к изучению проблемы национальной и религиозной идентичности в студенческой среде.

Для корректного построения эмпирического исследования операционализируем основные понятия.

Экстремизм – (от лат. *extremus* – крайний) – приверженность различных субъектов общественных отношений к крайним с точки зрения общества взглядам и мерам для достижения их целей.

Идентичность – чувство личного тождества и исторической непрерывности личности (Э. Эрикссон).

Национальная идентичность – культурная норма, отражающая эмоциональные реакции индивидов по отношению к своей нации и национальной политической системе (А.Р. Tsygankov).

Методы исследования религиозно-националистического экстремизма студенческой среде:

– методика «Типы этнической идентичности (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова);

– методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП), А.Н. Орел;

– шкальный опросник О.Л. Романовой;

– описание выборочной совокупности.

В экспериментальном исследовании принимали участие юноши и девушки в возрасте 15–16 лет.

(25 человек). Молодые люди являются студентами 1 курса среднего профессионального образования в колледже АлтГУ.

Анализ полученных данных.

Результаты проведенного опроса по методике «Типы этнической идентичности (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова).

Опрошены были 25 человек, студенты 1 курса СПО. Возраст – 15–16 лет.

Результаты опроса отражены на рисунке 1:

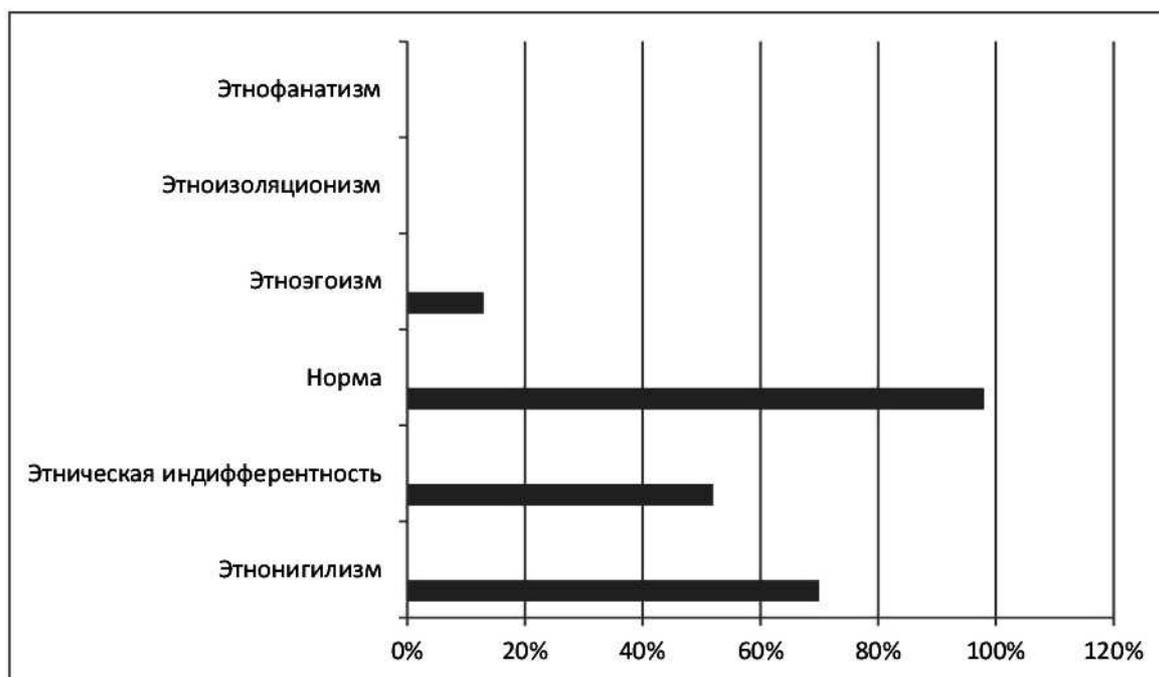

Рисунок 1 – Этническая идентичность

Данная методика представляет собой анкетирование, разделенное на 6 шкал, каждая из которых представляет собой определенный вид этнической идентичности.

Такая форма, как этнонигилизм, то есть, отрицание своего этноса, среди респондентов практически не выражен. Баллы по этой шкале набрали 70 % опрошенных, самый большой балл среди всех составил 13 его набрали 1 % опрошенных.

Этническая индифферентность выражает незаинтересованность респондента в своем этносе. Можно отметить, что среди опрошенных наиболее часто встречаются баллы в диапазоне от 10 до 20. Укажем, что 0 баллов не набрал никто. Вызывает некоторую тревогу то, что данный тип пользуется некоторой популярностью в группе респондентов, вероятно как ответ на всплеск национализма, распространяемый по сети «Интернет».

Норма – нейтральное отношение к национальности. Необходимо отметить, что респонденты набрали баллы от 10 до 20. Эти баллы набрали 98 % респондентов. Мы делаем вывод, что норма

сейчас является основным типом для участников опроса.

Этноэгоизм встречается в этнической идентичности опрошенных, но не преобладает.

Этноизоляционизм как одна из форм уже национализма, где сквозит уже нетерпимость к другим народам среди респондентов не встретился. Так же не встретился и этнофанатизм, являющийся уже формой шовинизма и расизма.

Результаты опроса по методике диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП), А.Н. Орел:

Обобщение выявленной информации приведено на рисунке 2.

Из опрошенных больше 75 % респондентов показали результаты по шкале социальной желательности от 48 до 64 баллов. При этом, баллы от 50 до 60 говорят об относительной честности при ответах, умеренной степени готовности сотрудничать.

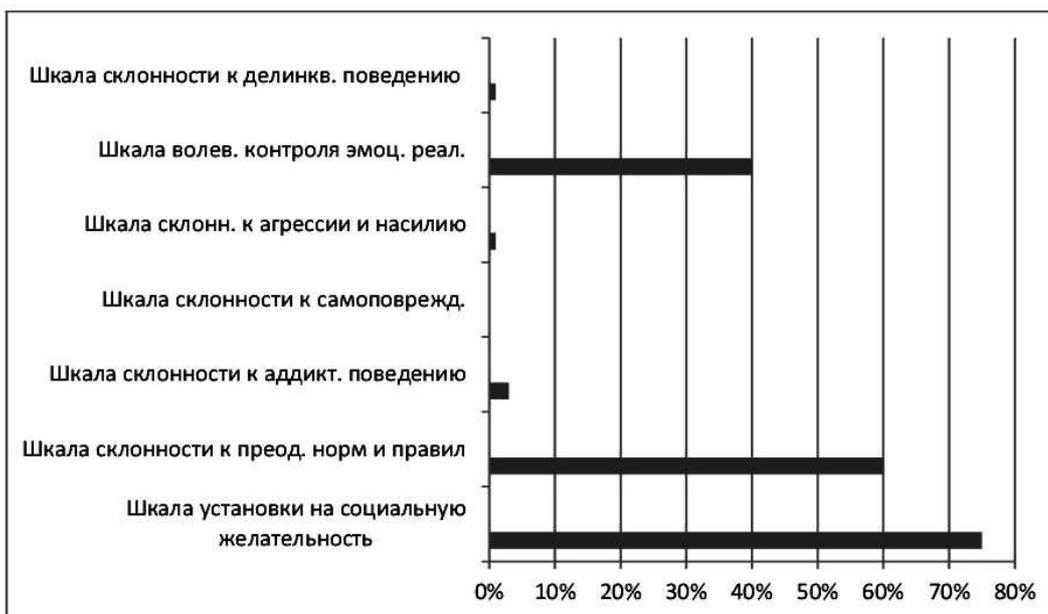

Рисунок 2 – Диаграмма склонности к отклоняющемуся поведению

Показатели свыше 60 баллов говорят о повышенном желании респондента соответствовать всем правилам общества, желании показать себя как можно лучше. Поэтому, достоверность ответов респондентов представляется сомнительной. Необходимо отметить и то, что респонденты не сразу разобрались с опросными листами, и часто переспрашивали, какой ответ подойдет больше,

демонстрируя неуверенность и желание соответствовать общественной норме.

Результаты опроса по методике «Шкальный опросник» О.Л. Романовой:

Полученные данные отражены на рисунке 3:

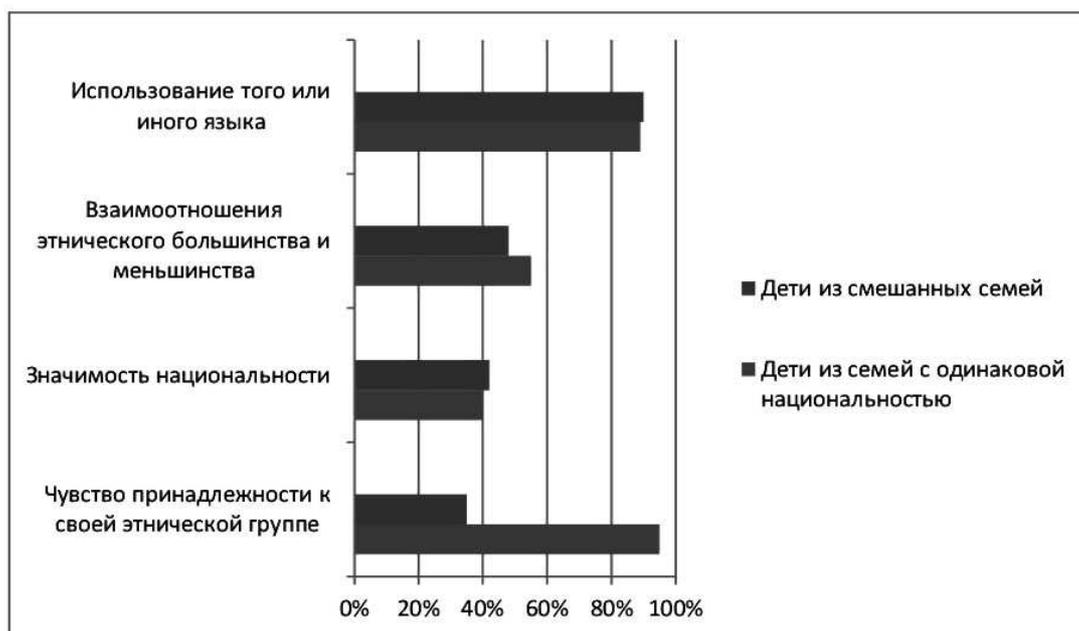

Рисунок 3 – Результаты опроса по методике О.Л. Романовой

В группе опрошенных 22 человека из 25 воспитываются в семьях с одинаковой национальностью, и 3 человека – в смешанных семьях. Выявлено, что по шкале «Чувство принадлежности к своей этнической группе» подростки из семей с одинаковой национальностью показали значимое превышение над группой подростков из смешанных семей. Это можно объяснить тем, что большин-

ство подростков из смешанных семей не полностью определили свою этническую группу относительно матери и отца, и пока еще находятся в поиске «своей этнической группы».

«Значимость национальности» у подростков из смешанных семей несколько выше, чем у подростков из семей с одинаковой национальностью,

однако значимых различий выявить не удалось. По шкале «Взаимоотношения этнического большинства и меньшинства» подростки из семей с одинаковой национальностью показали более высокий результат. На вопросы типа: «Думаю, что представители коренной национальности должны иметь определенные преимущества, так как они живут на своей территории?», они отвечали чаще согласием, что может говорить об их меньшей заикленности на проблеме ущемления прав национального меньшинства. Подростки же из смешанных семей, чаще отвечали на подобные вопросы отказом, возможно, что представители данной группы могли реально сталкиваться с интолерантным отношением к ним со стороны лиц, принадлежащих к более многочисленным нациям.

Показатели по шкале «Использование того или иного языка», выявляющей потребность чаще использовать родной язык в контексте общегосударственного общения, в обеих группах испытуемых примерно одинаковые.

По итогам проведенного исследования мы можем отметить, что, если отношения между лицами разных национальностей формальны, то молодежь, в целом, согласна их принять. Например, в случае соседства по парте, отношений в рамках учебной группы, даже дружбы.

Но, стоит таким отношениям перейти в более личную плоскость, как в большинстве случаев, студенты предпочитают социальную дистанцию.

По мнению Н.Г. Марковой, фактором растущей межнациональной розни в студенческой среде может выступать подростковый максимализм и культуроцентризм [4, с. 4–5].

В качестве мер, направленных на снижение агрессии, в исследовании Н.Г. Марковой стоит указать такие как:

1) упор на проведение тренингов и семинаров на психологическое и культурологическое сплочение.

Литература:

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / Т. Адорно; Под общей ред. д-ра филос. наук В.П. Култыгина. М. : «Серебряные нити», 2001. 416 с.
2. Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность // Этнографическое обозрение. 1995. № 5.
3. Дробижеева Л.М. Межэтнические отношения и этнокультурные процессы (по материалам этносоциологических исследований в СССР / Л.М. Дробижеева, А.А. Сусоколов // Советская этнография. 1981. № 3. С. 11–22
4. Волков Ю.Г. Социология молодежи : учеб. пособие / Ю.Г. Волков, В.И. Добренков, Ф.Д. Кадария и [др.]. Ростов-н/Д. : Феникс, 2001. 576 с.

В колледже АГУ эти функции возложены на психологов и социальных педагогов;

2) включение студентов в мультикультурные фестивали и мероприятия.

Большое внимание должно уделяться культурному и правовому просвещению студентов. В большинстве своем они не знают ценностей и особенностей других культур, что стимулирует укрепление стереотипов в массовом студенческом сознании, зачастую устаревших и неправильных. Так же многие не знают об административной и уголовной ответственности за демонстрацию предметов национализма и призывы к националистической и экстремистской деятельности. Эти функции нами предлагается возложить на кураторов учебных групп, они смогут реализовывать данную программу в ходе кураторских часов и индивидуальных занятий.

Таким образом, можно отметить, что изучение склонности молодежи к националистическим идеям и ценностям является неотъемлемой частью профилактики экстремизма. На фоне неугасающей экстремистской преступности подобного рода исследования позволяют выявлять зоны риска, к которым необходимо проявлять повышенное внимание. Нами было проведено исследование склонности молодежи к националистическим идеям и установкам с использованием 4 известных в психологии методов: методики «Типы этнической идентичности (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова), методики диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП), А.Н. Орел, шкального опросника О.Л. Романовой, описания выборочной совокупности. Таким образом, опираясь на результаты проведенного исследования, можно сделать вывод, что ситуация в студенческой молодежи в конкретном учебном заведении не вызывает опасений. Мы определили уровень склонности отдельной выборки студенческой молодежи к националистическим идеям и течениям, и можем указать, что пока ситуация находится под контролем со стороны преподавательского состава и правоохранительных органов.

Literature:

1. Adorno T. Research of an authoritarian personality / T. Adorno; Under the general editorship of Doctor of Philosophical Sciences V.P. Kultygin. M. : «Silver threads», 2001. 416 p.
2. Arutyunov S.A. Ethnicity is an objective reality // Ethnographic review. 1995. № 5.
3. Drobizheva L.M. Interethnic relations and ethnocultural processes (based on the materials of ethnosociological research in the USSR / L.M. Drobizheva, A.A. Susokolov // Soviet Ethnography. 1981. № 3. P. 11–22
4. Volkov Yu.G. Sociology of youth : textbook allowance / Yu.G. Volkov, V.I. Dobrenkov, F.D. Kadararia and [oth.]. Rostov-n/D. : Phoenix, 2001. 576 p.

5. *Коротеева В.В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках / В.В. Коротеева; РГГУ; ИЭА РАН. М., 1999.

6. *Кун М.* Эмпирическое исследование установок личности на себя / М. Кун, Т. Макпартлэнд // Современная зарубежная социальная психология. М. : МГУ, 1984. С. 180–187.

7. Очередной скачок киберпреступности в 2020 году. URL : <https://www.securitylab.ru/blog/company/CABIS/348156.php> (дата обращения 02.10.2020).

8. Совет Безопасности РФ отметил рост числа экстремистских преступлений на фоне пандемии. URL : <https://www.interfax.ru/russia/709538> (дата обращения 02.10.2020).

5. *Koroteeva V.V.* Theories of nationalism in foreign social sciences / V.V. Koroteeva; RSUH; IEA RAS. M., 1999.

6. *Kuhn M.* Empirical study of personality attitudes towards oneself / M. Kuhn, T. McPartland // Modern foreign social psychology. M. : MGU, 1984. P. 180–187.

7. Another leap in cybercrime in 2020. URL : <https://www.securitylab.ru/blog/company/CABIS/348156.php> (date of application 10/02/2020)

8. The Security Council of the Russian Federation noted an increase in the number of extremist crimes against the background of the pandemic. URL : <https://www.interfax.ru/russia/709538> (date of application 10/02/2020).

Плахтий Николай Алексеевич
аспирант 1 курса
Юридического института,
Пензенский государственный университет
nikolas-plahtii@yandex.ru

ФИЛОСОФСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАТЕГОРИИ «СЛУЧАЙ» В ПРАВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи философских и правовых интерпретаций категории «случай». Отмечается генетическая близость философии и права как одних из разновидностей предметов знания, занимающихся познанием человека. Анализируется проблематика трактовки категории «случай в праве» и предпосылки для ее разнообразного истолкования. Автор приходит к выводу о том, что исследуемый феномен рассматривается в правовой сфере на основе философских взглядов и методологических установок, описываемых в соответствующих научных трудах.

Ключевые слова: случай, случайность, казус, феномен, право, философия, необходимость, незнание, причинно-следственная связь.

В современной науке право и философия имеют отчетливую интегративную связь, при которой, по большей части, право заимствует многие методологические и теоретические изыскания философов для решения поставленных перед ней проблем. Каждой юридической науке известны предельные теоретические дилеммы, которые возможно разрешить единственно с помощью философии как метатеории права. Средствами исключительно специальной науки сделать исчерпывающий всесторонний объективный вывод по таким вопросам иногда попросту невозможно. Поэтому утверждение о том, что философские дискурсы оказывают влияние на эволюцию правовой мысли, отчасти, нам видится правильным. Это также обусловлено и тем фактом, что право столь же укоренено эволюционирует в социуме, как и философия. Вместе с тем, справедливо и обратное утверждение: право оказывает существенное воздействие на философское мировоззрение. Так, исследователи социально-политических процессов очень часто используют понятия, заимствованные из правовых дисциплин, поскольку исходят из того, что права человека – это суть неотъемлемых прав. В конечном счете, некоторые исследователи в философии науки выделяют собственно методы юридической сферы деятельности [9, с. 109]. Таким образом, можно признать, что философия и право генетически консолидированы, поскольку и философия, и право занимают познанием человека, его природы и норм жизнедеятельности. Задачи

Nikolay A. Plakhtiy
1 year postgraduate student
Law Institute,
Penza State University
nikolas-plahtii@yandex.ru

PHILOSOPHICAL DETERMINANTS OF INTERPRETATION OF THE «CASE» CATEGORY IN LAW

Annotation. The article discusses the relationship between philosophical and legal interpretations of the category of case. The genetic similarity of philosophy and law as one of the types of subjects of knowledge that are engaged in human cognition is noted. The article analyzes the problems of interpretation of the category of case in law and the prerequisites for its diverse interpretation. The author comes to the conclusion that the phenomenon under study is considered in the legal sphere on the basis of philosophical views and methodological guidelines described in relevant scientific works.

Keywords: chance, accident, incident, phenomenon, law, philosophy, necessity, ignorance, causal relationship.

философии и права пересекаются в «человеке», который живет в обществе и должен считаться с другими людьми [6, с. 16]. По этой же причине между этими предметами нельзя четко установить демаркационную линию.

Естественно, что у каждой из этих форм общественного сознания есть своя проблематика и устоявшиеся традиционные подходы для их решения. Одной из таких проблем, тесно переплетающейся в сфере философии и права, является интерпретация такой языковой экспликации, как случай, понимание природы данного феномена, отражение сущности репрезентируемого явления. Для ее решения юристами традиционно используются философские категории «случайности». Они являются для исследователя органом, специальным орудием познания обозначенных правовых явлений. С помощью исключительно основ методологического плана юридической науки полное осмысление уникальности данного феномена невозможно. Вследствие этого, такой выход из ситуации обоснован и видится нам единственно верным, так как слепое использование положений норм права, без знания терминологического смысла, вкладываемого в определение, может привести к злоупотреблению и неверному истолкованию законодательных статут.

Тематикой экспликации и имплементации в своих научных трудах предметных характеристик и сущностей феномена «случай» занимались на всем

этапе исторического развития общественного сознания такие видные представители философской мысли, как Аристотель, Демокрит, Эпикур, И. Дамаскин, А.М.С. Боэций, А. Августин, В. Великий, Б. Спиноза, Г.В.Ф. Гегель, Т. Гоббс, П.А. Гольбах, К.А. Гельвеций, К. Маркс, Ф. Энгельс. Приведенный список не является исчерпывающим. Аналогично, исследуемое явление занимало видное место в теоретических изысканиях ученых правоведов. Среди них были Н.С. Таганцев, Я.А. Канторович, В.А. Ойгензихт, В. Варкалло, Б.С. Утевский, Е.А. Павлодский, О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский, Я.А. Магазинер, Е.И. Кельман, В.А. Белов и другие.

Эволюционное развитие представлений об исследуемой категории происходит и по сей день. Так, в праве, например, профессор С.Ю. Суменков проводит работы по изучению данного явления в контексте правовых исключений [13; 14]. В философии исследователь Л.В. Балахонова последнее время рассматривает случайность в качестве объекта анализа философской антропологии [3].

Стоит отметить, что по проблематике интерпретации термина «случай» и в праве, и в философии высказывался абсолютный широкий спектр подходов и мировоззренческих установок. Вместе с тем, можно утверждать, что, по большей части, мыслители права основывались на философских догмах. Связано это с тем, что философы первые установили проблемный дискурс семантического ядра изучаемой терминологии. Во многом, исходя из исторических предпосылок, философский лейтмотив стал основным детерминантом в процессе интерпретации категории «случай» в праве. Чтобы не быть голословными, проиллюстрируем данное утверждение на примере размышлений представителей как философских, так и правовых областей знания.

Появление первых методических изысканий в отношении исследования природы феномена «случай» обусловлено интенсивной эволюцией взглядов мыслителей древнегреческой философии. Одним из самых ранних представителей философии, репрезентирующих этимон феномена случай был Аристотель. В своем произведении «Метафизика» Аристотель писал: «Привходящим, или случайным, называется то, что чему-то присуще и о чем может быть правильно сказано, но присуще не по необходимости и не большей частью, как, например, если кто, копая яму для растения, нашел клад» [2, с. 178–179]. Похожую формулировку интерпретации существующего понятия предложил в дальнейшем философский мыслитель А. Августин. В своем сочинении «Об истинной религии» он высказывал такую точку зрения: «То, что называют фортуной, это что-то скрытое и неизвестное» [1, с. 5–85]. Философы верно подчеркивают и формируют свое понимание существующей языковой экспликации на основе характеризующего ее фактора неожиданности и его противопоставлением категории «закономерность».

Такая достаточно четкая и конкретная конъюнктура по формулировке исследуемой категории,

излагаемая в контексте всего существующего мироустройства, имела свое влияние на формирование в сфере правовой мысли схожих представлений. Так, ученый – правовед Е.И. Кельман в своих изысканиях подчеркивал, что случай – это неожиданное и внезапное событие, в котором на человека или на вещь вредоносно действует какое-либо явление [8]. Схожие интерпретационные формулировки семантического ядра репрезентируемой категории, излагаемые представителями философии и права, имеют свою тождественность в их догматических взглядах на то, что основополагающими признаками данного явления является неожиданность, внезапность, атипичность. Именно от этих качеств, согласно их убеждениям, следует отталкиваться при изучении феномена «случай». Конечно, формулировка, высказанная правоведом Е.И. Кельманом, имеет определенный отпечаток правового мышления. Это заметно в его утверждении о том, что в основе рассматриваемой частицы феномена «случай» должно быть обязательно событие вредоносного характера. Но, в целом, приведенные выше трактовки, несмотря на свой субъективизм, довольно похожи.

Совсем другие выводы по поводу исследуемой категории эксплицировал древнегреческий философ Демокрит. Он считал случай субъективной иллюзией, порожденной незнанием причинно-следственных связей [5, с. 30]. Английский философ-материалист Т. Гоббс отмечал: «Случайным или возможным, называется вообще то, необходимую причину чего нельзя разглядеть» [4, с. 91]. Интерпретация феномена «случай» как термина, обозначающего скрытую причинность, была широко распространена в воззрениях мыслителей Нового времени.

В правовой дистинкции можно увидеть схожие догматические постулаты с такой точкой философского мировоззрения на изучаемое определение. Исследования представителей этой философской концепции наложили весомый отпечаток в правовом мировосприятии феномена «случай». Так, в частности, советский учёный-правовед М.Д. Шаргородский придерживался похожих методологических установок и в правовом смысле рассматривал случайность как исключительно объективную категорию, связанную с вопросом причиной связи [17]. Высказанное положение о миропонимании исследуемого феномена напрямую коррелирует с указанными выше философскими воззрениями.

Иной взгляд на представленную терминологию сформировалась в доктрине нидерландского ученого и философа Бенедикта Спинозы. Он утверждал, что случайное «есть недостаток нашего восприятия, а не что-либо реальное» [11, с. 277]. Случайной... какая-либо вещь называется единственно по несовершенству нашего знания» [12, с. 26]. Б. Спиноза полагал, что феномен «случай» является выражением дефектности наших чувств, который восполняется познанием окружающего мира. Похожих мировоззренческих установок придерживался П.А. Гольбах, который связывал случайность с незнанием. Таким образом, в этой концепции именно незнание как основной

тезис для объяснения сути исследуемого явления был фундаментом для интерпретации категории случай в философском смысле.

Очень схожей с представленной философской дилеммой в части расставления акцентов при установлении природы феномена «случай» еще в XIX давал юрист, криминолог и государственный деятель Н.С. Таганцев. Он указывал, что случай выражается в случайности деяния – такой ситуацией, когда лицо, по своему возрасту, интеллектуальному и моральному развитию, вполне дееспособное, действовало при таких условиях, что не только не сознавало, но и не могло сознать, что учиняет преступное деяние [15]. Конкретизация термина «случай» через привязку его к неведению о совершаемых личностью деяниях имеет право на существование. Здесь тесно прослеживается влияние П.А. Гольбаха, Б. Спинозы. Вместе с тем, преломление указанной философской концепции в правовой мысли Н.С. Таганцева объяснимо и обусловлено необходимостью включения данного феномена в механизм нормативного регулирования.

Идентичный философский лейтмотив прослеживается и в точке зрения юриста и ученого-цивилиста Я.А. Канторовича, который подчеркивал, что понятие «случай» обнимает собою такие события, которые существуют сами по себе или в отношении происшедших от них последствий, являлись вне волевой сферы человека или вопреки воле его и им не могли быть ни предвидены, ни предотвращены, несмотря на все меры предосторожности, которые требовались и возможны были для данного лица при данных обстоятельствах [7, с. 200]. Как и Б. Спиноза, он полагал, что случай – это особая форма дефектности наших знаний, только ученый-цивилист Я.А. Канторович иллюстрирует эту идею через ассоциацию с волевыми качествами личности, именно путем их противопоставления. Сходной точки зрения придерживался и советский ученый-правовед Б.С. Утевский. Он отмечал, что случай выражается в отношении лица к своим действиям и их последствиям, при котором оно не должно или не могло предвидеть наступление противоправных последствий [16].

Безусловно, это не все примеры воздействия авторитета философских парадигм на формиро-

вание семантического ядра исследуемого феномена «случай» в праве. Существуют и другие. Нельзя не упомянуть высказывание ученого-цивилиста В.А. Ойгензихта, полагавшего, что «причина случайного лежит не в нем самом, а в другом внешнем явлении ... непреодолимая сила – это разновидность случая в философском смысле» [10, с. 123]. Здесь феномен «случай» характеризуется через внешний объект существующей реальности, который коррелируется с философской категорией «непреодолимая сила».

Не все взгляды и позиции философов относительно теоретических трактовок исследуемого феномена «случай» были восприняты виднейшими представителями права. Например, концепция Эпикура об абсолютизации случайности не стала таким детерминантом для определения сути рассматриваемого феномена в правоведении [18]. Уверен, что можно привести и другие аналогии, но тенденция экстрагирования предлагаемых идей и концепций существующей языковой экспликации из философского восприятия на иллюстрируемых примерах безошибочно прослеживается.

Движение правового мышления возможно интуитивно, но, по большей части, сознательно к конструкциям метафизического плана мы видим и у Е.И. Кельмана, М.Д. Шаргородского, Н.С. Таганцева, Я.А. Канторовича, Б.С. Утевского, В.А. Ойгензихта. Семантический анализ исследуемого феномена ученые - правоведы делали с определенной долей оглядки на философские воззрения мыслителей, так как категория «случай» имеет очень сложный и многоаспектный характер в свете своего терминологического определения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что философский лейтмотив в этом вопросе становится определенным детерминантом для осмысления качеств и свойств, присущих анализируемой частице объективной реальности. Разумеется, рассмотренные дилеммы случая в праве и в философии отличаются интерпретационными характеристиками языковой экспликации, но, вместе с тем, очевидно, что взгляды философских мыслителей имели доминантное значение для формирования позиций правоведов по представленной категории «случай».

Литература:

1. *Августин Блаженный*. Об истинной религии. СПб. : Издательство «Алетейя» и К, 1998. Т. 1. С. 5–85.
2. *Аристотель*. Метафизика // Сочинения в 4 томах. М. : Мысль, 1976. Т. 1. С. 178–179.
3. *Балахонова Л.В.* Случайность как объект анализа философской антропологии : автореф. дис. ... кандид. филос. наук: 09.00.13. Ставроп. гос. ун-т., 2003. С. 20.
4. *Гоббс Т.* Избранные сочинения. М.; Л., 1926. С. 91.

Literature:

1. *Augustine Blessed*. On true religion. SPb. : Publishing house Aletheia and K, 1998. Vol. 1. P. 5–85.
2. *Aristotle*. Metaphysics // Works in 4 volumes. M. : Mysl, 1976. Vol. 1. P. 178–179.
3. *Balakhonova L.V.* Randomness as an object of analysis of philosophical anthropology: abstract of PhD thesis: 09.00.13 // Stavropol state. un-t., 2003. P. 20.
4. *Hobbes T.* Selected works. M.; L., 1926. P. 91.

5. Горан В.П. Необходимость и случайность в философии Демокрита. Новосибирск : Наука: Сибирское отделение, 1984. С. 30.
6. Делокаров К.Х. Философия. Право. Философия права // Право и современные государства. 2016. № 4. С. 15–27.
7. Канторович Я.А. Основные идеи гражданского права. М. : Институт ЮрИнфоР-МГУ, 2009. С. 200.
8. Кельман Е.И. Ответственность воздушного перевозчика за вред и убытки // Вопросы воздушного права. 1927. Вып. 1. С. 190.
9. Малинова И.П. История и философия науки // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. № 5. С. 107–117.
10. Ойгензиht В.А. Проблема риска в гражданском праве. Душанбе : Издательство Ирфон, 1972. С. 123.
11. Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 1. С. 277.
12. Спиноза Б. Этика. М., 1932. С. 26.
13. Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2016. С. 58.
14. Суменков С.Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 58–68.
15. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. М. : Наука, 1994. Т. 1. С. 380.
16. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. М. : Гос. изд-во юрид. лит, 1950. С. 316.
17. Шаргородский М.Д. Причинная связь в уголовном праве // Ученые труды ВИЮН. М. : Госюриздат, 1947. С. 190.
18. Ямпольский М.Б. Наблюдатель. Очерки истории видения. М. : AdMarginem, 2000. С. 215.
5. Goran V.P. Necessity and chance in the philosophy of Democritus. Novosibirsk : Nauka: Sibirskoe otделение, 1984. P. 30.
6. Delokarov K.Kh. Philosophy. Right. Philosophy of law // Law and modern States. 2016. № 4. P. 15–27.
7. Kantorovich Ya.A. Basic ideas of civil law. M. : Institute of Jurinfor-MSU, 2009. P. 200.
8. Kelman E.I. Liability of the air carrier for damage and losses // Air law issues. 1927. Iss. 1. P. 190.
9. Malinova I.P. History and philosophy of science // Electronic Appendix to the Russian legal journal. 2016. № 5. P. 107–117.
10. Eugensiht V.A. The problem of risk in civil law. Dushanbe : Irfon Publishing House, 1972. P. 123.
11. Spinoza B. Selected works. M., 1957. T. 1. P. 277.
12. Spinoza B. Ethics. M., 1932. P. 26.
13. Sumenkov S.Yu. Exceptions in law: General theoretical analysis : abstract of dis. doctor of law: 12.00.01 // Saratov, 2016. P. 58.
14. Sumenkov S.Yu. Exceptional case: problems of legislative definition // Journal of Russian law. 2009. № 7. P. 58–68.
15. Tagantsev N. With. Russian criminal law. M. : Nauka, 1994. T. 1. P. 380.
16. Utevsky B.S. Wine in the Soviet criminal law. M. : GOS. publishing house of the faculty of law. lit, 1950. P. 316.
17. Shargorodsky M.D. Causal connection in criminal law // Scientific works of viyun. M. : Gosyurizdat, 1947. P. 190.
18. Yampolsky M.B. Observer. Essays on the history of vision.M. : AdMarginem, 2000. P. 215.

Попова Ирина Юрьевна
кандидат юридических наук,
председатель,
Московская коллегия адвокатов
«Традиции Адвокатуры»
popova@finrez.ru

ВЫПЛАТА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ ДОЛИ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с отсутствием гарантий получения действительной стоимости доли общества участником, вышедшим из общества с ограниченной ответственностью. Автором отмечается, что требование участника о выплате действительной стоимости доли в уставном капитале должника в силу прямого указания закона не подлежит включению в реестр требований кредиторов. В то же время, автором обосновывается вывод о том, что с учетом системного толкования положений действующего законодательства требование участника общества о выплате действительной стоимости доли подлежит рассмотрению арбитражным судом в порядке, предусмотренном законодательством о несостоятельности (банкротстве).

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью, кредитор, должник, банкротство, уставный капитал.

В ыплата действительной стоимости доли при банкротстве

Участник общества с ограниченной ответственностью (далее – «общество») в силу положений ст. 26 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [6] (далее – Закон об ООО) вправе в любой момент выйти из состава участников общества. При этом в силу абзаца 1 пункта 7 и пункта 8 статьи 23 Закона об ООО, доля участника переходит к обществу, которое обязано выплатить участнику действительную стоимость доли или части доли в уставном капитале общества либо выдать в натуре имущество такой же стоимости в течение одного года с момента перехода к обществу доли, если меньший срок не предусмотрен уставом общества.

Однако анализ действующего законодательства и судебной практики позволяют сделать вывод о том, что гарантии получения вышедшим участником действительной стоимости доли общества фактически отсутствуют.

При принятии участником решения о выходе из состава участников общества важно помнить, что пунктом 8 статьи 23 Закона об ООО установлен

Irina Yu. Popova
Candidate of Law Sciences,
Chairman of the Moscow Collegium
of Advocates «Traditions of the Bar»
popova@finrez.ru

PAYMENT OF THE ACTUAL VALUE OF THE SHARE IN BANKRUPTCY

Annotation. The article deals with the problems associated with the lack of guarantees of obtaining the actual value of the company's share by the participant who has left the limited liability company. The author notes that the participant's claim for payment of the actual value of the share in the authorized capital of the debtor by virtue of direct indication of the law is not subject to inclusion in the register of creditors' claims. At the same time, the author justifies the conclusion that taking into account the systematic interpretation of the provisions of the current legislation, the participant's claim for payment of the actual value of the share is subject to arbitration in the manner prescribed by the insolvency (bankruptcy) law.

Keywords: limited liability company, creditor, debtor, bankruptcy, charter capital.

запрет на выплату обществом действительной стоимости доли или части доли в уставном капитале общества либо выдачу в натуре имущества такой же стоимости, если на момент этой выплаты или выдачи имущества в натуре оно отвечает признакам несостоятельности (банкротства) либо в результате этих выплат или выдачи имущества в натуре указанные признаки появятся у общества.

Признаки банкротства установлены статьей 3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [7] (далее – Закон о банкротстве) в соответствии с которой юридическое лицо считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, если соответствующие обязательства не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены, и при этом размер неисполненных обществом обязательств составляет более 300000 рублей.

Необходимо отметить, что у вышедшего участника возникают также проблемы с порядком предъявления к обществу требования о выплате действительной стоимости доли в рамках дела о

банкротстве. По общему правилу, в случае невыплаты обществом вышедшему участнику действительной стоимости доли, последний должен обратиться в арбитражный суд с иском о признании о выплате действительной стоимости доли. Однако необходимо учитывать, что в силу части 4 пункта 1 статьи 63 Закона о банкротстве с даты вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения запрещаются удовлетворение требований учредителя (участника) должника о выделе доли (пая) в имуществе должника в связи с выходом из состава его учредителей (участников), выкуп должником размещенных акций или выплата действительной стоимости доли (пая).

Кроме того, пунктом 1 статьи 126 Закона о банкротстве установлено, что с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства все требования кредиторов по денежным обязательствам, об уплате обязательных платежей, иные имущественные требования, за исключением текущих платежей, указанных в пункте 1 статьи 134 Закона о банкротстве, и требований о признании права собственности, об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о признании недействительными ничтожных сделок и о применении последствий их недействительности, могут быть предъявлены только в ходе конкурсного производства.

В пункте 28 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» разъяснено, что если исковое заявление о взыскании с должника долга по денежным обязательствам или обязательным платежам, за исключением текущих платежей, было подано до даты введения наблюдения и впоследствии должник будет признан банкротом суд по своей инициативе или по ходатайству любого участвующего в деле лица оставляет исковое заявление без рассмотрения на основании пункта 4 части 1 статьи 148 АПК РФ.

Таким образом, в случае признания арбитражным судом решения о признании общества несостоятельным (банкротом) и введении процедуры конкурсного производства требование о выплате действительной стоимости может быть заявлено только в рамках процедуры банкротства, однако при этом возникают следующие проблемы.

В соответствии с абзацем 8 статьи 2 Закона о банкротстве, требование участника должника к этому должнику, вытекающее из участия в его капитале, не является требованием конкурсного кредитора и, следовательно, требование о выплате действительной стоимости доли не подлежит включению в реестр требований кредиторов. Судебная практика единодушна в подходе к данному вопросу [2–5].

Из смысла пункта 7 статьи 63 и абзаца 5 пункта 1 статьи 67 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), абзаца 8 статьи 2 и абзаца 5 пункта 1 статьи 63 Закона о банкротстве

следует, что требования по выплате участнику ликвидируемого хозяйственного общества за счет имущества данного общества денежных средств при прекращении отношений, связанных с владением этим участником долями, не могут конкурировать с обязательствами должника перед иными кредиторами – участниками гражданского оборота [1].

Положения абзаца 4 статьи 2 Закона о банкротстве устанавливают, что для целей законодательства о банкротстве под денежным обязательством понимается обязанность должника уплатить кредитору определенную денежную сумму по гражданско-правовой сделке и (или) иному предусмотренному ГК РФ или бюджетным законодательством Российской Федерации основанию.

В связи с тем, что требование участника о выплате действительной стоимости доли предусмотрено пунктом 2 статьи 94 ГК РФ, такое является денежным обязательством должника, и бывший участник должника является его кредитором.

Законом о банкротстве разграничиваются понятия «кредитор» и «конкурсный кредитор» и, соответственно, объем их прав и обязанностей в рамках дела о банкротстве. Возникает вопрос о порядке предъявления требования участника должника о выплате действительной стоимости доли. Согласно п. 6 ст. 16 ФЗ Закона о банкротстве, требования кредиторов включаются в реестр кредиторов и исключаются из него арбитражным управляющим или реестродержателем исключительно на основании вступивших в силу судебных актов, устанавливающих их состав и размер, если иное не определено настоящим пунктом. Но требование о выплате действительной стоимости доли, как указано выше, не является реестровым.

Кроме того, положениями статей 71, 100 Закона о банкротстве установлен порядок предъявления требований кредиторов с целью включения их в реестр требований кредиторов, то есть, порядок предъявления, состав и размер требований конкурсных кредиторов. В порядке, предусмотренном статьей 100 Закона о банкротстве, осуществляется установление размера требований конкурсных кредиторов и (или) уполномоченных органов, заявленных после закрытия реестра требований кредиторов («опоздавших» кредиторов) (пункт 4 статьи 142 Закона о банкротстве).

В Законе о банкротстве отсутствует норма, регулирующая возможность и порядок признания судом, рассматривающим дело о банкротстве, требования лица, не являющегося конкурсным кредитором, требованием, подлежащим удовлетворению из имущества должника, оставшегося после удовлетворения требований всех других кредиторов. В связи с этим, суды правомерно отказывают кредиторам во включении в реестр требований кредиторов требования о выплате действительной стоимости доли, но, к сожалению, не разрешают вопрос об установлении размера требований таких кредиторов в деле о банкротстве и очередности их удовлетворения.

Сформировавшаяся судебная практика подтверждает, что задолженность по требованию о выплате действительной стоимости доли подлежит удовлетворению после погашения требований «опоздавших» кредиторов и реституционных требований по недействительным сделкам за счет оставшегося после завершения расчетов с кредиторами имущества должника в порядке статьи 148 Закона о банкротстве, но не отвечает на вопрос о том, каким образом подлежит установлению размер требования.

Нам представляется, что в данном случае необходимо руководствоваться нормами статьи 6 ГК РФ и пунктом 5 статьи 3 АПК РФ, предписывающих судам применять аналогию закона.

Таким образом, требование участника о выплате действительной стоимости доли в уставном капитале должника в силу прямого указания закона не

Литература:

1. Определение Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 29.10.2012 по делу № А73-11715/2011 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 14.04.2020 № 301-ЭС20-3629 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 21.02.2018 № 310-ЭС17-17994 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 04.06.2018 № 305-ЭС18-413 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.
7. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (в ред. 31.07.2020) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

подлежит включению в реестр требований кредиторов, однако, право на удовлетворение такого требования не может совсем не учитываться при банкротстве организации, в ином случае будут нарушены конституционные и процессуальные права участника общества, установленные статьей 46 Конституции Российской Федерации и статьей 4 АПК РФ.

Таким образом, с учетом системного толкования норм Закона о банкротстве, регулирующих порядок предъявления требований кредиторов ГК РФ и АПК РФ, можно сделать вывод о том, что требование участника должника о выплате действительной стоимости доли (в том числе, порядок определения размера такого требования) подлежит рассмотрению арбитражным судом в порядке, предусмотренном статьями 71, 100 Закона о банкротстве.

Literature:

1. Decision of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 29.10.2012 in case № А73-11715/2011 // Legal reference system «ConsultantPlus».
2. Decision of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 14.04.2020 № 301-ЭС20-3629 // Reference Legal System «ConsultantPlus».
3. Decision of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 21.02.2018 № 310-ЭС17-17994 // Reference Legal System «ConsultantPlus».
4. Decision of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.06.2018 № 305-ЭС18-413 // Reference Legal System «ConsultantPlus».
5. Decision of the Judicial Board on Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06.07.2017 № 308-ЭС17-1556 // Reference Legal System «ConsultantPlus».
6. Federal Law of 08.02.1998 № 14-ФЗ (ed. From 31.07.2020) «On Limited Liability Companies» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. № 7. Art. 785.
7. Federal Law of 26.10.2002 № 127-ФЗ (ed. 31.07.2020) «On Insolvency (Bankruptcy)» // Legislative Assembly of the Russian Federation. 2002. № 43. Art. 4190.

Савин Андрей Александрович
старший преподаватель кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Aasavin33@mail.ru

Сизова Алла Сергеевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
и муниципального права,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ –
филиал в г. Владимир
kurganovaalla58@gmail.com

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. Авторы пытаются провести анализ и сделать выводы о фактическом положении существующего института применения уголовно-правовой меры в виде судебного штрафа. Предлагают внесение корректировок в действующее законодательство в части освобождения от уголовной ответственности. Рассматривается вопрос соблюдения интересов потерпевшего в преступлении и соблюдения его мнения при назначении судебного штрафа. Одновременно авторами подчеркивается необходимость соблюдения соразмерности налагаемой суммы штрафа и совершенного виновным деяния.

Ключевые слова: уголовно-правовая мера, освобождение от наказания, ответственность, судебный штраф.

Эффективность применения норм освобождения от уголовной ответственности является залогом успешного реформирования правовой системы России. Анализ нововведений, введенный, как официальными инстанциями, так и юристами, практикующими в данной области, проявляет ряд законодательных проблем, нуждающихся в решении.

Перспективы совершенствования нормативного обеспечения института освобождения от уголовной ответственности находятся в плоскости дальнейшей разработки механизмов применения

Andrei A. Savin
Senior lecturer of the Department
Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Sentences
Aasavin33@mail.ru

Alla S. Sizova
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Constitutional
and Municipal Law,
Russian Academy of Public Administration
and Public Service under the President
of the Russian Federation –
branch in Vladimir
kurganovaalla58@gmail.com

PROSPECTS FOR IMPROVING THE PROCEDURAL AND REGULATORY SUPPORT OF THE INSTITUTION OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY

Annotation. The authors try to analyze and draw conclusions about the actual situation of the existing institution of applying a criminal law measure in the form of a court fine. They suggest making adjustments to the current legislation in terms of exemption from criminal liability. The issue of compliance with the interests of the victim in the crime and compliance with his opinion when assigning a court fine is considered. At the same time, the authors emphasize the need to comply with the proportionality of the fine imposed and the act committed by the perpetrator.

Keywords: criminal law measure, release from punishment, responsibility, judicial fine.

такой уголовно-правовой меры, как судебный штраф. Введенная в практику судопроизводства в 2016 году норма хоть и зарекомендовала себя с позитивной стороны, однако по нашему мнению нуждается в ряде дополнений, а именно:

– внесения определенности в применение указанной нормы в отношении уголовных дел, в которых отсутствует вред или нет четко определенного потерпевшего;

– нормативного закрепления учета мнения потерпевшего при рассмотрении вопроса об

освобождении виновного от уголовной ответственности, учитывая это как обязательное условие принятия соответствующего решения, способствующего формированию чувства справедливого наказания и осознания факта освобождения от ответственности;

– проведения всестороннего анализа определения размера судебного штрафа, для того, чтобы его применение было осудимо, учитывая, что уголовное наказание несет в себе сущность кары, но при этом оправдано и соразмерно совершенному противоправному деянию;

– оценке использования нормы Закона о «возможности освобождения от уголовной ответственности» и замене его на «освобождается судом от уголовной ответственности» при соблюдении положений ст.76.2 УК РФ [1];

– расширения сферы применения нормы о судебном штрафе как компенсаторной мере противодействия преступлениям.

Кроме того, актуальным в свете политики либерализации уголовного законодательства является распространение действия специальных норм об освобождении от уголовной ответственности категории лиц, которая совершила противоправное деяние не в первый раз, однако загладило вину, возместило ущерб и (или) активными действиями способствовало его раскрытию. Это будет стимулом для пресечения преступных деяний, началом сотрудничества с правоохранительными органами. Необходимо конкретизировать применение законодательных норм, исключив двойственность формулировок об освобождении от уголовной ответственности лица, «если в его действиях нет состава преступления» и «освобождается от уголовной ответственности за данное преступление», оставив только второй вариант, как наиболее соответствующий логике закона.

Для придания единообразия процедуре применения норм об освобождении от уголовной ответственности необходимо определить развернутый юридический состав действий лица, характеризующий общим термином деятельное раскаяние и примирение сторон, ввести обязательность активного сотрудничества с судом, органами следствия и дознания. Это является ключевым доказательством позитивного посткриминального поведения преступника. В данном контексте нельзя не согласиться с мнением М.В. Зябликовой, считающей, что «в целях устранения противоречий между нормой уголовного закона и мнением Верховного Суда РФ необходимо закрепить добровольное сообщение о совершенном преступлении в качестве обязательного условия освобождения от уголовной ответственности во всех случаях, когда сообщение о даче взятки или коммерческом подкупе нельзя признать добровольным, если оно сделано в связи с тем, что об этом стало известно органам власти» [2].

Важно обеспечить реальную профилактическую направленность процедур применения норм об освобождении от уголовной ответственности. В первую очередь это касается мер воспитатель-

ного воздействия в отношении несовершеннолетних. Для этого в содержание ч. 2 ст. 91 УК РФ необходимо, по нашему мнению, внести дополнения, касающиеся перечисления обязательности соблюдения ограничений для несовершеннолетних и неуклонения от контроля родителей или лиц, их замещающих.

В условиях расширения сферы применения норм об освобождении от уголовной ответственности, акцент должен быть сделан на обобщении судебной практики, активном обмене информацией, в том числе через публикацию данных судебной статистики Верховного Суда РФ постатейно по всем нереабилитирующим составам, а также анализе принятия решений об освобождении от уголовной ответственности органами на стадии предварительного следствия и дознания. Данные меры позволят устранить нормативные несоответствия, повысить качество судебных решений и следственных действий, что в конечном итоге будет содействовать совершенствованию правовых институтов.

Институт освобождения от уголовной ответственности, формировавшийся на протяжении всей истории отечественного и зарубежного государства и права, на современном этапе представляет собой сложившийся комплекс нормативных правовых оснований, зафиксированных в основных актах уголовного законодательства: УК РФ, УПК РФ, постановлениях Пленумов ВС РФ и др. Особую значимость применения этих норм в условиях осуществления декриминализационной политики Российского государства отмечают многие ученые и юристы-практики, например А.А. Толкаченко: «... в последние годы число прекращенных судами уголовных дел по нереабилитирующим основаниям относительно стабильно... Это примерно каждое пятое уголовное дело ...» [3].

При всей массовости использования норм об освобождении от уголовной ответственности анализ ее правового и организационного обеспечения показывает наличие нерешенных вопросов. В юридической науке сохраняется дискуссионность вопрос о правовой сущности института освобождения от уголовной ответственности, соотношении в этой связи норм Общей и Особенной частей УК РФ, взаимосвязи механизмов освобождения от уголовной ответственности и уголовного наказания.

Анализ нормативного обеспечения освобождения от уголовной ответственности дает возможность выявить общие условия: факт преступного деяния небольшой или средней степени тяжести, совершенного впервые и специальные, проявляющиеся в примирении с потерпевшим, деятельном раскаянии, возмещении причиненного вреда, содействии раскрытию преступления и т.д.

В юридической науке сложилось несколько подходов к классификации видов освобождения от уголовной ответственности: в зависимости от содержания: в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, возмещением ущерба, истечением срока давности и т.д.; по принципу нормативной определенности: общие и специальные; в соответствии с условиями приме-

нения: дискреционные и императивные; в зависимости от критерия обязательности: условные и безусловные.

Характеристика объективных и субъективных оснований и условий применения норм об освобождении от уголовной ответственности, то есть наличия юридически определенного повода и фактов исправления лица без уголовно-правового воздействия государства, выраженного в отказе от противоправного поведения и заглаживании вины, позволяет установить возможность избежать уголовного преследования по решению суда, а также ходатайству следователя с согласия руководителя следственного органа или дознавателя с согласия прокурора.

Если объективным основанием следует считать наличие юридически определенного повода для принятия решения об освобождении, то к субъективным условиям необходимо отнести комплекс жизненных обстоятельств, при которых возможно это освобождение. Их субъективность определяется проявлением возможности лица доказать отсутствие своей общественной опасности в силу наличия фактов исправления и без уголовно-правового воздействия государства.

Благодаря внесению изменений и дополнений в нормативные правовые акты в России сложилась единообразная правоприменительная практика. Однако наличие законодательных пробелов, несовершенство юридической техники, недостаток

практического опыта применения, накладывает определенные ограничения на возможность эффективного осуществления освобождения от уголовной ответственности. К ним можно отнести проблему обоснованности выбора основания освобождения от уголовной ответственности; установления необходимых и достаточных условий для применения ее специальных видов; отсутствие единообразной практики применения таких квалифицирующих признаков, как добровольность, своевременность, активное содействие раскрытию и (или) расследованию преступления; неясности формы действий по примирению с потерпевшим и др.

Для урегулирования данных вопросов актуальным является инициирование активной нормотворческой деятельности в части юридической разработки оснований и механизмов применения судебного штрафа, распространения действия специальных норм об освобождении от уголовной ответственности на новые категории лиц, конкретизации формулировок; определения юридической природы деятельного раскаяния, примирения сторон и др. В сочетании с проведением полномасштабного анализа и обобщения судебной практики, обмена опытом по вынесению решений по нереабилитирующим составам, позволят решить многие вопросы законодательного и правоприменительного характера, что обусловит развитие всей правовой системы РФ и более эффективную защиту всех субъектов права.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.12.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. *Зябликова М.В.* Виды освобождения от уголовной ответственности, содержащие элементы деятельного раскаяния // Российский юридический журнал. 2016. № 3. С. 119.
3. *Толкаченко А.А.* Расширение института освобождения от уголовной ответственности с учетом административно-правовых аспектов // Уголовный процесс. 2016. № 8. С. 72.

Literature:

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.12.1996 № 63-ФЗ (ed. From 27.10.2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
2. *Zyablikova M.V.* Types of exemption from criminal liability, containing elements of active remorse // Russian legal journal. 2016. № 3. P. 119.
3. *Tolkachenko A.A.* Expansion of the institution of exemption from criminal liability taking into account administrative and legal aspects // Criminal process. 2016. № 8. P. 72.

Смирнова Карина Сергеевна

кандидат юридических наук,
начальник кафедры
специальных дисциплин,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета
МВД России
mail2smirnova@mail.ru

Леонов Александр Владимирович

старший преподаватель
кафедры тактико-специальной подготовки,
Волгодонский филиал Ростовского
юридического института МВД России
Leonov_76@mail.ru

Симонов Илья Сергеевич

преподаватель-методист
отделения планирования
и контроля качества учебного процесса
и практики учебного отдела,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
Simonoff11@gmail.com

**СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ
«ПРИМЕНЕНИЕ»
И «ИСПОЛЬЗОВАНИЕ» СПЕЦИАЛЬНЫХ
СРЕДСТВ И ОГНЕСТРЕЛЬНОГО
ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Аннотация. Анализ результатов оперативно-служебной деятельности и чрезвычайных происшествий, связанных с гибелью и ранениями сотрудников, свидетельствует о том, что в ряде случаев боевая подготовка личного состава органов внутренних дел не отвечает предъявляемым требованиям, зачастую сотрудникам полиции недостает профессионализма при применении мер государственного принуждения, специальных средств и огнестрельного оружия. В данной статье рассматривается соотношение понятий «применение» и «использование», используемое в нормативных правовых актах, относительно специальных средств и огнестрельного оружия в условиях выполнения сотрудниками полиции оперативно-служебных задач.

Ключевые слова: использование, применение, федеральный закон, полиция, ношение, демонстрация, применение, использование, оружие, огнестрельное оружие, специальные средства.

Karina S. Smirnova

Candidate of Legal Sciences,
Head of the Department
of Special Disciplines,
Novorossiysk branch
Krasnodar University
Ministry of Internal Affairs of Russia
mail2smirnova@mail.ru

Alexander V. Leonov

Senior lecturer of the Department
of Tactical and Special Training,
Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute
Ministry of Internal Affairs of Russia
Leonov_76@mail.ru

Ilya S. Simonov

Head teacher
Planning Offices and Quality Control
of the Educational Process and the Practice
of the Training Department,
Novorossiysk branch
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Simonoff11@gmail.com

**CORRELATION OF THE CONCEPTS
OF «USE» AND «USE» OF SPECIAL
MEANS AND FIREARMS BY EMPLOYEES
OF INTERNAL AFFAIRS BODIES**

Annotation. Analysis of the results of operational and service activities and emergencies related to the death and injury of employees indicates that in a number of cases the combat training of the personnel of the internal affairs bodies does not meet the requirements, often police officers lack professionalism in the application of measures of state coercion, special means and firearms. This article examines the relationship between the concepts of «application» and «use», used in regulatory legal acts, regarding special means and firearms in the context of police officers performing operational and service tasks.

Keywords: use, application, federal law, police, carrying, demonstration, application, use, weapon, firearm, special means.

Деятельность сотрудников органов внутренних дел ежедневно связана с выявлением, раскрытием, предупреждением и пресечением преступлений и правонарушений. Борьба с преступностью и соблюдение правопорядка – основная и одна из главных задач работы всех подразделений полиции.

Нередко знаний, опыта, предусмотренных способов и методов работы не хватает для осуществления своевременного и качественного задержания виновных лиц, быстрого реагирования в сложившейся чрезвычайной ситуации или защиты жизни и здоровья не только сотрудника полиции, но и граждан.

Именно поэтому Федеральный закон от 07 февраля 2011 года № 3 «О полиции» года предусматривает и разрешает сотрудникам полиции применение специальных средств и огнестрельного оружия. Это положение в законодательстве необходимо как при повседневном несении службы сотрудниками органов внутренних дел, так и в условиях чрезвычайной обстановки.

Применение и использование специальных средств и огнестрельного оружия напрямую связано с пресечением преступлений. Пресечение преступлений – это комплекс мер государственного принуждения, осуществляемый в ходе процесса внешнего воздействия на виновное лицо на стадии приговора или покушения на преступление. Соответственно, пресечение преступлений заключается в процессе приостановления преступного посягательства до того, как достигнута его цель.

В ходе служебной деятельности, каждый сотрудник полиции изучает нормативную правовую базу, обеспечивающую правильное и законное несение службы. Основным таким нормативным правовым актом, как было отмечено ранее, выступает Федеральный закон от 07 февраля 2011 года № 3 «О полиции», согласно которому на полицию в Российской Федерации возлагается ряд обязанностей и предоставляются права, в том числе на применение (или использование?) специальных средств и огнестрельного оружия. В его содержании закреплены нормы, объединенные в главу 5 «Применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия», в которой прописаны правила применения специальных средств и огнестрельного оружия при всех возможных ситуациях, это ст. 18 «Право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия», ст. 19 «Порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия», ст. 20 «Применение физической силы», ст. 21 «Применение специальных средств», ст. 22 «Запреты и ограничения, связанные с применением специальных средств», ст. 23 «Применение огнестрельного оружия»¹.

¹ Федеральный закон от 07 февраля 2011 года № 3 «О полиции».

² *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В.И. Даль; Совмещ. ред. изд. В.И. Даля, И.А. Бодуэна де Куртенэ; Науч. ред. Л.В. Беловинский. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. 273 с.

Возникает вопрос как правильно следует называть действия сотрудников полиции с специальными средствами и огнестрельным оружием в ходе выполнения оперативно-служебных задач – «применение» или «использование»?

С точки зрения трактовки этих терминов в правовой теории, возникает вопрос тождественны, синонимичны ли они?

Суть вопроса заключается в том, что относительно определения «применение», используемого в вышеуказанных статьях ФЗ «О полиции», существует синонимичный термин «использование», что в следствие может дать возможность параллельного употребления данных понятий. Пример такого использования закреплён в ныне утратившем силу Законе РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции», в котором действия сотрудников органов внутренних дел определены как применение для конкретных действий и для других конкретных действий используется уже понятие использование, то есть ранее законодатель эти понятия разделял.

Чтобы прояснить данный вопрос необходимо обратиться к словарям толкования русских слов. В толковом словаре В.И. Даля² под глаголом «применять» понимается: применить что к чему, сравнивать, прикидывать, прикладывать, прилагать, приравнивать, приспособлять, а глагол «использовать» толкуется как: использовать кого, воспользоваться.

С.И. Ожегов в своем толковом словаре³ под глаголом «применять» подразумевает следующие значения: употреблять, использовать. В свою очередь, глагол «использовать» понимается как: воспользоваться, употребить.

Большой современный толковый словарь русского языка определяет глагол «применять» как употреблять, использовать на деле каким-либо образом; приравнивать, приспособлять к чему-либо, а глагол «использовать» как употреблять что-либо для какого-либо дела, пользоваться чем-либо в своих интересах, извлекать выгоду из чего-либо⁴.

Следовательно, изучив материалы толковых словарей и проанализировав данные термины, можем сделать вывод о том, что вышеуказанные понятия являются тождественными. Они могут выступать одними и теми же определениями для выражения того или иного значения действий сотрудников органов внутренних дел с специальными средствами и оружием. Однако стоит отметить, что понятие «применение» обладает более узким смыслом, чем термин «использование».

Проанализировав современное законодательство в части применения специальных средств и огнестрельного оружия, необходимо обратиться

³ *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка : около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. Л.И. Скворцова. 26-е изд., Испр. и доп. М. : Оникс и [др.], 2009. 352 с.

⁴ Большой современный толковый словарь русского языка. 2012. URL : <https://slovar.cc/rus/tolk/37346.html>

внимание на то, что «применение» употребляется в значении «в отношении кого-то», следовательно, подразумевает применение оружия и специальных средств в отношении кого-либо, то есть имеется определённый объект воздействия. Таким образом, сделаем вывод о том, что гл. 5 Федерального закона «О полиции» трактует лишь основополагающий смысл – «применение» специальных средств и огнестрельного оружия, «использование» в законодательстве нет, изменять смысл закона и подменять один термин другим мы не можем.

Федеральный закон «О полиции» однозначно трактует все действия сотрудников полиции с специальными средствами и оружием как «применение», исключая подмену понятий. В свою очередь в Законе РФ «О милиции» для описания действий сотрудников используются понятия «применение» и «использование», причем оснований применения было меньше и часть оснований, подразумевающих в нынешнем ФЗ «О полиции» применение огнестрельного оружия, в Законе РФ «О милиции» предусматривает его использование, а именно для:

- 1) для остановки транспортного средства путем его повреждения, когда водитель создает реальную опасность жизни и здоровью людей и не подчиняется неоднократным законным требованиям сотрудника милиции остановиться;
- 2) для обезвреживания животного, непосредственно угрожающего жизни и здоровью людей;
- 3) для производства предупредительного выстрела, подачи сигналов тревоги или для вызова помощи – предусматривалось лишь использование огнестрельного оружия¹.

При анализе текстовой части Закона РФ «О милиции» видно, что понятия «применение» и «использование» не разграничиваются, более того используются как равнозначные, например в ст. 12 Закона РФ «О милиции» «При применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия сотрудник милиции обязан предупредить о намерении их использовать...»². Возникает двусмысленная ситуация. В данном случае согласимся с мнением Щербак С.И., который предположил, что законодатель в полной мере приравнивает понятия «применение» и «использование», считая их синонимами³. При этом не исключено, что возможно, при составлении содержания статей закона, законодатель руководствовался правилами русского языка, следовательно, не позволил себе повторить дважды в предложении глагол «применять», тем самым, заменил его на глагол «использовать», с нашей точки зрения не являющийся полноценным синонимом.

¹ Закон РФ «О милиции» от 18.04.1991 № 1026-1 (последняя редакция).

² Закон РФ «О милиции» от 18.04.1991 № 1026-1 (последняя редакция).

Таким образом, содержание действий сотрудников по применению и использованию оружия, согласно Закона РФ «О милиции», в реформированном ФЗ «О полиции» получили уже однозначную трактовку-применение. С одной стороны термины по смыслу совпадают, но с другой стороны ломается логическая цепочка, например в п. 4 ч. 3 ст. 23 ФЗ «О полиции» предоставляется право сотрудникам полиции применять огнестрельное оружие для производства предупредительного выстрела в воздух, для привлечения внимания правонарушителя, для предупреждения его о готовности применить сотрудником полиции оружия, то есть сотрудник полиции имеет право использовать оружие для предупреждения о намерении его применить, исходя из данной трактовки вытекает вывод о разнице содержательной части рассматриваемых терминов.

При этом в научной и учебной литературе четкой границы между терминами «применение» и «использование» специальных средств и огнестрельного оружия не прослеживается, равнозначно для пояснения тактики действий сотрудников полиции используются понятия «применение», «использование», «изготовка», «производство», «намерение» и т.д.

Обратимся к Федеральному закону «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ, в котором законодатель также «вольно» использует понятия «применение» и «использование» уже относительно оружия. Проанализируем, например ст. 4 «к служебному оружию относится оружие, предназначенное для использования должностными лицами...», которым законодательством Российской Федерации разрешено ношение, хранение и применение...», ст. 24 «Граждане Российской Федерации могут применять имеющееся у них на законных основаниях оружие для...», далее в этой же статье используется уже оборот «...запрещается использовать оружие...»⁴.

Таким образом вытекает следующий вывод: понятия «применение» и «использование» равнозначны и синонимичны, с точки зрения законодателя, но понятие «использование», которое подразумевает под собой действия со специальными средствами и оружием – ношение, демонстрация, применение, шире по смысловому содержанию и подразумевает под собой большее количество тактических действий со специальными средствами и оружием для выполнения оперативно-служебных задач, возложенных на сотрудников органов внутренних дел, учитывая различные объекты воздействия.

«Применение», в свою очередь, это возможность воздействия на поведение людей (объект воздействия один), тем самым осуществлять свои должностные полномочия в рамках противодействия преступности в полной мере.

³ Щербак С.И. Применяют или используют оружие представители власти? (о решении этого вопроса в Федеральном законе «О полиции») // Военное право. 2011. № 3. С. 211–225.

⁴ Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ.

Определившись с вышеуказанными понятиями, можно говорить об очевидном несовершенстве законодательства и о некорректном использовании в нормативных правовых актах рассматриваемых терминов. Вследствие чего возникает вопрос в законности применения специальных средств и огнестрельного оружия, дело в том, что сотрудник полиции обязан действовать в рамках и согласно букве закона, а закон в свою очередь должен быть совершенным нормативным правовым актом. Однако, в случае со статьями главы 5

Литература:

1. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (последняя редакция).
2. Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ.
3. Закон РФ «О милиции» от 18.04.1991 № 1026-1 (последняя редакция).
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Избр. ст. / В.И. Даль; Совмещ. ред. изд. В.И. Даля, И.А. Бодуэна де Куртенэ; Науч. ред. Л.В. Беловинский. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. 573 с.
5. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка : около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М. : Оникс и [др.], 2009. 1359 с.
6. Большой современный толковый словарь русского языка. 2012. URL : <https://slovar.cc/rus/tolk/37346.html>
7. *Щербак С.И.* Применяют или используют оружие представители власти? (о решении этого вопроса в Федеральном законе «О полиции») //Военное право. 2011. № 3. С. 211–225.

ФЗ «О полиции» мы видим определенные недоработки и неточности.

Соответственно, проведя анализ значений терминов «применение» и «использование» можно сделать вывод о том, что содержание нормативно-правовых актов, предусматривающих право сотрудников органов внутренних дел применять специальные средства и огнестрельное оружие, необходимо скорректировать посредством замены основных терминов или пояснения их.

Literature:

1. Federal Law «On the Police» dated 07.02.2011 № 3-FZ (last edition).
2. Federal Law «On Weapons» dated 13.12.1996 № 150-FZ.
3. The law of the Russian Federation «On the police» dated 18.04.1991 № 1026-1 (last edition).
4. *Dahl V.I.* Explanatory dictionary of the living Great Russian language: fav. art. / V.I. Dal; combined. ed. V.I. Dahl, I.A. Baudouin de Courtenay; Scientific. ed. L.V. Belovinsky. M. : OLMA Media Group, 2009. 573 p.
5. *Ozhegov S.I.* Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions / S.I. Ozhegov; Ed. L.I. Skvortsova. 26th ed., Rev. and add. M. : Onyx et [al.], 2009. 1359 p.
6. A large modern explanatory dictionary of the Russian language. 2012. URL : <https://slovar.cc/rus/tolk/37346.html>
7. *Shcherbak S.I.* Are the authorities using or using weapons? (on the solution of this issue in the Federal Law «On Police») // Military Law. 2011. № 3. P. 211–225.

Стародубцева Мария Александровна
магистрант,
Алтайский государственный университет
Starodubzewa@gmail.com

Рохманов Антон Сергеевич
студент,
Алтайский государственный университет
arohmanov42@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЭКСПЕРТИЗЫ ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Аннотация. В статье рассмотрены понятие и общая характеристика экстремизма как социологического, правового и политического явления. Был проведен анализ восприятия экстремизма, его интерпретаций в обществе и во власти. Также, выявлены тенденции в судебной практике по делам, связанным с экстремизмом, дана попытка оценки существующей технологии гуманитарной экспертизы на экстремизм и ее использования в судебном процессе. Сделан вывод о необходимости конкретизации существующих определений радикализма и экстремизма, содействию в создании методики проведения экспертизы экстремистских материалов, развитию программ по просвещению граждан в области экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, национализм, радикализм, экспертиза, профилактика, толкование, стратегия.

Экстремизм в научной литературе трактуется как приверженность крайним взглядам и деструктивным, агрессивным мерам разрешения конфликтных ситуаций [1]. Это, в частности, соответствует взгляду Уве Бакеса, рассматривающего экстремизм как этические и правовые границы модели социально-политической, конституционной системы [2; 3]. Одним из вариантов этого широкого спектра экстремистских флуктуаций выступает религиозно-идеологический протест в виде фундаменталистской модели религиозно организованного государства, централизованного вокруг категорий священного и Божественного закона. Другой вариант, сам состоящий из множества частных разновидностей, – ультранационализм. В качестве еще одного примера можно привести неоязыческую субкультурную традицию, фундированную на протестной расово-этнической идентичности. С.И. Чудинов не в полной мере соглашается с позицией Бакеса, согласно которой экстремизм противопоставляется «умеренному ценностно-идеологическому фундаменту».

Maria A. Starodubtseva
Undergraduate,
Altai State University
Starodubzewa@gmail.com

Anton S. Rokhmanov
Student,
Altai State University
arohmanov42@mail.ru

ON SOME ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF EXTREMIST ACTIVITIES AND EXPERTISE OF EXTREMIST MATERIALS

Annotation. The article examines the concept and general characteristics of extremism as a sociological, legal and political phenomenon. The analysis of the perception of extremism, its interpretations in society and in power was carried out. It also revealed trends in judicial practice in cases related to extremism, an attempt was made to assess the existing technology of humanitarian expertise for extremism and its use in the judicial process. It is concluded that it is necessary to concretize the existing definitions of radicalism and extremism, assist in the creation of a methodology for the examination of extremist materials, and develop programs to educate citizens in the field of extremism.

Keywords: extremism, nationalism, radicalism, expertise, prevention, interpretation, strategy.

Действительно, это может быть справедливо в европейской либерально ориентированной науке, однако неудачно для перенесения в любую, особенно российскую, реальность, для которой как раз никакой «умеренности» не существует априори. Европейский суд по правам человека отмечал, что область экстремизма, экстремистской деятельности «сложна для формулирования законов с абсолютной точности, допустима определенная степень гибкости, чтобы позволить российским судам оценивать, следует ли конкретное действие расценивать как разжигающее ненависть и вражду по признакам, перечисленным в указанной статье (ст. 282 УК РФ)» [4].

В ст.1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [5] (далее – Федеральный закон) дается определение экстремистской деятельности. Однако, если мы в него углубимся, то увидим, что в настоящем Федеральном законе отсутствует само понятие, дан лишь перечень деяний, которые судам следует считать экстремистскими.

Следует также отметить, с 2007 года список деяний расширился, но, по нашему мнению, это способствовало конкретизации определения экстремистской деятельности. Рост же уголовных дел с 2009 по 2017 (статистика административных дел не ведется) связан с иными, политическими и правовыми, причинами.

Федеральный закон является основным регулирующим актом. Санкции установлены в УК РФ и КоАП РФ. Помимо нормативно-правовых актов, важнейшими документами являются Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [6] (далее – Постановление Пленума) и Стратегия противодействия экстремизму в РФ до 2025 года [7] (далее – Стратегия).

Постановление Пленума до редакции 2018 года было недоработанным и порождало серьезную правовую путаницу. Вот несколько пробелов законодательства, существовавших на то время (с изменениями от 2018 года в скобках):

Достаточность лишь формального подвода для возбуждения уголовного дела – например, факт размещения в интернете «экстремистского» контента (теперь же необходимы веские основания для возбуждения, которые указывали бы на общественную опасность и мотив совершения преступления).

Прямой умысел без осознания направленности деяния на цели экстремизма (сейчас же лицо должно понимать направленность деяния на нарушение основ конституционного строя, а также иметь целью возбудить ненависть или вражду либо унижить достоинство человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе).

Редко учитывался контекст (теперь при определении умысла на возбуждение ненависти суд должен рассматривать совокупность обстоятельств и учитывать:

- форму и содержание размещенной информации, её контекст;
- наличие и содержание личных комментариев пользователя;
- факт личного создания либо заимствования контента;
- содержание всей страницы пользователя и характеристику его личности; – объём «экстремистской» информации, частоту и продолжительность ее размещения, интенсивность обновлений).

Неясность процедуры и технологии гуманитарной экспертизы на экстремизм – очень часто эксперты буквально давали правовую оценку, заключение эксперта превалировало над другими доказательствами (теперь при оценке заключения эксперта по «экстремистским» делам суды должны помнить, что оно не имеет заранее уста-

новленной силы, не обладает преимуществом перед другими доказательствами и оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами).

Нам представляется, что на Верховный Суд РФ всё же оказало некоторое правовое влияние ранее упомянутое Постановление ЕСПЧ «Дмитриевский против России». В частности, П. 101 Постановления ЕСПЧ указывает на важность рассмотрения каждого дела с точки зрения контекста и оценки потенциальной и непосредственной вредоносности. П. 112–114 указывают на ошибки в гуманитарной экспертизе на экстремизм высказывания, текста, на чем бы хотелось остановиться подробнее чуть позже.

Необходимо также сказать о Стратегии противодействия экстремизму. Она дает очень важные понятия «идеология насилия», «радикализм», «экстремистская идеология», «проявления экстремизма (экстремистские проявления)».

Исходя из определений Стратегии, деяния указанные в Федеральном законе, о которых было сказано ранее, – это экстремистские проявления. В ФЗ это названо экстремистской деятельностью. Следовательно, согласно логике, мы можем провести знак равенства между экстремистской деятельностью и проявлениями экстремизма. Терроризм (указан среди экстремистской деятельности в ФЗ) тоже является проявлением экстремизма.

Каким образом мы можем провести границу между «радикализмом» и «экстремизмом»? В научной среде термин «радикализм» первоначально применялся для того, чтобы охарактеризовать стремление дойти до корня социальных проблем, хотя в настоящее время чаще используется для обозначения комплекса политических идей и действий, нацеленных на коренное (радикальное) изменение существующих социальных и политических институтов [8]. Считалось, что именно экстремизм сопряжен с насилием. В Стратегии же понятия путаются. Т.е., радикалы автоматически представляются как сторонники насилия, термин «радикализм» насыщен негативной коннотацией. С.А. Сергеев считает, что термин «радикализм» отражает крайность взглядов, но не сопряжен с насилием [9]. Возникает, по нашему мнению, ситуация подмены понятий.

Основным средством распространения Стратегия называют Интернет. Опять же трудно согласиться с тем, что это просто «средство коммуникации». Как нам кажется, Интернет-экстремизм – это отдельный вид экстремистской активности. Законодатель не в полной мере осознает воздействие Интернета, его собственную методологию, выраженную в способах воздействия, что никак не вяжется с «коммуникативным средством». К примеру, сообщества «групп смерти», построенных по типу вовлечения в «игру», хотя связи между самоубийствами детей и деятельности данных сообществ до сих пор не установлены. Мы даже до конца не можем сказать, что возникло первым – недостоверная информация СМИ о «группах смерти», или сами группы смерти; связаны ли «кураторы» внутренней организацией,

или нет. В том, что Интернет сейчас по-особому влияет на реальность, не возникает никаких сомнений, однако, это может быть связано с молодостью явления. Следовательно, необходимо более глубокое изучение данного феномена. Пока же мы видим одинаковый подход к экстремизму в интернете и вне его [11].

А теперь перейдем к практической стороне вопроса – к экспертизе экстремистских материалов.

В гуманитарной экспертизе речь идет о специальных исследованиях, которые, как правило, требуются в рамках антиэкстремистского законодательства. Законодателю или правоприменителю важно определить, является текст разжигающим ненависть и рознь или нет, и таким образом установить его предположительно экстремистскую направленность [12].

Диагностически значимыми свойствами проверяемого на экстремизм текста являются:

- Целенаправленность деятельности автора по созданию текста, ее произвольность, осмысленность.
- Публичность речевой деятельности.
- Наличие в тексте призывов к деяниям.
- Наличие в тексте пропаганды.
- Наличие в тексте оправдания (терроризма) или обоснования экстремистской деятельности.
- Направленность речевых действий (текста) на возбуждение розни, вражды, ненависти унижение достоинства человека по определенным признакам [13].

Таким образом, анализ того, что именно сказано, не должен подменяться общими рассуждениями на тему: «Что автор хотел этим сказать?». Е.И. Галяшина также замечает, что представители органов власти не являются социальной группой, а критика власти не может быть экстремизмом [14], в особенности когда данная критика происходит СМИ. В обоснование позиции приводятся положения ст. 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации [15]. На эту же Декларацию ссылается Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума.

Постановление ЕСПЧ указывает, в первую очередь, на важность принятия судом самостоятельного решения, которое должно быть основано на

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Сайт «Консультант Плюс».
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом № 1.

всех предъявленных доказательств. Суд не может вынести обвинительный приговор, потому что «так сказала экспертиза», что по факту произошло в деле Дмитриевского и многих других. Экспертиза, в свою очередь, не может давать правовую оценку «является или не является данное высказывание экстремистским», или «содержит ли оно признаки экстремизма». Этот вопрос ставит суд перед собой, а не перед экспертом. Задача эксперта, по нашему мнению, состоит в расшифровке символики, сложного, специального текстового материала.

В качестве итога хотелось бы поразмышлять о политическом и социальном в экстремизме. Действительно, в теоретическом плане определение «экстремизма» зависит от того, что в данном государстве, обществе считается нормой, а что – отклонением и девиацией.

Экстремизм, так или иначе, может ассоциироваться у одних как «борьба за свободу», у других как «экстремизм» и «терроризм». А растяжимость деяний устанавливается на законодательном уровне. Распространением экстремистского материала может стать репост в социальной сети. Возможно, это и правильно, но почему ранее подобное не признавалось экстремизмом, а в 2012 году вдруг стало, пока не вызвало реакцию общества на совсем одиозные случаи в отношении и материала, и способа его распространения, что повлекло, наконец, изменения судебной практики при непосредственном участии Верховного Суда РФ. За 2015 год количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности составило 1521, что приблизительно в 2,5 раза выше, чем в 2010. В Алтайском крае в 2017 году было зарегистрировано 45 преступлений, в 2018 всего 18 преступлений, а в 2019 – одно преступление за весь год и то не было раскрыто [16].

Реально позитивным является снижение числа регистрируемых фактов экстремизма после поправок от 2018 года к Постановлению Пленума, что в свою очередь вызвано реакцией общества и пояснительным решением ЕСПЧ.

Необходимо затрачивать больше ресурсов на просвещение граждан в части объяснения, что есть экстремизм. Экстремизм ассоциируется в общественном сознании в первую очередь с причастностью к террористической деятельности, проповедованием нетерпимости в отношении представителей других национальностей или рас, поддержкой идей фашизма и насильственных методов борьбы [17].

Literature:

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Website «ConsultantPlus».
2. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms» (Concluded in Rome on 04.11.1950) (as amended on 13.05.2004)

(Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Сайт «Консультант Плюс».

3. Декларация о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации (принята Комитетом Министров Совета Европы 12 февраля 2004 г. на 872-м заседании Комитета Министров на уровне постоянных представителей) // Сайт «Консультант Плюс».

4. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О противодействии экстремистской деятельности» // Сайт «Консультант Плюс».

5. Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Сайт «КонсультантПлюс».

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Сайт «КонсультантПлюс».

7. *Галяшина Е.И.* Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / Е.И. Галяшина Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М. : Юридический мир, 2006. С. 9–10.

8. *Галяшина Е.И.* Экспертиза экстремистских материалов: проблемы методического и информационного обеспечения // Журнал «Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) 07.2018. С. 26–41.

9. *Сергеев С.А.* Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках. URL : <http://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya.Ekstremizm.radikalizm.sokr.bibliograf.pdf>

10. *Чудинов С.И.* Экстремизм и научный образ экстремизма: столкновение мировоззренческих парадигм // Журнал «Теория и практика общественного развития» 2014. № 18. С.159–161.

11. *Backes U.* Meaning and Forms of Political Extremism in Past and Present // Central European Political Studies Review. 2007. Autumn. Vol. IX. Part 4. P. 242–262.

(together with «Protocol № 1. (Signed in Paris on 20.03.1952), «Protocol № 4 on securing certain rights and freedoms in addition to those already included in the Convention and the first Protocol to it» (Signed in Strasbourg on September 16, 1963), Protocol № 7 (Signed in Strasbourg on November 22. 1984)) // Website «ConsultantPlus».

3. Declaration on freedom of political discussion in the media (adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on February 12, 2004 at the 872nd meeting of the Committee of Ministers at the level of permanent representatives) // Website «ConsultantPlus».

4. Federal Law of 25.07.2002 № 114-FZ (as amended on 31.07.2020) «On Countering Extremist Activity» // Website «ConsultantPlus».

5. Decree of the President of the Russian Federation of 05/29/2020 № 344 «On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025» // Website «ConsultantPlus».

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 06/28/2011 № 11 (as amended on 09/20/2018) «On judicial practice in criminal cases on crimes of an extremist orientation» // Website «ConsultantPlus».

7. *Galyashina E.I.* Linguistics vs Extremism: Helping Judges, Investigators, Experts» / E.I. Galyashina; Ed. prof. M.V. Gorbanevsky. M. : Yuridicheskiy mir, 2006. P. 9–10.

8. *Galyashina E.I.* Examination of extremist materials: problems of methodological and information support // Journal «Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy) 07.2018. P. 26–41.

9. *Sergeev S.A.* Studies of extremism and radicalism in foreign and domestic social sciences. URL : <http://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya.Ekstremizm.radikalizm.sokr.bibliograf.pdf>

10. *Chudinov S.I.* Extremism and the scientific image of extremism: the clash of worldview paradigms // Journal Theory and practice of social development. 2014. № 18. P. 159–161.

11. *Backes U.* Meaning and Forms of Political Extremism in Past and Present // Central European Political Studies Review. 2007. Autumn. Vol. IX. Part 4. P. 242–262.

Усманова Елена Фанильевна

кандидат юридических наук,
доцент,
Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарева
usmanowa_ef@rambler.ru

Логанова Елена Владимировна

магистрант юридического факультета,
Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарева
usmanowa_ef@rambler.ru

КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В ПРОЦЕДУРЕ МЕДИАЦИИ

Аннотация. В статье раскрываются сущность и содержание стратегии и тактики речевой коммуникации в процессе медиации. Подчеркивается важность речевых коммуникативных навыков не только для медиатора, но и для любого юриста. Необходимость развития коммуникативных навыков при работе в юридической сфере подтверждается спецификой общения и необходимостью выступать примиряющей стороной в правовых спорах. Эффективное разрешение юридического конфликта будет зависеть от правильно выбранной коммуникативно-речевой стратегии и тактики.

Ключевые слова: речевая коммуникация юриста, коммуникативные навыки, юридический конфликт, коммуникативно-речевая стратегия, коммуникативно-речевая тактика, медиатор, медиация, коммуникативная компетентность.

Конфликты возникают буквально во всех сферах общественной деятельности и, являясь весьма многогранным и неоднозначным процессом (явлением), сосредотачивают на себе внимание учёных из различных областей науки и культуры [1]. Анализ стратегий и тактик, направленных на предотвращение развития конфликтной ситуации в современных условиях развития общества, либо на разрешение и благоприятный исход уже сложившейся конфликтной ситуации, остается важным звеном в развитии нашего общества. Поэтому возникает необходимость основательного исследования и изучения причин возникновения юридических конфликтов, а также, способов их разрешения. Одним из способов альтернативного разрешения правовых споров и конфликтов является медиация¹.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00378.

Elena F. Usmanova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Mordovian State University
named after N.P. Ogarev
usmanowa_ef@rambler.ru

Elena V. Loganova

Master's student
of the Faculty of Law,
Mordovia State University
named after N.P. Ogareva
usmanowa_ef@rambler.ru

COMMUNICATIVE SPEECH STRATEGIES AND TACTICS IN THE MEDIATION PROCEDURE

Annotation. The article reveals the essence and content of the strategy and tactics of speech communication in the process of mediation. The importance of speech communication skills is emphasized not only for a mediator, but also for any lawyer. The need to develop communication skills when working in the legal field is confirmed by the specifics of communication and the need to act as a conciliator in legal disputes. The effective resolution of a legal conflict will depend on the correctly chosen communication-speech strategy and tactics.

Keywords: speech communication of a lawyer, communication skills, legal conflict, communicative speech strategy, communicative speech tactics, mediator, mediation, communicative competence.

Медиация, впрочем, как и заключение медиативного соглашения, как разновидность примирительных процедур – относительно новые явления в российском праве, появившиеся впервые в Федеральном законе от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Безусловно, медиация имеет достаточное количество преимуществ в сравнении с судебными разбирательствами. К ним можно отнести разнообразие организационных форм, модели, виды примирительной процедуры, участие в которой принимает медиатор.

Речевая коммуникация в процессе медиации заключается во взаимодействии социальных субъектов в форме опосредованного диалога, предполагающего согласование интересов и (или)

направленного на разрешение юридического спора или конфликта. Рассматривая медиацию, стоит отметить, что основной задачей медиатора при разрешении конфликта является поиск компромиссного решения, которое будет наиболее благоприятным для каждой из сторон.

Классическая психология рассматривает несколько вариантов, позволяющих наиболее ясно и точно понять, в чём же заключается сущность конфликтов [2, с. 77]:

– как явление, где природа конфликта определяется определённой совокупностью психологических факторов и процессов;

– как явление, появление и характеристики которого определяются в основном ситуацией;

– как явление, позволяющее понять, чего недостаточно для понимания личностных характеристик или объективного описания ситуации.

В данном случае необходимо понять когнитивный компонент - субъективную интерпретацию происходящего.

В качестве причин конфликтов в юридическом дискурсе указываются вербальное поведение коммуникаторов, вербальные и невербальные средства общения, а также, их установку на тип контакта (доминирование-подчинение).

О.В. Красовская выявила пять стратегий словесного поведения в правовом споре. Она считает, что основными стратегиями являются: стратегия соперничества, сотрудничества, стратегия обхода конфликтной ситуации и стратегия адаптации. Основой для данной классификации послужила известная концепция Томаса-Киллмана, О.В. Красовская же адаптировала её к ситуациям в различных юридических конфликтах [3, с. 65].

Немаловажной составляющей подготовки медиатора к работе является коммуникативная компетентность, которая, при помощи разнообразных знаковых систем, способствует многостороннему общению. Основная роль в таком общении, конечно же, отводится языковым средствам.

Эффективное разрешение юридического конфликта будет зависеть от правильно выбранной коммуникативно-речевой стратегии. Реализация определенной стратегии речевого поведения во многом зависит от правильно подобранных тактических приемов.

Разрешение юридических конфликтов при помощи стратегии соперничества исходит из того, что стороны конфликта оценивают свои личные интересы как господствующие, потому как любая из сторон конфликта заинтересована в том, что бы он разрешился положительно в ее сторону. В данном случае значение интересов соперника принижается и отходит на второй план.

«Стратегия соперничества» является одной из самых агрессивных стратегий, так как она направлена на достижение интересов только одной стороны, не обращая внимания на интересы другой

стороны конфликта. Для реализации этой стратегии используются следующие тактики:

– тактика дискредитации оппонента, которая заключается в формировании негативного образа оппонента для влияния на решение спора

– тактика дезориентации состоит в сообщении последнему ложной информации:

– тактика угрозы оппоненту состоит в обещании предпринять какие-либо нежелательные действия в адрес оппонента:

«Стратегия борьбы» отличается от соперничества стилем поведения, в силу того, что здесь конфликтующие стороны опираются на авторитет, власть и силу закона. Такую модель поведения используют для защиты своих интересов от посягательства на них другой конфликтующей стороной, занимая жесткую позицию по отношению к оппоненту, не давая ему использовать манипуляционную технику относительно видимости его авторитета и власти.

При использовании «стратегии уступки» одна из конфликтующих сторон стремится уйти от конфликта. Значение личных интересов противоположно, чем в предыдущем случае. Так, субъект конфликта высоко оценивает интересы соперника, нежели чем свои, тем самым жертвуя ими в пользу интересов соперника.

«Стратегия сотрудничества» также является активной и в отличие от предыдущих направлена не на противостояние оппоненту, а на совместный поиск конструктивного решения, которое будет приемлемым для обеих сторон. Применяя эту стратегию, оппоненты уже не пытаются критически реагировать на заявления друг друга, а позволяют свободно высказываться.

Само по себе, сотрудничество является одной из самых сложных стратегий потому что включает в себя все вышеперечисленные стратегии поведения в конфликтной ситуации.

«Стратегия компромисса» считается довольно пассивной в сравнении со стратегиями соперничества и сотрудничества. Она заключается в готовности пойти на возможные уступки в конфликте только при условии, что на них пойдёт и другая сторона.

«Стратегия приспособления» является достаточно пассивной и заключается в односторонней уступке. Как правило, к ней прибегают тогда, когда предмет конфликта менее ценен, чем личные отношения с другой стороной конфликта или что-то другое, чему в случае эскалации конфликта может быть нанесен ущерб. Данная стратегия включает лишь одну тактику – тактику капитуляции.

«Стратегия избегания» также является довольно пассивной, но существенно отличается от всех перечисленных выше, потому что придерживающийся ее попросту отрицает наличие конфликта и старается дистанцироваться от него.

Рассматривая особенности поведения в юридическом конфликте можно выделить следующие тактические приемы:

– обсуждение острых вопросов накопившихся у сторон, при этом, сторонам предлагается последовательное изложение проблем и собственных точек зрения на их решение; авторитарное предложение определенной схемы урегулирования спора, которое может быть предложено медиатором или посредником [4];

– учет и использование эмоциональных реакций человека, что позволяет, исходя из ситуации, определить дружелюбную тактику проведения для разрешения конфликта или тактику давления.

Несомненно, необходимо учесть интересы каждой стороны, сформулировать общий подход, согласно которому будет выстраиваться общение, определить возможные варианты развития событий, подготовить предложения, и их аргументацию.

Литература:

1. *Дзараева Н.А.* Коммуникативные стратегии и тактики конфликтного судебного-процессуального дискурса в России и англоязычных странах / Н.А. Дзараева, И.Ю. Щеколдин // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2016. № 12. С. 39–45.
2. *Арабаджиева О.В.* Юридический конфликт: природа и особенности / О.В. Арабаджиева, Н.Д. Гомонов // Вестник МГТУ. 2006. № 1.
3. *Красовская О.В.* О речевой коммуникации в судебной практике : учебное пособие. М. : Флинта, 2016. 128 с.
4. *Усманова Е.Ф.* Стратегия и тактика семейной медиации // Юридическая наука. 2019. № 11. С. 3–6.

Если же предмет конфликта имеет по своему характеру сложную структуру, то для его разрешения необходимо приложить усилия обеим сторонам конфликта. Необходимо решать возникший конфликт только сообща, а также прикладывать все усилия сторон. В таком случае стороны должны вместе решать возникшие проблемы, а также поддерживать нейтральные или дружеские отношения; в противном случае все приложенные усилия могут обернуться для сторон негативными последствиями.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что эффективное разрешение правового спора и конфликта возможно при выборе сторонами и медиатором правильной стратегии и тактики. Развитые коммуникативные навыки, использование всевозможных речевых тактик и стратегий способствуют достижению требуемого решения в юридическом конфликте.

Literature:

1. *Dzaraeva N.A.* Communicative strategies and tactics of conflicting judicial procedural discourse in Russia and English-speaking countries / N.A. Dzaraeva, I.Yu. Shchekoldin // Problems of Romano-Germanic philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages. 2016. № 12. P. 39–45.
2. *Arabadzhieva O.V Gomonov N.D* Legal conflict: nature and features // Vestnik MGTU. 2006. № 1.
3. *Krasovskaya O.* On speech communication in judicial practice: a tutorial. M. : Flinta, 2016. 128 p.
4. *Usmanova E.F.* Strategy and tactics of family mediation // Legal Science. 2019. № 11. P. 3–6.

Ходжалиев Салех Айсаевич
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Чеченский государственный университет
hodzhaliev_saleh@mail.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИИ

Аннотация. Предпосылки развития наказания в виде ограничения свободы берут свое начало в источниках права прошлых столетий. Несмотря на то, что отсутствовала та форма, в которой этот вид наказания применяется в настоящее время, отдельные признаки, характерные для данной меры, были присущи определенным видам наказания. В статье рассматриваются предпосылки развития ограничения свободы как вида уголовного наказания. Изучается ретроспектива эволюции наказания в виде ограничения свободы в России, а также рассматриваются некоторые этапы становления данного вида наказания.

Ключевые слова: наказание, ограничение свободы, виды наказаний, уголовное законодательство, уголовное право.

Предпосылки развития наказания в виде ограничения свободы берут свое начало в источниках права прошлых столетий. Несмотря на то, что отсутствовала та форма, в которой этот вид наказания применяется в настоящее время, отдельные признаки, характерные для данной меры, были присущи определенным видам наказания.

Так, в Пространной редакции Русской Правды для купца было предусмотрено наказание в виде продажи (как его самого, так и принадлежащего ему имущества) (ст. 54). Эта мера назначалась за растрату чужих денег, повреждение или потерю чужого имущества. Участь виновного, если он «пропьяется или проиграется, в (своем) безумии нанеся ущерб чужому товару», решалась потерпевшим. Данный вид наказания существенно ограничивал не только свободу, но также иные права и интересы правонарушителя. Аналогичная мера (в виде продажи на торгах) была предусмотрена для лица, который не выплатил долг «многим», а затем не заплатил причитающееся вознаграждение «чужеземному купцу», отдавшему ему свой товар (ст. 55). [1]

Следовательно, проданный человек по своему положению приравнивался к холопам, поскольку

Saleh A. Khojaliyev
Associate Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Chechen State University
hodzhaliev_saleh@mail.ru

PRECONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF PUNISHMENT IN THE FORM OF RESTRICTION OF FREEDOM IN RUSSIA

Annotation. The preconditions for the development of punishment in the form of restriction of freedom originate in the sources of law of the past centuries. Although there was no form in which this type of punishment was currently applied, some of the characteristics of the measure were specific to certain types of punishment. The article examines the prerequisites for the development of restriction of freedom as a type of criminal punishment. The retrospective of the evolution of punishment in the form of restriction of freedom in Russia is studied, and also some stages of the formation of this type of punishment are considered.

Keywords: punishment, restriction of freedom, types of punishments, criminal legislation, criminal law.

«покупка» была одним из оснований попадания в холопство. Холоп был лишен права свободного передвижения, все его действия контролировались «хозяином». Полагаем, что холопство представляет собой высшую степень ограничения свободы.

В источнике, именуемом «Суд Ярослава Владимировича. Русский закон», указывается, что если лицо совершило «беспричинное» умышленное убийство (ст. 7), должна была последовать выдача «его самого (вместе) с женою и детьми на поток и для конфискации всего имущества». Кроме того, в Русской правде наказание в виде потока было предусмотрено за похищение коней (ст. 35) и поджог дома и гумна (ст. 83) [2].

Среди исследователей нет единства в трактовке наказания «поток». Так, В.К. Цечоев указывал на то, что данная мера, заимствованная из византийского законодательства, должна рассматриваться как ссылка. Л.П. Рассказов трактовал «поток» как передачу в рабство (холопство). А.Г. Галкин обращает внимание на то, что рассматриваемое наказание назначалось не только виновному лицу, но также его жене и детям. Он полагает, что это обусловлено необходимостью сохранения семьи. В.В. Ковалев делает справедливый вывод,

что «поток» представлял собой именно ссылку [2]. В соответствии с традиционными представлениями о нерасторжимости брачного союза, жена и дети виновного должны были последовать за ним.

Полагаем, что следует согласиться с Н.В. Помощниковой, которая также указывает на то, что истоки наказания в виде ограничения свободы следуют искать в памятниках уголовного права (в частности, в Русской правде). По ее мнению, прообразом наказания в виде ограничения свободы является ссылка [5, с. 109].

Полагаем, что в Древней Руси существовали виды наказаний, которые не были связаны с изоляцией от общества, но ограничивали свободу, а именно: свободу передвижения и выбор места жительства. Это – «поток» и продажа в рабство (холопство). И.С. Шкатула полагает, что последнее является разновидностью лишения свободы. Мы не разделяем данную точку зрения, поскольку в рассматриваемый исторический период существовали меры, связанные с изоляцией от общества. Например, наказание в виде заточения в «проруб» (подвал) высокопоставленных лиц, которое отменялось в связи с наступлением определенных событий. В работе И.С. Шкатулы рассматривается следующий прецедент: «В 1067 г. великий князь Изяслав посадил в «проруби» князя Всеслава с двумя сыновьями. В дальнейшем после смерти Ярослава Мудрого его сыновья выпустили из «проруба» дядю Судислава и насильно постригли в монахи» [6, с. 109].

Полагаем, что постриг в монахи не стоит рассматривать как меру, связанную с ограничением свободы, поскольку он, преимущественно, применялся не к преступникам, а к знатым людям. Следовательно, насильственный постриг в монахи (или монахини) нельзя рассматривать как меру наказания за противоправные деяния. Напротив, он являлся способом избавиться от претендентов на престол или вступления в новый брак, отправив супруга (супругу) в монастырь.

Наказание в виде ссылки получило свое дальнейшее развитие и распространение. В русском праве XVI в. (в губных грамотах) упоминается «выбытие из земли вон». Оно означало выдворение из волости, посада или села; такое наказание определялось за ябедничество и за вторую «татьбу». Кроме того, в Указе 1582 г. за ряд преступлений была предусмотрена «торговая казнь» с переводом в казаки в окраинные города. К ним относились, например, Севск и Курск. Направление в Сибирь в Уложении царя Алексея Михайловича упоминалось однократно. Ссылке чаще всего подвергались бояре, попавшие в немилость, и лица, совершившие не самые опасные политические преступления [4, с. 23].

Наказание в виде ссылки также получило свое распространение в 20–50-е гг. XVII в. Целью применения данной меры стало стремление избавить законопослушное население от части преступников «чтобы лихих людей вывести». Как отмечал К.Б. Марисюк, освобождение общества от лиц с криминальной направленностью включало

в себя истребление, обессиливание, лишение фактической возможности вновь совершать противоправные деяния, удаление из отчества. В XVII столетии существовали такие виды ссылки, как ссылка в службу и ссылка на пашню. Первая назначалась разжалованным и посланным в другую местность на государственную службу. Ссылка на пашню подразумевала выселение в Сибирь, при этом ссыльные наделялись землей и ссудой. Преступнику запрещалось менять место жительства и покидать территории, на которых ему предписывалось проживать и трудиться [3, с. 356].

В Соборном уложении 1649 г. также предусматривалось назначение данного вида наказания. Например, лицам, совершившим неоднократное незаконное изготовление и продажу вина, назначалось наказание в виде ссылки в дальние города и конфискация имущества. С середины XVII в. наблюдается тенденция смягчения наказания. В государстве зарождаются гуманистические идеи. Растет число преступлений, которые наказываются не смертной казнью, а ссылкой. Одним из видов ссылки продолжает оставаться «опала». Она означала удаление виновного, на которого разгневался царь, «от двора, с глаз Государя».

Помимо этого, ссылка была предусмотрена для виновных в хищении. В случае совершения первой татьбы виновный подвергался наказанию кнутом и лишению левого уха, двухгодичной тюрьме и ссылке на Украину. «Во второй раз он наказывался кнутом, лишался правого уха, сажался в тюрьму на четыре года и потом ссылался на Украину; третья татьба всегда наказывалась смертью».

С 1822 г. лица, отправленные в ссылку, как правило, должны были также трудиться. То есть, данное наказание было неразрывно связано с принудительным привлечением к труду. Ссылнопоселенцев делили на классы:

- 1) работающие на заводах;
- 2) дорожные работники;
- 3) ремесленники;
- 4) лица, находящиеся в услужении у местных жителей;
- 5) сельские рабочие.

Шестой вид представляли люди, «неспособные ни к какой работе». Они приписывались к волостям на вольное пропитание или помещались в больницы и приюты [8].

Наказание в виде ссылки в Сибирь назначалось, например, за лживую присягу, и было сопряжено с лишением всех прав состояния и наказанием плетьюми. Если же виновный лжесвидетельствовал по уголовному делу, то его наказывали ссылкой, совмещенной с каторжными работами сроком на 10 лет и телесными наказаниями.

В конце XIX в. законодательством предусматривались две формы ссылки: судебная и

административная. Судебная ссылка назначалась по решению судебных органов и предусматривала каторжные бессрочные работы (или на определенный срок), после чего, обычно, следовала ссылка на поселение. Административная ссылка срока не указывала, лишь с 1880-х гг. было установлено – до 10 лет. Ссылать могли в Архангельскую, Вологодскую, Астраханскую губернию, в Сибирь, на Сахалин [7].

Таким образом, зарождение наказания в виде ограничения свободы началось в дореволюционный период. Крайней его формой является

Литература:

1. *Хачатуров Р.Л.* Источники права. URL : <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=838> (дата обращения 12.10.2018).

2. *Цечоев В.К.* История государства и права России с древности до 1861 года / В.К. Цечоев, Л.П. Рассказов, А.Г. Галкин, В.В. Ковалев. URL : <https://www.google.ru/search?newwindow> (дата обращения 12.10.2018).

3. *Марисюк К.Б.* Поток и разграбление как вид уголовного наказания в Русской Правде // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 12. С. 356.

4. *Брушковская Е.Г.* Становление наказания в виде конфискации имущества по уголовному законодательству Древнерусского государства: историко-правовой аспект // Актуальные проблемы права: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2011 г.). М. : Ваш полиграфический партнер, 2011. С. 23–27. URL : <https://moluch.ru/conf/law/archive/40/1244/> (дата обращения 13.10.2018).

5. *Помощникова Н.В.* Исторический аспект института уголовного наказания в виде лишения свободы: российский и зарубежный опыт // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 3(21). С. 109.

6. *Шкатула И.С.* Правовая характеристика системы нештрафных уголовных санкций в эпоху формирования и развития государства Древней Руси (IX–XIV) // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей победителей III Международной научно-практической конференции. Пенза, 2017. С. 109–111.

7. *Сеньчукова Е.* Thequestion. URL : <https://thequestion.ru/questions/2045/v-chem-byt-smysl-nasilstvennogo-postriga-pochemu-nasilstvenno-postirizhenye-ne-mogli-sbezhat-ili-vyiti-iz-postriga> (дата обращения 10.09.2018).

8. *Федотова И.Н.* К истории монастырских тюрем в России: суздальская Спасо-Ефимиева обитель как место лишения свободы (конец XVIII – начало XX века) // Интеллигенция и мир. 2018. № 2. С. 75–86.

продажа в холопство, которое (помимо прочих ущемлений прав) подразумевало ограничение прав на свободное перемещение и выбор места жительства и работы без изоляции от общества в специализированном помещении. Помимо этого, применялось наказание в виде ссылки. Его суть сводилась к установлению обязанности для осужденного проживать и трудиться на определенной территории и не покидать ее. В этом случае, преступник не изолировался от общества, но был лишен права выбора места жительства.

Literature:

1. *Khachaturov R.L.* Sources of law. URL : <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=838> (date of application 12.10.2018).

2. *Tsechoev V.K.* History of state and law of Russia from antiquity to 1861 / V.K. Tsechoev, L.P. Rasskazov, A.G. Galkin, V.V. Kovalev. URL: <https://www.google.ru/search?newwindow> (date of application 12.10.2018).

3. *Marisyuk K.B.* Stream and plunder as a type of criminal punishment in Russian Pravda // Actual problems of modern science. 2010. № 12. P. 356.

4. *Brushkovskaya E.G.* Formation of punishment in the form of confiscation of property under the criminal law of the Old Russian state: the historical and legal aspect // Actual problems of law: materials of the Intern. scientific. conf. (Moscow, November 2011). M. : Your polygraphic partner, 2011. P. 23–27. URL : <https://moluch.ru/conf/law/archive/40/1244/> (date of application 13.10.2018).

5. *Pomoshnikova N.V.* Historical aspect of the institution of criminal punishment in the form of imprisonment: Russian and foreign experience // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 3(21). P. 109.

6. *Shkatula I.S.* Legal characteristics of the system of non-penalty criminal sanctions in the era of formation and development of the state of Ancient Russia (IX–XIV) // Modern scientific research: topical issues, achievements and innovations: a collection of articles by the winners of the III International scientific-practical conference. Penza, 2017. P. 109–111.

7. *Senchukova E.* Thequestion. URL : <https://thequestion.ru/questions/2045/v-chem-byt-smysl-nasilstvennogo-postriga-pochemu-nasilstvenno-postirizhenye-ne-mogli-sbezhat-ili-vyiti-iz-postriga> (date of application 10.09.2018).

8. *Fedotova I.N.* On the history of monastic prisons in Russia: the Suzdal Spaso-Efimiev monastery as a place of imprisonment (late 18th – early 20th century) // Intelligentsia and the world. 2018. № 2. P. 75–86.

Шамне Атон Николаевич
магистрант,
Волгоградский
государственный университет
antonsg@gmail.com

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА МИГРАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются существующие в европейской научной традиции теоретические и прикладные аспекты разработки таких значимых аспектов феномена миграции, как разграничение близких понятий «миграция»/«иммиграция», «беженец»/«мигрант»; типология видов миграции; характеристика преобладающих причин миграции, в частности факторов «выталкивания» и «притяжения». Выделены основные проблемы в области современной миграции. Обоснована целесообразность международного обмена опытом в данной сфере.

Ключевые слова: миграция, иммиграция, причины миграции, виды миграции, беженец, мигрант.

В ряде развитых зарубежных стран в сфере изучения феномена миграции накопился богатый опыт, что вполне объяснимо, поскольку именно эти страны являются привлекательными для различных категорий мигрантов. Теоретические и прикладные аспекты осмысления феномена миграции особенно активно разрабатываются в европейской и американской научных традициях, начиная с 70-х годов прошлого века. Прежде всего, в центре интересов ученых, политиков, правоведов была проблема трудовой миграции, однако в конце 1980-х годов произошел сдвиг в сторону всеобъемлющего, комплексного взгляда на причины и последствия миграции.

Особенно подробно данные аспекты миграции рассматривались в работах немецких ученых, что было обусловлено растущими в стране социально-политическими противоречиями, когда стало очевидно, что многие «гастарбайтеры» стали иммигрантами, и поток беженцев увеличивается. Появляется ряд работ в рамках исследования проблемы взаимодействия между местными жителями и иммигрантами, а также проблемы идентичности мигрантов в Германии [1]. В последние годы два исследовательских института внесли основной вклад в институционализацию миграционных исследований в Германии. Впервые, «Европейский форум по изучению миграции» в Университете Бамберга под руководством

Anton N. Shamne
Undergraduate,
Volgograd State University
antonsg@gmail.com

POLITICAL AND LEGAL ASPECTS OF UNDERSTANDING THE MIGRATION PHENOMENON IN THE EUROPEAN SCIENTIFIC TRADITION

Annotation. The article examines the existing theoretical and applied aspects of the development of such significant aspects of the migration phenomenon as the differentiation of the closely related notions of «migration»/«immigration», «refugee»/«migrant»; typology of migration types; characteristics of the prevailing causes of migration, in particular, of «push» and «pull» factors. The main problems in the field of modern migration are highlighted. The reasonability of international experience exchange in this area is proved.

Keywords: migration, immigration, migration causes, migration types, refugee, migrant.

Фридриха Гекмана и, во-вторых, «Институт исследований в области миграции и межкультурных исследований» в Университете Оснабрюка под руководством Клауса Й. Баде. Именно в рамках данных исследований миграция изучается с различных позиций: правовой, социокультурной, этико-философской.

В общественных науках термин *миграция* обычно понимается как перемещение людей и групп людей в пространстве, которые требуют постоянной смены места жительства [2, с. 7]. Что касается современных правовых и политических подходов, то здесь международная миграция трактуется как «физическое перемещение из одного места в другое, а также, социальный процесс, связанный с переходом человека из-под юрисдикции одного государства под юрисдикцию другого» [3, с. 32].

В зарубежной научной правовой, философской, социологической литературе миграция как неоднородное явление классифицируется, исходя из особенностей различных миграционных потоков и типов миграции. В частности, типология миграции может быть представлена в зависимости от следующих критериев:

- 1) пространство: внутренняя / внешняя миграция;
- 2) время: временная / постоянная миграция;

- 3) причины: добровольная / вынужденная миграция;
- 4) правовой статус: легальная / нелегальная миграция;
- 5) квалификация: высококвалифицированная / квалифицированная / неквалифицированная рабочая сила;
- 6) объем: индивидуальная / групповая / массовая миграция [3].

Следует обратить особое внимание на то, что в европейской научной традиции дифференцируются понятия «мигрант» и «беженец» хотя беженцы также, по сути, являются мигрантами. Однако данная дифференциация обусловлена, прежде всего, международно-правовыми нормами и институциональными обязанностями, которые структурированы по отношению к мигрантам и беженцам соответствующим образом. Основное различие заключается в том, что мигранты мигрируют, потому что они сами приняли это решение, тогда как беженцы мигрируют, потому что они вынуждены это делать [4, с. 14].

В международном праве беженцы – это люди, которые вынуждены покинуть свою страну. Беженцы мигрируют, как правило, из-за страха преследования за их расу, религию, национальность, политические убеждения или принадлежность к какой-либо социальной группе. Правовой основой международной системы защиты беженцев является Женевская конвенция 1951 года о беженцах с ее дополнительными протоколами 1967 года. Основное положение данного документа заключается в том, что любой, кто испытывает страх преследования, может найти убежище в одном из государств, подписавших данный документ. С ростом числа стран, ратифицировавших эту конвенцию, утвердился современный международный режим для беженцев. Вопреки распространенному мнению, конвенция не обязывает подписавшие государства предоставлять убежище: договоры защищают беженца только от произвольной высылки в районы, где ему грозит опасность. Отдельные подписавшие документ государства самостоятельно определяют, какие процедуры применяются к беженцам с целью сохранения правового статуса признанного беженца либо принятия в качестве беженца по квоте. Правовой статус признанного беженца гарантирует равные права с местным населением.

Подписавшие конвенцию страны самостоятельно принимают решение о форме и продолжительности процедуры предоставления убежища, условиях жизни лица, ищущего убежища, а также решают вопросы так называемой «терпимости» и высылки в случае отклонения заявления о предоставлении убежища.

Если беженцы попадают под защиту международных конвенций, то мигранты подчиняются суверенным решениям национальных государств [4, с. 17]. Мигранты различаются в основном по статусу проживания. Мигранты, которым разрешено постоянное проживание принимающим

государством с самого начала, являются иммигрантами. Пока что только традиционные иммиграционные страны, такие, как США, Канада или Австралия, предлагают такие возможности. Но и в этих странах в первую очередь принимаются члены семей уже въехавших иммигрантов, как и в тех странах, которые не позиционируют себя странами иммиграции, но фактически разрешали иммиграцию в более ранние периоды и в настоящее время разрешают ее посредством воссоединения семьи.

Временных иммигрантов следует отличать от постоянного типа иммиграции. Например, контрактным работникам разрешено иммигрировать в зависимости от трудовых отношений. Разрешая временную иммиграцию, государство, прежде всего, стремится устранить пробелы на внутреннем рынке труда, как это было в случае с набором гастарбайтеров в Германии (сезонные рабочие в сельском хозяйстве).

Другая группа мигрантов, которая становится все более и более значимой на европейском рынке, – это высококвалифицированные специалисты, которым приходится преодолевать гораздо более низкие иммиграционные барьеры, поскольку их присутствие рассматривается большинством государств как выгодное.

В исследованиях по миграции при характеристике причин миграции проводится различие между факторами выталкивания и притяжения, но они часто настолько тесно взаимосвязаны, что концептуальная дифференциация становится затруднительной [5, с. 32]. Объективные факторы, такие, как война, диктатура, могут смешиваться с субъективными представлениями, такими, как страх преследований или негативно воспринимаемые жизненные перспективы. Факторы выталкивания обозначают условия в стране исхода, которые могут восприниматься как угрожающие или невыносимые, и не являются результатом собственных мотивов или решений, а являются результатом давления на мигрантов. Факторы притяжения возникают в целевых регионах, например, тех, которые предлагают работу, хороший уровень достатка, безопасность, что является привлекательным для граждан других стран. Индивидуальное решение о миграции обычно является результатом процесса принятия решения, в котором объединяются различные миграционные мотивы, на которые, в свою очередь, влияет большое количество взаимодействующих факторов выталкивания и притяжения.

Фактором притяжения, который выходит за рамки типологии, но применяется ко всем миграционным перемещениям, является наличие сети социальных связей [6, с. 39]. Решение о миграции легче принять, если есть информация о самом пути миграции: как это осуществить, что представляет собой ситуация в принимающей стране, если ли личные связи, контактные лица в соответствующих службах, которые могут помочь и др.

В ходе глобализации выталкивающие силы продолжают оставаться сильными, однако, развитие коммуникации и облегчение процесса переме-

щения укрепляют социальные связи мигрантов, что способствует более быстрому получению информации потенциальными мигрантами. Эти сети соединяют пространства друг с другом и, таким образом, создают особые миграционные системы, в которых различные течения – информации, товаров, услуг и идей создают сложные структуры миграционных потоков и встречных потоков, которым свойственна собственная динамика.

Миграционные маршруты устанавливаются между регионом происхождения и местом назначения, они проходят через определенные «въездные ворота» и включают ряд этапов, основываясь на конкретных правовых нормах и концепциях миграции в рамках государственной миграционной политики, таких, как законы о въезде и предоставлении убежища, положения о воссоединении семьи и найме на работу или о содействии возвращению. Все перечисленное относится к факторам, регулирующим миграцию. Поэтому большая часть миграций – это не неожиданные массовые перемещения, а миграции, основанные на известных, относительно предсказуемых и устойчивых закономерностях.

Литература:

1. *Wollenschläger M.* Rechtlicher Rahmen und Voraussetzungen einer Zuwanderungsgesetzgebung // Einwanderungsland Bundesrepublik Deutschland in der Europäischen Union. Osnabrück : Universitätsverlag Rasch, 1997. P. 197–223.
2. *Han P.* Soziologie der Migration. Erklärungsmodelle – Fakten – Politische Konsequenzen – Perspektiven. Stuttgart : Lucius & Lucius, 2000.
3. *Waldrauch H.* Theorien zu Migration und Migrationspolitik // Journal für Sozialforschung. Jg. 35. Heft 1, 1995. P. 27–49.
4. *Angenendt S.* Deutsche Migrationspolitik im neuen Europa. Opladen : Leske + Budrich, 1997.
5. *Nuscheler F.* Internationale Migration. Flucht und Asyl. Opladen : Leske + Budrich, 1995.
6. *Hollifield James F.* Offene Weltwirtschaft und nationales Bürgerrecht: Das liberale Paradox // Migration im Spannungsfeld von Globalisierung und Nationalstaat. Wiesbaden : Westdeutscher Verlag, 2003. P. 35–58.

Таким образом, на сегодняшний момент, очевидно, что миграция стала всеобщим явлением и приобрела мировые масштабы. В процессе глобализации миграция представляет собой особую проблему, поскольку, в отличие от торговли, международных финансовых потоков, она может изменить и разделить население и, таким образом, создать угрозу для внутренней безопасности и привести к напряженности внутри стран и между ними. В этом смысле как нельзя лучше данную проблему выражает парадокс либеральной глобальной экономики и национального государства, сформулированный Джеймсом Ф. Холлифилдом: «Экономическая логика либерализма требует открытости, политическая и юридическая логика скорее требуют изоляции» [6, с. 37].

В этой связи, необходимо особые усилия направить на разработку актуальной и эффективной миграционной политики с опорой на имеющиеся достижения в области теории, при этом следует особо обратить внимание на упорядочение миграционного законодательства, используя опыт стран с длительной миграционной историей.

Literature:

1. *Wollenschläger M.* Rechtlicher Rahmen und Voraussetzungen einer Zuwanderungsgesetzgebung // Einwanderungsland Bundesrepublik Deutschland in der Europäischen Union. Osnabrück : Universitätsverlag Rasch, 1997. P. 197–223.
2. *Han P.* Soziologie der Migration. Erklärungsmodelle – Fakten – Politische Konsequenzen – Perspektiven. Stuttgart : Lucius & Lucius, 2000.
3. *Waldrauch H.* Theorien zu Migration und Migrationspolitik // Journal für Sozialforschung. Jg. 35. Heft 1, 1995. P. 27–49.
4. *Angenendt S.* Deutsche Migrationspolitik im neuen Europa. Opladen : Leske + Budrich, 1997.
5. *Nuscheler F.* Internationale Migration. Flucht und Asyl. Opladen : Leske + Budrich, 1995.
6. *Hollifield James F.* Offene Weltwirtschaft und nationales Bürgerrecht: Das liberale Paradox // Migration im Spannungsfeld von Globalisierung und Nationalstaat. Wiesbaden : Westdeutscher Verlag, 2003. P. 35–58.

Шаназарова Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
Milena.555@mail.ru

Савельева Ольга Евгеньевна

доцент кафедры финансового права
и таможенной деятельности,
Владимирский государственный
университет имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
Milena.555@mail.ru

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ
УГОЛОВНОГО ПРАВА
И ИХ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ**

Аннотация. В статье авторами отмечается, что проблема взаимосвязи конституционных и уголовно-правовых принципов носит не только теоретический, но и практический характер, так как при схожести формулировки некоторых принципов правоприменитель попадает в непростую ситуацию, которая связана с иерархичностью отечественного права. Взаимосвязь принципов конституционных и уголовно – правовых является очень важной, при этом связь данных принципов отличается от взаимосвязи уголовного права с другими отраслями права.

Ключевые слова: уголовно-правовые принципы, конституционные принципы, права и свободы человека и гражданина, иерархия отечественного права, правовая коллизия.

Российское право представляет из себя строгую иерархию, верхушку которой занимает конституционное права и Конституция РФ. Конституция РФ является основополагающим документом, на основе которого основываются другие отрасли права, закрепляют свои принципы. Таким образом, уголовное право дублирует основные принципы, указанные в Конституции РФ, но приспособливает их под свой круг опросов, дополняя при этом данный перечень принципов новыми, не противоречащими Конституции РФ.

Если сравнивать количество конституционных и уголовно-правовых принципов, а также, обозначить их характер, то основные конституционные принципы включают в себя:

Elena V. Shanazarova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines
Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Enforcement of Penalties in Russia
Milena.555@mail.ru

Olga E. Savelyeva

Associate Professor of Financial Law
and Customs Activities,
Vladimir State University
named after Alexander Grigoryevich
and Nikolai Grigoryevich Stoletov
Milena.555@mail.ru

**COMPARATIVE LEGAL STUDY
OF THE PRINCIPLES OF CRIMINAL LAW
AND THEIR CONSTITUTIONAL
FOUNDATIONS**

Annotation. The problem of the relationship between the constitutional and criminal law principles is not only theoretical, but also practical, because when the wording of some principles is similar, the law enforcer finds himself in a difficult situation, which is associated with the hierarchy of domestic law. The relationship between the principles of constitutional and criminal law is very important, and the relationship of these principles differs from the relationship of criminal law with other branches of law.

Keywords: criminal law principles, constitutional principles, human and civil rights and freedoms, hierarchy of domestic law, legal conflict.

- приоритет прав и свобод человека и гражданина;
- народовластие (демократию), разделение властей и иные принципы правового государства: равенство перед законом и судом;
- свободу экономической деятельности;
- единство экономического пространства;
- неприкосновенность частной собственности и свободу договора;
- идеологическое и политическое многообразие; светский характер государства; равноправие субъектов РФ [1].

Уголовное право закрепляет следующие уголовно-правовые принципы:

- принцип законности;
- принцип равенства граждан перед законом;
- принцип вины;
- принцип справедливости; принцип гуманизма [2].

Уголовно-правовые принципы в большей мере направлены на деятельность, связанную с данной отраслью права, таким образом, уголовно-правовые принципы пересекаются с конституционными принципами только в рамках прав человека, а так же отношении к нему государства в области правоприменения и делопроизводства.

Одним из важных уголовно-правовых принципов является принцип законности. Данный принцип понимается и применяется буквально. В пример можно привести статью 3 УК РФ, в которой говорится об определении преступного деяния и наказании за него только с помощью норм уголовного права. Следовательно, данный принцип следует главному закону РФ – Конституции РФ, перенимая её принципы и действуя, не нарушая её нормы.

Другим важным уголовно-правовым принципом, который имеет аналогию в рамках конституционного права, является принцип равенства граждан перед законом. Данный принцип является прямым продолжением принципа законности. В рамках конституционного права он закрепляет равенство всех людей, не зависимо от их биологических, социальных, экономических, духовных убеждений и особенностей. Принцип равенства граждан перед законом в рамках уголовного права закрепляет положения, по данному принципу из конституционного права и переводит сущность этого принципа в рамки уголовного права, таким образом, расширяя сущность принципа равенства граждан перед законом. Положение этого принципа закрепляется в статье 4 УК РФ, которая почти полностью копирует статью 19 Конституции РФ. Помимо этого, статьей 136 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за нарушение прав и свобод человека и гражданина. Отличие уголовно-правового принципа равенства граждан перед законом от конституционного принципа равенства всех граждан перед законом заключается в том, что в уголовно – правовом принципе равенство оснований не означает равенство ответственности. Данное различие заключается в том, что уголовно-правовые принципы и конституционные принципы закрепляют равенство человека и гражданина в разных правовых сферах. Различие в ответственности зависит от обстоятельств при совершении уголовного правонарушения, таким образом, уголовно – правовой принцип затрагивает более широкий круг особенностей человека и гражданина.

Другие уголовно-правовые принципы не имеют прямого сходства с конституционными принципами, однако они непосредственно основаны на нормах конституции. Так, принцип виновности,

закрепляющий положение о том, что человек несет ответственность только за те противоправные деяния, в которых установлена его вина. Данный уголовно-правовой принцип напрямую связан с таким конституционным принципом, как принцип правового государства.

Принцип справедливости непосредственно связан с конституционным принципом правового государства.

Последним принципом уголовного права, является принцип гуманизма, который признает достоинство личности человека. Отражение данного принципа мы можем увидеть в статье 7 УК РФ. Данный уголовно-правовой принцип основывается на таких конституционных принципах, как приоритет прав и свобод человека и гражданина, а также, на принципе правового государства.

Стоит отметить тот факт, что конституционные принципы обширны, они закрепляют положения, которые касаются всех сфер государства; в свою очередь, уголовно-правовые принципы действуют в рамках уголовного права и основаны на Конституции РФ. Таким образом, уголовно-правовые принципы расширяют конституционные принципы, касающиеся прав и свобод человека, правового государства, равенства всех граждан перед законом, а также, дополняют их принципами, затрагивающими деятельность в области уголовного права.

Необходимо отметить, что в условиях современной правовой практики достаточно часто стал подниматься вопрос о возвращении такого уголовно-правового принципа, как принцип объективной истины.

Проблема установления объективной истины при делопроизводстве, как никогда актуальна. Принцип объективной истины означает соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих большую значимость при разработке дела.

Иерархия отечественного права, безусловно, является положительной, такое устройство позволяет эффективно применять нормы закона, а также, уменьшать количество правовых коллизий, однако определенный процент коллизий все равно остается. Так, в Постановлении КС от 21 мая 2013 г. № 10-П по делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Перлова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана было указано, что «определение оснований и условий применения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим в состоянии невменяемости деяния, запрещенные уголовным законом, находится в сфере уголовно-правового регулирования и уголовно-правовых отношений».

Из изложенной правовой позиции логически следует, что с положениями Уголовного кодекса

Российской Федерации, предусматривающими – с учетом целей и задач уголовного законодательства – основания и цели применения принудительных мер медицинского характера за совершение запрещенных уголовным законом деяний, виды таких мер, продление, изменение и прекращение их применения (статьи 21, 97–102 УК), должны быть согласованы и соответствующие положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

При этом КС РФ отмечает, что «неправильное применение положений Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации, неправильная квалификация судом фактически совершенного обвиняемым деяния, а потому неверное установление основания уголовной ответственности и назначения наказания (хотя и в пределах санкции примененной статьи) влекут вынесение неправомерного приговора, что недопустимо в правовом государстве, императивом которого является верховенство права, и снижает авторитет суда и доверие к нему как органу правосудия» [3].

Приведенные правовые установки КС РФ противоречат принципу состязательности сторон уголовного процесса, что ведет к нарушению конституционных принципов, связанных с судопроизводством. Проблемным вопросом является также и частный отказ судей в принятии доводов стороны обвинения, что также нарушает конститу-

Литература:

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с учетом поправок, внес. законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовное право России. Общая часть : учебник / Под ред. В.П. Ревина. М. : Юстицинформ. 2016. С. 25.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Российская газета. 2003. 23 декабря.

ционные принципы, а следовательно и принципы уголовно-правовые.

Таким образом, проблемы соотношения уголовно-правовых и конституционных принципов заключаются в том, что данные принципы охватывают разные сферы права. Зачастую, при делопроизводстве невозможно применить конституционный принцип в чистом виде, потому что он не охватывает все обстоятельства дела, на помощь приходят похожие по содержанию уголовно-правовые принципы, однако, принцип запрета аналогии закона ставит крест на разрешении дела, данные условия приводят к появлению правовой коллизии.

Можно сделать вывод о том, что уголовно-правовые и конституционные принципы взаимосвязаны. Конституционные принципы охватывают более широкий круг вопросов, которые касаются устройства государства, прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Уголовно-правовые принципы основаны на Конституции РФ, учитывают и расширяют конституционные принципы.

Уголовно-правовые и конституционные принципы имеют общие сходства в области прав и свобод человека. Между данными отраслями права в области принципов есть прямые аналогии, например, и там можно встретить принцип равенства граждан перед законом.

Literature:

1. Constitution of the Russian Federation: [adopted vsenar. by a vote of 12 Dec 1993: subject to amendments, introduced. laws grew up. Federation on amendments to the Constitution of Ros. Federation dated 30 Dec 2008 № 6-ФКЗ, dated 30 Dec 2008 № 7-ФКЗ, dated 5 February. 2014 № 2-ФКЗ, dated July 21, 2014 № 11-ФКЗ] // Sobr. legislation grew up. Federation. 2020. № 31. Art. 4398.
2. Criminal law of Russia. General part : textbook / Ed. V.P. Revina. M. : Justicinform. 2016. P. 25.
3. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 8, 2003 № 18-П «In the case of verifying the constitutionality of the provisions of articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408, as well as chapters 35 and 39 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with requests from courts of general jurisdiction and complaints of citizens» // Russian newspaper. 2003. December 23.

Швец Анна Анатольевна

кандидат юридических наук,
доцент,
заместитель начальника кафедры теории
и истории права и государства,
Краснодарский университет МВД России
karnl@mail.ru

Anna A. Shvets

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Deputy Head of the Department of Theory
and the History of Law and State,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
karnl@mail.ru

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ДРЕВНЕЯПОНСКОГО ПРАВА

HISTORICAL AND CULTURAL FEATURES OF SYSTEMATIZATION JAPANESE LAW

Аннотация. В данной статье исследуются специфические цивилизационные особенности развития раннесредневекового японского права. Делается вывод о значительном влиянии на источники и юридическую технику систематизации китайского правового опыта. Обобщаются оригинальные конструкции, составы и санкции в древнеяпонском праве. Проанализирована юридическая природа и особенность восприятия средневековым японским обществом первого всеобъемлющего кодекса «Тайхо рицурё».

Annotation. The specific civilizational features of the development of early medieval Japanese law are investigated. The conclusion is drawn about the significant impact on the sources and legal technology of the systematization of Chinese legal experience. Original designs, compositions and sanctions in ancient Japanese law are generalized. The legal nature and peculiarity of the perception of the first comprehensive code «Taiho Ritsuryo» by medieval Japanese society is analyzed.

Ключевые слова: традиционное право, обычай, кодификация, средневековое государство, источник права, преступление, наказание, смертная казнь.

Keywords: traditional law, custom, codification, medieval state, source of law, crime, punishment, death penalty.

Формирование правовой системы Японии происходило в условиях достаточно зрелого государства [8, с. 17], что обусловило необходимость юридического оформления социальных отношений, систематизации норм права.

всего вокруг, в том числе, права. Другой специфической чертой древнеяпонского права стал масштабный и многоотраслевой характер его кодификации, детальная законодательная регламентация всех сфер управления и жизни подданных [3].

В период VII–IX вв. в древнеяпонском (или ранне-средневековом) праве происходит эпоха кодификации по китайскому образцу [1]. Именно она окажет наиболее существенное влияние на дальнейшую историю развития традиционного японского права и его этической идентичности.

В раннесредневековый период начала складываться практика издания кодифицированных актов, что было свидетельством стойкой приверженности японцев религиозно-правовым нормам, освященным авторитетом синтоистских богов и заветами предков. Хотя долго время считалось, что характерной чертой традиционного общества Японии было неприятие строгих законодательных предписаний и жёстких прецедентных решений. Но мы постараемся показать в данном коротком исследовании, что нельзя идти на поводу у компаративистских стереотипов.

В данный период времени появляются такие значимые японские правовые документы, как «Конституция Сётоку» 604 г., «Манифест Тайка» 646 г., Кодексы «Тайхо рицурё» 702 г. и «Ёро рицурё» 718 г. [2]. Уже это обилие крупных сводов и кодификационных документов даёт нам право сделать предварительный вывод об особом качестве содержания данного этапа в правовой истории Японии. Историки-японисты верно называют это время «эпохой *рицурё* кокка» (букв. «законное государство», или государственное управление на основе законов).

В работах западноевропейских и американских ученых-юристов общим местом по истории японского права стало утверждение, что придворные правоведы и местные даймё копировали китайские образцы и воспроизводили положения конфуцианского политико-правового учения. Мы считаем важным здесь подчеркнуть, что из китайского права действительно шла рецепция, но главным образом самой юридической терминологии на китайских иероглифах. В японские

В качестве своеобразной черты правовой культуры японцев этого периода времени мы можем назвать их безудержное стремление после открытия письменности к фиксации и систематизации

юридические тексты уже вкладывалось специфически местное содержание. Это отчетливо видно из критического анализа содержания средневековых сводов законов «*Тайхо рицурё*» 702 г. и «*Ёро рицурё*» 718 г.

Остановимся подробнее на анализе юридической техники, истории составления и содержании отдельных положений знаменитого «кодекса» эпохи Тайро в VIII веке. В одноименно «*Тайхо рицурё*» были кодифицированы почти полностью все известные к этому времени обычаи и законы раннесредневековой Японии. Это был наиболее примечательный правовой памятник традиционного права, который предопределил правовое развитие страны на несколько веков вперед. Хотя историки-японисты утверждают, что его влияние было значительным только в первые три столетия вплоть до XII века, а затем его потенциал во многом сошел на нет, что было связано с падением авторитета императора и переходом власти в руки сёгунов. С этим мы также должны согласиться, так как в своде «*Тайхо рицурё*» просто уже не было такой потребности во времена «воюющих провинций», политической раздробленности и падения значимости унифицированного права как такового.

Изначально «*Тайхо рё*» задумывался как сугубо административный и гражданско-правовой свод норм. Уровень юридической техники и отраслевой специализации норм в нем был недостаточно высок, чтобы составители смогли выдержать такую юридическую монотонность. Поэтому мы легко обнаруживаем в кодексе множество сугубо уголовно-правовых положений (*рицу*) и даже уголовно-процессуальных статей. Обратимся к краткому описанию этого блока норм.

В системе правонарушений по кодексу выделяется такой древнеяпонский институт, как *хатигяку* (яп. «восемь злодеяний»). Это была, по сути, первая в истории традиционного права письменно зафиксированная классификация преступлений. Они были разделены на две основные категории: государственные преступления и преступления против общественной морали. Здесь заметно этическое влияние синтоистских верований японцев и конфуцианских представлений о малых прегрешениях и смертельных грехах. Как верно замечает исследователь Д.А. Суровень, «японцы, хотя изначально и придерживались классификации тяжких преступлений на «десять зол» (кит. *ши э*), но в своде законов «*Тайхо-рицурё*» стали следовать системе деления наиболее тяжких преступлений на восемь родов по системе, применяемой в Китае в 605–618 годах» [4, с. 69–70].

Рассмотрим подробнее эту древнеяпонскую классификацию деяний. Так, в статье 6 «*Тайхо рицурё*» выделена подгруппа трех наиболее тяжких государственных преступлений, влекущих за собой безоговорочно смертную казнь (измена, мятеж, разрушение жилища и усыпальниц императора). Далее, в особую подгруппу включили преступления безнравственной и антисемейной направленности, а именно: убийство ближайших родственников, непочтительное отношение к

родителям в виде предания их проклятию, прелюбодеяние с наложницей отца или деда (*фуко*), аморальное поведение в виде изготовления и хранения ядов или же избивание мужа (*фудо*), великая непочтительность в виде подделки государственной печати и регалий императора, неверная сервировка стола императора или подача ему табуированных яств (*дайфукё*), а также, прямое нарушение долга, например, в виде убийства начальника или же бракосочетания во время траура по первому мужу (*фуги*). В качестве санкций за эту категорию «асоциальных преступлений», весьма ярко характеризующих традиционное правосознание и моральный облик средневекового японского общества, предусматривались меры от обезглавливания до каторги и палок [5, с. 328–330].

В третью категорию преступлений по своду «*Тайхо рицурё*» выделены должностные правонарушения – весьма важная сфера контроля со стороны бюрократического государства Японии. Здесь впервые был криминализован состав служебного проступка – *сидзай*, злоупотребление властью чиновником в личных интересах, в частности, получение взятки. Любопытно, что в тот период *сидзай* не считалось ординарным преступлением, влекущим за собой телесных наказаний или смертной казни. Сам должностной преступник-взяточникполучатель был вправе даже откупиться от наказания, заплатив медью за свое т.н. «личное преступление», сохранив при этом свою прежнюю должностную позицию и квалификационную аттестацию чиновника.

В четвертую категорию тяжких преступлений по кодексу были сгруппированы воинские преступления, в том числе совершённые в боевой обстановке (например, неисполнение воинских приказов, неправильное выполнение боевого задания, плохая вооруженная оснащённость, и др.). В последнем случае вопросы привлечения к ответственности и даже вынесения смертных приговоров отдавались полностью на откуп главнокомандующему.

Отдельный блок статей «*Тайхо рицурё*» был посвящен системе наказаний, а еще одна статья закрепляла такой принцип, как учет должностного ранга и сословного положения подсудимого при назначении наказания. Поэтому крестьянину назначалось более мягкое наказание, чем рабу за то же самое преступление. В этом контексте в кодексе был выделен такой институт древнеяпонского права, как дангоку (ст. 31 и 41 «*Тайхо рицурё*»), под которым подразумевалась система правил назначения наказаний и исполнения приговоров по уголовным делам (яп. *гоку рё*).

Как верно указывает М.В. Грачев, уже в этот период в составе данного института обозначились системообразующие принципы уголовно-правовой законности и «запрета поворота к худшему» [6]. В этом же направлении был применен приём иерархичности видов наказаний по кодексу, сложилась определенная «шкала наказаний» (яп. *сюкэй*). Здесь заметно влияние древнекитайского права, в котором также разрабатывалось учение о последовательной смене санкций по степени их

тяжести, по типу «лестницы наказаний» от наименьшего к самому тяжкому виду.

Японцы в определённой степени приспособили этот китайский подход, расположив в своем кодексе все наказания в логической последовательности: смертная казнь, ссылка, каторга, бамбуковые палки, розги, конфискация. Смертная казнь в средневековой Японии исполнялась как в простой форме повешения или обезглавливания, так и в квалифицированной, изошрённой и совмещенной с мучительной смертью (как например привязывание приговоренного к деревянному коню, который затем поджигался). На самой высокой «ступени» этой школы наказаний стояли религиозно инспирированные наказания. В их числе японское «многочетвертование» как вид смертной казни, растянутой на две недели пыток с поочередным усекованием частей тела осужденного. Эта форма исполнения смертного приговора была навеяна буддийскими представлениями о запрете разрушения целостности тела, ведь в противном случае умерший был бы обречен на дополнительные муки его усопшей души в загробном мире [7, с. 122–123].

Помимо этого, автономно существовала система наказаний для религиозного персонала, служащих буддийских и синтоистских храмов (Закон VII «*Тайхо рицурё*»). В их числе санкция под названием куси (своего рода епитимья, переписка сутр, полировка статуи Будды). Духовные лица могли быть осуждены за деяния, предусмотренные как в уставах буддийских монастырей, так и в светском законодательстве после обряда расстрижения монаха. Однако сохранялась некоторая привилегия монашеского статуса, когда судья был обязан уменьшить срок наказания на один год по сравнению с мирскими санкциями.

Специфически японским было право осужденного выбирать форму исполнения смертного приговора, например, вместо его публичного исполнения самому произвести дзидзин (домашнее самоубийство). Другим вариантом замены наказания для привилегированных лиц (родственников царя и придворной знати), имевших право откупиться от физической санкции, считалась возможность уплаты в императорскую казну до 200 кг медных слитков. Этой льготой могли пользоваться по специальному повелению императора также его старые друзья, придворные мудрецы-советники, великие таланты империи и иные лица с особыми заслугами перед государством.

Тяжким последствием осуждения в традиционном японском обществе, этически ориентированном на семейные ценности и патриархальный

уклад, считалось такое решение суда, как «дзёмэн». Оно означало, по сути, назначение совокупного наказания, когда осужденный, как правило, по политическим и должностным преступлениям, лишался не только своего должностного поста, ранга или государственной награды, но также исключался параллельно из круга наследников и семейных списков (изгонялся из общины).

Если судить по тексту «*Тайхо рицурё*», то можно заметить некую спецификацию норм и институтов процедурного и юрисдикционного характера. В отдельную подгруппу были выделены нормы об уголовной и гражданской подсудности, порядке инициирования судебного разбирательства, сбора доказательств, проведения допроса, конфискации имущества, назначения совокупного наказания, пересмотра решений и смягчения приговоров.

Пенитенциарная (уголовно-исполнительная) часть свода также просматривается в отдельных его положениях. В частности, выделился институт предварительного заключения под стражу на время следствия и обжалования решений суда. При этом средневековый законодатель постарался детально описать все санкционированные или прямо запрещенные формы поведения заключенных в местах ограничения их свободы, в арестных домах и землянках. Было предписано, какой именно должно снабжать их «одеждой, питанием, циновками, врачами, лекарствами» за счет конфискованного имущества, а также указан перечень проступков заключенных, которые влекли телесные наказания, заковывание в деревянные шейные колодки и ножные кандалы. В отдельном разделе «*Тайхо рицурё*», который по-японски обозначался мёрэйрицу, регламентировались основания и порядок амнистии, компенсации вреда, ужесточения наказания при групповом преступлении, при рецидиве, смягчения ответственности при явке с повинной, необходимой обороне, малолетстве, престарелом возрасте или беременности подсудимых, и проч.

В заключение отметим, что к традиционному (раннесредневековому) японскому праву, которое хотя и имело тесную связь с конфуцианским правопониманием и синтоистским этическим кодексом, подданные «страны восходящего Солнца» старались прибегать не часто. Ведь они искренне считали, что неприменение судебных средств защиты субъективного права или нарушения статусной иерархии, смягчение приговоров и осуществление амнистий является наиболее удобным Небу делом и самым благим исходом конфликта.

Литература:

1. The T'ang Code. General Principles / Transl. with an Introduction by W.J. Johnson. Princeton, 1979.
2. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и») / Введ., пер. с кит. и комм. В.М. Рыбакова. Цзюани 1–8. СПб., 1999. 376 с.; Цзюани 9–16. СПб., 2001. 299 с.; Цзюани 25–30. СПб., 2008. 408 с.

Literature:

1. The T'ang Code. General Principles / Transl. with an Introduction by W.J. Johnson. Princeton, 1979.
2. Criminal Regulations of Tang with explanations («Tang Lu Shu I») / Introduction, Transl. with comm. V.M. Rybakova. Juan 1–8. SPb., 1999; Juan 9–16. SPb., 2001; Juan 25–30. SPb., 2008.

3. *Суровень Д.А.* Систематизация права Японии во второй половине VII – начале VIII веков // Проблемы истории общества, государства и права. Екатеринбург, 2013. Вып. 1. С. 117–172.

4. *Суровень Д.А.* О китайском влиянии на классификацию тяжких преступлений в раннесредневековой Японии // Кросс-культурные взаимодействия в политико-правовой сфере: история, теория, современность. Доклады и сообщения. Екатеринбург, 2010. С. 69–70.

5. *Трикоз Е.Н.* Особенности кодификации права в средневековой Японии // Правовые традиции. Жидковские чтения: материалы Международной научной конференции. М. : Изд-во РУДН, 2014. С. 327–333.

6. *Грачёв М.В.* Система наказаний для придворного чиновничества в период Хэйан // Научная конференция Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2007.

7. *Трикоз Е.Н.* Кодекс «Тайхо рицурё» (VIII в.) // История государства и права зарубежных стран: Избранные памятники права. Древность и Средневековье / Е.Н. Трикоз; Под науч. ред. Н.А. Крашенинниковой. М., 2017. С. 102–132.

8. *Еремин В.Н.* История правовой системы Японии / В.Н. Еремин; Отв. ред. А.А. Кириченко. М., 2010. 293 с.

3. *Suroven D.A.* Systematization of Japanese law in the second half of the VII – beginning of the VIII centuries // Problems of the history of society, state and law. Yekaterinburg, 2013. Issue. 1. P. 117–172.

4. *Suroven D.A.* About the Chinese influence on the classification of serious crimes in early medieval Japan // Cross-cultural interactions in the political and legal sphere: history, theory, modernity. Reports and messages. Ekaterinburg, 2010. P. 69–70.

5. *Trikoz E.N.* Features of the codification of law in medieval Japan // Legal traditions. Zhidkov readings: materials of the International Scientific Conference. M. : Publishing House of RUDN, 2014. P. 327–333.

6. *Grachev M.V.* The punishment system for court officials during the Heian period // Scientific conference Lomonosov readings. Oriental studies. Abstracts of reports. M., 2007.

7. *Trikoz E.N.* Code «Taiho Ritsuryo» (VIII century) // History of the state and law of foreign countries: Selected monuments of law. Antiquity and the Middle Ages / E.N. Trikoz; Ed. by N.A. Krashennnikova. M., 2017. P. 102–132.

8. *Eremin V.N.* History of the legal system of Japan / V.N.Eremin; Editor-in-chief. A.A. Kirichenko. M., 2010. 293 p.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Барашева Елена Викторовна
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
barahevaev@bk.ru

Гаглоева Милена Гурамовна
студентка,
Российский государственный
университет правосудия
milena.gagloeva.99@mail.ru

Карапетян София Ашотовна
студентка,
Российский государственный
университет правосудия
Karaoetyan-sofia18@mail.ru

Степаненко Алексей Сергеевич
доктор философских наук,
профессор кафедры,
Российский государственный
университет правосудия
mail@esbrsuj.ru

ПРОБЕЛЫ В КОМПЕНСАЦИИ ЗА ЭКСПЛУАТАЦИЮ ОБОРУДОВАНИЯ, КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ И ИНВЕНТАРЯ ПРИ ДИСТАНЦИОННОЙ РАБОТЕ

Аннотация. В данной статье авторы анализируют, какие существуют пробелы в компенсации за эксплуатацию коммунальных услуг, оборудования и других технических средств работника при дистанционной работе. Многие образовательные учреждения в период Пандемии COVID-19 перешли на дистанционный формат обучения. Педагоги, переведенные на «дистанционное образование», зачастую используют для работы личные компьютеры и другие технические средства. Кроме того, в целях обеспечения постоянной взаимосвязи с учениками и работодателем возрастает расход на электроэнергию, на эксплуатацию личной техники работника и другого оборудования. Многие образовательные учреждения в период Пандемии COVID-19 перешли на дистанционный формат обучения. Педагоги, переведенные на «дистанционное образование», зачастую используют для работы личные компьютеры и другие технические средства. Кроме того, в целях обеспечения постоянной взаимосвязи с учениками и работодателем возрастает расход на электроэнергию, на эксплуатацию личной техники работника и другого оборудования.

Elena V. Barasheva
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Public Law,
Russian State University of Justice
barahevaev@bk.ru

Milena G. Gagloeva
Student,
Russian State University of Justice
milena.gagloeva.99@mail.ru

Sofia A. Karapetyan
Student,
Russian State University of Justice
Karaoetyan-sofia18@mail.ru

Alexey S. Stepanenko
Doctor of Philosophy,
Professor of the Department,
Russian State University of Justice
mail@esbrsuj.ru

GAPS IN COMPENSATION FOR EQUIPMENT OPERATION, UTILITIES AND EQUIPMENT FOR REMOTE OPERATION

Annotation. In this article, the authors analyze what are the gaps in compensation for the operation of utilities, equipment and other technical means of an employee during remote work. Many educational institutions during the COVID-19 Pandemic switched to a distance learning format. Teachers transferred to «distance education» often use personal computers and other technical means for their work. In addition, in order to ensure a constant relationship with students and the employer, the consumption of electricity, the use of the employee's personal equipment and other equipment increases. Many educational institutions have switched to distance learning during the COVID-19 Pandemic. Teachers transferred to «distance education» often use personal computers and other technical means for their work. In addition, in order to ensure a constant relationship with students and the employer, the consumption of electricity, the use of the employee's personal equipment and other equipment increases.

Ключевые слова: компенсация, дистанционная работа, информационно-телекоммуникационные сети, оборудование, программно-технические средства, налог, расход, трудовой договор, коллективный договор, временный удаленный режим труда.

Keywords: compensation, telecommuting, information and telecommunication networks, equipment, software and hardware, tax, expense, labor contract, collective agreement, temporary remote work.

Особенности регулирования труда дистанционных работников установлены в главе 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации. Дистанционными работниками считаются лица, заключившие трудовой договор о дистанционной работе. Таковой считается работа, выполняемая вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения, вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя. При этом необходимым условием является выполнение работы и взаимодействия с работодателем через информационно-телекоммуникационные сети общего пользования, в том числе Интернет (ст. 312.1 ТК Российской Федерации).

На дистанционных работников распространяется действие трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, с учетом особенностей, установленных главой 49.1 ТК РФ.

Если предусмотрено взаимодействие дистанционного работника и работодателя путем обмена электронными документами, используются усиленные квалифицированные электронные подписи дистанционного работника и работодателя в порядке, установленном Федеральным законом от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи». Каждая из сторон указанного обмена обязана направлять в форме электронного документа подтверждение получения электронного документа от другой стороны в срок, определенный трудовым договором о дистанционной работе.

В трудовом договоре о дистанционной работе помимо дополнительных условий, не ухудшающих положение работника по сравнению с установленным трудовым законодательством, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, может предусматриваться условие об обязанности дистанционного работника использовать при исполнении им своих обязанностей по трудовому договору о дистанционной работе оборудование, программно-технические средства, средства защиты информации и иные средства, предоставленные или рекомендованные работодателем.

В статье 312.3 ТК РФ сказано, что трудовым договором о дистанционной работе определяются:

– порядок и сроки обеспечения дистанционных работников необходимыми для исполнения ими своих обязанностей по трудовому договору о дистанционной работе оборудованием, программно-техническими средствами, средствами защиты информации и иными средствами;

– порядок и сроки представления дистанционными работниками отчетов о выполненной работе;

– размер, порядок и сроки выплаты компенсации за использование дистанционными работниками принадлежащих им либо арендованных ими оборудования, программно-технических средств, средств защиты информации и иных средств;

– порядок возмещения других связанных с выполнением дистанционной работы расходов.

Согласно разъяснениям, данным Федеральной службой по труду и занятости, работодатель обязан возмещать дистанционному работнику затраты, произведенные им при выполнении трудовых обязанностей и эксплуатации своего оборудования. Отсутствие в трудовом договоре порядка возмещения таких затрат будет являться нарушением трудового законодательства, в том числе и когда сотрудник согласен с отсутствием компенсации.

Напомним, что за нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, предусмотрена административная ответственность по ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ. Для должностных лиц и индивидуальных предпринимателей размер штрафа составляет от 1000 до 5000 руб., а для организаций – от 30000 до 50000 руб.

Как видите, в ситуации, когда работник использует для осуществления дистанционной работы свою технику, работодатель обязан возмещать ему понесенные расходы.

По общему правилу для целей налогообложения прибыли расходами признаются любые затраты при условии, что они произведены для осуществления деятельности, направленной на получение дохода (п. 1 ст. 252 НК РФ). Поскольку компания возмещает работникам их затраты в связи с выполнением трудовых функций, такие расходы связаны с производственной деятельностью компании, направленной на получение дохода.

Но как и любые другие затраты, учитываемые в составе расходов, суммы выплачиваемой компенсации работникам должны быть экономически обоснованы и документально подтверждены (п. 1 ст. 252 НК РФ). Рассмотрим подробнее отдельные виды расходов, которые компании возмещают своим удаленным работникам [3].

Статьей 188 ТК РФ, которая является императивной, предусмотрено, что при использовании работником с согласия или ведома работодателя и в его интересах своего имущества работнику

выплачивается компенсация, в частности, за износ (амортизацию) оборудования и других технических средств.

Как мы уже сказали, на дистанционных работников распространяется действие трудового законодательства (ст. 312.1 ТК РФ). Поэтому к ним применимы и положения ст. 188 ТК РФ [1].

С точки зрения налога на прибыль данная компенсация будет являться выплатой, произведенной в соответствии с требованиями трудового законодательства. А значит, выплата компенсации за износ (амортизацию) используемого работником оборудования будет экономически обоснованной.

Для целей налога на прибыль амортизация определяется с учетом срока полезного использования оборудования, установленного Классификацией основных средств, включаемых в амортизационные группы, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 01.01.2002 № 1.

Таким образом, чтобы у налоговиков не возникло претензий по поводу обоснованности суммы компенсации, при расчете ее размера целесообразно использовать этот документ.

Так, согласно Классификации персональные компьютеры и печатающие устройства относятся к коду ОКОФ 330.28.23.23 «Машины офисные прочие» и включены во вторую амортизационную группу как имущество со сроком полезного использования свыше двух лет до трех лет включительно. Соответственно, срок полезного использования компьютерной техники работника для расчета размера компенсации должен укладываться в этот предел [5].

Но здесь возникает одна проблема. Она заключается в том, что, как правило, работник использует свой компьютер и другую технику не только в рабочих, но и в личных целях. Следовательно, если компания будет выплачивать ему компенсацию в сумме рассчитанной амортизации, то возникнет вопрос об экономической обоснованности расходов.

На наш взгляд, компенсироваться должна только амортизация техники, приходящаяся на рабочее время. Покажем расчет размера компенсации на конкретном примере.

Пример. Стоимость компьютера работника составляет 25000 руб. Для расчета суммы компенсации компания установила срок полезного использования компьютера равным 36 месяцев. Сумма ежемесячной амортизации в этом случае будет равна 694 руб. (25000 руб. : 36 мес.).

Определим размер компенсации, полагающейся работнику за июль 2019 г. В этом месяце 31 день, из которых 23 дня рабочие (при пятидневной рабочей неделе). Соответственно, общее рабочее время за месяц, когда компьютер используется для выполнения трудовых функций, составит 184 часа (8 часов × 23 дня).

Доля рабочего времени в общем объеме времени за месяц равна 0,25 (184 часа : (24 часа × 31 день)).

Следовательно, сумма амортизации компьютера, подлежащая возмещению работнику, будет равна 173,5 руб. (694 руб. × 0,25).

Конечно же, одними расходами на компьютерную технику при дистанционной работе не обойтись. Сотрудники на удаленной работе несут расходы на оплату Интернета, мобильной связи, электроэнергии. Как возмещать такие расходы?

Мы считаем, что здесь целесообразно руководствоваться тем же принципом, что и при возмещении расходов на компьютерную технику. Ведь и в этом случае работник использует Интернет, телефонную связь, электроэнергию не только для рабочих, но и для личных целей. Поэтому организация должна из счетов на оплату этих услуг, представленных работником, вычленив сумму, приходящуюся на рабочее время.

Допустим, работник платит за Интернет 500 руб. в месяц. Следовательно, возмещению за июль 2019 г. подлежит 125 руб. (500 руб. × 0,25).

По расходам на бумагу, картриджи и иные материалы, необходимые для выполнения трудовых функций, компенсацию, на наш взгляд, можно установить в фиксированной сумме, рассчитанной с учетом производственной необходимости в расходовании данных материалов. Если в какие-то моменты понадобится большее число материалов, затраты работника на их приобретение (согласованные, разумеется, с работодателем) будут компенсироваться на основании представленных им документов.

Для целей налога на прибыль в расходы на оплату труда включаются любые начисления работникам в денежной или натуральной формах, предусмотренные нормами законодательства РФ, трудовыми договорами (контрактами) и (или) коллективными договорами (ст. 255 НК РФ) [3].

Поскольку компенсация дистанционному работнику за использование личного имущества в служебных целях – это требование законодательства РФ и она обязательно должна быть записана в трудовом договоре, данная выплата учитывается в расходах на оплату труда на основании п. 25 ст. 255 НК РФ как другие виды расходов, произведенных в пользу работника, предусмотренных трудовым договором.

Документальным подтверждением будут трудовой договор и документы, представленные работником в обоснование понесенных расходов.

Отметим, что специалисты Минфина России допускают учет компенсации за использование работниками личного имущества в служебных целях на основании подп. 49 п. 1 ст. 264 НК РФ.

Согласно подп. 11 п. 1 ст. 264 НК РФ к прочим расходам, связанным с производством и реализацией,

относятся расходы на компенсацию за использование для служебных поездок личных легковых автомобилей и мотоциклов в пределах норм, установленных Правительством РФ. Расходы на компенсацию за использование иного личного имущества работника главой 25 НК РФ не предусмотрены.

Вместе с тем перечень прочих расходов, связанных с производством и (или) реализацией, не является исчерпывающим. Поэтому суммы компенсации, начисленные работникам за использование ими личного имущества (кроме легкового автотранспорта), поименованного в ст. 188 ТК РФ, для выполнения служебного задания, могут быть учтены для целей налогообложения прибыли в составе прочих расходов, связанных с производством или реализацией, при условии, что они отвечают требованиям ст. 252 НК РФ.

Таким образом, расходы в виде компенсации за использование личной компьютерной техники работника (приобретение картриджа для принтера, текущий ремонт), используемой им исключительно для выполнения служебных заданий, могут быть учтены для целей налогообложения прибыли при условии, что указанные расходы экономически обоснованы и документально подтверждены, как было уже ранее сказано.

Среди выплат, не облагаемых НДФЛ, значатся все виды предусмотренных законодательством РФ, законодательными актами субъектов РФ, решениями представительных органов местного самоуправления компенсационных выплат (в пределах норм, установленных в соответствии с законодательством РФ), связанных, в частности, с исполнением налогоплательщиком трудовых обязанностей (п. 3 ст. 217 НК РФ).

Поскольку выплата компенсации дистанционным работникам предусмотрена трудовым законодательством (ст. 312.3 ТК РФ) и связана с исполнением ими трудовых обязанностей, она не подлежит обложению НДФЛ на основании п. 3 ст. 217 НК РФ [1].

Минфин России это подтверждает. Финансовые работники рассмотрели ситуацию, когда организация заключила с физическим лицом трудовой договор о дистанционной работе. В целях выполнения работником своих обязанностей организацией передан работнику сервер, а также возмещены расходы работника по подключению двух линий сети Интернет.

Специалисты финансового ведомства указали, что, если подключение двух линий сети Интернет обусловлено технической необходимостью обеспечения работы предоставляемого организацией работнику сервера в целях выполнения им трудовых обязанностей и это зафиксировано в трудовом договоре о дистанционной работе, суммы возмещения работнику подключения к сети Интернет не подлежат обложению НДФЛ на основании п. 3 ст. 217 НК РФ.

Аналогичная норма есть и в главе 34 «Страховые взносы» НК РФ. Так, в подп. 2 п. 1 ст. 422 НК РФ

сказано, что не подлежат обложению страховыми взносами все виды установленных законодательством РФ, решениями представительных органов местного самоуправления компенсационных выплат (в пределах норм, установленных в соответствии с законодательством РФ), связанных с выполнением физическим лицом трудовых обязанностей [2].

Следовательно, компенсации дистанционным работникам в связи с использованием их имущества и возмещением понесенных ими расходов облагать страховыми взносами не нужно.

Данный вывод подтверждается разъяснениями чиновников, которые они давали в части компенсации за использование личного имущества работников, выплачиваемых в соответствии со ст. 188 ТК РФ. Мы отметили, что оплата организацией расходов работников, связанных с использованием личного имущества, не подлежит обложению страховыми взносами, если использование данного имущества связано с исполнением трудовых обязанностей (в служебных целях), в размере, определяемом соглашением между организацией и таким сотрудником. При этом размер возмещения указанных расходов должен соответствовать экономически обоснованным затратам, связанным с фактическим использованием работником личного имущества для целей трудовой деятельности. То есть организация должна располагать копиями документов, как подтверждающих право собственности работника на используемое имущество, так и подтверждающих расходы, понесенные им при использовании данного имущества в служебных целях.

Обратим внимание, что в ст. 188 ТК РФ речь идет о возмещении расходов с использованием личного имущества работника. В связи с этим чиновники в вышеуказанных письмах отмечают, что компенсация не облагается НДФЛ и страховыми взносами, только если используемое имущество принадлежит работнику на праве собственности. В отношении же дистанционных работников ст. 312.3 ТК РФ прямо предусмотрено, что им компенсация выплачивается за использование не только собственного, но и арендованного оборудования. Поэтому она не будет облагаться НДФЛ и страховыми взносами и в случае, если используемое дистанционным работником оборудование не является его личным имуществом 4,5.

В конце хотелось бы добавить следующее: в настоящее время на рассмотрении находится законопроект № 973264-7, вносящий изменения в главу 49.1 ТК РФ. Он вводит новое понятие «временной удаленной работы» и в том числе уточняет порядок компенсации расходов при удаленной работе.

По новым правилам, размер и правила возмещения расходов на удаленной работе, стороны смогут согласовывать не только в трудовом договоре, но и в коллективном договоре или соглашении.

В чрезвычайных ситуациях работодатель будет вправе применять упрощенный перевод сотрудников на временный удаленный режим труда. Вводится временный удаленный режим при техногенных катастрофах, эпидемиях, иных обстоятельствах, ставящих под угрозу жизнь населения,

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 09.11.2020) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 09.11.2020) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 09.11.2020) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1.
4. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ (последняя редакция).
5. Постановление Правительства РФ от 01.01.2002 № 1 (ред. от 27.12.2019) «О Классификации основных средств, включаемых в амортизационные группы».

локальным нормативным актом организации. Вносить изменения в трудовой договор не нужно.

В локальных нормативных актах прописываются причины перехода на временную удаленную работу, перечень переводимых сотрудников, порядок и размер компенсации затрат сотрудников.

Literature:

1. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 № 197-FZ (as amended on November 9, 2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 07.01.2002. № 1.
2. Tax Code of the Russian Federation (part one) of July 31, 1998 № 146-FZ (as amended on November 09, 2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 07.01.2002. № 1.
3. Tax Code of the Russian Federation (part two) of July 31, 1998 No. 146-FZ (as revised on November 9, 2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 07.01.2002. № 1.
4. Federal Law «On Electronic Signatures» dated 06.04.2011 № 63-FZ (last edition).
5. Decree of the Government of the Russian Federation of 01.01.2002 № 1 (revised from 27.12.2019) «On the Classification of Fixed Assets Included in Depreciation Groups».

Барашева Елена Викторовна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия, г. Иркутск
barahevaev@bk.ru

Степаненко Алексей Сергеевич

доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
mail@esbrsuj.ru

**ПРОГРАММНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ОЦЕНКА ОХРАНЫ
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ**

Аннотация. Государственная политика в сфере рационального природопользования составляет часть экологической политики. Одним из общенациональных приоритетов, которое обозначает правительство России, являются вопросы рационального, грамотного использования природных ресурсов, т.е., совершенствование системы мониторинга качества воздуха, почвы и воды, а также, формирование высокой экологической культуры в обществе. Одной из важнейших социально-экономических задач, как мы видим, является изучение состояний окружающей природной среды, прогнозирование изменений ее состояний, как в естественных условиях, так и под воздействием антропогенных факторов, с целью прогнозирования возможных рисков. Изучение проблемы оценки состояния окружающей среды в комплексе с применением информационных технологий весьма перспективно, в том числе, при анализе воздействия токсикантов на окружающую среду.

Ключевые слова: экономика, экология, загрязнение, окружающая среда.

В настоящее время существует экологический парадокс: с одной стороны, необходимо сохранить природу, с другой – человечество не может отказаться от технологий, опасных для природы. В то же время, материальные потребности людей и всего человеческого общества безграничны и ненасытны, а природные ресурсы как средство удовлетворения потребностей, ограничены и редки, а способность природы к саморегулированию и самоочищению не безгранична.

Eleva V. Barasheva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines,
Russian State
University of Justice, Irkutsk
barahevaev@bk.ru

Alexey S. Stepanenko

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department
of Humanitarian Affairs
and socio-economic disciplines,
Russian State University of Justice
mail@esbrsuj.ru

**PROGRAMME
AND ECONOMIC ASSESSMENT
OF ENVIRONMENTAL PROTECTION
ON THE EXAMPLE
OF THE IRKUTSK REGION**

Annotation. The state policy in the field of rational nature management is part of the environmental policy. One of the nationwide priorities that the Russian government designates is the issue of rational, competent use of natural resources, i.e. improvement of the monitoring system for the quality of air, soil and water, as well as the formation of a high ecological culture in society. One of the most important socio-economic tasks, as we see, is the study of the state of the environment, forecasting changes in its states, both in natural conditions and under the influence of anthropogenic factors, in order to predict possible risks. Studying the problem of assessing the state of the environment in combination with the use of information technologies is very promising, including when analyzing the impact of toxicants on the environment.

Keywords: economics, ecology, pollution, environment.

Есть ли выход из этого? Экономические, политические аспекты смогут ли повлиять на ход развития истории? Что заставит человечество посмотреть на природу и ее составляющие с другой стороны: со стороны природоохраны? Экономика природопользования учитывает эти противоречия и определяет рациональное соотношение между уровнем потребления, развитием производства и экологическими факторами. Именно этой наукой решается вопрос сбалансированного

развития экономики и улучшения состояния окружающей среды.

В современном обществе проблемы экологической безопасности подлежат экономической оценке – ущерб, причиненный территории, населению оценивается для определения уровня экологической опасности.

В последние годы для обеспечения задач прогнозирования разработано достаточно много различных библиотек и пакетов прикладных программ. В настоящее время наиболее применимыми на рынке программных средств в области охраны окружающей среды занимают программные продукты, разработанные фирмой «Интеграл», объединенные в серию «Эколог». Программы серии «Эколог» решают самый широкий спектр задач в области экологии – это задачи, связанные с охраной воздушного бассейна, безопасным размещением отходов производства и потребления и т.д. Большое внимание уделяется программным разработкам для решения региональных задач.

Наибольшее распространение в Российской Федерации получила система экологического мониторинга города (региона) «Эколог-город». Программное обеспечение «Аналитический комплекс с единым программным обеспечением для экологического мониторинга» реализует современные технологии мониторинга химического состава объектов окружающей среды, результаты которого могут быть использованы для прогнозирования состояния окружающей среды. Однако среди разработанного программного обеспечения для прогнозирования изменений окружающей среды не обнаружено комплексов, которые позволяют осуществлять комплексную оценку природной среды под антропогенной нагрузкой.

В трудах Е.А. Мусихиной представлены достаточно полные данные о состоянии природной среды Иркутской области. Рассмотрены пробле-

мы оценки, учета, ликвидации и предотвращения экологического ущерба на современном уровне. Представлено глубокое философское обоснование проблемы. Проведен системный анализ природной среды Иркутской области с учетом современных представлений о времени и его свойствах. Дана подробная характеристика антропогенного воздействия на почвы территории Иркутской области. Предлагаемая технологическая схема основана на пространственно-временном моделировании оценки антропогенного воздействия на природную среду и применима не только к Сибирскому региону, остро нуждающемуся в грамотной экологической помощи, но и к любому другому региону.

Провести достоверную оценку воздействия на природную среду не представляется возможным без применения новых более совершенных методов и использования программных средств. Основываясь на данный подход разработаны 3 комплекса программных средств (модулей) под руководством Е.А. Мусихиной:

- «Расчет интерференции плотности антропогенного воздействия на почвенный покров Иркутской области».
- «Расчет антропогенного воздействия на водные ресурсы по ртути и хлору».
- «Визуализация комплексного антропогенного воздействия на воздушную среду территории Иркутской области» [1].

По результатам расчета площади антропогенного воздействия на почвенный покров (интерференции плотности) промышленных центров Иркутской области с помощью технического средства можно выполнить анализ взаимодействия изменения почвенного покрова городов и природных зон (рис. 1).

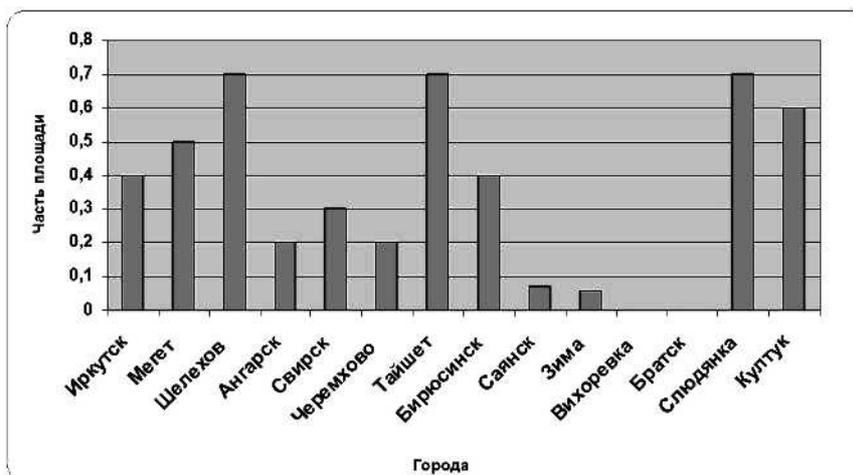

Рисунок 1 – Часть территории города, подверженной техногенной нагрузке (по Иркутской области)

Программный продукт «Расчет антропогенного воздействия на водные ресурсы по ртути и хлору», в котором реализована оригинальная методика автоматического расчета антропогенного воздействия промышленных центров Иркутской

области на водную среду в местах непосредственного сброса сточных вод с учетом распространения токсикантов на периферию окружающего пространства, позволяет осуществить расчет риска воздействия на водные ресурсы по

ртути и хлору. Модуль «Расчет антропогенного воздействия на водные ресурсы по хлору и ртути» характеризуется следующей функциональной спецификацией:

- хранение данных о загрязнении некоторых рек и водоемов Иркутской области хлором и ртутью с подключением функции защиты постоянных исходных данных и с функцией санкционированного изменения постоянных исходных данных;

- расчет ущерба по авторской методике;

- графическое представление воздействия на водную среду по годам либо по водоемам (рис. 2);

- графическое представление ущерба водной среде по годам и сбросов сточных вод по водоемам (рис. 3);

- прогнозирование возможного воздействия на водную среду.

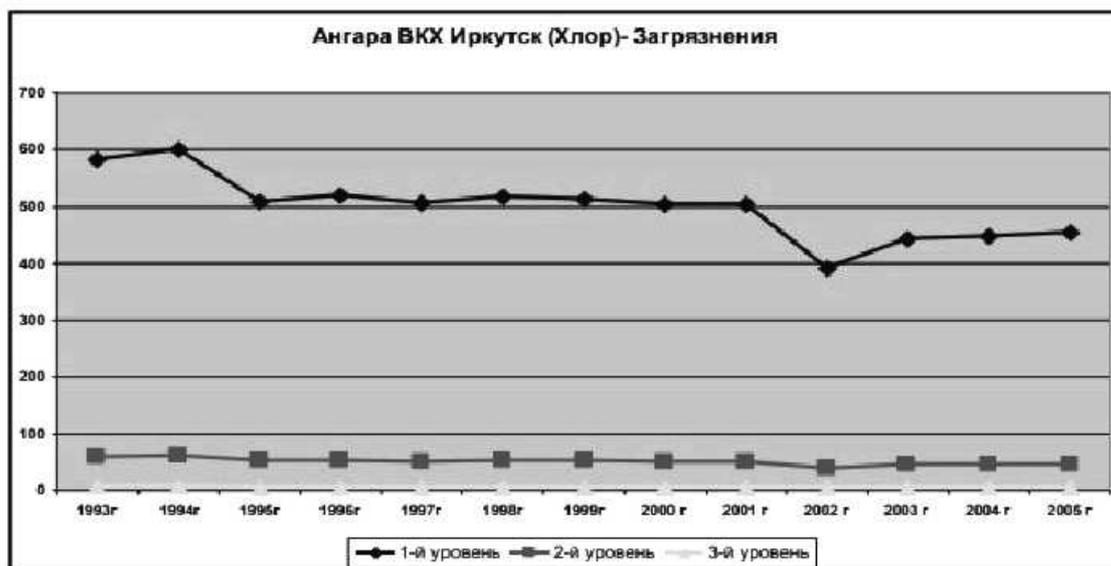

Рисунок 2 – Пример графика функции – ущерб по водоемам

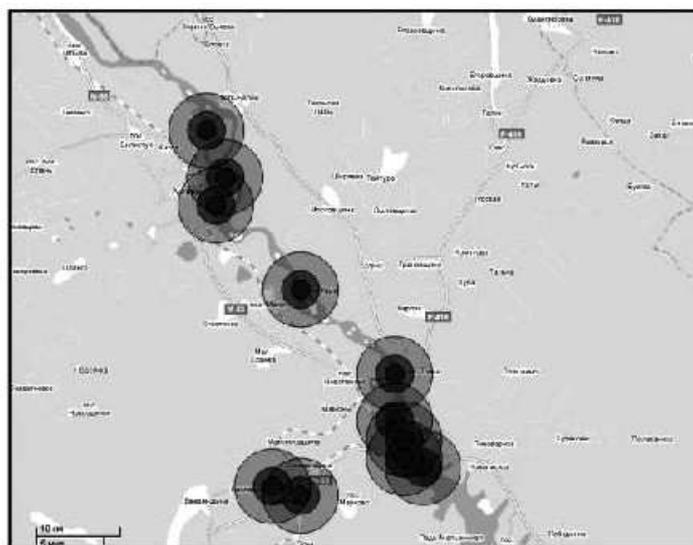

Рисунок 3 – Визуализация областей риска антропогенного воздействия на водные ресурсы городов промзоны

В качестве математической основы разработанного программного продукта взята структурно иерархическая пространственно-временная модель воздействия горных работ с учетом распространения влияния от антропогенного воздействия на периферию окружающего пространства [2].

Программа «Визуализация комплексного антропогенного воздействия на воздушную среду территории Иркутской области», осуществляющая визуализацию комплексного антропогенного воздействия на воздушную среду территории Иркутской области. В программе систематизированы и структурированы данные разных отчетов, содержащих информацию о состоянии воздушной среды за период с 2006 по 2011 годы (рис. 4).

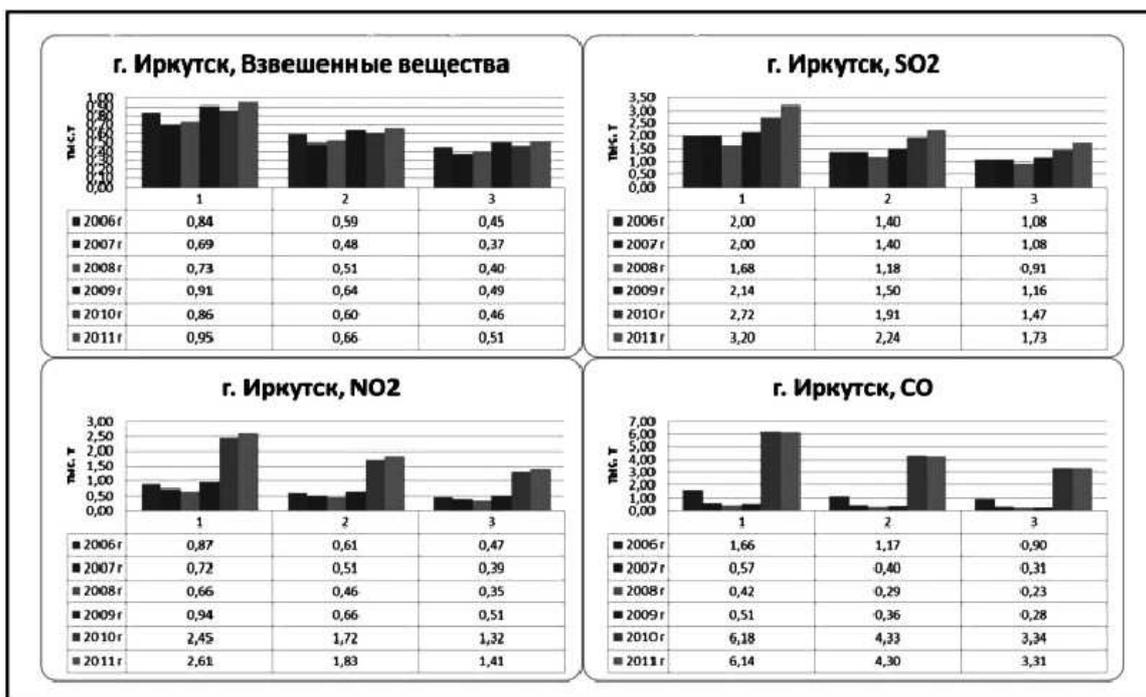

Рисунок 4 – Гистограммы суммарных выбросов основных загрязняющих веществ в атмосферу по г. Иркутск с 2006 по 2011 гг.

Предлагаемая структура данных позволяет осуществлять одновременный доступ к исходным данным и к расчетным показателям загрязнения воздушной среды. Основной функцией программы является автоматическое построение

графиков для визуального анализа, включая сравнение уровней загрязнения по 13 городам Иркутской области на основе выбранных пользователем временных интервалов интересующих показателей (рис. 5).

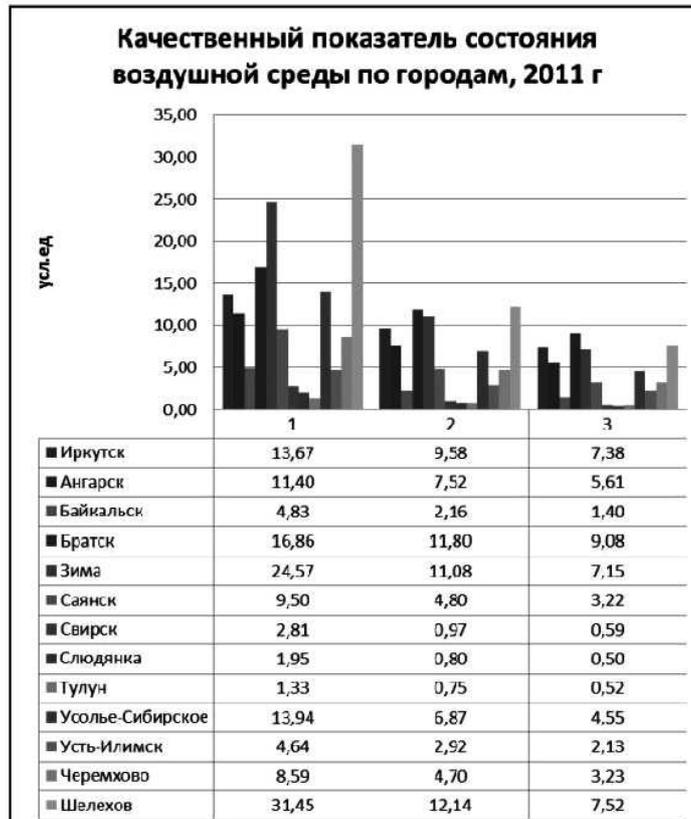

Рисунок 5 – Гистограмма характеристики качественного показателя состояния воздушной среды по городам Иркутской области за 2011 г.

Кроме того, осуществляется визуализация изменения параметров на основании анализа динамических рядов с целью прогнозирования состояния воздушной среды, выбранного пользователем города на последующий двухгодичный временной интервал. Программа защищена от возможности изменения результатов полученной оценки.

Суммарный показатель воздействия на воздушную среду (без учета пространственного распространения) в г. Иркутске возрастает год от года.

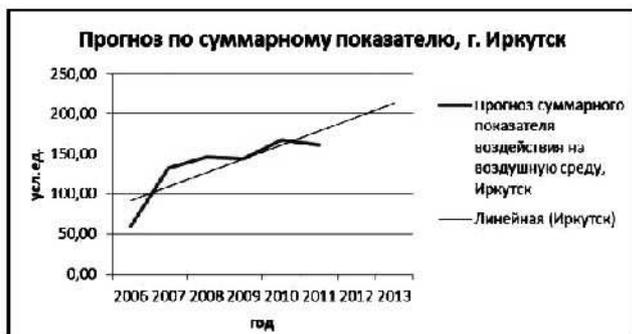

Рисунок 6 – График прогноза по суммарному показателю воздействия на воздушную среду г. Иркутск

Для систематизации и обработки данных по расчетам и оценкам эколого-экономическим рискам использовался язык программирования Visual Basic for Applications для MS Excel, который позволил автоматизировать визуализацию, а также выполнить прогнозирование [3].

Чтобы природопользование не наносило ущерба обществу, необходимо учитывать определенные условия и факторы, обуславливающие рациональное использование природных ресурсов. Так, необходимым условием рационального использования природных ресурсов является создание и внедрение во всех отраслях промышленности новых технологических приемов, предотвращающих или снижающих масштабы загрязнения природной среды отходами производства. Переход предприятий на замкнутый цикл водопользования, использование твердых отходов основного производства для нужд сопутствующего, установка современных высокопродуктивных фильтров основательно снизят антропогенную нагрузку на природную среду территорий. В горнорудных районах желателен, помимо более полного извлечения полезного ископаемого, проводить рекультивацию нарушенных при разработке месторождения земель. В сельском хозяйстве для поддержания бонитета почв требуется использование агротехнических и мелиоративных мероприятий, направленных на сохранение почвенного покрова и на повышение плодородия земель. Такой комплекс мероприятий по рациональному природопользованию и охраны природных ресурсов одновременно обеспечит поддержание оптимальной для жизни и здоровья человека окружающей среды [4].

Замедлив свой рост в период 2008–2009 гг., что можно связать с глобальным экономическим кризисом, показатель вновь возрастает в 2010 году. Линейный прогноз характеризует лишь общую картину (рис. 6).

Использование для прогноза иной функции нецелесообразно, поскольку данный показатель зависит от множества факторов, не фигурирующих в исследовании (экономических, социальных, технологических и др.). (рис. 7).

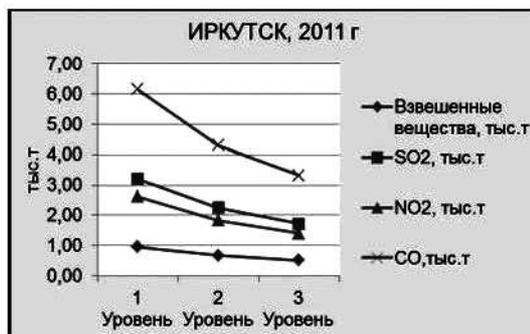

Рисунок 7 – График суммарных выбросов основных загрязняющих веществ в г. Иркутск в 2011 г.

Решение экологических проблем в глобальном масштабе невозможно без изменения господствующего в настоящее время антропоцентрического общественного экологического сознания, ставящего во главу угла человека с его личными интересами в ущерб интересам окружающей его природной среды. Поэтому главная роль в развитии процесса экологического возрождения России, на наш взгляд, принадлежит экологическому образованию, которое необходимо рассматривать в нескольких аспектах:

- воспитание населения, знающего законы экологии и место человека в окружающей среде и заботящегося о природной среде;
- подготовка профессиональных экологов различной направленности: экологии, охраны окружающей среды, экологической безопасности;
- курсы для руководителей по экологической безопасности на предприятиях.

Актуализация и внедрение программы позволит значительно упростить и ускорить процессы обработки и анализа данных, повысит достоверность математических расчетов и позволит избежать возможного влияния чьих-либо интересов в процессе принятия решений. Экономическая оценка экологического ущерба позволяет разрабатывать мероприятия для его сокращения через финансирование из федерального бюджета в части или полностью.

Литература:

1. *Мусихина Е.А.* Исследование влияния фактора времени на оценку состояния окружающей среды в условиях работы горнодобывающих предприятий. Иркутск : ИрГТУ. 2007. 90 с.
2. *Мусихина Е.А.* Методологический аспект технологии комплексной оценки экологической емкости территорий. М. : Академия Естествознания, 2009. 137 с.
3. *Мусихина Е.А.* Проблема комплексной оценки эколого-экономического ущерба от антропогенного воздействия на почвы Проблемы региональной экологии / Е.А. Мусихина, Л.Ю. Дмитриева, О.М. Мусихина. 2010. № 2. С. 95–100.
4. *Клюканова Л.Г.* Особенности формирования государственной экологической политики Российской Федерации Правовые вопросы строительства. 2013. № 2. С. 9–12.

Literature:

1. *Musikhina E.A.* Study of the influence of the time factor on the assessment of the state of the environment in the operating conditions of mining enterprises. Irkutsk : ISTU, 2007. 90 p.
2. *Musikhina E.A.* Methodological aspect of the technology of comprehensive assessment of the ecological capacity of territories. M. : Academy of Natural Sciences, 2009. 137 p.
3. *Musikhina E.A.* The problem of a comprehensive assessment of environmental and economic damage from anthropogenic impact on soils Problems of regional ecology / E.A. Musikhina, L.Yu. Dmitrieva, O.M. Musikhina. 2010. № 2. P.95–100.
4. *Klyukanova L.G.* Features of the formation of the state environmental policy of the Russian Federation Legal issues of construction. 2013. № 2. P. 9–12.

Гончаров Александр Иванович
кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра менеджмента и маркетинга,
Петербургский государственный
университет путей сообщения
Императора Александра I
gonshu@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается понимание социальной ответственности, трендовые факторы развития корпоративной социальной ответственности бизнеса в мире. Кроме того, рассмотрены особенности развития корпоративной социальной ответственности бизнеса в России. А именно, выявлены тенденции, в том числе встраивание программ социальной ответственности в стратегическое развитие крупных компаний. Кроме этого, выделены причины выявленных тенденций, среди которых: отсутствие развитой конкуренции на рынках, слабая активность гражданского общества и другие. Сделано предположение о факторах, которые могут послужить катализаторами по преодолению недостаточной развитости корпоративной социальной ответственности в России. В качестве факторов преодоления недостаточной развитости корпоративной социальной ответственности выделены средства маркетинга по управлению взаимоотношением с клиентами, а также внешние факторы, вызванные мировой пандемией, в том числе изменения в организации труда.

Ключевые слова: социальная ответственность, бизнес, тенденция, маркетинг, безопасность.

Как известно, корпоративная социальная ответственность представляет собой добровольную ответственность, связанную с действиями экономического, экологического и социального характера. По сути, КСО является ответственностью организации за последствия деятельности компании в отношении воздействия на окружающую среду и на общество в целом, то есть, каким образом поведение компании способствует устойчивому развитию. Добровольность подчеркивает выход компании за рамки необходимого законодательством минимального уровня ответственности, или, другими словами, компания не ограничивается этими минимальными рамками по отношению к ответственности.

В мировой практике КСО существуют несколько тенденций, к которым относятся следующие [2]:

Aleksandr I. Goncharov
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Management
and Marketing,
Petersburg State University of Railways
Emperor Alexander I
gonshu@yandex.ru

FEATURES OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY DEVELOPMENT IN RUSSIA

Annotation. The article deals with the understanding of social responsibility, the trend factors of corporate social responsibility development in the world. In addition, the article considers the features of corporate social responsibility development in Russia. Specifically, the trends are identified, including the integration of social responsibility programs into the strategic development of large companies. In addition, the reasons for the identified trends are highlighted, including: lack of developed competition in the markets, weak activity of civil society, and others. An assumption is made about the factors that can serve as catalysts for overcoming the lack of development of corporate social responsibility in Russia. Marketing tools for managing customer relationships, as well as external factors caused by the global pandemic, including changes in the organization of work, are identified as factors for overcoming the lack of development of corporate social responsibility.

Keywords: social responsibility, business, trend, marketing, security.

- 1) приоритетность этических принципов при осуществлении бизнесом своей деятельности (разработки этических кодексов с предусмотренным механизмом контроля со стороны высшего руководства);
- 2) трансформация в области корпоративного лидерства (фактически вытекает из первого – те компании, которые стремятся обеспечить безопасность своей продукции при производстве товаров, путем минимального воздействия на экологию, а также повышают полезность своей продукции для потребителя и для развития общества в целом, становятся новыми лидерами бизнеса);
- 3) усиление роли корпоративных лидеров с точки зрения роли морального агента (распространение тех принципов КСО, которых

придерживается данная компания на круг своих партнеров, поставщиков, подрядчиков и т.п.);

4) расширение использования нефинансовой отчетности компаний (в том числе введение обязательности применения такой отчетности);

5) увеличение экологических инновационных разработок (которые призваны сократить потребление энергии и других ресурсов);

6) расширение коммуникаций со стейкхолдерами, в том числе через социальные сети, с целью повышения эффективности мероприятий в области КСО.

Чтобы проследить тенденции в развитии КСО в России, можно обратиться в том числе к рейтингу компаний, которые являются лидерами в области КСО.

Так по оценке компаний по нескольким критериям и составленному компаниями «Экопромсистемы» и «Национальная служба мониторинга» рейтингу российских компаний в 2013 году среди компаний, занимающих первые десять мест, были представители крупных сырьевых компаний (Газпром, Сургутнефтегаз, Лукойл), финансовых организаций (ВТБ, Сбербанк), компаний связи (АФК Система) [5]. Если обратиться к последнему рейтингу 2020 года [8], то можно видеть некоторое постоянство – в лидерах те же компании (Газпром, АФК «Система», Сургутнефтегаз, Лукойл). Как видно из предыдущих рассуждений, ситуация в России с КСО, можно сказать в оптимистическом ключе, достаточно стабильна. Крупные компании уже достаточно длительный период стабильно занимаются деятельностью в рамках КСО, что показывает встраивание программ КСО в стратегическое развитие компании. В свою очередь, это прямо показывает стремление компаний эффективно использовать кадровый потенциал работников в долгосрочной перспективе [6, с. 432]. Однако, если взять пессимистическую точку зрения и попытаться увидеть в этом недостатки, то, как представляется, данная стабильность является отражением ситуации, которая не способствует росту и развитию КСО в России. Какие же причины влияют на сдерживание развития КСО в России? Выделяют несколько причин [2], которые являются сдерживающими факторами развития КСО, а именно:

1) прерогатива КСО существует в основном для крупного бизнеса;

2) уровень конкуренции не достаточен для расширения КСО в среде малого и среднего бизнеса;

3) получение дешевых кредитов со стороны международных банков, сейчас ограничен санкционной политикой (КСО в данном случае рассматривалась как один из критерия получения данного вида кредитов);

4) низкий уровень стимулирования КСО на государственном уровне (государственные действия скорее воспринимаются как элемент давления, а не стимулирования, поэтому КСО для многих компаний может рассматриваться как балласт или

обуза, а не как средство повышения эффективности деятельности).

Помимо перечисленных причин, также наблюдается в России достаточно низкая активность со стороны гражданского общества [7, с. 56], что также не способствует развитию КСО.

Теория стейкхолдеров [7, с. 15] также связывает направленность действий компании с налаживанием взаимодействия с заинтересованными лицами как внешними (потребители и т.п.), так и внутренними (акционеры, работники компании). Данный аспект в настоящее время приобретает все большую актуальность. Так множество компаний, используя средства маркетинга, старается таким образом организовать процесс маркетинга, чтобы добиться не только выявления и изучения потребностей клиентов, разработки клиентоориентированной стратегии маркетинга, а также соответствующих маркетинговых программ, но и построению прибыльных отношений с клиентами. Компания, ориентируясь на будущее, таким образом строит отношения с клиентами, чтобы обеспечить их высокую лояльность к компании. В свою очередь, для этого необходимо добиваться высокой степени удовлетворенности клиентов, т.к. удовлетворенные в полной мере клиенты будут демонстрировать приверженность компании, а компания получит от них целый поток покупок в будущем. Таким образом, необходимо не только продавать качественные товары, но демонстрировать уважение клиентам, их значимость для компании. Когда мы говорим об уважении, то сразу затрагиваем нормы поведения, моральные принципы в обществе и компании, то есть говорим о моральной и социальной ответственности бизнеса в целом. Действительно, современный маркетинг вооружается концепцией просвещенного маркетинга, которая предполагает, что маркетинговая деятельность компании должна обеспечивать высокую результативность маркетинговой системы в будущем, для достижения которой, одним из принципов выступает социальный маркетинг.

Последний предполагает принятие решений не только с учётом потребностей клиентов, но и их долгосрочных интересов, а также долгосрочных интересов общества. Уважение к потребителю и обществу формирует не только удовлетворение клиентов, но дает преимущества в будущем как конкретному потребителю, так и обществу в целом (вкусная и полезная продукция ведет к здоровью и снижению расходов на здравоохранение). Для закрепления такого поведения, многие компании разработали кодексы этики, которые, однако, хоть и декларируют этическое поведение, но не гарантируют его (механизм контроля лучше отработан в зарубежных компаниях). Таким образом видна взаимосвязь корпоративной социальной ответственности и маркетинговой деятельности компаний. То есть маркетинг в данном случае может выступить катализатором развития КСО в России.

Следующим фактором стимулирования развития КСО в России, как представляется, является изменение внешней среды, вызванные пандемией.

Одним из элементов безопасности в ситуации с пандемией является удаленная работа. А безопасность, в свою очередь, выступает элементом социальной ответственности бизнеса и устойчивого развития. Каким же образом работодатели обеспечивали данную форму работы своих сотрудников? По проведенным исследованиям [3] в период первой волны пандемии весной 2020 года количество различных совещаний с помощью удаленных средств связи увеличилось более чем в 15 раз по сравнению с весной 2019 года. Более того, после отмены всеобщего локдауна, 56 % работодателей по-прежнему предоставляло сотрудникам возможность работать удаленно. В целом же, такая работа имеет для работодателей определенные выгоды: экономия на аренде помещений, компьютеров и т.п., возможность найма сотрудников из других регионов. Для работников это прежде всего снижение стресса, экономия времени на дорогу, увеличение времени на сон, гибкий график. Удаленная работа также способствует улучшению экологии, так как чем больше сотрудников работает удаленно, тем меньше становится трафик движения личного транспорта, что особенно актуально для больших мегаполисов.

Более комфортные и привычные условия труда в период удаленной работы так же можно рассматривать как, во-первых, забота о сотрудниках, или проявление социальной ответственности, и, во-вторых, ведущий к экономии затрат способ организации труда.

Литература:

1. *Гончаров А.И.* Особенности управления персоналом в условиях информационно-коммуникационного пространства / А.И. Гончаров; Под ред. Л.А. Кравченко и [др.] // Информационное общество: актуальные проблемы современности: Сб. трудов II Национальной научно-практической конференции (14 ноября 2019). СПб. : ФГБОУ ВО ПГУПС, 2019. С. 352–358.
2. *Костин А.* Современные тенденции развития КСО: новые вызовы и трансформации. URL : <http://soc-otvet.ru>
3. Перспективы удаленной работы в России глазами владельцев и сотрудников компаний. URL : https://webinar.ru/blog/research_of_remote_work_in_russia_webinar_group
4. Петербургский интернет журнал «Interessant». URL : <https://www.interessant.ru/people/rabotodati-eli-v-rossii-razd-1>
5. Рейтинг корпоративной социальной ответственности крупнейших компаний, работающих на российском рынке. URL : http://ecoproms.ru/?page_id=725
6. *Скитёва Е.И.* Влияние кадрового потенциала компании на стратегическое управление персоналом: Инновации и инвестиции. 2019. № 11. С. 431–435.

Условия труда можно рассматривать в 2 аспектах:

- а) когда работодатели предоставляют средства защиты и дезинфекции своим сотрудникам;
- б) когда компании предлагают покупателям средства защиты и (или) средства дезинфекции.

Крупные торговые сети не только информируют покупателей о социальной дистанции специальной разметкой на полу, но и предоставляют возможность продезинфицировать руки специальными растворами с помощью дозаторов в свободном доступе. Более того, многие торговые сети, начали предоставлять средства индивидуальной защиты бесплатно своим покупателям. Так, например, сеть в сети «Магнит», можно взять маски на бесплатной основе, а в сети «Перекресток» посетителям предлагают взять у входа в торговый зал одноразовые перчатки [9]. По данным опроса среди менеджеров по управлению персоналом [4] выяснилось, что в качестве средств профилактики использовались: бесплатная раздача масок сотрудникам, выдача витаминных препаратов и противовирусных средств.

Таким образом, использование компаниями в новых условиях современные технологии безопасности для сотрудников и клиентов, а также вынужденная необходимость стимулировать развитие данных технологий [1] дает толчок как малому, так и среднему бизнесу все более уделять внимание вопросам КСО, и, в дальнейшем, способствовать ее развитию.

Literature:

1. *Goncharov A.I.* Features of personnel management in the information and communication space A.I. Goncharov / Ed. L.A. Kravchenko and [oth.] // Information Society: current problems of our time: Sat. works of the II National Scientific and Practical Conference (November 14, 2019). SPb. : FSBOU VO PGUPS, 2019. P. 352–358.
2. *Kostin A.* Modern CSR trends: new challenges and transformations. URL : <http://soc-otvet.ru>
3. Prospects for remote work in Russia through the eyes of owners and employees of companies. URL : https://webinar.ru/blog/research_of_remote_work_in_russia_webinar_group
4. St. Petersburg Internet magazine «Interessant» URL : <https://www.interessant.ru/people/rabotodatieli-v-rossii-razd-1>
5. Rating of corporate social responsibility of the largest companies operating in the Russian market. URL : http://ecoproms.ru/?page_id=725
6. *Skiteva E.I.* Influence of the company's personnel potential on strategic personnel management; Innovation and investment. 2019. № 11. P. 431–435.

7. *Скитёва Е.И.* Корпоративная социальная ответственность : учеб. пособие / Е.И. Скитёва, А.И. Гончаров. СПб. : ФГБОУ ВО ПГУПС, 2019. 64 с.

8. Списочный рейтинг социальной эффективности крупнейших российских компаний 2020. URL : <http://akmrating.ru/ru/ranking/index/35>

9. URL : <https://tumentoday.ru/2020/06/18>

7. *Skiteva E.I.* Corporate social responsibility : manual / E.I. Skiteva, A.I. Goncharov. SPb. : FSBOU VO PGUPS, 2019. 64 p.

8. List rating of social efficiency of the largest Russian companies 2020. URL : <http://akmrating.ru/ru/ranking/index/35>

9. URL : <https://tumentoday.ru/2020/06/18>

Коток Никита Юрьевич
аспирант кафедры экономики
и внешнеэкономической деятельности,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
nikibarcelona50@gmail.com

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЫРАВНИВАНИЯ СУБЪЕКТОВ РФ ПО УРОВНЮ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

■ ■ ■

Аннотация. В статье приведена методика выравнивания регионов России по уровню продовольственной безопасности. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью устранения неравномерного развития регионов по уровню сельскохозяйственного производства. Причиной такой ситуации являются различия в природно-климатических условиях, в производственно-экономическом потенциале и инфраструктурном обеспечении регионов нашей страны. Устранение неравномерного развития возможно лишь с помощью государственной поддержки. В статье произведен расчет уровня продовольственной независимости субъектов РФ. Расчет подтвердил неравномерность в обеспечении продовольствием в стране. К регионам, которые соответствуют всем целевым показателям продовольственной независимости относятся Воронежская область, Липецкая область, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Рязанская область. Автором предложена формула определения коэффициента выравнивания, который позволит рассчитать сумму дополнительной государственной поддержки сельского хозяйства, необходимой для устранения существенной дифференциации регионов. Коэффициент рассчитывается как отношение фактического потребления продукции к его рациональной норме потребления. Ни в одном субъекте РФ не потребляется достаточное для активного и здорового образа жизни количество продуктов питания. Для выравнивания регионов необходимо дополнительное субсидирование, сумма которого рассчитывается по формуле, предложенной в статье (произведение среднего геометрического отношений коэффициента выравнивания к уровню продовольственной независимости и фактической суммы господдержки, полученной в предыдущем году). Предложенная методика апробирована на примере Новосибирской области. Рассчитано, что сумма дополнительной государственной поддержки составляет 1548,3 млн руб., которые необходимо направить на развитие овощеводства, картофелеводства, молочного и мясного производства.

Nikita Y. Kotok
Postgraduate student
of the Department of Economics
and Foreign Economic Activity,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
nikibarcelona50@gmail.com

METHODOLOGICAL BASIS FOR THE EQUALIZATION OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION BY THE LEVEL OF FOOD SECURITY

■ ■ ■

Annotation. The article presents a methodology for equalizing Russian regions in terms of food security. The relevance of this research is due to the need to eliminate the uneven development of regions in terms of agricultural production. The reason for this situation is the differences in natural and climatic conditions, in the production and economic potential and infrastructure provision of the regions of our country. The elimination of uneven development is possible only with the help of state support. The article calculates the level of food independence of the subjects of the Russian Federation. The calculation confirmed the uneven food supply in the country. The regions that meet all the targets for food independence include the Voronezh region, the Lipetsk region, the Republic of Mari El, the Republic of Mordovia, and the Rязan region. The author offers a formula for determining the equalization coefficient, which will allow calculating the amount of additional state support for agriculture necessary to eliminate significant regional differentiation. The coefficient is calculated as the ratio of actual product consumption to its rational consumption rate. No subject of the Russian Federation consumes enough food for an active and healthy lifestyle. To equalize the regions, additional subsidies are required, the amount of which is calculated according to the formula proposed in the article (the product of the geometric average ratio of the equalization coefficient to the level of food independence and the actual amount of state support received in the previous year). The proposed method is tested on the example of the Novosibirsk region. It is estimated that the amount of additional state support is 1548.3 million rubles, which should be directed to the development of vegetable, potato, dairy and meat production.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, продовольственная независимость, коэффициент выравнивания, государственная поддержка, производство, потребление.

Keywords: food security, food independence, equalization coefficient, state support, production, consumption.

Разнообразие территории России по природно-климатическим условиям, производственно-экономическому потенциалу, инфраструктурному обеспечению является ключевой причиной неравномерности регионов страны в уровне продовольственной безопасности [1]. Данная неравномерность обуславливается различиями в возможностях и масштабах сельскохозяйственного производства, с одной стороны, и в спросе на продукты питания – с другой. Все эти факторы приводят к появлению одной из основных региональных проблем – проблеме продовольственного обеспечения региона [2].

В современных условиях, лишь помощь государства позволит решить проблему неравномерности в уровне продовольственной безопасности в субъектах РФ, так как большинство вышеназванных факторов носят объективный характер и не зависят от внутренних региональных усилий. Таким образом, необходима разработка методики выравнивания регионов России по уровню продовольственной безопасности, что и является целью данного исследования.

Для достижения данной цели в статье решены следующие задачи:

- 1) произведен расчет уровня продовольственной безопасности субъектов РФ;
- 2) предложена и апробирована методика расчета дополнительной суммы субсидий, необходимых для выравнивания регионов по уровню продовольственной безопасности.

Объектом исследования выступает продовольственная безопасность региона. Предметом – инструменты и методика выравнивания регионов по уровню продовольственной безопасности.

Для написания статьи использовались следующие методы: анализ и синтез, монографический метод, сравнительный анализ, расчетно-конструктивный метод. В качестве информационной базы исследования выступили статистические сборники «Балансы продовольственных ресурсов», а также иная статистическая информация.

Результаты исследования и их обсуждение. Неравномерность в уровне социально-экономичес-

кого развития регионов России привела к появлению избытка в производстве продовольствия в одних субъектах и хронического недостатка – в других [3]. Продовольственная безопасность региона – это важнейший показатель его развития, отражающий ситуацию с производством и потреблением сельскохозяйственной продукции внутри региона [4]. Согласно Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации, «продовольственная безопасность – это такое состояние социально-экономического развития региона, при котором обеспечивается его продовольственная безопасность, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого его жителя продовольственных товаров, соответствующих обязательным требованиям, в объемах не менее рациональных норм потребления продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни». При этом продовольственная независимость – это способность региона самообеспечивать себя основными видами сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия [5].

Продовольственная независимость региона (ПН) рассчитывается по следующей формуле:

$$ПН = \frac{\text{Производство}}{\text{Потребление}}$$

где «Производство» – объем внутреннего производства определенного вида продукции в регионе;

«Потребление» – объем внутреннего потребления определенного вида продукции в регионе.

Нами был произведен расчет продовольственной независимости для субъектов РФ за 2019 г. по основным видам продуктов питания: овощи и бахчевые культуры, картофель, молоко и молокопродукты, мясо и мясопродукты, хлебобулочные изделия (табл. 1). В таблице видно, что показатели сильно разнятся, как по регионам, так и по продуктам. Наибольшая обеспеченность наблюдается по хлебобулочным изделиям (хлеб и макаронные изделия в пересчете на муку, мука, крупы, бобовые). Наименьший показатель продовольственной независимости в основном в северных районах России.

Таблица 1

Продовольственная независимость субъектов РФ по основным видам продукции

№ п/п	Субъект РФ	Овощи и бахчевые культуры	Картофель	Молоко	Мясо	Яйца	Хлебобулочные изделия
1	2	3	4	5	6	7	8
	Алтайский край	25,4	102,1	161,5	130,7	123,8	2739,1
	Амурская область	64,5	101,0	81,8	81,4	68,5	582,3
	Архангельская область	25,9	68,6	56,6	7,6	20,8	12,2
	Астраханская область	514,3	184,5	84,2	44,7	162,2	406,3

1	2	3	4	5	6	7	8
	Белгородская область	128,4	112,9	152,7	926,9	167,2	2791,6
	Брянская область	94,5	221,6	126,4	411,8	59,1	2166,3
	Владимирская область	51,4	113,3	135,9	41,3	135,9	352,9
	Волгоградская область	260,8	62,2	104,9	80,9	97,4	2377,2
	Вологодская область	42,8	127,1	176,8	33,4	152,5	318,2
	Воронежская область	98,1	113,5	134,0	168,1	85,7	2903,5
	Еврейская автономная область	64,9	44,6	29,1	15,3	40,4	118,4
	Забайкальский край	102,0	68,9	98,6	65,5	32,9	34,3
	Ивановская область	38,7	81,9	77,8	41,2	131,7	256,1
	Иркутская область	49,0	96,8	85,4	61,3	155,3	609,0
	Кабардино-Балкарская Республика	138,3	92,5	139,8	123,0	92,2	1949,7
	Калининградская область	69,4	114,5	78,1	81,9	80,4	1162,0
	Калужская область	88,0	123,9	148,8	119,0	58,7	743,8
	Камчатский край	70,2	94,8	48,2	27,2	71,5	107,6
	Карачаево-Черкесская Республика	131,8	84,4	173,2	118,6	76,1	1051,3
	Кемеровская область	49,5	111,8	53,4	50,3	140,7	763,9
	Кировская область	48,7	100,4	178,4	59,4	136,2	779,0
	Костромская область	51,0	96,7	77,6	29,4	320,3	235,3
	Краснодарский край	113,2	73,3	104,1	82,8	82,0	3271,9
	Красноярский край	47,8	114,8	89,4	54,7	106,0	1284,8
	Курганская область	35,7	111,0	90,2	81,9	41,7	3802,3
	Курская область	84,3	113,5	131,9	436,9	58,6	4543,0
...
	Республика Марий Эл	125,5	102,1	99,1	398,9	98,9	808,6
	Республика Мордовия	120,3	101,0	197,3	367,5	421,4	2366,0
	Республика Саха (Якутия)	63,5	68,6	56,8	26,5	59,0	232,7
	Республика Северная Осетия-Алания	38,8	184,5	110,2	54,4	39,0	1608,9
	Республика Татарстан	83,7	112,9	117,2	109,0	114,4	1652,6
	Республика Тыва	72,3	221,6	99,5	61,7	16,4	87,2
	Республика Хакасия	41,4	113,3	93,4	59,1	62,5	339,9
	Ростовская область	98,0	62,2	99,1	60,5	116,6	5961,1
	Рязанская область	99,1	127,1	159,8	87,5	262,5	2524,0
	Самарская область	84,2	113,5	56,3	51,2	10,5	916,9
	Саратовская область	123,8	1,0	108,2	80,5	119,1	2715,1
	Сахалинская область	39,6	0,0	56,4	19,1	92,8	10,5
	Свердловская область	59,3	5,3	70,5	58,2	102,6	333,4
	Смоленская область	75,2	44,6	71,0	116,2	135,4	731,4
	Ставропольский край	89,6	68,9	87,7	173,2	76,2	3132,8
	Тамбовская область	78,3	81,9	104,3	487,3	37,4	3750,3
	Тверская область	41,5	96,8	88,7	137,4	31,1	339,4
	Томская область	58,6	92,5	47,9	155,7	40,9	662,5
	Тульская область	89,9	114,5	93,6	115,2	93,0	2546,7
	Тюменская область	53,1	123,9	84,2	67,9	140,7	585,0
	Удмуртская Республика	75,4	94,8	164,4	120,1	218,0	807,7
	Ульяновская область	96,6	84,4	78,9	57,2	60,9	1628,8
	Хабаровский край	80,1	111,8	9,6	9,2	76,8	70,9
	Челябинская область	57,1	100,4	60,7	150,4	132,3	1044,5
	Чеченская Республика	60,2	96,7	82,4	26,0	39,3	220,6
	Чувашская Республика	92,6	73,3	122,2	100,7	81,2	913,4
	Чукотский автономный округ	83,3	114,8	0,0	27,3	35,4	0,0

Согласно Доктрине продовольственной безопасности продовольственная независимость по основным продуктам питания не должна превышать следующие значения: зерна – 95 %, мяса и мясопродуктов (в пересчете на мясо) – 85 %, молока и молокопродуктов (в пересчете на молоко) – 90 %, картофеля – 95 %, овощей и бахчевых – 90 % [5]. К регионам, которые соответствуют всем целевым показателям относятся Воронежская область, Липецкая область, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Рязанская область.

Главная особенность России заключается в неравномерном распределении продовольственной безопасности по регионам. В связи с чем первоочередной задачей руководства страны должно

стать выравнивание уровня продовольственной безопасности.

Нами предложен следующий коэффициент выравнивания (K_v):

$$K_v = \frac{РНП}{Потребление},$$

где РНП – рациональная норма потребления определенного вида продукции.

Данный коэффициент показывает во сколько раз рациональная норма потребления определенной продукции превышает ее фактическое потребление в регионе. Если его значение превышает 1, то

регион не нуждается в выравнивании, если меньше 1 – нуждается. В таблице 2 представлен рассчитанный коэффициент выравнивания для субъектов РФ. Не в одном регионе России коэффициент не равеняется и не превышает своего

порогового значения. Это означает то, что одновременно по всем исследуемым продуктам питания ни в одном субъекте не соблюдаются рациональные нормы питания.

Таблица 2

Коэффициенты выравнивания для субъектов РФ по основным видам продукции [6]

№ п/п	Субъект РФ	Овощи и бахчевые культуры	Картофель	Молоко	Мясо	Яйца	Хлебо-продукты
	Алтайский край	0,58	1,06	0,79	0,87	1,23	1,60
	Амурская область	0,92	1,43	0,60	0,89	1,28	1,43
	Архангельская область	0,61	0,69	0,60	0,88	0,95	1,10
	Астраханская область	1,25	1,37	0,61	1,09	0,96	1,43
	Белгородская область	0,80	1,29	0,80	1,31	1,25	1,45
	Брянская область	0,78	1,64	0,52	0,92	0,93	1,11
	Владимирская область	0,70	0,97	0,62	0,82	1,15	1,23
	Волгоградская область	1,31	1,05	0,61	1,02	1,20	1,22
	Вологодская область	0,73	1,02	0,73	1,06	1,25	1,13
	Воронежская область	0,92	1,17	0,84	1,30	1,33	1,39
	Еврейская автономная область	0,75	1,50	0,56	0,74	0,77	1,17
	Забайкальский край	0,61	1,15	0,75	0,98	0,63	1,14
	Ивановская область	0,71	0,79	0,58	0,86	1,07	1,17
	Иркутская область	0,50	1,03	0,60	0,94	0,93	1,10
	Кабардино-Балкарская Республика	1,28	1,16	0,88	0,92	1,04	1,03
	Калининградская область	0,75	1,07	0,68	1,19	1,10	1,13
	Калужская область	0,72	1,00	0,74	1,12	0,91	1,14
	Камчатский край	0,76	1,00	0,45	1,01	0,83	0,99
	Карачаево-Черкесская Республика	0,71	1,14	0,69	0,77	0,87	1,36
	Кемеровская область	0,56	1,12	0,62	0,96	1,06	1,18
	Кировская область	0,73	0,88	0,84	0,96	1,21	1,24
	Костромская область	0,71	1,04	0,63	0,80	1,33	1,08
	Краснодарский край	0,94	0,78	0,70	1,18	1,27	1,45
	Красноярский край	0,70	1,08	0,72	1,13	1,01	1,16
	Курганская область	0,76	0,97	0,73	0,92	0,98	1,16
	Курская область	0,64	1,27	0,57	1,20	0,82	1,52
...
	Республика Марий Эл	0,87	1,73	0,74	1,30	1,02	1,38
	Республика Мордовия	0,64	1,18	0,76	1,08	1,10	1,30
	Республика Саха (Якутия)	0,49	0,95	0,85	1,20	0,88	1,40
	Республика Северная Осетия-Алания	0,78	1,02	0,62	0,83	0,96	1,10
	Республика Татарстан	0,66	1,49	1,10	1,12	1,19	1,26
	Республика Тыва	0,30	0,82	0,55	0,84	0,43	1,38
	Республика Хакасия	0,78	0,99	0,77	0,94	1,03	1,29
	Ростовская область	0,99	0,72	0,79	1,01	1,30	1,09
	Рязанская область	0,55	1,20	0,71	0,83	1,21	1,24
	Самарская область	0,82	1,03	0,74	0,90	1,10	1,15
	Саратовская область	0,76	0,64	0,72	0,85	1,23	1,08
	Сахалинская область	0,70	0,93	0,44	1,23	1,19	1,00
	Свердловская область	0,73	1,11	0,74	1,08	1,23	1,27
	Смоленская область	0,58	1,02	0,66	0,90	0,95	1,31
	Ставропольский край	0,96	0,77	0,62	1,13	1,10	1,39
	Тамбовская область	0,78	1,27	0,50	1,12	0,77	1,59
	Тверская область	0,71	1,15	0,55	1,04	1,18	1,27
	Томская область	0,53	1,04	0,78	0,91	0,97	1,28
	Тульская область	0,67	1,27	0,40	0,94	1,22	1,11
	Тюменская область	0,56	0,94	0,55	0,73	1,15	1,26
	Удмуртская Республика	0,67	1,25	0,83	0,97	1,17	1,21
	Ульяновская область	0,77	1,20	0,66	0,90	0,96	1,04
	Хабаровский край	0,85	0,83	0,61	1,04	1,16	1,20
	Челябинская область	0,66	1,03	0,57	0,98	1,03	1,15
	Чеченская Республика	1,07	1,05	0,71	0,88	0,81	1,35
	Чувашская Республика	0,75	1,62	0,79	0,94	0,97	1,27
	Чукотский автономный округ	0,26	0,53	0,32	0,60	0,60	0,67

Выравнивание регионов по продовольственной независимости должно происходить с помощью субсидирования. Опираясь на вышеперечислен-

ные показатели, рассчитывается необходимый для выравнивания объем государственной поддержки (ГПв) по формуле:

$$ГП_{\text{в}} = \sqrt[n]{\frac{K_1}{ПН_1} \times \frac{K_2}{ПН_2} \dots \times \frac{K_n}{ПН_n}} \times ГП_{\text{факт.}} \times 100 \%,$$

где n – количество исследуемых продуктов питания; $ГП_{\text{факт.}}$ = фактический объем господдержки сельского хозяйства в регионе.

Для расчета использовалась средняя геометрическая показатель.

Таким образом, появляется возможность рассчитать сумму господдержки, необходимой для выравнивания регионов по уровню продовольственной независимости.

Рассчитаем данный показатель для одного из субъектов РФ, например, Новосибирской

$$ГП_{\text{в}} = \sqrt[6]{\frac{0,88}{66,7} \times \frac{0,99}{88,2} \times \frac{0,88}{88,4} \times \frac{0,98}{82,8} \times \frac{1,24}{121,4} \times \frac{1,3}{1386}} \times 2085,5 \times 100 = 1548,3 \text{ млн руб.}$$

Таким образом, сумма дополнительной государственной поддержки, необходимой для выравнивания Новосибирской области по уровню продовольственной безопасности в 2020 г. составила 1548,3 млн руб. Основными отраслями, на развитие которых необходимо направить дополнительные средства – это овощеводство, картофелеводство, молочное и мясное производства.

Таким образом, предложенная методика позволяет сосредоточить финансовые ресурсы на развитии определенных отраслей сельского хозяйства, продовольственная безопасность по которым находится на низком уровне [7].

Ключевая проблема продовольственного обеспечения России заключается в неравномерном развитии регионов страны в уровне продовольственной безопасности. Очевидно, что решение данной проблемы возможно лишь при помощи государственной поддержки. Необходимо дополни-

Литература:

1. Продовольственная безопасность, самообеспеченность России по критериям товаров из продовольственной потребительской корзины на ближайшие годы: информ. изд. М. : ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. 256 с.
2. Юнусова П.С. Региональный уровень продовольственной безопасности: специфика, факторы обеспечения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. №16. С. 59–64.
3. Боткин О.И. Понятие сущности и оценка продовольственной безопасности региона / О.И. Боткин, А.И. Сутыгина, П.Ф. Сутыгин // Известия СПбГАУ. 2016. № 44. С. 154–161.
4. Vagsholm I. Food Security, Safety, and Sustainability – Getting the Trade-Offs Right / I. Vagsholm, N.Sh. Arzoomand, S. Boqvist // Frontiers in sustainable Food Systems. 2020. Vol. 4. P. 1–14.

области. Для этого нам необходимы следующие данные, полученные в 2019 г.:

1) уровень продовольственной независимости по овощам и бахчевым культурам – 66,7 %, картофелю – 88,2 %, молоку – 88,4 %, мясу – 82,8 %, яйцам – 121,4 % и хлебопродуктам – 1386 %;

2) коэффициент выравнивания для овощей и бахчевых культур – 0,88, картофелю – 0,99, молоку – 0,88, мясу – 0,98, яйцам – 1,24 и хлебопродуктам – 1,3;

3) объем средств государственной поддержки в рамках программ и мероприятий по развитию сельского хозяйства – 2085541 тыс. руб.

тельное финансирование регионов для обеспечения достижения ими целевых показателей в продовольственной независимости. Для расчета суммы дополнительной государственной поддержки требуется определение коэффициента выравнивания, который рассчитывается как отношение фактического потребления продукции к ее рациональным нормам. Расчет показал, что жители очень малого количества субъектов РФ потребляют продовольствие в соответствии с его рациональными нормами потребления. Автором предложена методика расчета государственной поддержки, необходимой для выравнивания регионов по уровню продовольственной безопасности. Ее апробация произведена на примере Новосибирской области. Выявлено, что для данного региона требуется дополнительно 1548,3 млн руб., которые необходимо направить на развитие овощеводства, картофелеводства, молочного и мясного производства.

Literature:

1. Food security, self-sufficiency of Russia according to the criteria of goods from the food consumer basket for the coming years: inform. ed. M. : fgbnu «Rosinformagrotech», 2019. 256 p.
2. Yunusova P.S. Regional level of food security: specifics, factors of ensuring // National interests: priorities and security. 2009. № 16. P. 59–64.
3. Botkin O.I. Concept of the essence and assessment of food security in the region / O.I. Botkin, A.I. Sutygina, P.F. Sutygin // IzvestiyaSpbgau. 2016. № 44. P. 154–161.
4. Vagsholm I. Food Security, Safety, and Sustainability – Getting the Trade-Offs Right / I. Vagsholm, N.Sh. Arzoomand, S. Boqvist // Frontiers in sustainable Food Systems. 2020. Vol. 4. P. 1–14.

5. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/> (дата обращения 01.11.2020).

6. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 августа 2016 г. № 614 «Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания» // Гарант.ру. URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71385784/> (дата обращения 01.11.2020).

7. Папцов А.Г. Прогноз научно-технологического развития отрасли растениеводства, включая семеноводство и органическое земледелие России, в период до 2030 года / А.Г. Папцов, А.И. Алтухов, Н.И. Кашеваров и [др.]. Новосибир. гос. аграр. ун-т, Сиб. федер. центр агробиотехнологий РАН, ФИЦ Институт цитологии и генетики СО РАН, ФНЦ ВНИИЭСХ. Новосибирск : Изд-во НГАУ «Золотой колос», 2019. 100 с.

5. Decree of the President of the Russian Federation № 20 of January 21, 2020 «On approval of the food security Doctrine of the Russian Federation». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/> (date of application 01.11.2020).

6. Order of the Ministry of health of the Russian Federation № 614 of August 19, 2016 «On approval of Recommendations on rational standards of food consumption that meet modern requirements of healthy nutrition». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71385784/> (date of application 1.11.2020).

7. Paptsov A.G. Forecast of scientific and technological development of the crop production industry, including seed production and organic farming in Russia, in the period up to 2030 / A.G. Paptsov, A.I. Altukhov, N.I. Kashevarov, etc. Novosibirsk state University agrarian.UN-t, Sib. Feder.center of agrobiotechnologies of the Russian Academy of Sciences, FITZ Institute of Cytology and genetics SB RAS, Federal research CENTER vniiesh-Novosibirsk: Publishing house of ngau «ZolotoyKolos», 2019. 100 p.

Ксенофонтова Екатерина Андреевна
соискатель,
кафедра менеджмента и инноваций,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
tyuksenofontova@mail.ru

Крикун Василий Поликарпович
кандидат военных наук,
доцент,
кафедра менеджмента и маркетинга,
Петербургский государственный
университет путей сообщения
Императора Александра I
v-krikun@list.ru

АНАЛИЗ КАК ПЕРВЫЙ ЭТАП СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СТРУКТУРЕ

■ ■ ■

Аннотация. Управленческое решение о целесообразности инвестирования средств в развитие того или иного направления деятельности формируется после проведения анализа по ряду уровней производственно-хозяйственной деятельности. Для обнаружения «узких мест» при этом необходим детальный анализ моделей бизнес-процессов, результатом которого должна стать оптимизация процесса по выявленному некорректному параметру. В статье раскрывается состав процедуры предварительного исследования параметров предпринимательской структуры с целью формирования управленческого решения о целесообразности инвестирования средств в развитие, которая начинается с измерения показателей, построения схем, графиков и диаграмм, прочее, сравнительного анализа полученных данных и дальнейшей выработки соответствующих управленческих решений по совершенствованию бизнес-процессов в предпринимательской структуре.

Ключевые слова: предпринимательская структура, бизнес-процесс, стратегический анализ.

■ ■ ■

В озобновление бизнес-процессов после временного приостановления в период пандемии требует адаптации стратегических механизмов ведения предпринимательской деятельности к изменившимся факторам внешней среды. Полное представление о положении дел в предпринимательской структуре можно получить лишь при проведении многоуровневого анализа, что требует детализацию системы управления бизнес-процессами.

Ekaterina A. Ksenofontova
Applicant,
Department of Management
and Innovation,
St. Petersburg State Economic University
tyuksenofontova@mail.ru

Vasily P. Krikun
Candidate of Military Sciences,
Associate Professor,
Department of Management and Marketing,
Petersburg State University of Railways
Emperor Alexander I
v-krikun@list.ru

ANALYSIS AS THE FIRST STAGE OF IMPROVEMENT OF BUSINESS PROCESSES IN THE ENTREPRENEURIAL STRUCTURE

■ ■ ■

Annotation. The managerial decision on the feasibility of investing in the development of a particular area of activity is formed after an analysis for a number of levels of production and economic activity. In order to detect bottlenecks, a detailed analysis of business process models is required, the result of which should be the optimization of the process according to the revealed incorrect parameter. The article reveals the composition of the procedure for a preliminary study of the parameters of an entrepreneurial structure in order to form a management decision on the feasibility of investing in development, which begins with measuring indicators, constructing diagrams, graphs and diagrams, etc., a comparative analysis of the data obtained and further developing appropriate management decisions to improve the business processes in the business structure.

Keywords: entrepreneurial structure, business process, strategic analysis.

■ ■ ■

При этом и количественный и качественный анализ необходим для совершенствования и глубокого изучения процессов; при анализе используются следующие уровни детализации бизнес-процессов:

- операционная деятельность организации, имеющая в качестве цели – получение прибыли;
- целевая ориентация деятельности: стратегическое управление направленностью работы

компании по основным группам бизнес-процессов базового уровня управления;

- взаимосвязанные последовательные процедуры, которые составляют бизнес-процесс базового уровня (исполняемые разными исполнителями), ведущие к конечному результату;
- процедура – порядок действий определённого исполнителя, который приносит результат;
- действие – совокупность операций, которые протекают последовательно, и в результате

осуществления которых свой функционал контролирует сам исполнитель;

- операция – это составная часть работы отдельно взятого исполнителя, выполнение которой возможно без какого-либо сознательного мониторинга.

В этой связи заметим, что на практике применяют разнообразные инструменты и модели при проведении детализированного анализа (рис. 1) [2].

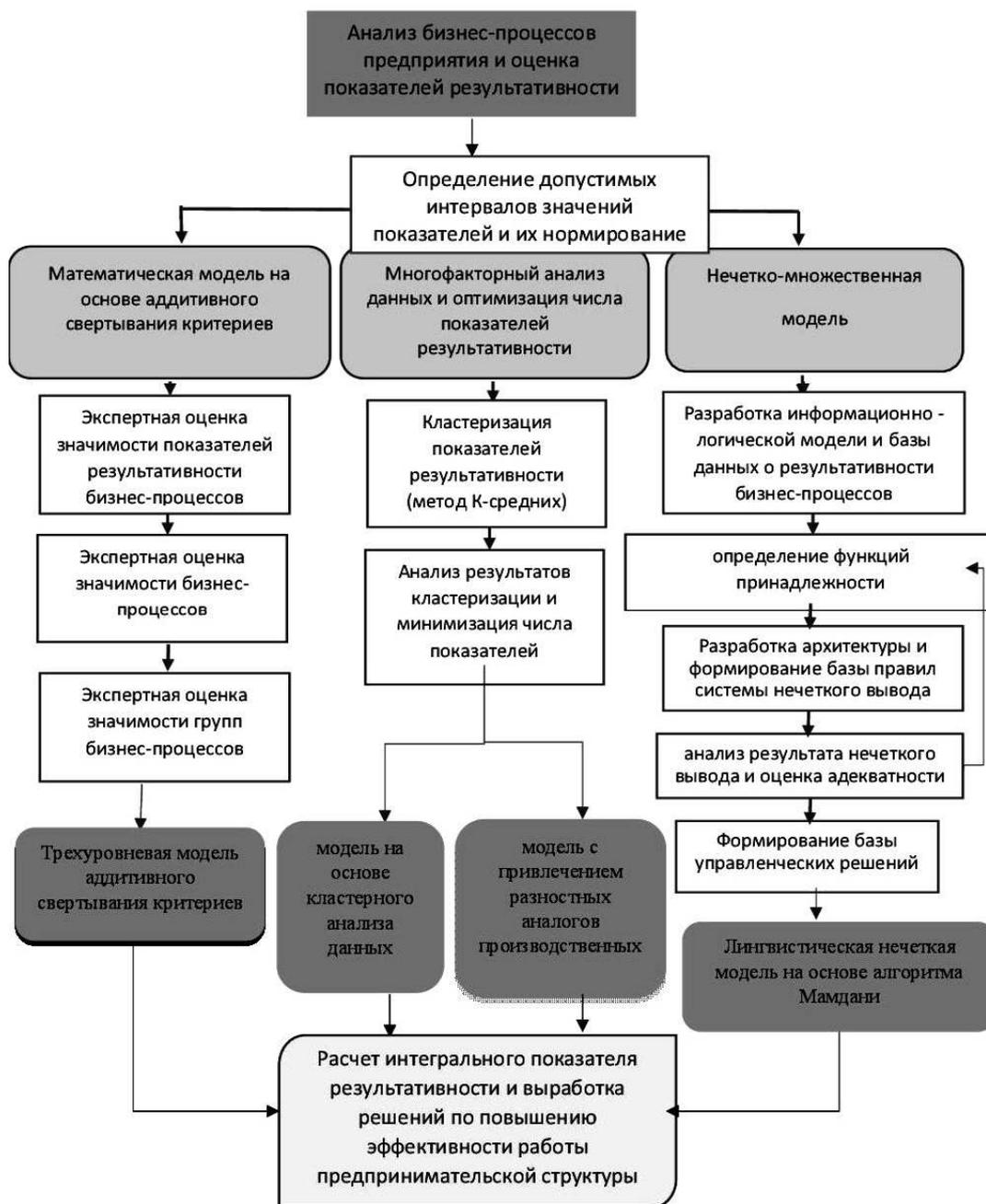

Рисунок 1 – Расчет интегрального показателя результативности и выработка решений по повышению эффективности работы СМК

Практика показывает, что корректировка стратегических целевых установок и инструментов из достижений, проведенная по результатам

детализированного анализа бизнес-процессов предпринимательской структуры позволяет повлиять на финансовый результат

производственно-хозяйственной деятельности – показатели чистой прибыли, остающейся в распоряжении предприятия, и рентабельности.

Прогнозируя вышеуказанные показатели, предпринимательская структура, имеющая в активе результаты проведенного анализа бизнес-процессов по всем уровням, может достаточно точно определить внутренние проблемы и устранить их.

При этом показатели (коэффициенты) рентабельности в бизнесе позволяют оценить бизнес-процессы по разным плоскостям: каждый коэффициент рентабельности отражает положение бизнеса с определенной стороны. Существуют различные коэффициенты рентабельности, ассортимент которых представлен на рисунке 2.

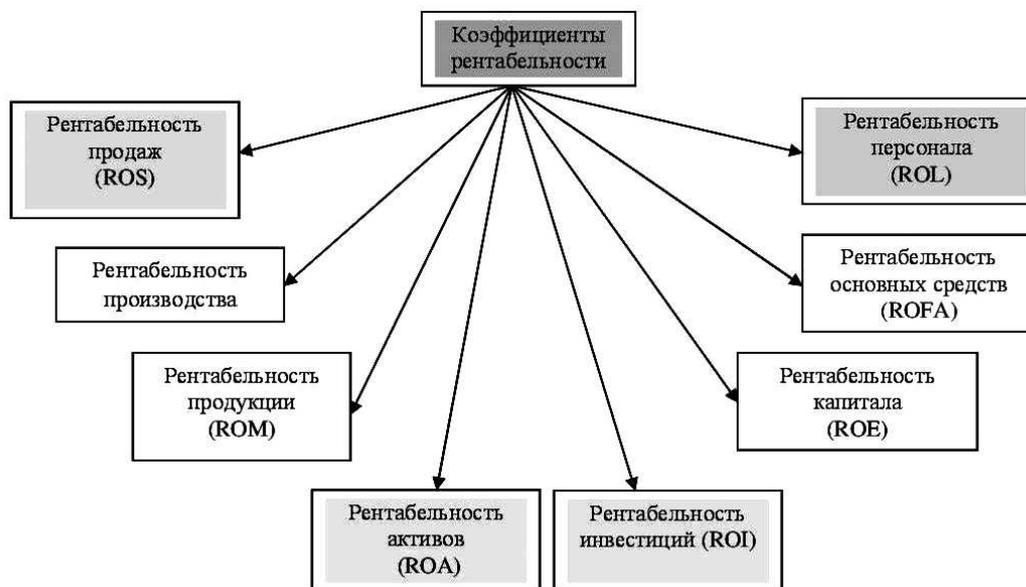

Рисунок 2 – Показатели (коэффициенты) рентабельности

Рентабельность продаж отражает доходность каждого полученного рубля. Именно рентабельность продаж служит платформой для дальнейшего анализа прибыли компании.

Благодаря этому показателю, можно быстро выявить слабую сторону компании. Падение или повышение данной рентабельности показывает изменение темпов роста себестоимости продукции относительно темпов роста выручки. Как правило, причинами таких изменений могут служить изменения в конъюнктуре рынка, изменения себестоимости продукции.

Также, структура ассортимента или расширение ассортимента могут оказывать влияние на данный показатель. На показатель рентабельности могут повлиять разнообразные действия. Например, сговор компаний даст увеличение цены, не обоснованное увеличением себестоимости, что в свою очередь повысит показатель рентабельности. Общее повышение цен на рынке может негативно сказаться на выручке в долгосрочном периоде. Повышение дохода компании может быть краткосрочным, а в стратегическом аспекте компания может потерять потребителей.

Также, создание монополий влияет на показатель рентабельности. Компания может увеличивать или уменьшать цену при достаточно устойчивой себестоимости. При этом количество потребителей не может снизиться. Необходимо учитывать положение на рынке, опираясь на оперативное и стратегическое планирование для изменения

рентабельности продаж. В противном случае попытка увеличения рентабельности продаж может принести негативный эффект.

Существуют компании, которые в попытке повышения рентабельности привели компанию к уменьшению количества потребителей, восстановить число которых – достаточно трудная задача. Соответственно, рентабельность продаж показатель изменения, которого должно происходить достаточно осторожно после подробных расчетов.

Рассматривая показатель рентабельности производства, необходимо обратить внимание на методологии данного показателя. Он определяется как отношение прибыли к совокупности стоимости основных фондов и оборотных средств. Таким образом, рентабельность производства отражает долю прибыли из каждого вовлеченного рубля. Существуют разнообразные пути получения прибыли можно производить продукцию, также возможно заниматься закупкой готовой продукции и продавать ее с наценкой на определенном рынке. Благодаря этому показателю можно выяснить, насколько выгодно производить продукцию, организовывать филиал.

Изменение рентабельности производства позволяет выявить отклонение в работе производственных фондов или использования оборотных средств. Более точную информацию об использовании производственных фондов дает рентабельность капитала. Рентабельность производства

также важна при изучении конъюнктуры рынка. Снижение продаж может обуславливаться низким качеством изготавливаемой продукции. Соответственно, в данной ситуации необходимо изменить состояние продукции, обосновываясь данными этого показателя. Данный показатель незаменим при принятии решения о выводе на рынок новой продукции [1].

Создание структурного подразделения для нового продукта компании может быть не рентабельным. Соответственно, расчет данного показателя может предостеречь от финансовых затрат. На практике неудачное решение о выходе на новый рынок может закончиться достаточно печально. В данном контексте, можно привести в пример итальянскую компанию самолетостроения, которая вышла на новый и уникальный для себя рынок и стала почти банкротом. После неудачного вложения финансов компания вернулась к своей профильной деятельности и избежала банкротства. Таким образом, еще раз подтверждается, что рентабельность производства необходимо контролировать не только в текущей деятельности, но и при создании нового подразделения.

Теперь перейдем к показателю рентабельности продукции (ROM). Данный показатель является одним из важных факторов, повышающий эффективность работы предприятия и ее конкурентоспособность. Компания считается рентабельной, когда доходы от реализации продукции, осуществления работ, оказания услуг превышают издержки производства. Важно отметить, что для эффективного функционирования каждой предпринимательской структуры необходимо, чтобы результаты от продаж формировали еще и прибыль. Для расчета рентабельности продукции необходимо учитывать прибыль от продаж и текущие затраты.

На уровень рентабельности продукции оказывают влияние различные внутренние и внешние факторы. Можно сказать, что одним из важных и основных резервов повышения рентабельности продукции является увеличение прибыли от продаж. Рост данного показателя можно обеспечить путем снижения расходов на изготовление продукции, изменения структуры производимой продукции. Стоит отметить, что увеличение масштабов производства также способствует росту общей прибыли организации, при сохранении суммы прибыли, получаемой от продажи единицы каждого вида продукции. На величину прибыль от продаж также оказывает большое влияние уровень цен на продукцию. Изменение цены может произойти из-за улучшения качества производимой продукции, переходом на новую технологию производства, усовершенствованную технику. Качество продукции оказывает сильное влияние уровень прибыли через выручку. Продукции высокого качества реализуется по более высокой цене, чем аналогичный товар с низким качеством.

К внешним факторам, влияющим на уровень рентабельности продукции, относятся рыночный спрос на продукцию, а также, высокий уровень конкурентоспособности реализуемой продукции/

услуги. Уровень спроса на определенную продукцию, количество конкурентных компаний оказывают влияние на количество реализованной продукции, уровень цен на неё. Все это, в конечном счете, определяет величину прибыли.

Проведение процесса анализа рентабельности продукции/услуги необходимо в каждой компании. С его помощью можно получить всю необходимую информацию о том, сколько рублей приносит каждый вложенный рубль в производство продукции. Чем показатель рентабельности продукции, тем эффективнее производственное предприятие использует имеющиеся у нее ресурсы. Высокие результаты указывают на хорошую конкурентоспособность компании.

Следующим показателем, характеризующим эффективность работы производственного предприятия, является рентабельность инвестиций (ROI). Многие инвесторы до того, как вкладывать денежные средства в инвестиционный проект, определяют его целесообразность, рассчитывают ожидаемую эффективность проекта, а также, рентабельность инвестиций. Иногда вкладчику, в условиях ограниченных финансовых средств, приходится выбирать из нескольких инвестиционных проектов наилучший с помощью рентабельности инвестиций. Чем выше данный показатель, тем больше будет прибыль. Например, акция, цена которой увеличилась в 2 раза с момента покупки, будет иметь рентабельность = 100 %.

Показатель рентабельности инвестиций должен превышать прибыль от реализации инвестиционного проекта. Иначе инвестору будет невыгодно вкладывать в определённый инвестиционный проект, так как есть большая вероятность потери финансовых средств.

Средний показатель рентабельности инвестиций обычно составляет 15–25 % в зависимости от отрасли экономики. В сфере торговли показатель рентабельности инвестиций равен более 25 %, в строительном бизнесе – 22 % и более. Финансовые аналитики считают, что финансовые средства можно вкладывать в компании или проекты с показателем рентабельности более 20 %. В промышленности средний показатель рентабельности составляет 16 %, а в сельском хозяйстве – 12 %.

Можно сказать, что наибольшие вложения финансовых средств ожидаются в недвижимости и строительном комплексе, в топливно-энергетическом комплексе, а также – в транспортную отрасль. Наименьшие капиталовложения ожидаются в сфере образования и здравоохранения.

Многие компании когда-либо сталкивались с проблемой повышения рентабельности инвестиций. Существуют различные способы, позволяющие повысить данный показатель. Это возможно с помощью увеличения эффективности продаж, оптимизирования себестоимости, повышением оборота активов.

Отметим, что инвесторы, маркетологи, менеджеры компаний используют показатель рентабельности инвестиций, потому что он является

универсальным инструментом, позволяющим определить доходности или убыточность суммы, инвестированной в предприятия или проект.

Последующее усовершенствование бизнес-процессов абсолютно невозможно без анализа текущего состояния. Такой анализ состоит из следующих стадий: установление приоритетов; осмысление проблемы и самой сути всего процесса; проведение анализа проблемы.

Далее следуют такие стадии, которые сосредоточены на разработке и применении идей по усовершенствованию. В книге «Бизнес-процессы. Инструменты совершенствования», которая была написана Бьерном Андерсеном, это очень детально описано.

Литература:

1. *Bezduknaya A.G.* On the issue of the perspective directions of the science-driven production development in Russia / A.G. Bezduknaya, T.Y. Ksenofontova, Y.I. Rastova, G.A. Kraiukhin, A.S. Tulupov // The Journal of Social Sciences Research. 2018. № Special. Iss. 3. P. 76–80.

2. *Ксенофонтова Т.Ю.* Методологические аспекты использования нематериальных активов в процессе управления конкурентоспособностью производственных предприятий : монография // Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет». СПб., 2012.

Определенный список инструментов применяют на каждом этапе.

Во всяком случае, если корректная информационная база не сформирована, то пытаться совершенствовать или же анализировать бизнес-процессы предпринимательской структуры преждевременно. Чтобы собрать все необходимые данные и сведения, необходимо наблюдать за всем процессом, создавать фокус-группу, анкетировать резидентов, проводить интервью, организовывать совещания, проводить мозговые коллективные штурмы, изучать отраслевые нормы, законодательство, а также внутреннюю документацию компании.

Literature:

1. *Bezduknaya A.G.* On the issue of the perspective directions of the science-driven production development in Russia / A.G. Bezduknaya, T.Y. Ksenofontova, Y.I. Rastova, G.A. Kraiukhin, A.S. Tulupov // The Journal of Social Sciences Research. 2018. № Special. Iss. 3. P. 76–80.

2. *Ksenofontova T.Yu.* Methodological aspects of the use of intangible assets in the process of managing the competitiveness of industrial enterprises : monograph // Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «St. Petersburg State Engineering and Economic University». SPb., 2012.

Нагорный Дмитрий Александрович
аспирант департамента
мировых финансов,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
dmitryv999@gmail.com

Dmitry A. Nagorny
Graduate student
of the Department World Finance,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
dmitryv999@gmail.com

Влияние коронавируса на процесс цифровой трансформации мировой экономики

IMPACT OF THE CORONAVIRUS ON THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE GLOBAL ECONOMY

Аннотация. Пандемия COVID-19 вызвала сильнейший экономический кризис. Многие традиционные отрасли понесли большие убытки. Однако во время пандемии цифровые отрасли продолжили рост, вырос спрос на цифровые технологии, товары и услуги. Коронавирус поспособствовал ускорению процесса цифровой трансформации мировой экономики. Основные проявления: увеличение объемов электронной торговли, повышение интернет трафика, внедрение новых технологий в медицину, переход работников на удаленную работу и другие изменения на рынке труда.

Ключевые слова: COVID-19, цифровая трансформация мировой экономики, рынок труда.

Annotation. The COVID-19 pandemic has caused a severe economic crisis. Many traditional industries have suffered heavy losses. However, during the pandemic, digital industries continued to grow, demand for digital technologies, goods and services increased. The coronavirus has helped accelerate the digital transformation of the global economy. The main manifestations: an increase in the volume of e-commerce, an increase in Internet traffic, the introduction of new technologies in medicine, the transition of workers to remote work and other changes in the labor market.

Keywords: COVID-19, digital transformation of the global economy, labor market.

Пандемия COVID-19 нанесла чувствительный урон мировой экономике, который проявился, прежде всего, в снижении темпов роста мирового ВВП, резком сокращении производства, повышении уровня безработицы, снижении доходов населения и соответственно спроса. Больше всего пострадали от коронавируса такие отрасли, как международный туризм, гостиничный и ресторанный бизнес, логистика, энергетика. Этим и другим отраслям, в меньшей степени пострадавшим от пандемии, потребуется значительное время для восстановления, что, безусловно, будет оказывать негативное воздействие на экономический рост. По данным ООН, спад мировой торговли из-за последствий пандемии коронавирусной инфекции в 2020 году составит около 20 % [1].

В этих условиях оказать стимулирующее воздействие на экономику может процесс цифровой трансформации, который затронул не только ИТ-сферу, но и традиционные сектора экономики. На многих рынках наблюдается более широкое использование цифровой инфраструктуры по сравнению с докризисными уровнями. Величина этого роста значительно варьируется от одной страны к другой, и большинство существующих фактических данных на текущий момент относятся к странам с высоким и средним уровнем дохода. Например, Vodafone сообщает об

увеличении потребления в Европе на 15 % для мобильного интернета и 44 % для фиксированной широкополосной связи. В африканских странах, в частности, в Гане, по сообщению компании MTN, произошел прирост трафика с 15 до 20 %. Рост потребления, в основном, отражает более частое использование таких информационных продуктов, как видеоконференции, загрузки данных в облако и видеоигры. В Соединенных Штатах T-Mobile сообщила об увеличении количества мультимедийных сообщений (MMS) на 77 % и увеличении трафика видеоигр на 45 %. Ежедневный рост Google Meet превысил 60 % [2]. Максимальное количество участников ежедневных собраний в Zoom, приложении для видеоконференций, увеличилось с 10 миллионов в конце декабря 2019 года до 200 миллионов к концу марта 2020 года. Цифры увеличения потребительской аудитории разнятся от страны к стране, но общим является резкий прирост пользователей и, как следствие, снижение качество доступа в сети Интернет. Компания Ookla, которая измеряет производительность Интернета, отмечала в своих отчетах значительное снижение скорости загрузки и увеличение задержек в сети в Китае, особенно в провинции Хубэй, во время карантина. Подобная ситуация наблюдалась и в Европе: компания Netflix вынуждена была изменить качество видео с высокого на стандартное разрешение, чтобы

справиться с возросшей в разы нагрузка на трафик.

Влияние пандемии на процесс цифровой трансформации сильно различается в развитых и развивающихся странах. В странах с низким уровнем доходов (LIC) был отмечен низкий уровень использования цифровой инфраструктуры, большие разрывы в охвате между городскими и сельскими районами, высокие барьеры доступности, особенно для мобильного интернета [2].

В то же время, для стран с высоким уровнем технологического развития COVID-19 стал настоящим акселератором цифровой трансформации. Подобная ситуация весьма характерна для Китая, который первым столкнулся со вспышкой коронавируса. Китай к моменту распространения инфекции уже был мировым лидером в некоторых отраслях цифровой экономики, таких, например, как электронная коммерция. В условиях пандемии использование цифровых технологий в этой стране увеличилось не только в B2C приложениях и каналах, но и в традиционной менее подверженной цифровизации части экономики, где требуется физическое взаимодействие и работает модель B2B.

Очевидно, что в условиях пандемии во всех странах требуется государственная поддержка процесса цифровизации экономики, но особенно отчетливо это проявляется в странах с развивающейся экономикой. Как никогда ранее, ограничительные меры по взаимодействию людей в период пандемии требовали наращивания использования способов коммуникации, исключающих физические контакты. В этой связи, помощь государства позволяет обеспечить связь в отдаленных и сельских районах с использованием различных технологий – 4G (Новая Зеландия), высотных воздушных шаров (Кения), волоконно-оптических кабелей (Италия), спутникового телевидения (Австралия).

Государство активизирует реализацию цифровых технологий с помощью регуляторных механизмов и рекомендаций. Правительства многих государств осуществляли специфическую адаптивную политику, которая выражалась в распределении сети в чрезвычайных ситуациях (как в США, Южной Африке, Гане), устранении или снижении платы за развертывание сети и использование сети (например, в муниципалитете Кампинас в Бразилии и на Филиппинах), выдачи разрешений на бесплатное использование сети, предоставлении исключений по сетевой нейтральности для определения приоритетов определенного трафика, публикации информации для сетевого распространения (Германия) и разрешение VoIP (Оман).

В условиях пандемии большинство стран отдают предпочтение следующим вариантам использования цифровых услуг:

– Здравоохранение. Цифровые медицинские услуги, включая телемедицину, приложения для самодиагностики и распространение информации среди населения относительно способов

личной защиты и снижения опасности заражения (бесплатный доступ к отдельным сайтам, массовые СМС, видео для повышения уровня осведомленности о возможных мерах). Эти решения были развернуты как минимум в 30 странах; более дюжины из них получили выгоду от государственно-частного партнерства (например, в Кот-д'Ивуаре, Индии). Другой класс инструментов – это инструменты отслеживания распространения инфекций и контактов, которые позволяют определить носителей вируса и заразившихся, мобильности населения, определения скорости распространения инфекции и прогнозирования возникновения очагов заражения на основе моделей искусственного интеллекта (ИИ). Примерно 18 стран начали реализовывать государственно-частное партнерство с операторами мобильной связи и цифровыми платформами в целях разработки систем и приложений, позволяющих обеспечивать населения, органы здравоохранения актуальной информацией, а также защитить конфиденциальность личной информации (например, Израиль и Гана).

– Осуществление цифровых транзакций, доступ населения к финансам в мобильных приложениях, что облегчает проведение безналичных операций и трансфертов от государства. По крайней мере, 11 развивающихся стран временно приостановили или снизили сборы за совершение финансовых операций в мобильных приложениях и выпустили директивы, поощряющие использование мобильных платежей.

– Дистанционное обучение. В более, чем 30 странах успешно была реализована система дистанционного обучения, при этом государство выступило с инициативой о предоставлении бесплатного интернет-трафика, ИТ-платформ обучения для студентов и преподавателей, а также, субсидированного доступа к средствам связи и устройствам. Предложения по внедрению технологий для поддержки онлайн-обучения стали востребованы и получили быстрое развитие.

– Решения для удаленной работы для государственных и частных организаций. Некоторые операторы связи предлагают бесплатный доступ к системам конференц-связи и удаленной работы, в то время, как другие сняли ограничения на услуги мгновенной связи через Интернет. В ряде стран на законодательном уровне произошло усовершенствование регулирования использования электронных услуг в целях обеспечения ими более широкого круга граждан и фирм.

Но не все процессы в плане наращивания объемов цифровых услуг проходят гладко в условиях пандемии. Положительный эффект от цифровизации нивелируется падением доходов и инвестиций в традиционных секторах экономики. К примеру, эксперты LSE проанализировали прогресс финансирования проектов в ключевых секторах в период с марта по май 2020 года, охватывающий период строгого карантина, с прогрессом за тот же период предыдущего года. Анализ показывает значительную степень отказа от проектов. В течение периода карантина правительство Перу добилось лишь половины финансового прогресса, которого оно добилось за тот же период в 2019 году [3].

Влияние пандемии коронавируса на мировой рынок труда было весьма мощным: по данным компании Mckinsey, многие организации почти мгновенно перешли на модели удаленной работы после начала пандемии. Средства для дистанционной работы позволяют компаниям быстро организовывать собрания с участием 20–200 человек и реагировать на запросы клиентов, предоставляя все: от информации о продукте до продаж и послепродажной поддержки в цифровом видео [4]. В действительности, удаленные способы работы, по крайней мере частично, способствовали более быстрому исполнению своих обязанностей. Все это стало возможным, благодаря информационным и цифровым технологиям, которые уже получили свое развитие до пандемии; она ускорила массовый переход к этим технологиям большинства компаний. Дальнейшее развитие дистанционной занятости, безусловно, повлияет на

Литература:

1. В ООН спрогнозировали спад мировой торговли на 20 % сайт. URL : <https://iz.ru/1022523/2020-06-11/v-oon-sprognozirovali-spad-mirovoi-torgovli-na-20> (дата публикации 23.10.2020).
2. What COVID-19 Means for Digital Infrastructure in Emerging Markets сайт. URL : https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/8f9237d2-eceb-433f-a2d0-300907808722/EMCompass_Note_83-for+web.pdf?MOD=AJPERES&CVID=n7M5wS (date of publication 23.10.2020).
3. Has COVID-19 «infected» infrastructure development in Peru? сайт. URL : <https://blogs.lse.ac.uk/lat-amcaribbean/2020/07/10/has-covid-19-infected-infra-structure-development-in-peru/> (date of publication 23.10.2020).
4. The COVID-19 recovery will be digital: A plan for the first 90 days сайт. URL : <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/the-covid-19-recovery-will-be-digital-a-plan-for-the-first-90-days> (date of publication 23.10.2020).
5. Covid-19 Pandemic: Impact on Virtual Workplace Collaboration Now & in the Future сайт. URL : <https://nemertes.com/webinar-replay-covid-19-pandemic-impact-on-virtual-workplace-collaboration-now-in-the-future> (date of publication 23.10.2020).

существующие бизнес-модели и активизирует процесс их изменений в постпандемийный период.

По данным опроса Nemertes: «Будут ли ваши сотрудники работать из дома после COVID-19?» «Да» ответили 35,4 %, а «Возможно» – 35,2 % [5]. Однако удаленная работа приносит не только позитивные изменения в организацию трудового процесса: тренд на использование новых технологий в бизнесе и автоматизацию производства может привести к росту безработицы, высвобождению работников, не обладающих соответствующими цифровыми навыками. В связи с этим, возрастает роль учебных заведений, способных подготовить новых специалистов, которые могут быстро адаптироваться к требованиям, диктуемым рынком труда в условиях цифровой трансформации мировой экономики.

Literature:

1. The UN predicted a decline in world trade by 20 % site. URL : <https://iz.ru/1022523/2020-06-11/v-oon-sprognozirovali-spad-mirovoi-torgovli-na-20> (date of publication 23.10.2020).
2. What COVID-19 Means for Digital Infrastructure in Emerging Markets сайт. URL : https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/8f9237d2-eceb-433f-a2d0-300907808722/EMCompass_Note_83-for+web.pdf?MOD=AJPERES&CVID=n7M5wS (date of publication 23.10.2020).
3. Has COVID-19 «infected» infrastructure development in Peru? сайт. URL : <https://blogs.lse.ac.uk/lat-amcaribbean/2020/07/10/has-covid-19-infected-infra-structure-development-in-peru/> (date of publication 23.10.2020).
4. The COVID-19 recovery will be digital: A plan for the first 90 days сайт. URL : <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/the-covid-19-recovery-will-be-digital-a-plan-for-the-first-90-days> (date of publication 23.10.2020).
5. Covid-19 Pandemic: Impact on Virtual Workplace Collaboration Now & in the Future сайт. URL : <https://nemertes.com/webinar-replay-covid-19-pandemic-impact-on-virtual-workplace-collaboration-now-in-the-future> (date of publication 23.10.2020).

Ноева Елена Евгеньевна
старший преподаватель,
Финансово-экономический институт,
Северо-Восточный федеральный
университет имени М.К. Аммосова
noevga@mail.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА РФ

Аннотация. В последние годы сельское хозяйство динамично развивается на территории всех федеральных округов РФ. Однако, несмотря на рост показателей производства, финансовые результаты сельскохозяйственных организаций в разных федеральных округах существенно различаются. Меры государственной поддержки призваны устранить дисбаланс и создать условия для устойчивого развития отраслей сельского хозяйства, а также, для дальнейшего роста объемов сельскохозяйственного производства на основе повышения его эффективности и конкурентоспособности.

Ключевые слова: территориальная организация хозяйства, факторы размещения, производство сельскохозяйственной продукции, эффективность производства, проблемы, государственная поддержка.

Территориальное разделение труда предполагает ускоренное развитие определенных отраслей хозяйства в тех или иных регионах в соответствии с их природными, ресурсными, социально-экономическими и демографическими особенностями, оно также реализуется через обмен производимой продукцией. Территориальное разделение труда определяет основные особенности экономики региона или групп регионов (экономических районов).

Как подчеркивает П.Я. Бакланов, «территориальная организация хозяйства как процесс реализуется в виде двух составляющих: объективных процессов территориальной самоорганизации и субъективных процессов управления» [3, с. 33]. В период, когда направления и приоритеты организации хозяйства страны определялись посредством плановой экономики, первичными для развития той или иной территории или отрасли являлись процессы управления, включавшие, к примеру, разработку Генеральных схем развития и размещения производительных сил и дальнейшую их практическую реализацию. В условиях перехода к рыночной экономике, предполагалось, что территориальное хозяйство будет способно самоорганизовываться в результате естествен-

Elena E. Noeva
Senior lecturer,
Financial and Economic Institute
North-Eastern Federal University
named after M.K. Ammosov
noevga@mail.ru

TERRITORIAL ORGANIZATION AND ANALYSIS OF THE EFFICIENCY OF AGRARIAN PRODUCTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. In recent years, agriculture has been dynamically developing on the territory of all federal districts of the Russian Federation. However, despite the growth in production indicators, the financial results of agricultural organizations in federal districts differ significantly. State support measures are aimed at eliminating the imbalance and creating conditions for sustainable development of agricultural sectors, as well as further growth in agricultural production based on increasing its efficiency and competitiveness.

Keywords: territorial organization of the economy, location factors, agricultural production, production efficiency, problems, government support.

ных процессов под влиянием требований рынка. Таким образом, хозяйствующие структуры будут формироваться самостоятельно и размещаться именно там, где это целесообразно с точки зрения бизнеса. Однако, как показала практика, государственное регулирование, планирование и управление в российских условиях остаются необходимым и наиболее эффективным способом стимулировать развитие экономической активности, создание и размещение субъектов хозяйствования приоритетных отраслей.

Понятие «аграрное производство» включает сельское хозяйство и его отрасли. Само же сельское хозяйство, в данном случае, рассматривается как совокупность экономических отраслей, связанных с обеспечением населения страны продовольствием, а обрабатывающих отраслей - сельскохозяйственным сырьем.

Проблема размещения и территориальной организации аграрного производства имеет свои характерные особенности. К факторам, влияющим на его размещение, относят [2, с. 118]:

- природный потенциал;
- землеобеспеченность;

- местоположение хозяйств по отношению к рынкам сбыта продукции;
- уровень потребления основных видов продовольствия на душу населения;
- условия хранения и транспортировки сырья;
- развитие научно-технического прогресса и совершенствование материально-технической базы производства.

Территория Российской Федерации разделена на 8 федеральных округов (высшее звено районирования), которые «отличаются по числу входящих в их состав субъектов, занимаемой территории, численности населения и, естественно, по уровню развития сельскохозяйственного производства»

[6, с. 207]. Поскольку, в России деление на экономические районы довольно близко совпадает территориально с делением на федеральные округа, воспользуемся этим фактом для изучения и анализа статистической информации, отражающей тенденции развития сельского хозяйства РФ. Ниже представлены данные о производстве сельскохозяйственной продукции в России в разрезе федеральных округов (ФО) и их изменение за 5 лет (табл. 1). Также показано, какую роль играет тот или иной округ (в данном случае рассматриваемый как территория, совокупность смежных регионов), в обеспечении страны продукцией сельского хозяйства. К сожалению, данные за 2019 г. пока отсутствуют в статистических изданиях Росстата [12], что ограничило временной диапазон для проведения анализа, однако, в целом тенденция вполне определена.

Таблица 1

Изменения в производстве сельскохозяйственной продукции в РФ в 2014–2018 гг. в разрезе федеральных округов, млн руб.

Произведенная продукция сельского хозяйства	Производство, млн рублей	Доля в РФ	Производство, млн рублей	Доля в РФ	Изменения, млн руб.	Темп прироста, %	Структурные изменения, %
	2014 г.		2018 г.				
Всего по РФ	4031064	100	5348777	100	1317713	32,69	–
Центральный федеральный округ	1043397	25,88	1467970	27,44	424573	40,69	1,56
Северо-Западный федеральный округ	195143	4,84	246116	4,60	50973	26,12	–0,24
Южный федеральный округ	642940	15,95	903937	16,90	260997	40,59	0,95
Северо-Кавказский федеральный округ	322988	8,01	461495	8,63	138507	42,88	0,62
Приволжский федеральный округ	958093	23,77	1191874	22,28	233781	24,4	–1,48
Уральский федеральный округ	253025	6,28	321680	6,01	68655	27,13	–0,26
Сибирский федеральный округ	449793	11,16	556883	10,41	107090	23,81	–0,75
Дальневосточный федеральный округ	165686	4,11	198823	3,72	33137	19,99	–0,39

Источник: составлено автором на основе данных ФСГС РФ [12].

Как свидетельствуют данные официальной статистики, сельское хозяйство в России в последние годы динамично развивается по всей территории страны, общий прирост, в среднем по РФ, составил более 32 %, то есть, увеличение произошло почти на треть. Хотя, согласно информации, представленной на сайте Росстата, в сопоставимых ценах производство сельскохозяйственной продукции сократилось на 0,6 % к предыдущему году (сокращение произошло впервые с 2012 г.), однако, в 2019 году эксперты прогнозировали рост на уровне 1–1,5 % [1].

Существенный прирост производства сельскохозяйственной продукции (от 20 % до 40 %) имеет место во всех федеральных округах без исключения. Значительных структурных изменений за исследуемый период не выявлено, что, в целом, объясняется традиционной специализацией регионов. Тем не менее, определенно усиливается роль Центрального и Южного федеральных округов, увеличил свою долю и Северо-Кавказский ФО – темп прироста в производстве сельскохозяйственной продукции у них выше средних по РФ. Наиболее значимыми сельхозпроиз-

водителями в хозяйстве страны являются регионы Центрального (27 %), Приволжского (22 %) и Южного (почти 17 %) федеральных округов. Это обусловлено давно сформировавшейся как территориальной, так и отраслевой специализацией регионов, входящих в их состав. Основой для такой специализации послужило множество факторов: плодородные почвы, благоприятный климат, большая плотность населения, удобная транспортная сеть и при этом множество предприятий и организаций (от крупных вертикально интегрированных структур в агропромышленном комплексе [10, с. 92] до крестьянских (фермерских) и даже домашних хозяйств), специализирующихся на производстве, переработке, хранении, транспортировке сельскохозяйственной продукции, производстве и ремонте сельскохозяйственной техники, удобрений и т.п.

Перед сельскохозяйственными организациями ставятся две взаимосвязанные задачи: с одной стороны, достижение устойчивости и благополучия жизни сельского населения, а с другой стороны – увеличение производства товарной продукции и обеспечение ее конкурентоспособности.

Специфика деятельности сельскохозяйственных организаций, а именно: сезонность, экстремальные погодные условия, логистика, высокие риски, слабая конкурентоспособность, низкая доходность аграрного производства и др., зачастую является причиной их финансовой неустойчивости. К тому же, зависимость от природных условий «приводит к неравномерному использованию рабочей силы в течение года, неравномерному поступлению продукции и денежных доходов на протяжении года, что, в свою очередь, снижает инвестиционную привлекательность отрасли» [7, с. 57].

В таблицах 2 и 3 представлены группировки федеральных округов, построенные по итогам хозяйственной деятельности (сальдированному

финансовому результату) сельскохозяйственных организаций, которые отражают степень успешности (прибыльности) ведения сельского хозяйства на рассматриваемых территориях [11, с. 738–741]. Группировки построены отдельно для организаций, занятых в главных отраслях сельского хозяйства – животноводстве (табл. 3) и растениеводстве (табл. 2), и дают возможность сравнить, насколько прибыльны эти виды деятельности и конкурентоспособны организации, занятые в той или иной сфере на той или иной территории. Также, представленные данные показывают, насколько увеличилась или уменьшилась прибыльность бизнеса в сфере производства сельхозпродукции за анализируемый период 2014–2018 гг.

Таблица 2

Изменение финансового результата сельскохозяйственных организаций, занятых в растениеводстве в 2014–2018 гг.

Группировка ФО по сальдированному финансовому результату с/х организаций, млн руб.	2014 г.		2018 г.		Абсолютное отклонение, млн руб.	Темп прироста, %
	Федеральный округ	Млн руб.	Федеральный округ	Млн руб.		
25000–49999	–		Центральный ФО	46408	+29802	179,46
	Южный ФО	26409	Южный ФО	36910	+10501	39,76
10000–24999	Центральный ФО	16606	–			
5000–9999	Северо-Кавказский КФО	9593	Северо-Кавказский ФО	13943	+4350	45,34
1000–4999	Приволжский ФО	3388	–			
	Сибирский ФО	2160	Сибирский ФО	4542	+2382	110,28
0–999	Северо-Западный ФО	922	–			
	Дальневосточный ФО	793	Дальневосточный ФО	521	–272	–34,3
	–		Уральский ФО	371	+924	167,09
Отрицательный результат (убыток)	Уральский ФО	–553	–			
			Северо-Западный ФО	–523	–1445	–156,72
	–		Приволжский ФО	–423	–3811	–112,48

Источник: составлено автором на основе данных ФСГС РФ [12].

Таблица 3

Изменение финансового результата сельскохозяйственных организаций, занятых в животноводстве в 2014–2018 гг.

Группировка ФО по сальдированному финансовому результату с/х организаций, млн руб.	2014 г.		2018 г.		Абсолютное отклонение, млн руб.	Темп прироста, %
	Федеральный округ	Млн руб.	Федеральный округ	Млн руб.		
Более 50000	Центральный ФО	53625	Центральный ФО	57149	+3524	6,57
25000–49999	–		–			
10000–24999	Приволжский ФО	22114	Приволжский ФО	16154	–5960	–26,95
	Сибирский ФО	14697	Сибирский ФО	14516	–181	–1,23
	Северо-Западный ФО	13579	Северо-Западный ФО	10684	–2895	–21,32
5000–9999	Уральский ФО	8990	Уральский ФО	9593	+603	6,71
1000–4999	Северо-Кавказский ФО	3197	Северо-Кавказский ФО	3399	+202	6,32
	Южный ФО	1232	–			
0–999	Дальневосточный ФО	487	–			
Отрицательный результат (убыток)	–		Дальневосточный ФО	–187	–674	–138,4
	–		Южный ФО	–8376	–9608	–779,87

Источник: составлено автором на основе данных ФСГС РФ [12].

Итак, исходя из представленных данных по растениеводству, лучшие результаты в 2018 г. демонстрирует сельскохозяйственный бизнес в Центральном федеральном округе, при этом его прибыльность увеличилась почти в 3 раза. В Южном ФО растениеводство процветает. В Северо-Кавказском ФО оно менее прибыльно, но также стабильно, и результаты растут. То же можно сказать и о Сибирском ФО, несмотря на относительно сложные климатические и прочие условия для ведения там сельского хозяйства. Относительно наладился бизнес в Уральском ФО. При этом видим существенное снижение результативности с/х деятельности в Приволжском ФО (после 2016 г. ухудшение происходило ежегодно [11, с. 740]) и переход к отрицательным показателям в Северо-Западном федеральном округе.

В сфере животноводства, традиционно более прибыльной, лидирующие позиции удерживает Центральный федеральный округ. В Южном ФО, напротив, в этой отрасли организации показывали весьма скромные результаты, а в 2018 г. работали уже в убыток, также, как и в Дальневосточном ФО. По Южному федеральному округу здесь не представлены данные за каждый год рассматриваемого периода, однако, следует отметить, что показатели в сфере животноводства снижались ежегодно, начиная с 2015 г., и уже в 2017 г. отрицательный результат составлял – 2546 млн рублей [11, с. 738]. Относительно стабильные показатели сохраняются в Северо-Кавказском, Уральском и Сибирском федеральных округах. Отмечено снижение прибыльности бизнеса, связанного с животноводством, на 21 % и 26 % в Северо-Западном и Приволжском федеральных округах соответственно.

Таким образом, несмотря на высокие показатели, демонстрирующие отличные перспективы для развития сельского хозяйства на всей территории РФ (табл. 1), в целом, как оказалось, положение аграрного бизнеса не так однозначно. Наиболее благополучная ситуация складывается в сельском хозяйстве Центрального федерального округа, здесь на фоне стремительного роста количественных показателей с/х производства повышается и его эффективность. То же, хотя и в меньших масштабах, происходит в Северо-Кавказском ФО. Стабильная ситуация в Сибири. Однако, к примеру, в Южном федеральном округе при росте прибыльности растениеводства, бизнес, занятый в сфере животноводства, терпит убытки, хотя общая стоимость произведенной на территории регионов округа животноводческой продукции растет.

Явным аутсайдером остается Дальневосточный федеральный округ, хотя и здесь рост показателей производства с/х продукции составил почти 20 % (табл. 1). Сельское хозяйство там слабо развито в силу объективных причин, и это не только климат, неплодородные почвы, малая заселенность, но и, самое главное, отсутствие транспортной и производственной инфраструктуры, необходимых для развития. Так что, введение в 2016 г. программы «Дальневосточный гектар» [9] без реализации соответствующих комплексных мер по созданию инфраструктуры на показателях

сельскохозяйственных отраслей ДФО пока положительным образом не отразилось.

В 2018 году чрезвычайные ситуации природного характера (засуха, паводки, град) оказали негативное влияние на результаты сельскохозяйственной деятельности 28 регионов-субъектов РФ, из них 16 регионов пострадали от засухи, 9 от избытка выпавших осадков и наводнений, в 3 регионах выпал град, а еще в 2 слишком рано установился снежный покров. По результатам проведения экспертной оценки общая сумма ущерба в 2018 году составила 7,3 млрд рублей [8, с. 8].

Кроме непредсказуемости погодных условий, одной из главных проблем остается низкая доходность сельскохозяйственных отраслей, обусловленная невысокой добавленной стоимостью производства. Организации, занятые в сельском хозяйстве, зачастую не имеют финансовых ресурсов для обновления основных производственных фондов, оборотных средств (качественный посевной материал с высокой производительностью и устойчивостью к неблагоприятным погодным условиям, племенной скот, удобрения, вакцины и витамины для животных и т.п.), освоения новых методик и технологий и т.п., что могло бы способствовать повышению эффективности производства и конкурентоспособности продукции. Их задолженность по кредитам и займам может превышать годовую выручку от реализации продукции.

Помимо вышесказанного, неблагоприятные условия для функционирования сельского хозяйства обусловлены слабыми темпами модернизации аграрного производства, недостаточным уровнем развития инфраструктуры, обеспечивающей доступ производителей к рынкам сбыта, а также, дефицитом квалифицированных кадров из-за низкого уровня и качества жизни в сельской местности.

В 2007 году, впервые в современной России, была разработана Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы [4]. Меры государственной поддержки сельского хозяйства включали стимулирование увеличения объема инвестиций, обеспечение рационального использования земель сельскохозяйственного назначения, повышение объемов производства и импортозамещения, обновление технической базы, использование современных технологий [7, с. 60–61]. Объем финансирования мероприятий Программы достигал почти 1,5 триллиона рублей (551,3 млрд рублей из федерального бюджета, 544,3 млрд рублей из бюджетов субъектов РФ и еще 311 млрд рублей из внебюджетных источников).

В 2012 году Правительством РФ была утверждена новая Государственная программа с сохранением прежнего названия [5], рассчитанная на период 2012–2020 гг. (в 2019 году она была продлена до 2025 г.), общий объем финансового обеспечения которой, предположительно, составит 8,1 млрд рублей, в том числе: из федераль-

ного бюджета около 3,3 млрд руб. (40,6 %), из бюджетов субъектов РФ – 0,4 млрд руб. (5,5 %), из внебюджетных источников – 4,3 млрд рублей (53,9 %) [5].

Мероприятия Программы включают строительство и реконструкцию множества инфраструктурных объектов по всей стране, финансирование проектных и изыскательских работ, развитие газификации, водоснабжения, сети автомобильных дорог, ведущих к объектам производства и переработки сельскохозяйственной продукции, сети общеобразовательных, спортивных, культурно-досуговых учреждений, фельдшерско-акушерских пунктов на сельских территориях. Эти меры позволят улучшить качество жизни на селе, привлечь кадры, облегчить доступ производителям на рынки. Также будет осуществляться грантовая поддержка крестьянских (фермерских) хозяйств, индивидуальных предпринимателей, сельскохозяйственных потребительских кооперативов, с помощью которых планируется не только обеспечить существенный прирост в отраслях аграрного производства, но и повысить занятость сельского населения.

В результате реализации Государственной программы должны быть достигнуты следующие цели:

- обеспечение продовольственной независимости страны;
- ускоренное импортозамещение в отношении продукции животноводства и растениеводства;
- повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции на внутреннем и внешнем рынках и рост ее экспорта;
- увеличение добавленной стоимости, рост объема инвестиций в основной капитал сельскохозяйственных предприятий и организаций [5].

Пока преждевременно подводить итоги, однако, представленный в данной работе обзор и анализ статистических данных подтверждает эффективность принятых мер. В развитии сельского

Литература:

1. Агровестник. Информационный портал. URL : <https://agrovesti.net/news/indst/proizvodstvo-selkhozproduktii-v-rf-v-2018-g-snizilos-na-0-6.html> (дата обращения 25.10.2020).
2. *Бабаджанова З.Г.* Принципы территориальной организации сельскохозяйственного производства. // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2011. № 4(48). С.112–119.
3. *Бакланов П.Я.* Территориальная организация хозяйства и региональное развитие. // Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов. 2012. № 1. С. 32–48.
4. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков

хозяйства РФ наблюдается явный прогресс, хотя и не на всей территории с одинаковым успехом.

Программа включает ряд мероприятий, призванных обеспечить ускоренное развитие приоритетных территорий. В частности, к таковым отнесен Дальневосточный федеральный округ. В рамках подпрограммы «Развитие отраслей агропромышленного комплекса» в целях импортозамещения поставлена задача – добиться увеличения объемов производства продукции растениеводства в 2025 г. на 20,7 % к уровню 2017 г. (показатель составлял 96392 млн руб.) и животноводства на 23,9 % (66169,2 млн руб. в 2017 г.). На эти цели выделено 8,1 млрд. рублей, из них за счет федерального бюджета – 7,2 миллиарда рублей, остальное за счет регионов [5]. Это, несомненно, очень хорошо, поскольку привлечение средств из внебюджетных источников на этой конкретно территории представляется проблематичным. Государственное же финансирование предполагает, что средства на реализацию предусмотренных Программой мероприятий будут перечислены своевременно и в полном объеме.

Основой отраслевой специализации, как и территориальной структуры хозяйства, является, в первую очередь, природно-ресурсный потенциал. На территории Российской Федерации природные условия оптимальны для ведения сельского хозяйства, а, значит, привлекательны для размещения бизнеса далеко не везде. С другой стороны, сельскохозяйственное производство является одним из ключевых, важнейших с позиций государства, поскольку его эффективность определяет продовольственную безопасность страны. Огромные расстояния, труднодоступность (в том числе, отсутствие круглогодичного транспортного сообщения), разные климатические условия, как правило, неблагоприятные, делают сельскохозяйственное производство совершенно невыгодным на некоторых территориях РФ, однако, вопреки интересам рынка, оно там должно быть, и задача государственного экономического регулирования заключается в его создании, развитии и поддержке.

Literature:

1. Agrovestnik. Informational portal. URL : <https://agrovesti.net/news/indst/proizvodstvo-selkhozproduktii-v-rf-v-2018-g-snizilos-na-0-6.html> (date of application 10/25/2020).
2. *Babadzhanova Z.G.* The principles of the territorial organization of agricultural production. // Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Social Science Series. 2011. № 4(48). P. 112–119.
3. *Baklanov P.Ya.* Territorial organization of the economy and regional development. // Socio-economic geography. Bulletin of the Association of Russian Geographers and Social Scientists. 2012. № 1. P. 32–48.
4. State program for the development of agriculture and regulation of markets for agricultural products,

сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 годы. Утверждена постановлением Правительства РФ от 14.07.2007 г. № 446. URL : <http://docs.cntd.ru/document/902053504> (дата обращения 26.10.2020).

5. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Утверждена постановлением Правительства РФ от 14.07.2012 г. № 717. URL : <http://docs.cntd.ru/document/902361843> (дата обращения 26.10.2020).

6. *Дегтярёва Т.Д.* Экономико-статистический анализ аграрного производства федеральных округов РФ / Т.Д. Дегтярёва, С.П. Любич // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 3(47). С. 206–210.

7. *Дубынина Т.Г.* Территориальная структура развития сельского хозяйства России // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2012. № 9. С. 56–61.

8. Итоговый доклад о результатах деятельности Министерства сельского хозяйства России за 2018 год. URL : <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/10c/10c6695082afd0ac0ea4b6e41fa3f6d9.pdf> (дата обращения 25.10.2020).

9. Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. Официальный сайт. URL : <https://minvr.gov.ru/activity/razvitiemsp-i-konkurentsii/dalnevostochnyy-gektar/> (дата обращения 27.10.2020).

10. *Нечаев Н.Г.* Некоторые аспекты развития агрохолдингов в Липецкой области / Н.Г. Нечаев, Н.С. Жаворонкова // Вестник аграрной науки. 2017. № 5(68). С. 89–94.

11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. Росстат. М., 2019. 1204 с.

12. Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL : <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения 18.10.2020).

raw materials and food for 2008-2012. Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation of July 14, 2007 № 446. URL : <http://docs.cntd.ru/document/902053504> (date of application 10/26/2020).

5. State program for the development of agriculture and regulation of markets for agricultural products, raw materials and food. Approved by the decree of the Government of the Russian Federation of 07/14/2012. № 717. URL : <http://docs.cntd.ru/document/902361843> (date of application 10/26/2020).

6. *Degtyareva T.D.* Economic and statistical analysis of agricultural production in the federal districts of the Russian Federation / T.D. Degtyareva, S.P. Lyubchich // News of the Orenburg State Agrarian University. 2014. № 3(47). P. 206–210.

7. *Dubynina T.G.* Territorial structure of agricultural development in Russia. // Strategy for sustainable development of Russian regions. 2012. № 9. P. 56–61.

8. Final report on the results of the activities of the Ministry of Agriculture of Russia for 2018. URL : <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/10c/10c6695082afd0ac0ea4b6e41fa3f6d9.pdf> (date of application 10/25/2020).

9. Ministry of the Russian Federation for the Development of the Far East and the Arctic. Official site. URL : <https://minvr.gov.ru/activity/razvitiemsp-i-konkurentsii/dalnevostochnyy-gektar/> (date of application 10/27/2020).

10. *Nechaev N.G.* Some aspects of the development of agricultural holdings in the Lipetsk region / N.G. Nechaev, N.S. Zhavoronkova // Bulletin of Agrarian Science. 2017. № 5(68). P. 89–94.

11. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2019: Stat. Sat. Rosstat. M., 2019. 1204 p.

12. Site of the Federal State Statistics Service. URL : <https://rosstat.gov.ru> (date of application 10/18/2020).

Орлов Филипп Павлович
аспирант департамента
мировых финансов,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
filipp.orlov910@gmail.com

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ РЕЖИМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ВЫПУСКА КРИПТОВАЛЮТ В СТРАНАХ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ (ЧАСТЬ 2)

Аннотация. В статье анализируются последние две группы стран Южной Америки (из четырех имеющихся групп) на предмет безопасности осуществления деятельности, связанной с криптовалютами, и регламентации режима их выпуска и использования в этих странах. В статье были рассмотрены следующие страны: Парагвай, Уругвай, Перу, Боливия, Гайана, Эквадор и Суринам. Данные страны относятся к третьей и четвертой группам, сформированным в зависимости от прогресса регулирующих органов в части регламентации режима выпуска и использования криптовалют, информирования своих резидентов о соответствующих рисках, безопасности осуществления деятельности, связанной с криптовалютами.

Ключевые слова: Южная Америка, Парагвай, Уругвай, Перу, Боливия, Гайана, Эквадор, Суринам, технология распределенного реестра, криптовалюта, биткойн, Dinero Electronico, выпуск криптовалют, использование криптовалют, регламентация, безопасность.

В данной статье будут рассмотрены последние две группы стран (из четырех групп), которые предполагает анализ стран Южной Америки на предмет продвижения регулирующих органов в вопросах регламентации режима использования криптовалют и безопасности осуществления деятельности, связанной с ними, необходимо выделить четыре группы стран:

1. Страны, достигшие наибольшего успеха в вышеозначенном направлении – Аргентина, Чили и Бразилия.
2. Страны, находящиеся в активной стадии регламентации режима использования и выпуска криптовалют – Венесуэла и Колумбия.
3. Страны, которым необходимо уделить больше внимания проблемам недостатка регламентации режима использования и выпуска криптовалют и безопасности осуществления соот-

Philipp P. Orlov
Graduate student
of the Department World Finance,
Financial University
under the Government
of the Russian Federation
filipp.orlov910@gmail.com

REGULATION OF THE REGIME OF CRYPTOCURRENCIES' USE AND ISSUE IN THE COUNTRIES OF SOUTH AMERICA (PART 2)

Annotation. The article analyzes the last two groups of South American countries (out of the four available groups) for the security of carrying out activities related to cryptocurrencies, and the regulation of the mode of their release and use in these countries. The following countries were considered in the article: Paraguay, Uruguay, Peru, Bolivia, Guyana, Ecuador and Suriname. These countries belong to the third and fourth groups, formed depending on the progress of regulatory bodies in regulating the mode of issuance and use of cryptocurrencies, informing their residents about the relevant risks, and the safety of carrying out activities related to cryptocurrencies.

Keywords: South America, Paraguay, Uruguay, Peru, Bolivia, Guyana, Ecuador, Suriname, distributed ledger technology, cryptocurrency, bitcoin, Dinero Electronico, cryptocurrency issuance, use of cryptocurrencies, regulation, security.

ветствующей деятельности – Парагвай, Уругвай и Перу.

4. Страны с неприемлемым уровнем регламентации режима использования и выпуска криптовалют, с отсутствием необходимого уровня безопасности осуществления соответствующей деятельности - Боливия, Гайана, Эквадор и Суринам.

Странам, которым необходимо принимать более активное участие в части регламентации режима выпуска и использования криптовалют, Перу, Парагвай и Уругвай, присвоено 2.7, 2.4 и 2.2 баллов из 10 соответственно. Перу находится на 117 месте из 249 стран, Парагвай – на 141 месте и Уругвай – на 151 месте. Как в Парагвае, так и в Уругвае на текущий момент было разрешено проведение 1 процедуры первичного размещения токенов (далее – ICO), в Перу- 2 ICO, ни в одной из этих стран не было наложено запретов на проведение ICO, нет обменных пунктов криптовалют [3].

Центральный банк Перу активно следит за тем, что происходит на рынке криптовалют, в том числе, предупреждает резидентов Перу о рисках, связанных с высокой волатильностью биткойн и других криптовалют. Он также информирует о том, что криптовалюты не гарантируются государством, о случаях мошенничества, связанных с использованием криптовалют [6]. На текущий момент отсутствует информация о том, что в Перу планируется регламентировать режим выпуска и использования криптовалют.

Совместно с юридической компанией, специализирующейся на криптовалютах, Gresham International, Парагвай работает над проектами нормативно-правовых актов, которые будут регламентировать режим выпуска и использования криптовалют в Парагвае. Такая активность Парагвая потенциально может быть связана с тем, что ключевым торговым партнером Парагвая является Китай, Парагвай планирует использовать одни с Китаем технологии, в том числе, технологию распределенного реестра. Это позволит Парагваю быть технологически равным со своим ключевым торговым партнером [5].

В Уругвае активно растет сообщество тех, кто использует криптовалюты. Вместе с тем, Центральный банк Уругвая сообщил, что на текущий момент криптовалюты пока не несут никакой опасности и планирует использовать потенциал технологии распределенного реестра для совершенствования системы внутреннего контроля в финансовом секторе [4].

В странах четвертой группы, достигших наименьших успехов в регламентации режима использования и выпуска криптовалют, таких как Боливия, Гайана, Эквадор и Суринам, осуществление деятельности, связанной с криптовалютами, является наименее безопасной. Всем из представленных стран, кроме Эквадора, аналитиками Cointobuy.io присвоен соответствующий уровень в 1.1 балл из 10, у Эквадора – 1.2 из 10 [3].

В Боливии не было проведено ни одного ICO и нет пунктов обмена криптовалют. В тоже время, в Боливии было запрещено проведение 31 ICO, что делает обоснованным 227 место Боливии из 249 стран по безопасности осуществления деятельности, связанной с криптовалютами [3]. Центральный банк Боливии публично сообщил, что использование криптовалют в стране запрещено и предупредил о возможных потерях, которые могут понести лица, их использующие [1].

В Гайане также, как и Боливии, не было проведено ни одного ICO, нет пунктов обмена криптовалют, но было запрещено только 12 процедур

ICO, что позволило Гайане занять более высокое место в рейтинге стран по безопасности ведения деятельности с криптовалютами, 223 место из 249 стран [3]. В настоящий момент отсутствует другая информация касательно регламентации режима выпуска и использования криптовалют в этой стране. Аналогичная ситуация и в Суринаме, которому присвоено 222 место из 249 стран. В этой стране отсутствует деятельность, связанная с криптовалютами, вместе с тем, в Суринаме было запрещено только 3 ICO [3].

В Эквадоре уровень безопасности в отношении деятельности, связанной с криптовалютами, равен 1.2 балла из 10. Страна находится на 218 месте из 249, на текущий момент было проведено 1 ICO и было запрещено проведение 27 ICO. Использование криптовалют в качестве платежного средства в Эквадоре запрещено [7]. Вместе с тем, Центральный банк Эквадора разрешает совершать сделки покупки и продажи криптовалют в Интернете. Он также сообщил, что, в связи с тем, что криптовалюты не выпускаются государством, их стоимость основана исключительно на спекулятивной активности пользователей [2].

Перед выпуском ЦДЦБ, которые получили название «Dinero Electronico», Эквадор в 2014 году запретил использование всех криптовалют, включая биткойн. ЦДЦБ Эквадора привязан один-к-одному к доллару США, который является официальной валютой Эквадора. Тем не менее, на текущий момент использование биткойна в Эквадоре набирает обороты [8].

Подводя итоги, следует отметить, что страны Южной Америки находятся на разных уровнях регламентации режима выпуска и использования криптовалют, безопасности осуществления, связанной с ними деятельности. Вместе с тем, как ранее сообщалась в первой части исследования, в регионе есть страны, где вести деятельность с криптовалютами, является достаточно безопасным. Такими странами являются: Аргентина, Бразилия, Чили, и догоняющие страны: Венесуэла и Колумбия. Вторая часть исследования показывает, что в Южной Америке также есть страны, которые медленно развиваются (Парагвай, Уругвай и Перу) или вовсе не развиваются (Боливия, Гайана, Эквадор и Суринам) в части регламентации режима выпуска и использования криптовалют. Необходимо, чтобы все страны Южной Америки уведомляли резидентов о рисках, способствовали развитию инноваций, а также создавали специализированные ведомства, которые будут рассматривать заявки на проведение ICO и регламентировали режим выпуска и использования криптовалют.

Литература:

1. Comunicado 04/2017 // Comunicado, Banco Central Bolivia official site <https://www.bcb.gob.bo>. 2020. URL : https://www.bcb.gob.bo/web-docs/11_comunicados/04_2017_COMUNICADO_Uso_monedas.pdf (date of appeal 17.10.2020).

Literature:

1. Comunicado 04/2017 // Comunicado, Banco Central Bolivia official site <https://www.bcb.gob.bo>. 2020. URL : https://www.bcb.gob.bo/web-docs/11_comunicados/04_2017_COMUNICADO_Uso_monedas.pdf (date of appeal 17.10.2020).

2. Comunicado oficial sobre el uso del bitcoin // Comunicado Oficial a la Ciudadanía, Banco Central del Ecuador official site <https://www.bce.fin.ec/>. 2020. URL : <https://www.bce.fin.ec/index.php/boletines-de-prensa-archivo/item/1028-comunicado-oficial-sobre-el-uso-del-bitcoin> (date of appeal 18.10.2020).

3. Cryptocurrency regulation analysis // Coinbuy official site <https://cointobuy.io>2020. URL: <https://cointobuy.io/countries> (date of appeal 14.10.2020).

4. Fear of crypto limits Uruguay's blockchain overtures // Econ Americas official site <https://econamericas.com>. 2020. URL : <https://econamericas.com/2018/11/fear-crypto-limits-uruguay-blockchain/>(date of appeal 18.10.2020).

5. Paraguay planning major cryptocurrency legislation overhaul // Cryptoslate official site <https://cryptoslate.com>. 2020. URL : <https://cryptoslate.com/paraguay-planning-major-cryptocurrency-legislation-overhaul/> (date of appeal 17.10.2020).

6. Peru's Central Bank says cryptocurrencies are risky due to high volatility // Cointelegraph official site <https://cointelegraph.com>. 2020. URL : <https://cointelegraph.com/news/perus-central-bank-says-cryptocurrencies-are-risky-due-to-high-volatility/> (date of appeal 17.10.2020).

7. Segundo Suplemento // Código Monetario y Financiero official site URL : <http://www.asambleanacional.gob.ec>.2020; URL : http://www.asambleanacional.gob.ec/es/system/files/ro_codigo_organico_monetario_y_financiero.pdf (date of appeal: 18.10.2020).

8. Use of bitcoin in Ecuador continues to grow despite government ban // Bitcoin news official site <https://news.bitcoin.com>. 2020. URL : <https://news.bitcoin.com/use-bitcoin-ecuador-grow-government-ban/> (date of appeal 18.10.2020).

2. Comunicado oficial sobre el uso del bitcoin // Comunicado Oficial a la Ciudadanía, Banco Central del Ecuador official site <https://www.bce.fin.ec/>. 2020. URL : <https://www.bce.fin.ec/index.php/boletines-de-prensa-archivo/item/1028-comunicado-oficial-sobre-el-uso-del-bitcoin> (date of appeal 18.10.2020).

3. Cryptocurrency regulation analysis // Coinbuy official site <https://cointobuy.io>2020. URL: <https://cointobuy.io/countries> (date of appeal 14.10.2020).

4. Fear of crypto limits Uruguay's blockchain overtures // Econ Americas official site <https://econamericas.com>. 2020. URL : <https://econamericas.com/2018/11/fear-crypto-limits-uruguay-blockchain/>(date of appeal 18.10.2020).

5. Paraguay planning major cryptocurrency legislation overhaul // Cryptoslate official site <https://cryptoslate.com>. 2020. URL : <https://cryptoslate.com/paraguay-planning-major-cryptocurrency-legislation-overhaul/> (date of appeal 17.10.2020).

6. Peru's Central Bank says cryptocurrencies are risky due to high volatility // Cointelegraph official site <https://cointelegraph.com>. 2020. URL : <https://cointelegraph.com/news/perus-central-bank-says-cryptocurrencies-are-risky-due-to-high-volatility/> (date of appeal 17.10.2020).

7. Segundo Suplemento // Código Monetario y Financiero official site URL : <http://www.asambleanacional.gob.ec>. 2020. URL : http://www.asambleanacional.gob.ec/es/system/files/ro_codigo_organico_monetario_y_financiero.pdf (date of appeal: 18.10.2020).

8. Use of bitcoin in Ecuador continues to grow despite government ban // Bitcoin news official site <https://news.bitcoin.com>. 2020. URL : <https://news.bitcoin.com/use-bitcoin-ecuador-grow-government-ban/> (date of appeal 18.10.2020).

Скитёва Елена Ивановна
кандидат экономических наук,
кафедра менеджмента и маркетинга,
Петербургский государственный
университет путей сообщения
Императора Александра I
Elenaskiteva@gmail.com

Влияние рынка труда на кадровый потенциал организации

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь рынка труда и кадровым потенциалом организации. Определены основные тенденции в требованиях работодателей к соискателям. Рассмотрены проблемы работодателей в связи с изменением качественного состава рынка труда. Указаны причины качественного изменения рынка труда. Определены особенности рынка труда на современном этапе. Рассмотрены источники кадрового потенциала организации. Разработана схема взаимосвязи методов использования человеческого потенциала с методами привлечения. Предложен механизм обеспечения творческим потенциалом организации с учетом ее возможностей. Разработано соответствие методов использования человеческого потенциала, его уровня и методами его привлечения.

Ключевые слова: кадровый потенциал, компетенции, методы использования человеческого потенциала.

В условиях цифровизации и инновационного развития экономики актуальным является рассмотрение взаимосвязи между рынком труда и кадровым потенциалом организации. Изменение технологий, автоматизация и роботизация процессов, уход многих сервисов в виртуальное пространство влечет за собой как сокращение количества занятых, так и изменение функций, выполняемых работниками. Изменение функций, выполняемых работниками, требует новых знаний, навыков для успешной деятельности. Изменение технологий влечет за собой изменение требуемых компетенций сотрудников. Работодатели, активно внедряемые инновационные технологии сталкиваются с необходимостью сокращения персонала и изменения его качественного состава. В связи с внедрением цифровых технологий, автоматизации процессов необходимость в ряде профессий отпадает или объем выполняемой работы уменьшается, что заставляет работодателей сокращать персонал. Другой проблемой в управлении персоналом является неспособность работников быстро перестраиваться под влиянием окружающей среды. С возрастом

Elena I. Skiteva
Candidate of Economic Sciences,
Department of Management and Marketing,
Petersburg State
University of Railways
Emperor Alexander I
Elenaskiteva@gmail.com

IMPACT OF THE LABOR MARKET ON THE ORGANIZATION'S HUMAN RESOURCES POTENTIAL

Annotation. The article examines the relationship between the labor market and the organization's human resources potential. The main trends in employers' requirements for job seekers are identified. The problems of employers in connection with changes in the qualitative composition of the labor market are considered. The reasons for qualitative changes in the labor market are indicated. The features of the labor market at the present stage are determined. The sources of the organization's human resources potential are considered. The scheme of interrelation of methods of use of human potential with methods of attraction is developed. A mechanism for providing the creative potential of the organization, taking into account its capabilities, is proposed. The correspondence of methods of using human potential, its level and methods of attracting it is developed.

Keywords: human resources, competencies, methods of using human potential.

способность к обучению снижается. В психологии используется термин «ригидность», который в переводе с латыни означает «жесткость», «неизменность», «неподвижность». Проявляется ригидность в различных сферах жизни: действия в жизни человека выполняются по одной и той же схеме; упорное отстаивание точки зрения, нежелание признавать ошибки и правоту другого человека; одержимость идеей, противоречащей здравому смыслу; неспособность изменить стратегию поведения, несмотря на ее неэффективность. Причины такой ригидности являются психофизиология и социальные условия. К психофизиологическим причинам относятся особенности нервной системы и возрастные особенности. Ригидность повышается с возрастом. С возрастом креативные способности также снижаются. В связи с внедрением цифровых технологий, требования работодателей расширяются.

Рынок труда оказывает влияние на поведение работодателей, чем более востребована специальность, тем сильнее реагируют участники рынка труда. Потенциальные соискатели на рынке

труда при выборе профессии руководствуются зачастую прагматическими мотивами или возможностью устроиться на ту или иную должность в будущем после окончания обучения. Миграционные процессы обеспечивают рынок труда относительно дешевой рабочей силой и как следствие снижают ожидания участников рынка труда. Снижение уровня ожиданий воспринимается работодателями как положительный фактор, однако в долгосрочной перспективе такой подход может привести в необходимости дополнительных расходов на обучение персонала, в противном случае может пострадать качество производимой продукции или оказываемых услуг. Также такой подход может навредить имиджу организации как работодателя [4].

Внедрение новых технологий, автоматизация и роботизация процессов позволяет сократить расходы на персонал, ускорить технологические процессы, но одновременно и повышает требования к персоналу. Изменение функций, расширение зоны обслуживания, компьютерная грамотность на уровне выше пользовательского, творческий подход к деятельности создает трудности в подборе персонала [1]. В связи с растущей глобализацией и как следствием конкуренцией, организации используют теорию инноваций как инструмент укрепления позиции на рынке. Изменения в экономическом развитии на основе инноваций были сформулированы в работах профессора Гарвардского университета Й. Шумпетера. Продолжение Теории инноваций получила в работах П. Друкера, С. Зименкова и других. Организации, использующие инновации как инструмент предпринимательства используют различные технологии достижения желаемого результата. Как следствие инновационного подхода организаций стало изменение требуемых компетенций на рынке труда.

Так в прогнозах аналитиков Всемирного экономического форума (World Economic Forum) сформулированы компетенции, которыми должен будет в будущем обладать сотрудник.

К таким компетенциям относятся: умение решать сложные задачи, критическое мышление, креативность, управление людьми, навыки координации и взаимодействия, эмоциональный интеллект, скорость принятия решений, клиентоориентированность, умение вести переговоры, когнитивная гибкость. Умение решать сложные задачи предполагает системное (аналитическое) мышление человека. Критическое мышление необходимо при анализе большого объема информации, прогнозах и принятии решений в условиях риска. Высокий уровень риска при принятии решений требует расчетов в дополнение к интуитивному методу принятия решений. Для обработки большого объема информации на рынке предложены программные сервисы, так называемые Big Data. Для решения проблем Big Data используются аналитические платформы In-memory, NoSQL, ПО Log-file, Columnar и другие. Применение аналитических платформ требует высокого профессионализма сотрудников, а также компьютерного оборудования, позво-

ляющего осуществлять быстро обработку информации.

Наличие креативности у сотрудника помогает в решении задач, такая деятельность имеет оригинальность, непохожесть, уникальность. Креативность как компетенция относится к способности человека. Креативность является устойчивой характеристикой, проявляется в детстве и основана на свойствах личности. Креативность является творческим потенциалом, проявляется и развивается в деятельности. Способность в определенном виде деятельности, развитая до уровня таланта отличает результат труда оригинальностью, творческим подходом [3]. Однако человек если не сталкивается с видом деятельности, к которой у него есть способность, то потенциал может находиться в нераскрытом состоянии. В случае неблагоприятных для развития потенциала внешних условия талант может оставаться на уровне хобби. В случае, если человек имеет потенциал в виде хобби, то выявить таких сотрудников можно применением в компании системы Кайдзен, проведения различных конкурсов (проектов, талантов и др.). Управление людьми основывается на методах управления с использованием инструментов влияния. Навыки координации и взаимодействия отражают способности человека в этой сфере деятельности.

Эмоциональный интеллект, скорость принятия решений, клиентоориентированность, умение вести переговоры, когнитивная гибкость относятся также к способностям человека. Основной задачей инновационной организации является обеспечение деятельности сотрудников требуемой квалификации по приемлемой цене. Всех сотрудников условно можно разделить на создателей, творцов и производителей. Создатели создают новое, неизвестное до сих пор, это открытия, дающие организациям долгосрочные преимущества. Работодатели не стремятся принять на работу таких сотрудников, т.к. результат их деятельности не предсказуем. Сотрудникам «создателям» требуется свобода в деятельности. Деятельность «создателей» не подлежит контролю, упорядочения, алгоритмизации. Сотрудники «творцы» изменяют, улучшают уже существующие вещи. Творцов гораздо больше, чем создателей. Таких сотрудников работодатели стремятся выявить на рынке труда и принять на работу.

Проводимые тематические конкурсы позволяют выявить «творцов». В России проводятся конкурс мастерства «Молодые профессионалы (Ворлдскиллс Россия), ежегодный конкурс «Лидеры России», «Удивительные люди», «Танцы» и многие другие. Группа сотрудников «производители» отличаются тем, что выполняют свою работу более качественно, используя творческий подход, т.е. даже если они выполняют алгоритмизированную работу, результат получается лучше ожидаемого. К «производителям» относятся талантливые врачи, актеры театра, спортсмены, продавцы, учителя, переводчики и другие специальности. «Производителей» больше, чем творцов, но их успешность также основана на способностях, но проявляется особым образом [2]. Работодатели используют технологии хэджантинга для

переманивания таких сотрудников, также используются просмотры конкурсов профессионалов в различных областях.

Наличие в организации сотрудников, обладающих разным уровнем способностей, таких как «создатели», «творцы», «производители» свидетельствует только о кадровом потенциале организации. Изменение качественного состава рынка труда влияет на кадровый потенциал организации. Ввиду уникальности сотрудников, имеющих способности в определенной области деятельности или обладающих уникальными характеристиками для выполнения работы, организации используют следующие методы управления человеческим потенциалом: привлечение сотрудников, имеющих творческий потенциал, но требующих его раскрытия; привлечение на работу людей, имеющих раскрытый творческий потенциал; использование творческого потенциала сотрудников; покупка патентов на изобретения; бенчмаркинг.

Сотрудников, способных создавать новые товары, технологии, услуги в связи непредсказуемостью результата работодатели предпочитают не привлекать на работу. Инновационные организации также используют покупку патентов. Информационная открытость позволяет привлекать на работу или использовать результаты труда «создателей». Другим способом, обеспечивающим инновационность организации, является бенчмаркинг. Быстрое копирование технологий обеспечивает конкурентную позицию на рынке. Использование творческого потенциала сотрудников осуществляется в целях экономии расходов на НИОКР. Проведение «Конкурса проектов», внедрение системы Кайдзен позволяет с минимальными расходами выявить творческий потенциал сотрудников и удовлетворить потребность в инновациях самой организации. В результате исследования выявлены методы управления человеческим потенциалом, которые зависят от уровня его развития. Управление человеческим потенциалом представлено в таблице 1.

Таблица 1

Управление человеческим потенциалом

Методы использования	Уровень используемого потенциала	Методы привлечения
Привлечение для развития творческого потенциала	Низкий	Поиск на рынке труда
Использование творческого потенциала сотрудников	Средний	Увлечение идеями сотрудников
Привлечение людей с развитым творческим потенциалом	Высокий	Хэдхантинг
Бенчмаркинг	Высокий	–
Покупка патентов на изобретения	Высокий	–

На основании проведенного исследования сделан вывод, что на рынке труда возможен поиск сотрудников, имеющих скрытый потенциал, либо развитый потенциал на уровне хобби. Отбор сотрудников на открытые вакансии в компании не позволяют выявить скрытые способности и их реализацию. Наиболее эффективно для компаний использование потенциала уже работающих

сотрудников. Преимущество такого подхода состоит в вовлечении сотрудников в деятельность, которая требует творческого подхода, однако следует учитывать уровень творческого потенциала. Уровень творческого потенциала требует особого подхода к мотивации, организации труда, использованию методов управления и контроля сотрудников.

Литература:

1. *Гончаров А.И.* Особенности управления персоналом в условиях информационно-коммуникационного пространства // Информационное общество: актуальные проблемы современности: Сб. трудов II Национальной научно-практической конференции (14 ноября 2019). СПб. : ФГБОУ ВО ПГУПС, 2019. С. 352–358.
2. *Скитева Е.И.* Основные проблемы построения карьеры / Е.И. Скитева, А.И. Гончаров // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2018. № 9. С. 27–33.
3. *Скитева Е.И.* Стимулирование деятельности персонала организации в условиях цифровизации экономики. Сборник трудов I Международной научно – практической конференции. Федеральное агентство железнодорожного транспорта; ФГБОУ ВО ПГУПС 2018. С. 155–159.

Literature:

1. *Goncharov A.I.* Features of Personnel Management in the Information and Communication Space // Information Society: Current Problems of Our Time: Sat. works of the II National Scientific and Practical Conference (November 14, 2019). SPb. : FSBOU VO PGUPS, 2019. P. 352–358.
2. *Skiteva E.I.* The main problems of building a career / E.I. Skiteva, A.I. Goncharov // Modern science: current problems of theory and practice. 2018. № 9. P. 27–33.
3. *Skiteva E.I.* Stimulating the activities of the organization's staff in the conditions of digitalization of the economy. Collection of works of the I International Scientific and Practical Conference. Federal Rail Transport Agency; FSBOU VO PGUPS 2018. P. 155–159.

4. *Скитёва Е.И.* Влияние кадрового потенциала компании на стратегическое управление персоналом; *Инновации и инвестиции*, 2019. № 11. С. 431–435.

4. *Skiteva E.I.* The impact of the company's personnel potential on strategic personnel management; *Innovation and investment*, 2019. № 11. P. 431–435.

Соловьева Владислава Игоревна
ассистент,
кафедра мировой экономики,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
madlenmacken@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ СОБСТВЕННОСТИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО РЫНКА

Аннотация. Распад СССР создал ряд социально-экономических проблем в отечественном образовании, которое под давлением созданных рыночных условий преобразовалось в структуру образовательных услуг. В статье рассматриваются институциональные признаки развития в России образовательного рынка на базе собственности. Цель работы – выявить институциональные факторы видов собственности, провести анализ их социально-экономической сущности и определить влияние на развитие российского рынка образовательных услуг. Решение исследовательских задач было осуществлено в процессе изучения практических источников, основных для проблемы научных направлений, данных об образовательной политике разных стран, прогнозирования. Методология изучения проблемы основана на работах отечественных и зарубежных ученых, практиков образования и экономики, базируется на общенаучных методах познания.

Ключевые слова: институции, институциональные факторы, образовательные услуги, собственность, экономические затраты, инвестиции.

Человек на жизненном пути встречается с множеством социально-экономических представлений и ценностей. Он воспринимает окружающий мир через традиционные формы сознания для того, чтобы понять, какими могут быть взаимные отношения между людьми, личностью и обществом, между ними и природой. В мышлении и памяти человека накапливаются выработанные способы хозяйствования, изучаются объективные причины и условия реальной деятельности, выражаются в общественных и экономических отношениях понятия о возможностях поведения. Такие исторически выработанные представления о правилах действий в ходе приспособления человека к требованиям окружающего мира в науке называют институциями.

Разнообразные институциональные аспекты экономики исследовали как отечественные ученые: Л.Н. Мамаева [9], Р.М. Нуреев [12], И.Н. Олейник

Vladislava I. Solovyeva
Assistant,
Department of World Economy,
Belgorod State National
Research University
madlenmacken@mail.ru

INSTITUTIONAL INFLUENCE OF OWNERSHIP ON SOCIAL AND ECONOMIC ACTIVITY OF EDUCATIONAL SERVICE MARKET

Annotation. After the collapse of the USSR, a number of socio-economic problems arose in education, which, under the pressure of created market conditions, was forced to transform into the structure of educational services. The article examines the institutional features of creating an educational market in Russia. The purpose of the work is to identify institutional factors of ownership, analyze their socio-economic nature and determine their impact on the development of Russian market of educational services. The solution of research problems was carried out in the process of studying scientific sources of the main directions for the problem, data of the educational policy of different countries, and forecasting. The methodology of studying the problem is based on the work of domestic and foreign scientists, practitioners of education and economics based on general scientific methods of cognition.

Keywords: institutions, institutional factors, educational services, property, economic costs, investments.

[14] и другие теоретики, так и многие иностранные: Г. Беккер [3], Т. Веблен [4], Дж. Коммонс [21], Р. Коуз [8], Д. Норт [11], Г. Саймон [16]. Определен различия в понятиях «институции» и «институт». Один из основателей институциональной ветви в экономической теории американский ученый Т. Веблен трактовал институцию «как устойчивые привычки мышления, присущие большой общности людей, как словесный символ для лучшего обозначения группы общественных обычаев» [4, с. 11–12]. Институции в современных условиях входят структурными компонентами в духовное и материальное наследие общества. Новые поколения заимствуют из предыдущего времени не только информацию и ценности материальной и духовной культуры, но и выработанный многовековой практикой исторический, трудовой и экономический опыт, влияющий на поведение людей.

На базе институций в истории обществ формируются институты. В науке принято несколько их определений, вот некоторые из них:

– привычные образы мышления, которых придерживаются люди в жизни;

– социальные ориентации, которые с помощью традиций, обычаев или законодательного управления создают долговременные и устойчивые стандарты поведения;

– действующие правила ограничения и исполнения, рекомендуемые порядок взаимоотношений между людьми и другие [12].

Основная задача институтов заключается в разрешении неопределенностей во взаимодействиях людей. Они создают требуемое межличностное доверие и выработку согласованных действий при минимальном объеме информации. Это значит, что главной задачей институтов является преодоление несогласованности в координации действий между людьми. Координационная деятельность, в этом случае, трактует условия межличностного общения, взаимопользования информацией. Она выполняет одновременно ограничение определенных действий, рациональное использование ресурсов, разрешение конфликтов, принуждение к соблюдению норм. Гарантами исполнения при этом являются государство, норма, обычай и иные формы. Например, налагаются санкции за нарушение конкретных правил.

Видный ученый – один из крупнейших теоретиков институционализма, Дж. Коммонс выделял такие виды санкций:

– экономические – в денежном наказании;

– политические – в ограничении или запрете свободы;

– моральные – в осуждении или неодобрении [21].

Суммарно, как условия поведения и механизмы, контролируемые их исполнение, институты поддерживают порядок в обществе. В зависимости от социальных правил, институты подразделяются на формальные и неформальные. Неформальными институтами обозначают правила, которые не представлены в письменном виде, но охраняются негосударственными механизмами для их выполнения. Неформальные правила – общепризнанные условности и кодексы поведения. Они преобразуются с помощью социальных механизмов – подражания, внушения и других, входят элементом в ту часть наследия, что называют культурой. Передача происходит в процессе обучения одним поколением другого с помощью знаний, духовных ценностей и иных аспектов, воздействующих на поведение людей [14, с. 27].

Формальными институтами называют правила, которые создаются целенаправленно, отражаются в письменной форме – с помощью особых документов, работают как ограничители альтернатив для человека. Формальные правила – по

сути – это юридические нормы, действующие только при присутствии людей, готовых к их соблюдению. Они являются основным атрибутом государства, которое создает им защиту. Существуют юридические нормы, которые исполняются как формальными, так и неформальными институтами. Разница между ними, чаще всего, непрочная. Весьма часто, продукты неформального института в перспективе формализуются в законодательную и судебную практику [14, с. 29].

При этом существуют три вида формальных и неформальных взаимных связей:

– неформальные и формальные нормы идентичны;

– неформальные нормы нейтральны по отношению к формальным;

– неформальные и формальные нормы противостоят между собой.

В третьем случае результатом противоречия может быть институциональный конфликт. Р. Коуз акцентировал внимание на той роли, какую играет право и другие социальные институты, то есть, институциональная основа, в создании рынка и работе фирм [8]. Г. Беккер предлагал использовать экономический подход для объяснения деятельности политических, правовых и общественных институтов [3]. Интерес к изучению деятельности институтов различных направлений был усилен происходившими в начале 90 гг. XX в. в странах Восточной Европы и России свертыванием плановых, централизованных, административных хозяйственных систем, которые тогда трактовались как антиподы рыночной структуре. Предполагался в этих государствах существенный экономический подъем национального богатства и материального процветания. Однако ожидания не сбылись из-за отсутствия требуемой институциональной базы [14, с. 9].

Осветив теоретическую роль и структуру институциональной базы, что требуется для научной аргументации и дальнейших логических рассуждений, особо остановимся на комплексе институциональных составляющих собственности как современной формы организации образования в рыночных условиях. Важное место в институциональной структуре занимает институт собственности. При этом отношениям собственности и института собственности принадлежит одна из центральных ролей в системе общественной полемики. Данная проблема представляет научный интерес для специалистов различных отраслей научного знания – экономистов [8; 15; 16; 18], историков экономики [1; 3; 11; 12], представителей других отраслей экономической и правовой науки [2; 9; 19].

По мнению многих известных российских ученых (Б.Н. Алейников [1], Г.В. Колесник [7], В.Е. Рубаник [15], Ю.К. Толстой [19] и другие) экономические взаимодействия между людьми вокруг права собственности начинаются при:

– приобретении материальных благ;

– подтверждении принадлежности материальных благ конкретному лицу;

– установлении прав владения ими.

Эти условия являются базовой основой общественного производства, выражают его содержание. Следует отметить, что понятие «общественной формы собственности» как экономического отношения, согласно комплексу отличий, принадлежащих праву собственности в обществе развитого товарного производства, основательно закрепились в учебной экономической и юридической литературе советского периода на долгое время. Общее понятие «собственности как экономического отношения», присутствовавшее не только в учебной литературе, но, в значительной степени, в трудах зарубежных и российских исследователей, формировало отношения собственности в совокупности владения, пользования и распоряжения. Следовательно, общественная форма собственности при любой общественно-экономической формации воспринималась как институт собственности господствующего развитого товарного производства [8, 21].

Такой подход стал определяющим для всего советского периода развития экономической и юридической наук. Он претерпел изменения лишь с началом «перестроечных» процессов во второй половине 1980 г., вызвавших к жизни разработку новых концепций собственности, института и права собственности [9]. Важное место в структуре собственности отводится системе платных образовательных услуг как новому институциональному явлению.

Изучению особенностей рынка образовательных услуг в современных российских условиях посвящены научные работы многих отечественных ученых, в их числе – Г.А. Бальхин [2], С.А. Дюжиков [5], В.И. Ерошин [6], В.К. Невлев [10] и другие. Имеются по этой проблеме публикации автора данной статьи [10; 17; 18]. В настоящее время только небольшая часть образовательных учреждений способна работать в условиях самофинансирования. Поэтому, когда образование оплачивается от сбора налогов, получают его бесплатно или довольно дешево, даже в этом случае малоимущие граждане имеют вероятность получить хорошее образование. Это создает условия для равной правовой доступности обучения, предоставляет возможность более целенаправленно распределять образовательные услуги между всеми, чем это делает более свободный, но не всегда предсказуемый рынок.

Образовательные услуги обладают положительными качествами внутреннего и внешнего эффектов. Внутренний эффект наблюдается на уровне отдельных граждан, внешний эффект зависит от всего общества. Внутренний эффект образования ведет к возможности, когда любой гражданин, имеющий требуемые образовательно-профессиональную подготовку и уровень культуры, может получать значительно больший личный доход по сравнению с менее образованными. Внешний эффект развития образования прослеживается в темпах роста производительного труда, подъеме

экономики, принятии оптимальных политических и экономических решений и других. Негативный эффект проявляется в перегибах, когда прирост образовательного уровня молодежи ведет к значительной миграции сельских жителей в города [18].

При этом сегодня незначительная часть граждан пользуется такими образовательными услугами, когда их дети воспитываются или учатся в престижных платных детских садах, школах, лицеях. Отдельные предприятия оплачивают обучение необходимых для них специалистов в средних специальных и высших учебных заведениях. Понятно, что большей части семей при нынешнем уровне доходов такое образование недоступно. При замене основного источника финансирования образовательной системы, даже при возрастании доходов населения, но высокой стоимости оплаты обучения количество предлагаемых образовательных услуг значительно уменьшится.

Бесплатность доступных услуг образования населению остается, несомненно, лучшей формой экономических взаимоотношений производителя и конкретного потребителя таких услуг. Ее основная ценность заключается в создании условий для возможности получения образования безотносительно к размерам индивидуальных и семейных бюджетов. Создать подобные условия – обязанность государства. Оно:

– определяет для учебных заведений заказ на обучение конкретного числа студентов;

– собирает необходимую часть финансовых затрат с помощью сбора налогов с предприятий и населения;

– направляет собранные средства в систему образования, чтобы восстановить ее затраты на используемые бесплатные услуги.

Таким образом, организуется равномерное распределение образовательных услуг различным социальным группам населения [18].

Рынок услуг образования подразделяется на два взаимодействующих сектора: государственный и негосударственный или частный. Очевидно, что первоочередным остается государственный рынок. Характерная особенность современного реформирования государственного сектора образовательных услуг заключается в том, что ежегодно создается и возрастает количество новых форм платного обучения. Это затраты на внеплановые оплачиваемые услуги для части учеников по учебным предметам, не входящим в государственные образовательные стандарты; за открывающиеся гимназические классы с оплатой дополнительных учебных дисциплин; оплачиваемое обучение студентов в числе средних и высших учебных заведений. Большинство учебных заведений сегодня работают по принципу бесплатно-платного обучения. Поэтому в секторе частной составляющей рынка образовательных услуг, где действуют только оплачиваемые виды услуг негосударственных учебных учреждений, такой рынок ожидаемо будет иметь в перспективе успешное развитие [22].

Финансируются образовательные учреждения из централизованных экономических источников, где аккумулируются деньги, перечисляемые органам и учреждениям образования. Они образуют специальную часть доходов государственного бюджета трех уровней, которые в большинстве формируются через сборы прямых и косвенных налогов. На отчисляемых из федерального фонда финансовых средств формируется бюджет государственных средних и высших профессиональных учебных заведений всероссийского уровня и большая часть учреждений начального профессионального образования. Субъекты федерации, кроме начального профессионального образования, финансируют из местного бюджета хозяйственно-педагогическую деятельность региональных средних профессио-

нальных учебных заведений и интернатных школ. Из местных бюджетов осуществляются финансовые выплаты для содержания муниципальных дошкольных заведений, общеобразовательных школ разных видов и внешкольного дополнительного обучения [13].

Следует особо отметить, подводя общие итоги сказанному, что современный российский финансовый механизм в структуре образования соединяет государственное бюджетное финансирование учебных заведений с развитием системы платных образовательных услуг, другими формами самофинансирования. При этом категорически недопустима замена бюджетных услуг платными, успех возможен лишь при их разумном сочетании.

Литература:

1. *Алейников Б.Н.* Институт права собственности как структурный элемент каждой отрасли права // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2008. № 11. С. 96–103.
2. *Балыхин Г.А.* Актуальные вопросы социально-экономического развития системы образования России // *Экономика образования.* 2004. № 3.
3. *Беккер Г.* Экономический взгляд на жизнь // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков : в 5 т. : в 2 кн.* Кн. 1. М. : Мысль, 2004. Т. V. С. 692.
4. *Веблен Т.* Теория праздного плана. М. : Прогресс, 1984.
5. *Дюжиков С.А.* Рынок образования и рынок труда в России: функциональные связи и отношения // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2013. № 3.
6. *Ерошин В.И.* Экономика, право и управление образованием: проблемы, исследования, решения // *Изв. Российской Академии образования.* 2002. № 2.
7. *Колесник Г.В.* Математическая модель экономической системы с распределенными правами собственности // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Прикладная математика.* 2010. № 17. С. 111–126.
8. *Коуз Р.* Фирма, рынок и право. М. : Дело, 1993.
9. *Мамаева Л.Н.* Институциональная экономика : учебник. Ростов-н/Д, 2015. 409 с.
10. *Невлев В.К.* Приспособление образовательных учреждений к рынку услуг / В.К. Невлев, В.И. Соловьева // *Педагогические технологии в современном образовании: материалы междунар. науч.-практ. конф., 08 апреля 2014 г. Белгород : Изд-во БУКЭП, 2014. С. 349-354.*
11. *Норт Д.* Институты и институциональные изменения и функционирование экономики. М. : 1997.

Literature:

1. *Aleinikov B.N.* Institute of property law as a structural element of each branch of law // *Laws of Russia: experience, analysis, practice.* 2008. № 11. P. 96-103.
2. *Balykhin G.A.* Topical issues of socio-economic development of the education system in Russia // *Economics of Education.* 2004. № 3.
3. *Becker G.* Economic view of life // *World economic thought. Through the prism of centuries : In 5 volumes. Vol. V. In 2 books. Book. 1.* М. : Mysl, 2004. P. 692.
4. *Veblen T.* Theory of the idle plan. M. : Progress, 1984.
5. *Dyuzhikov S.A.* Education market and labor market in Russia: functional communications and relations // *Humanities, socio-economic and social sciences.* 2013. № 3.
6. *Eroshin V.I.* Economics, law and education management: problems, research, solutions // *Ed. Russian Academy of Education.* 2002. № 2.
7. *Kolesnik G.V.* Mathematical model of an economic system with distributed property rights // *Bulletin of Tver State University. Series: Applied Mathematics.* 2010. № 17. P. 111–126.
8. *Coase R.* Firm, market and law. M. : Delo, 1993.
9. *Mamaeva L.N.* Institutional economics : textbook. Rostov-on/D., 2015. 409 p.
10. *Nevlev V.K.* Adaptation of educational institutions to the service market / V.K. Nevlev, V.I. Solovyeva // *Pedagogical technologies in modern education: materials of the international. scientific-practical Conf., April 8, 2014 Belgorod : BUKER Publishing House, 2014. P. 349–354.*
11. *North D.* Institutions and institutional changes and the functioning of the economy. M. : 1997.

12. *Нуреев Р.М.* Институционализм: прошлое, настоящее, будущее // Вопросы экономики. 1999. № 1.
13. Об образовании: Закон РФ от 10.07.1992 г. № 3266-1 в ред. от 27.12.2009 г. с изм. и доп., вступив. в силу 29.01.2010 г. // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 1. Ст. 1797.
14. *Олейник А.Н.* Институциональная экономика: учебное пособие. М. : ИНФРА-М, 2014. 416 с.
15. *Рубаник В.Е.* Собственность и право собственности: юридические, философские, социологические, экономические подходы в их историческом развитии : в 3-х т. Т. 2: Эволюция восточнославянской традиции права собственности. М. : Русайс, 2017. 194 с.
16. *Саймон Г.* Теория принятия решений в экономической теории и наука о поведении / Г. Саймон; Сост. В.М. Гальперин // Теория фирмы. СПб. : Экономическая школа, 1995.
17. *Соловьева В.И.* Формирование рынка образовательных услуг в структуре высшей школы / Л.В. Соловьева, В.И. Соловьева // Евразийский юрид. журн. 2016. № 5(96). С. 314–318.
18. *Соловьева В.И.* Концептуальная сущность функционирования локального рынка образовательных услуг / Л.В. Соловьева, В.И. Соловьева // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2018. Т. 28. Вып. 1. С. 43–48.
19. *Толстой Ю.К.* Понятие права собственности / Ю.К. Толстой // Проблемы гражданского и административного права. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. С. 136–213.
20. *Шаститко А.Е.* Неинституциональная экономическая теория. М. : Эконом. факультет МГУ, ТЕИС. 1999.
21. *Commons J.* Institutional Economics // American Economic Review. 1931. Vol. 21.
22. Обзор российского рынка образовательных услуг. URL : <http://www.marketcenter.ru/content/doc-2-11586.html> (дата обращения 25.09.2020).
12. *Nureyev R.M.* Institutionalism: past, present, future // Problems of Economics. 1999. № 1.
13. On education: Law of the Russian Federation of 10.07.1992, № 3266-1 as amended. dated 27.12.2009 as amended and additional by joining. in force on January 29, 2010 // Vedomosti SND and RF Armed Forces. 1992. № 1. Art. 1797.
14. *Oleinik A.N.* Institutional economics : textbook. - M. : INFRA-M, 2014. 416 p.
15. *Rubanik V.E.* Property and property rights: legal, philosophical, sociological, economic approaches in their historical development : in 3 vol. Vol. 2: Evolution of the East Slavic tradition of property rights. M. : Rusays, 2017. 194 p.
16. *Simon G.* Decision theory in economic theory and the science of behavior / G. Simon; comp. V.M. Halperin // Theory of the firm. SPb. : School of Economics, 1995.
17. *Solovyeva V.I.* Formation of the market of educational services in the structure of higher education / L.V. Solovyeva, V.I. Solovyeva // Eurasian Law Journal. 2016. № 5(96). P. 314–318.
18. *Solovyeva V.I.* Conceptual essence of the functioning of the local market of educational services / L.V. Solovyeva, V.I. Solovyeva // Bulletin of the Udmurt University. Series Economics and Law. 2018. Vol. 28. Iss. 1. P. 43–48.
19. *Tolstoy Yu.K.* The concept of ownership // Problems of Civil and Administrative Law. L. : Publishing house Leningrad. University, 1962. P. 136–213.
20. *Shastitko A.E.* Neoinstitutional economic theory. M. : Economy. Faculty of Moscow State University, TEIS. 1999.
21. *Commons J.* Institutional Economics // American Economic Review. 1931. Vol. 21.
22. Review of the Russian market of educational services. URL : <http://www.marketcenter.ru/content/doc-2-11586.html> (date accessed 09/25/2020).

Черкасская Галина Викторовна

доктор экономических наук,
доцент,
профессор кафедры
экономики и управления,
Ленинградский государственный
университет имени А.С. Пушкина
g.cherkasskaya@lengu.ru

Galina V. Cherkasskaya

Doctor of Economics,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Economics and Management,
Leningrad State
Pushkin University
g.cherkasskaya@lengu.ru

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ПОСЛЕВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ:
ВОЗМОЖНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
СТАНДАРТА И ТЕХНОЛОГИЙ**

**DIGITALIZATION OF ECONOMIC
POST-GRADUATE EDUCATION:
OPPORTUNITIES FOR EDUCATIONAL
STANDARDS AND TECHNOLOGIES**

Аннотация. В статье рассмотрены особенности федерального государственного образовательного стандарта послевысшего образования по направлению «Экономика», имеющие значение для определения и применения типа технологий обучения. Представлен экспресс-анализ организационных и теоретико-методологических оснований применения цифрового обучения при подготовке кадров высшей квалификации в сфере экономики на базе Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Сделан вывод об ограниченности возможностей применения цифровых технологий при подготовке кадров высшей квалификации по направлению «Экономика» как в силу сложившихся в российской науке традиций, так и установленных ФГОС требований к подготовке научно-педагогических кадров в аспирантуре.

Annotation. The article discusses the features of the Federal state educational standard of post-graduate education in the field of «Economics», which are important for determining and applying the type of learning technologies. An express analysis of the organizational and theoretical and methodological foundations for the digital learning application in the training of highly qualified personnel in the field of economics at Pushkin Leningrad State University is presented. It is concluded that the use of digital technologies in the training of highly qualified personnel in the field of Economics is limited due to the traditions developed in Russian science, and due to the requirements established by the federal state educational standard for higher education for the training of teaching staff at the post-graduate course.

Ключевые слова: послевысшее образование, цифровое обучение, экономическое образование, федеральный государственный образовательный стандарт.

Keywords: post-graduate education, digital learning, economic education, Federal State Learning Standard.

В 2014 году в России был принят новый федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (ФГОС ВО) подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре по направлению подготовки кадров высшей квалификации 38.06.01 Экономика [1]. Этот стандарт практически полностью изменил подходы к организации образовательного процесса в аспирантуре, и установил новые требования к результатам обучения, в том числе, более полно выявилась педагогическая составляющая результата, а выдача диплома стала обязательной в случае защиты выпускной работы (диссертации) в ходе государственной итоговой аттестации (без обязательной защиты на диссертационном совете). Новый ФГОС, равно как и цели, задачи и формы подготовки специалистов высшей квалификации, в том числе, в экономических науках, активно обсуждался специалистами, имеющими разные и сходные позиции [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12;

14; 16]. Прошло более пяти лет после его принятия, и считаем возможным подвести некоторые итоги эффективности новых подходов к организации обучения в аспирантуре, акцентируя внимание пока на цифровых технологиях. Цель статьи – показать границы возможности и необходимости применения цифрового обучения в аспирантуре по экономическим направлениям в условиях современной системы образования.

В данном ФГОС указано, что при «реализации программы аспирантуры организация вправе применять электронное обучение и дистанционные образовательные технологии. Каждый обучающийся в течение всего периода обучения должен быть обеспечен индивидуальным неограниченным доступом к одной или нескольким электронно-библиотечным системам (электронным библиотекам) и к электронной информационно-образовательной среде организации... [которые] должны обеспечивать возможность доступа

обучающегося из любой точки, в которой имеется доступ к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – сеть «Интернет») [1, с. 9]. ФГОС среди прочего устанавливает обязательность доступности учебных планов, рабочих программ дисциплин и практик, изданий электронных библиотечных систем и электронных образовательных ресурсов, указанных в рабочих программах; возможность проведения всех видов занятий и процедур оценки результатов обучения с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий; а также, организацию взаимодействия между участниками образовательного процесса, в том числе синхронного и (или) асинхронного взаимодействия посредством сети «Интернет». Таким образом, с учетом специальных (информационно-коммуникационных) дисциплин для обучающихся в аспирантуре обязателен тот же спектр информационных технологий, что и для предыдущих степеней обучения.

Между тем, в России обучение в аспирантуре традиционно базируется на технологиях личного общения между аспирантом и научным руководителем и совместной работы в рамках научной школы, научного направления и проч., обеспечивающих преемственность поколений научных работников и формирование особой культуры этической научно-исследовательской работы. Особое значение это всегда имело для общественных наук. В этой связи возникает вопрос, каким образом и в каких инструментах требования ФГОС можно реализовать при подготовке аспирантов по направлению «Экономика»?

Прежде всего, следует отметить, что после высшего направления «Экономика» в России закрывает ряд конкретных научных специальностей как в области экономических наук (08.00.00), так и других общественных (социальных) наук (социология (22.00.03 Экономическая социология и демография) и география (25.00.24 Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география)). Кроме того, специальность 08.00.13 Математические и инструментальные методы экономики имеет двойное подчинение (экономические и физико-математические науки). Соответственно, по нашему мнению, именно профиль образовательной программы, соответствующий той или иной научной специальности, в первую очередь будет определять спектр и широту применения цифровых технологий в обучении. В экономических науках наиболее «цифровым» может быть обучение по специальности 08.00.13 как наиболее математической, остальные специальности в этом смысле, безусловно, остались далеко позади.

В Ленинградском государственном университете имени А.С. Пушкина одним из двух реализуемых образовательных программ по направлению «Экономика» является образовательная программа, осуществляющая подготовку кадров высшей квалификации по научной специальности 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности, в т.ч.: экономика труда). Первоначально руководителем данной программы был профессор

Г.Г. Зайцев, признанный авторитет в области экономики и социологии труда и управления персоналом [2], еще в прошлом веке готовивший новое поколение научно-педагогических работников в этой области.

Основная профессиональная образовательная программа высшего образования по направлению подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре 38.06.01 Экономика, профиль Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности, в т.ч.: экономика труда) разработана в ЛГУ имени А.С. Пушкина с учетом потребностей регионального рынка труда на основе соответствующего федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре. Нормативный срок освоения ОПОП ВО по направлению подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре 38.06.01 Экономика составляет 3 года при очной форме обучения и 4 года при заочной форме обучения.

Согласно содержанию паспорта научной специальности 080005, объектом научного исследования аспирантов, обучающихся по указанному выше профилю, могут быть «экономические системы различного масштаба, уровня, сфер действия, форм собственности и субъекты управления экономическими системами (государственные, транснациональные, региональные, корпоративные управленческие структуры, а также, менеджеры как субъекты управления), в том числе наемные работники, трудовые коллективы и работодатели; рынок труда, занятость и безработица; организация и нормирование труда; доходы и заработная плата в Российской Федерации, её регионах, в отраслях и на предприятиях всех организационно-правовых форм; прогрессивные международные нормы и стандарты в области экономики труда и социально-трудовых отношений».

Поступающие в аспирантуру на данную образовательную программу в настоящее время должны обладать экономическими знаниями на уровне высшего образования (специалитет, магистратура) и сформированными навыками научно-исследовательской работы, достаточными для исполнительской и самостоятельно организованной научной деятельности.

Однако выходными результатами по программе являются не только исследовательские компетенции по выбранной области исследований, но и преподавательские компетенции, связанные с тем, что наличие диплома об окончании программы дает право вести преподавательскую работу в высших учебных заведениях без научной степени. Требуемая готовность к преподаванию делает актуальным вопрос о медиакультуре педагога, что важно для школы любой ступени [4], а также о его мировоззрении [15].

Отметим, что экономические науки предполагают научную работу и прикладного, и фундаментального характера. В этой связи, естественным для данной образовательной программы является формирование учебного плана с упором на

научную специализацию «Экономика труда» (курсы: «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности, в т.ч. экономика труда)», «Современные проблемы экономики труда и трудовых отношений», «Труд и трудовые отношения», «Социальное партнерство в сфере труда»), преподавательские и социальные компетенции (курсы: «Педагогика и психология высшей школы», «Организация образовательного процесса в вузе», «Общая теория социальной защиты»), а также актуализацию, систематизацию и повышение этичности научно-исследовательских компетенций (курсы «История и философия науки», «Иностранный язык», «Информационно-коммуникационные технологии в образовании и научно-исследовательской деятельности»).

Соответственно, как мы видим, часть курсов, безусловно, может давать обучающимся цифровые знания в части актуальных методик и методов проведения прикладных и фундаментальных научных исследований в избранной области экономики, а также, новых технологий преподавания экономических дисциплин. Для поддержания актуальности такие специальные курсы должны ежегодно пересматриваться и дополняться по мере развития соответствующих методов, техник и технологий, например, научного проектирования [5], а также, новых программных продуктов (статистическая обработка данных, построение эконометрических моделей и проч.) и оборудования.

Понятно, что практически все предметы из перечисленных выше также могут преподаваться дистанционным способом (при необходимости), и даже быть вынесены на самостоятельное изучение, в том числе, в рамках электронных библиотек. Иная ситуация с авторскими курсами, которые не представлены в электронной библиотеке [3; 13] – их освоение требует личного общения и обсуждения в ходе традиционных аудиторных занятий (лекций и практических занятий), которые, тем не менее, с определенными оговорками также могут проходить в формате видеоконференций, веб-семинаров и проч.

Практическое обучение по образовательной программе включает практики (научно-исследова-

Литература:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования. Подготовка кадров высшей квалификации. Направление подготовки 38.06.01 Экономика, утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 30 июля 2014 г. № 898.
2. *Зайцев Г.Г.* Управление человеческими ресурсами : учебник / Г.Г. Зайцев, Г.В. Черкасская, М.Л. Бадхен. М. : Издательский центр «Академия», 2014. 304 с.
3. *Бадхен М.Л.* Социальное партнерство: концепция и реализация : монография / М.Л. Бадхен, Г.В. Черкасская. СПб. : Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2008. 268 с.

тельную, педагогическую) и масштабную научно-исследовательскую работу, результатом которой к концу программы должна стать не только сама диссертация, но и печатные работы (как минимум три статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах), и апробация результатов путем участия в научных конференциях и других научных мероприятиях. Если научно-исследовательская практика и научно-исследовательская работа в соответствии с характером и особенностями современных экономических исследований могут быть достаточно автономными, не требующими личного присутствия аспиранта в образовательном учреждении с учетом возможностей телекоммуникационных средств связи и доставки информации, то педагогическая практика в принципе не может осуществляться иным способом, кроме личного контакта аспиранта со студентами под руководством научного руководителя, пусть и в режимах on- и off-line. Соответственно, именно педагогические компетенции, пусть и не знания, но умения и навыки/владения, в обязательном порядке требуемые ФГОС, не предполагают значительной цифровой составляющей при своем формировании.

Таким образом, экспресс-анализ показал, что применение цифровых технологий при подготовке кадров высшей квалификации по направлению «Экономика» носит объективно ограниченный характер и в силу сложившихся в российской науке традиций, и в силу установленных федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования требований к подготовке научно-педагогических кадров в аспирантуре.

Более того, по нашему мнению, активное применение современных способов сбора, обработки и обмена научной информацией, равно как и организации коммуникаций и общения преподавателей и обучающихся, должно осуществляться только в той мере, в какой не сможет сказываться на качестве преемственности науки в современном обществе, одновременно позволяя сохранять высокий уровень культуры и этичности научной деятельности.

Literature:

1. Federal State Education Standard for Higher Education. Uro-vein of higher education. Training of highly qualified personnel. Direction of Podgotki 38.06.01 Economy, utv. by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated July 30, 2014 № 898.
2. *Zaitsev G.G.* Management of human resources : textbook / G.G. Zaitsev, G.V. Cherkasskaya, M.L. Badchen. M. : Publishing Center «Akademiy», 2014. 304 p.
3. *Badchen M.L.* Social partnership: concept and implementation : monograph / M.L. Badchen, G.V. Cherkasskaya. SPb. : A.S. Pushkin Leningrad State University, 2008. 268 p.

4. *Бороненко Т.А.* Оценка медиакультуры учителя как компонента его квалификационного портрета / Т.А. Бороненко, А.В. Кайсина, В.С. Федотова // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 4. С. 34–63.
5. *Бороненко Т.А.* Проектирование в научно-исследовательской деятельности аспирантов : учебное пособие / Т.А. Бороненко, О.В. Львова, В.С. Федотова. СПб. : Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2015. 240 с.
6. *Герасимова В.Г.* Цифровое образование: модели, платформы и технологии / В.Г. Герасимова, Ю.Д. Романова, Л.П. Дьяконова, М.Р. Меламуд, П.А. Музычкин, П.Е. Коваль, Н.А. Женова, А.А. Неделькин. М., 2019.
7. *Караваяева Е.В.* Первый опыт разработки и реализации программ подготовки научно-педагогических кадров как программ третьего уровня высшего образования: выявленные проблемы и возможные решения / Е.В. Караваяева, В.В. Маландин, С.А. Пилипенко, И.Г. Телешова // Высшее образование в России. 2015. № 8–9. С. 5–15.
8. *Куприяновский В.П.* Навыки в цифровой экономике и вызовы системы образования / В.П. Куприяновский, В.А. Сухомлин, А.П. Добрынин, А.Н. Райков, Ф.В. Шкуров, В.И. Дрожжинов, Н.О. Федорова, Д.Е. Намиот // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Т. 5. № 1. С. 19–25.
9. *Петров В.Л.* Модели программы подготовки кадров высшей квалификации в аспирантуре / В.Л. Петров, Ю.Е. Бабичев // Высшее образование в России. 2017. № 7. С. 5–14.
10. *Попова Н.Г.* Подготовка молодых учёных в аспирантуре: поиск единого ориентира / Н.Г. Попова, Е.В. Биричева // Высшее образование в России. 2017. № 1. С. 5–14.
11. *Райчук Д.Ю.* О позиционировании аспирантуры в структуре высшего образования / Д.Ю. Райчук, Н.В. Минина // Высшее образование в России. 2016. № 4. С. 33–40.
12. *Сенашенко В.С.* Проблемы организации аспирантуры на основе ФГОС третьего уровня высшего образования // Высшее образование в России. 2016. № 3. С. 33–43.
13. *Черкасская Г.В.* Введение в общую теорию социальной защиты : монография. СПб. : Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2019. 380 с.
14. *Черкасская Г.В.* Управление экономическим образованием: смыслы и пределы стандартизации // Экономика нового мира. 2018. № 4(12). С. 51–100.
15. *Черкасская Г.В.* Целеполагание в российском образовании: проблемы и перспективы // научный журнал «Вестник Ленинградского государственного
4. *Boronenko T.A.* Assessment of the media culture of the uchibody as a component of his qualification portrait / T.A. Boronenko, A.V. Kaysina, V.S. Fedotov // Education and science. 2018. Т. 20. № 4. С. 34–63.
5. *Boronenko T.A.* Design in the research activities of graduate students : textbook / T.A. Boronenko, O.V. Lvova, V.S. Fedotova. SPb. : A.S. Pushkin Leningrad State University, 2015. 240 p.
6. *Gerasimova V.G.* Digital education: models, platforms and technologies / V.G. Gerasimova, Yu.D. Romanova, L.P. Dyakonova, M.R. Melamud, P.A. Muzychkin, P.E. Koval, N.A. Zhenova, A.A. Nedelkin. M., 2019.
7. *Karavaeva E.V.* First experience in the development and implementation of programs for the training of scientific and pedagogical personnel as programs of the third level of higher education: identified problems and possible solutions / E.V. Karavaeva, V.V. Malandin, S.A. Pilipenko, I.G. Teleshova // Higher education in Russia. 2015. № 8–9. P. 5–15.
8. *Kupriyanovsky V.P.* Skills in Digital Economics and Challenges of the Educational System / V.P. Kupriyanovsky, V.A. Sukhomlin, A.P. Dobrynin, A.N. Raikov, F.V. Shkurov, V.I. Drozhzhinov, N.O. Fedorova, D.E. Namiot // International Journal of Open Information Technologies. 2017. Vol. 5. № 1. P. 19–25.
9. *Petrov V.L.* Models of the graduate training program / V.L. Petrov, Yu.E. Babichev // Higher education in Russia. 2017. № 7. P. 5–14.
10. *Popova N.G.* Training of young scientists in graduate school: search for a single guideline / N.G. Popov, E.V. Biricheva // Higher education in Russia. 2017. № 1. P. 5–14.
11. *Raichuk D.Yu.* On the positioning of graduate tours in the structure of higher education / D.Yu. Raichuk, N.V. Minina // Higher education in Russia. 2016. № 4. P. 33–40.
12. *Senashenko V.S.* The problems of organizing aspirantes on the basis of GEF of the third level of higher education // Higher education in Russia. 2016. № 3. P. 33–43.
13. *Cherkasy G.V.* Introduction to the general theory of social protection: monograph. SPb. : Lenin-City State University named after A.S. Pushkin, 2019. 380 p.
14. *Cherkasskaya G.V.* Management of economic education: meanings and limits of standardization // Economics of the new world. 2018. № 4(12). P. 51–100.
15. *Cherkasy G.V.* Purpose in Russian education: problems and prospects // scientific journal «Bulletin of Leningrad State University named after

университета им. А.С. Пушкина». Т. 6: Экономика. СПб. : ЛГУ имени А.С. Пушкина. 2015. № 2. С. 93–101.

16. *Шестак В.П.* Аспирантура как третий уровень высшего образования: дискурсивное поле / В.П. Шестак, Н.В. Шестак // Высшее образование в России. 2015. № 12. С. 22–34.

A.S. Pushkin». Vol. 6: Economics. SPb. : Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2015. № 2. P. 93–101.

16. *Shestak V.P.* Graduate school as the third level of higher education: discursive field / V.P. Shestak, N.V. Shestak // Higher education in Russia. 2015. № 12. P. 22–34.

Чикин Ян Михайлович

магистр кафедры
экономики промышленности,
учета, анализа и аудита,
Московский авиационный институт,
Национальный
исследовательский университет
chikin-yan@rambler.ru

Суркова Екатерина Валерьевна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики
промышленности, учета, анализа и аудита,
Московский авиационный институт,
Национальный
исследовательский университет
surkovaev@mai.ru

**МЕТОД ОЦЕНКИ ОБЪЕКТОВ
ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ
КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ
В СФЕРЕ ЖИЛИЩНОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА**

Аннотация. Разделение объектов жилой недвижимости мера необходимая, связана она с неоднородностью людей, являющихся потребителями этих объектов. Кроме того, влияние на разделение оказывает еще и уровень научного-технического прогресса общества, традиции, присущие, тому или иному обществу. Статья посвящена актуальной проблеме дифференциации объектов жилой недвижимости по степени комфортности. Предложен метод дифференциации объектов жилой недвижимости по степени комфортности, предусматривающий деление на классы объектов жилой недвижимости и формируемой ими пространственной среды.

Ключевые слова: объект жилой недвижимости, дифференциация объектов жилой недвижимости, оценка объектов жилой недвижимости.

Введение. Разделение объектов жилой недвижимости по присущим им основным характеристикам – стадии жизненного цикла, форме собственности (социальный наем, собственность), а также, по потребительским характеристикам – площадь объекта, расположение объекта и др. – есть дифференциация объекта жилой недвижимости.

Разделение объектов жилой недвижимости мера необходимая, связана она с неоднородностью людей, являющихся потребителями этих объектов. Кроме того, влияние на разделение оказывает еще и уровень научного-технического

Yan M. Chikin

Master of the Department
of Industrial Economics,
Accounting, Analysis and Audit,
Moscow Aviation Institute,
National Research University
chikin-yan@rambler.ru

Ekaterina V. Surkova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor
Department of Industrial Economics,
Accounting, Analysis and Audit,
Moscow Aviation Institute,
National Research University
surkovaev@mai.ru

**THE METHOD OF RESIDENTIAL
REAL ESTATE ASSESSMENT
AS A MANAGEMENT TOOL
IN THE RESIDENTIAL
CONSTRUCTION SPHERE**

Annotation. The division of residential properties is a necessary measure, it is associated with the heterogeneity of people who are consumers of these objects. In addition, the level of scientific and technological progress of society, traditions inherent in a society, also has an impact on the division. The article is devoted to the actual problem of differentiation of residential real estate by the degree of comfort. A method of differentiation of residential real estate objects according to the degree of comfort is proposed, providing for the division into classes of residential real estate objects and the spatial environment formed by them.

Keywords: residential property, differentiation of residential real estate, appraisal of residential real estate.

прогресса общества, традиции, присущие, тому или иному обществу.

После развития жилищно-строительной сферы развивается рынок жилья. По итогам развития жилищно-строительной сферы и, вследствие этого изменения положения дел на рынке новостроек или первичного жилья, появляются объекты с соответствующими существующим в данный момент времени характеристиками. Положение дел на рынке жилья напрямую зависит от сложившейся ситуации в жилищно-строительной сфере. Привлечение инвестиций для реконструкции уже имеющегося фонда объектов и его

расширения за счет строительства новых – все это есть работа сферы жилищного строительства [1].

Вопрос о наличии методологического инструментария, позволяющего производить сравнительную оценку объектов жилой недвижимости по степени комфортности, возникает в случае рассмотрения проблемы степени (уровня) удовлетворения потребности покупателя жилья.

При этом производится оценка степени удовлетворения приобретателя объекта жилой недвижимости на основе предъявляемых требований со стороны приобретателя. Оцениваются качественные и количественные показатели, характеризующие качество и способность удовлетворения заявленных потребностей для объектов жилой недвижимости и окружающей жилой среды. Оценке подлежат такие параметры, характеризующие потребительские качества, как: местоположение объекта жилой недвижимости, качество исполнения и характеристики здания, в котором

приобретается объект жилой недвижимости. Местоположение объекта жилой недвижимости принимается во внимание, когда речь заходит как о расположении внутри самого здания, так и расположение объекта – удаленность от основных автомагистралей, а также от основных транспортно-пересадочных узлов.

Обзор подходов к дифференциации объектов жилой недвижимости.

На данный момент, основной метод разделения или дифференциации жилья по классам комфортности, ведет к разделению групп объектов на такие классы, как: эконом-класс, бизнес-класс, элит-класс.

Согласно подходу, основанному на Методологических положениях по наблюдению за уровнем и динамикой цен на рынке жилья [2], на рынке жилья могут быть выделены следующие типы квартир (рис. 1).

Рисунок 1 – Типы квартир на рынке жилья, согласно Методологическим положениям по наблюдению за уровнем и динамикой цен на рынке жилья

В 2012 году Национальным советом Российской Гильдии риелторов была введена Единая методика классификации жилых новостроек по потребительским качествам (классам) [3]. Методика, предложенная Российской Гильдией риелторов,

была разработана по заказу Федерального фонда содействия развития жилищного строительства.

Классификация распространяется на многоквартирные жилые здания с высотой до 75 метров. В

их число также входят и общежития квартирного типа, жилые помещения, входящие в состав помещений зданий другого функционального назначения.

Руководствуясь предложенной методикой, рынок первичного многоквартирного жилья, выделяют четыре класса (рис. 2).

Рисунок 2 – Классификация жилья по потребительскому качеству, согласно Российской Гильдии риелторов

Структура классов качества жилья, согласно этой методике, выглядит так:

- массовая жилищная недвижимость, в состав которой входит жилье эконом-класса и комфорт-класса;
- жилищная недвижимость повышенного качества, в состав которой входит жилье бизнес-класса и жилье элит-класса.

Дополнительно отметим, что жилье эконом и комфорт классов могут быть объединены в группу массового жилья, а жилье бизнес-класса и элит-класса могут быть объединены в группу жилья, так называемого, повышенного качества. На классы разделение жилья происходит по признакам обязательным или отсекающим, и факультативным, или опциональным (табл. 1) [3].

Таблица 1

Признаки, используемые для определения классов

Обязательные признаки (Отсекающие признаки)

- Архитектура
- Несущие и ограждающие конструкции
- Объемно-планировочные решения
- Внутренняя отделка общественных зон
- Общая площадь квартир
- Площадь кухни
- Инженерное обеспечение
- Придомовая территория двора и безопасность
- Инфраструктура дома
- Параметры парковочной зоны

Факультативные признаки (Опциональные признаки)

- Остекление
- Внутренняя отделка квартир
- Характеристика входных групп и дверных блоков (вход в квартиру)
- Внешнее окружение и наличие социальной инфраструктуры в районе

Класс проекта может быть снижен из-за несоответствия критериям объекта по обязательному признаку, в то время, как несоответствие рассматриваемого объекта недвижимости по факультативным признакам не подразумевает снижения класса проекта.

Приведенная классификация имеет ряд существенных недочетов. Первый недостаток связан с тем, что классификационные признаки, не охватывают всех предъявляемых потребителем требований, то есть, они являются слишком узкими и поэтому не подходят в полной мере. Вторым недостатком является то, что параметры признаков

по многим позициям трактуются без привязки к конкретным значениям. Конкретные значения того или иного параметра позволили бы произвести разграничение степени комфортности пространственной жилой среды.

Метод, основанный на классификации жилья по потребительскому качеству, разработанный Российской Гильдией риелторов, наиболее широко распространен и наиболее широко применяется в нынешнее время, когда встает вопрос о необходимости разделения жилой недвижимости на классы.

Еще один подход к дифференциации жилой недвижимости – это дифференциацией жилой недвижимости, принятая Росстатом. Несмотря на то, что при ее применении учитываются такие параметры оценки, как из какого материала возведен объект, этажность объекта; метраж и планировка составляющих объекта – квартир, а также степень их благоустройства. Однако ключевым ее недостатком является то, что при ее использовании не учитывается такой важнейший для потребителя параметр объекта, как степень обустройства придомовой территории объекта – наличие в непосредственной близости от рассматриваемого объекта жилой недвижимости параметров социальной, бытовой и транспортной инфраструктуры.

Существует еще несколько методов и классификаций объектов жилой недвижимости. Они также, как и приведенные выше методы, не позволяют составить целостную картину рассматриваемого вопроса. В связи с этим, авторами предложен метод дифференциации объектов жилой недвижимости по степени комфортности.

Метод дифференциации объектов жилой недвижимости по степени комфортности.

Метод дифференциации объектов жилой недвижимости по степени комфортности основывается на следующих основных характеристиках:

- комфортность представляет собой обобщенную характеристику степени комфортности жилой среды;

- комфорт – это есть совокупность свойств объектов жилой недвижимости и формируемой ими пространственной среды связанных с достигаемым с его помощью результатом, которым является степень комфортности;

- иерархическая структура образуется из всех свойств, формирующих комфортность каждого уровня жилой пространственной среды. Первый ярус – самое сложное свойство, который представляет собой окончательный индикатор – степень комфортности;

- покупатель принимает во внимание все потребительские свойства окружающей пространственной среды, при определении комфортности жилищных условий.

Метод заключается в присвоении весовых коэффициентов для каждого из рассматриваемых критериев оценки комфортности объектов жилой недвижимости и формируемой ими пространственной среды. Критерии оценки приведены в таблице 2.

Значения весовых коэффициентов выведены с использованием литературных источников [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13], а также путем синтеза и анализа имеющейся информации и имеющихся данных.

Таблица 2

Система критериев оценки комфортности объектов жилой недвижимости и формируемой ими пространственной среды

Зоны воздействия факторов, формирующих комфортность объектов жилой недвижимости

<i>Жилое помещение</i>	<i>Жилое здание</i>	<i>Прилегающая территория жилого здания или комплекса жилых зданий с инфраструктурой</i>
Комфортность-объемно-планировочных решений;	Состояние объекта;	Тип жилой зоны, определяющий плотность застройки;
Обеспеченность естественным освещением;	Качество архитектурного облика здания;	Транспортная доступность;
Звуковой комфорт;	Удобство архитектурно-планировочных решений;	Расположение объекта в поселении;
Воздушно-тепловой комфорт;	Контроль и управление системами инженерного обеспечения здания;	Доступность общественного транспорта;
Световой комфорт;	Наличие вспомогательных помещений внутри здания для совместного пользования жителями;	Доступность объектов социально-бытовой инфраструктуры;
Внутреквартирная отделка	Обеспечение безопасности жителей и качество зон общего пользования внутри здания;	Обеспеченность придомовой территории физкультурно-оздоровительными, спортивными сооружениями и спортивными площадками;
	Качество строительных материалов;	Озелененность территории;
	Качество санитарной защиты	Инсоляция прилегающей территории;
		Акустическая защита придомовой территории;
		Безопасность и благоустройство прилегающей территории;
		Близость водной среды и визуальный комфорт;
		Обеспеченность стоянками для автомобилей;
		Доступность экологического транспорта

Выводы. Таким образом, благодаря разработанному методу, появляется возможность проведения более точной классификации объектов по степени комфортности за принятие во внимание большего числа параметров, нежели в ранее разработанных и используемых методах. Параметры признаков в этом методе имеют привязку к конкретным значениям. Конкретные значения того или иного параметра позволяют произвести разграничение по степени комфортности пространственной жилой среды. Благодаря разра-

ботанному методу, потребители из групп каждого уровня достатка, каждый из которых выбирает себе жилье по подходящим для них параметрам уровня потребительского качества, смогут наилучшим образом сформулировать свой спрос. Продавцы же, в свою очередь, основываясь на желаниях каждого потребителя, с присущими его уровню потребительского качества параметрами, смогут наилучшим образом этот спрос удовлетворить.

Литература:

1. *Бондалетова Н.Ф.* Организационно-экономические аспекты повышения инвестиционной привлекательности инноваций на рынке жилой недвижимости : дис. ... канд. Экон. Наук : 08.00.05 / Бондалетова Наталья Федоровна. М., 2013. 156 с.
2. Об утверждении Методологических рекомендаций по наблюдению за уровнем и динамикой цен на рынке жилья (с изменениями на 30 июля 2015 года): приказ Министерства экономического развития Российской Федерации Федеральная служба государственной статистики от 20 января 2009 г. № 7 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Единая классификация многоквартирных жилых новостроек. URL : <http://realtymarket.ru/docs/pdf/ekmzhd.pdf>
4. ГОСТ 30494-2011 Здания жилые и общественные. Параметры микроклимата в помещениях. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200095053>
5. ГОСТ ИСО 14644-1-2002 Чистые помещения и связанные с ними контролируемые среды. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200032260>
6. ГОСТ Р 56165-2014 Качество атмосферного воздуха. Метод установления допустимых промышленных выбросов с учетом экологических нормативов. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200113826>
7. СП 31-107-2004 Архитектурно-планировочные решения многоквартирных жилых зданий. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200038763>
8. СП 42.13330.2011 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200084712>
9. СП 50.13330.2012 Тепловая защита зданий. Актуализированная редакция СНиП 23-02-2003. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200095525>
10. СП 51.13330.2011 Защита от шума. Актуализированная редакция СНиП 23-03-2003. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200084097>
11. СП 52.13330.2011 Естественное и искусственное освещение. Актуализированная редакция СНиП 23-05-95. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200084092>
12. СИ 54.13330.2016 Здания жилые многоквартирные. Актуализированная редакция СНиП 31-01-2003 // СПС «КонсультантПлюс».
13. СТО НОСТРОЙ 2.35.4-2011 «Зеленое строительство». Здания жилые и общественные. Рейтинговая система оценки устойчивости среды обитания. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200087581>

Literature:

1. *Bondaletova N.F.* Organizational and economic aspects of increasing the investment attractiveness of innovations in the residential real estate market : dis. ... cand. econ. sciences: 08.00.05 / Bondaletova Natalia Fedorovna. M., 2013. 156 p.
2. On the approval of the Methodological Recommendations for monitoring the level and dynamics of prices in the housing market (as amended on July 30, 2015): order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation Federal State Statistics Service of January 20, 2009. № 7 // SPS «ConsultantPlus».
3. Unified classification of multi-apartment residential new buildings. URL : <http://realtymarket.ru/docs/pdf/ekmzhd.pdf>
4. GOST 30494-2011 Residential and public buildings. Microclimate parameters in the premises. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200095053>
5. GOST ISO 14644-1-2002 Cleanrooms and associated controlled environments. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200032260>
6. GOST R 56165-2014 Air quality. A method for establishing permissible industrial emissions taking into account environmental standards. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200113826>
7. SP 31-107-2004 Architectural and planning solutions for multi-apartment residential buildings. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200038763>
8. SP 42.13330.2011 Urban planning. Planning and development of urban and rural settlements. Updated edition of SNiP 2.07.01-89. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200084712>
9. SP 50.13330.2012 Thermal protection of buildings. Updated edition of SNiP 23-02-2003. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200095525>
10. SP 51.13330.2011 Noise protection. Updated edition of SNiP 23-03-2003. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200084097>
11. SP 52.13330.2011 Natural and artificial lighting. Updated edition of SNiP 23-05-95. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200084092>
12. SI 54.13330.2016 Residential apartment buildings. The updated edition of SNiP 31-01-2003 // SPS «ConsultantPlus».
13. STO NOSTROY 2.35.4-2011 «Green building». Residential and public buildings. Rating system for assessing the sustainability of the environment. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200087581>

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 19.11.2020
Подписано в печать 23.11.2020
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 11,1
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 55

e-mail: [id.yug2016@gmail.com](mailto: id.yug2016@gmail.com)